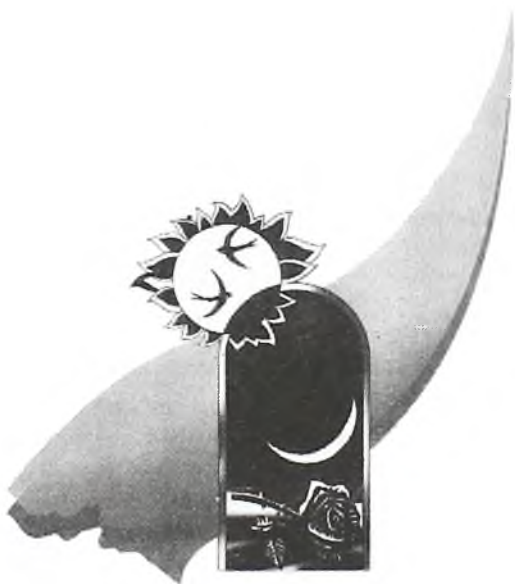

Абдулла Кадыри

МИНУВШИЕ ДНИ

400947

Et'kan kunlar

ТАШКЕНТ
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ИЗДАТЕЛЬСКО-ПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ
АКЦИОНЕРНОЙ КОМПАНИИ «SHARQ»
2009

Редакционный совет:

Абдулла Арипов, Омонулла Юнусов,
Ахрор Ахмедов, Мухаммад Али, Тахир Малик,
Толиб Каноатов, Вера Сайкина

Перевод

Мухаммаднодира Сафарова

Ответственный за издание:

Ислам Шагулямов

Ответственный редактор:

Борис Голендер

Оформление художников:

Гульчехры и Нодира Шоабдурахимовых

Непросто складывалась литературная судьба романа. Первый перевод книги на русский язык был сделан с купюрами, из «Минувших дней» выпало главное: достоверность, потерялась оригинальная авторская интонация.

Новый перевод романа Абдуллы Кадыри «Минувшие дни», выполненный М. Сафаровым, передает подлинный авторский текст. Русский читатель теперь сможет в полном объеме познакомиться с шедевром узбекской художественной прозы XX века, одним из самых значительных произведений национальной литературы.

ISBN 978-9943-00-412-2

© Главная редакция издательско-полиграфической
акционерной компании «Sharq», 2009.

ОТ АВТОРА

Поскольку мы вступили в новую эру, то, без сомнения, во всех своих начинаниях нам следует придерживаться прогрессивного духа эпохи, и веяние это, конечно же, подразумевает появление новых эпосов, романов и рассказов, а чувство писательского долга рождает в нас стремление создать для народа «Тахира и Зухру», «Четырех дервишей», «Фархада и Ширин», «Бахрамгура» нашего времени.

Задуманный мною роман «Минувшие дни» является малой попыткой, вернее, желанием творить на попроще знакомства с современной романистикой. Как известно, всякому новому начинанию на своем первичном этапе свойственны ошибки и недостатки, которые с приобретением опыта и навыков исправляются, и труд начинает приобретать заверченный вид. Вдохновленный осознанием сей мысли, я твердо решил попробовать свои силы, невзирая на отсутствие опыта и возможные недостатки в будущем.

Благое это дело, когда приступая к новому, оглядываешься на прошлое, гласит народная мудрость. Памятуя об этом, я решил посвятить свое повествование прошлому, недавно минувшим дням, самым кровавым, грязным и темным дням истории нашей — «времени последних ханов».

Абдулла Кадыри (Джулкунбай)

1926 г.

1. АТАБЕК, СЫН ЮСУФБЕКА-ХАДЖИ

Шел семнадцатый, зимний день месяца далв тысяча двести шестьдесят четвертого года хиджры¹, солнце зашло, с окрестностей доносились призывы к вечерней молитве...

Известный маргиланский караван-сарай с воротами, обращенными на юго-восток, был занят купцами из Ташкента, Самарканда и Бухары. За исключением одной-двух, все комнаты переполнены приезжими. После дневных забот постояльцы караван-сарая возвращаются под его кров, многие занялись приготовлениями к вечерней трапезе, и поэтому в пустовавшем днем помещении теперь, напротив, царит оживление: от неумолкающих разговоров, громкого хохота шум стоит невообразимый, и кажется, строение вот-вот взметнется к небесам.

В глубине двора — отличающаяся изысканным убранством уютная комната. Если в других комнатах полы устланы кошмами, то здесь — вместо них лежат ярко-красные ковры; если остальные снабжены бязевыми одеялами, здесь их заменяют курпачи из шелка и адраса; если везде коптят плошки, тут ревно пляшет пламя свечи. Да и обитатель помещения, не в пример легкомысленным, заводным постояльцам других комнат, держится иначе.

¹ *Хиджра* — бегство пророка Мухаммада из Мекки в Медину (16 июля 622 г.); с этого события ведется мусульманское летоисчисление. Указанная дата соответствует 7 февраля 1848 года.

Спокойный и сдержанный нрав, статное телосложение, красивое белокожее лицо, черные глаза, под стать которым черные брови и только-только пробирающиеся усики — таков облик юноши. Иными словами, среди помещений и постояльцев караван-сарая эта комната и ее жилец привлекают особенное внимание. Молодого человека, погруженного в одни лишь ему известные раздумья, звали Атабек, он был сыном именитого вельможи Ташкента — Юсуфбека-хаджи.

Во двор караван-сарая вошли двое и обратились к толпившимся у ворот:

— Здесь ли остановился Атабек?

Им указали на уже знакомое нам помещение, и посетители двинулись туда. Один из них, молодой человек небольшого роста, круглолицый, с редкой бородкой и усиками, примерно лет двадцати пяти, был сыном Зия-шахичи, очень состоятельного человека из Маргилана. Звали его Рахмат. Второй же, около тридцати пяти лет, долговязый, с черным, изъеденным оспой лицом, колючими глазами и взъерошенной бородой имел весьма неприятный вид. Довольно состоятельный, он, однако, прославился отнюдь не богатством, а прозвищем «Хамид-бабник», которое превратилось в неотъемлемую часть его имени, ибо, если кто-то называл его просто Хамид, люди не понимали, о ком идет речь. С Атабеком он не знаком, а Рахмату Хамид приходится близким родственником — дядей, шурином Зия-шахичи.

Оба вошли в помещение. Атабек, как и подобает, с почтением встретил их.

— Простите нас, бек¹-ака, — начал Рахмат, — мы побеспокоили вас своим визитом в неурочный час.

Приглашая гостей занять почетное место, Атабек с обезоруживающей любезностью возразил:

— Нет, что вы, не побеспокоили, напротив, — безмерно порадовали, ибо я впервые в вашем городе,

¹ Бек — правитель-начальник; в данном же случае — вежливое и уважительное обращение «господин».

ни с кем не знаком, а вынужденное отшельничество и скука порядком утомили меня.

Тем временем в комнату вошел еще один человек и тоже поздоровался. Хасанали, именно так звали этого старика, был лет шестидесяти, с продолговатым лицом, крутолобый, с почти желтыми круглыми глазами и длинной белоснежной бородой. Несмотря на бороду, в осанке и в цвете его лица признаки старости особо не просматривались.

Атабек усадил гостей к сандалу¹ и после краткой молитвы обратился к Хасанали:

— Как вы себя чувствуете, отец?

— Слава Аллаху, — ответил Хасанали, — немного полегчало. Видимо, угорел я.

— Я хотел вас кое о чем попросить...

— Приказывайте, сын мой.

— Благодарю, отец, тогда вскипятите-ка нам чаю.

— Будет сделано, мой бек.

Хасанали вышел. Рахмат, вновь справившись о здоровье Атабека, спросил:

— Бек-ака, кем вам приходится этот человек?

Атабек промолчал, затем взглянул на дверь и, убедившись, что старик далеко, лишь затем ответил:

— Это наш раб.

Что-то в этих словах заставило Хамида удивиться.

— Ваш раб?

— Именно.

Еще в детстве Хасанали был куплен дедом Атабека за пятнадцать золотых тилля у одного туркмена, который занимался кражей детей в Иране для их дальнейшей продажи. Раб Хасанали прожил в семье Атабека около пятидесяти лет, и за это время успел стать настоящим ее членом. Он был бесконечно предан своему хозяину Юсуфбеку-хаджи и в особенности его сыну — хаджи-заде Атабеку, на что те взаимно отвечали ему уважением и доверием. Когда Хасанали исполнилось тридцать лет, его жени-

¹ *Сандал* — низкий столик, который ставится над углублением в полу с горячими угольями; служит для согревания ног зимой.

ли на купленной рабыне, однако от этого брака детей не было, а если они и рождались, то вскоре умирали. Видимо, поэтому старик всю свою любовь и привязанность обратил на Атабека, ставшего ему как родным сыном. «Если после моей смерти он прочтет молитву из Корана за упокой души моей, вспомнит меня добрым словом, мол, жил когда-то на этом свете Хасанали-ата, мне этого будет предостаточно» — думалось ему. Он уже попросил Атабека об этом и взял с него соответствующие искренние заверения. Вот таким простодушным человеком был этот старик — раб.

После разговоров о Хасанали, Рахмат спросил:

— Бек-ака, что вы привезли из Ташкента?

— Да так, пустяки: материю, кожу для обуви, несколько казанов.

— На маргиланских рынках спрос на материю и кожу весьма велик, — вставил Хамид.

Атабек срезал щипцами нагар со свечи. За дастарханом царило некоторое отчуждение, беседа не клеилась, на сказанное кем-нибудь слово ответом было чаще долгое молчание. Впрочем, Рахмат пытался выйти из неловкого положения, стремясь поддерживать прервавшуюся беседу.

— Как вам наш Маргилан, бек-ака, понравился или...?

Отвечая на вопрос, Атабек вроде бы немного замялся и почувствовал неловкость.

— Как вам сказать... скорее, пришлось по душе, Маргилан ведь первый город нашего Туркестана по ткацкому делу.

Невнятный ответ заставил Хамида и Рахмата переглянуться. Перехвативший их взгляды Атабек, шутя, пояснил:

— С первого же дня в вашем Маргилане город стал тяготить меня. Ибо здесь у меня не было знакомых, я чувствовал себя чужеземцем. Однако с этого часа Маргилан предстает передо мной совершенно иным, поскольку в вашем лице я нашел близких друзей, которые решили навестить меня!

— Простите, бек-ака, — сказал Рахмат, — о вашем прибытии в Маргилан я узнал лишь сегодня от отца. Иначе, конечно же, не позволил бы вам затосковать.

— Действительно?

— Слово мое верное, — молвил Рахмат, — отец мой, оказываясь в Ташкенте, напрямик направляется к вам, а вы же останавливаетесь в караван-сарае. Так что уместнее было бы нам упрекнуть вас.

— Да, вы правы, — согласился Атабек, — однако, во-первых, для меня показалось затруднительным, расспрашивая, искать ваш дом, кроме прочего, караванщики были закреплены за этим караван-сараяем.

— Во всяком случае, это слабое оправдание.

Хасанали расстелил дастархан¹ и внес кумган².

Последовала традиционная церемония ухаживания за гостями. Хамид, обмакивая кусок лепешки в па-току, спросил:

— Сколько вам лет, бек?

Едва губы Атабека успели прийти в движение, как разливавший чай Хасанали ответил за него:

— Если Аллах дарует ему дни, то в этот год Обезьяны бек встретит двадцать четвертый год своей жизни.

— Так мне уже двадцать четыре, отец? — удивился бек. — По правде говоря, я и сам не знал своего возраста.

— Все верно, бек, вам — двадцать четыре года.

Хамид вновь обратился с вопросом:

— Вы женаты?

— Нет.

Хасанали, не удовлетворившись коротким «нет» Атабека, со своей стороны счел уместным пояснить:

— Хотя и были предприняты некоторые попытки найти для бека подходящую невесту, — уточнил он, — видно не суждено было такую найти, затем сам бек начал противиться женитьбе, как бы то ни было, и по сей день не можем сыграть свадьбу. Но

¹ Расстелил дастархан — поставил угощение перед гостями.

² Кумган — медный кувшин с носиком для мытья рук.

наш почтенный хаджи полон решимости сразу после возвращения из этой поездки женить бека.

— По моему разумению, женитьба — самое деликатное дело на свете, — сказал Рахмат и обернулся к Атабеку. — После женитьбы, наиглавнейшее, чтобы супруга соответствовала твоей природе, в противном случае, нет сложнее задачи на всем белом свете.

Атабек с пониманием воспринял произнесенное и сказал:

— Нет и тени сомнений в верности слов ваших, однако необходимо добавить, что поскольку жена должна соответствовать мужу, и супруг должен в полной мере подходить своей половине.

— Если по мне, то это не столь и важно, соответствовать жене или не соответствовать, — тон Хамида сквозил несогласием, — для жены довольно одного слова «муж»... Однако, как верно заметил племянник, главное, чтобы она подходила мужу.

Рахмат, улыбаясь, посмотрел на Атабека, который также сквозь ироничную улыбку краем глаза глядел на Хамида.

— Наша женитьба в руках родителей наших, — начал Рахмат, — что с того, если невеста не устраивает сына, решающее значение имеет тот факт, чтобы она устраивала родителей. В этом деле будущие жених и невеста не имеют права изъяслять свои желания, хотя подобный обычай нельзя признать разумным среди дозволенного шариатом. К примеру, я женился на девушке, понравившейся родителям... однако, хотя она и устраивает их, моей природе она чужда, и, как вы подметили, вероятно, и она чувствует по отношению ко мне отчужденность... Очень верно вы подметили, бек-ака.

Внимательно и сочувственно выслушав Рахмата, Атабек взглянул на Хамида, — что тот на это скажет.

— Слышишь, племянник, — обратился Хамид к Рахмату, — конечно же, ты женился по воле родителей, и нет места обиде на них. Раз супруга негодна твоей душе, возьми в жены другую подходящую, будет их две. А та тебя не устроила — женись на третьей. Не мужское это дело — кручиниться

и тонуть в печали из-за несоответствия характеров.

Ухмыльнувшись, Рахмат посмотрел на Атабека и затем ответил дяде:

— Ну и в чем смысл увеличения числа жен и дальнейших мучений с ними? По мне, прожить жизнь, связав себя только с одной любимой женой, есть самое разумное и богоугодное дело. К примеру, у вас вот две жены, в доме вашем ни минуты покоя, сплошные перебранки и ссоры.

— Для парней, подобных тебе, вправду и одной жены чересчур много, — засмеялся Хамид. — Да и что означает выражение «мучиться среди многих жен»? Если с плети твоей стекает кровь, пусть их будет сотня — жить будешь, не зная бед. До сего дня я живу с двумя женами, пресыщения от скандалов в себе не ощущаю, но и не могу сказать, что не вынашиваю мыслей о третьей жене.

— Дядя, на этом попроще равных вам не сыскать.

Распираемый гордостью Хамид взглянул на Атабека, который лишь усмехнулся в ответ на его слова.

Хасанали вышел готовить плов. Атабек угощал гостей чаем. Последними словами Хамида их спору был положен конец. Все трое, казалось, были погружены в собственные раздумья. Спустя некоторое время, Рахмат обратился к дяде:

— Вы не слышали, выдал ли Мирзакарим-ака свою дочь замуж?

Почему-то от этого вопроса Хамида всего передернуло, и он нехотя ответил:

— Об этом мне неизвестно. Предполагаю, что еще нет.

Желая вовлечь в беседу и Атабека, Рахмат обратился к нему:

— Живет у нас в Маргилане девушка одна... До чего же красавица! Представляется мне, что равную ей в ближайшей округе и не сыскать.

Хамид хмуро, исподлобья вперил свой взор в племянника. Рахмат же, не обращая на это внимания, продолжал:

— В городе нашем есть один купец по имени Мирзакаримбай, так вот она — дочь его. Полагаю, вы знаете Мирзакарим-ака, некоторое время он занимался финансовыми делами ханства в Ташкенте.

— Нет... Не знаю я его.

Пасмурное лицо Хамида становилось все более мрачным, и он проявлял заметное беспокойство, Рахмат же тем временем продолжал:

— Его двор построен на углу обувного ряда. Весьма состоятельный человек. Имеет знакомство со многими именитыми людьми Ташкента, в числе которых, вероятно, он знал и вашего отца.

— Все возможно, — ответил Атабек и почему-то невольно вздрогнул. По его лицу было видно, что он заволновался. Рахмат ничего не заметил, но Хамид уловил всплеск эмоций Атабека. Однако, было ли это результатом разговора или же простой случайностью, конечно же, нам неизвестно. Собеседники на некоторое время вновь замолчали.

— Бек-ака, когда же вы будете нашим гостем?

Вопрос Рахмата вывел Атабека из состояния задумчивости:

— Когда угодно будет Аллаху...

— Нет, бек-ака, — настаивал Рахмат, — вы назначьте определенный день, мы затем и пожаловали сюда.

— К чему утруждать вас?

— Здесь нет ничего затруднительного. Если позволите, мы переселим вас из караван-сарая к нам. А пока определите конкретный день и будьте нашим гостем... Отец очень желает пообщаться с вами и из ваших уст услышать о делах в Ташкенте.

— Мне не хотелось бы переезжать из этого караван-сарая, — ответил Атабек, — а вот посетить вашего отца я готов в любое время.

— Спасибо, бек-ака, не назначите ли все же день вашего визита?

— Я свободен, как вам известно, по вечерам, но если вам удобнее другое время, у меня не будет иной возможности, как согласиться.

— Будьте в здравии, — молвил Рахмат, — позовьте еще спросить вас: можно ли пригласить на

встречу незнакомых вам людей, не стеснит ли это вас? Хочу особо подчеркнуть, это близкие нашему кругу люди, среди них, к примеру, Мирзакарим-кутидор¹.

Атабек вновь смутился, однако, стараясь не показать вида, ответил:

— Как вам будет угодно.

После плова гости попрощались и вышли.

2. ЖЕНИХ, ДОСТОЙНЫЙ ХАНСКОЙ ДОЧЕРИ

Атабек, здороваясь с незнакомыми людьми в доме Зия-шахичи, внимательно их рассматривал. Заметив это, хозяин стал представлять присутствующих:

— Разве вы не знаете этих господ? Вот это — из близких друзей вашего отца, Мирзакарим-кутидор, а это андижанский купец Акрам-хаджи.

Мирзакариму, чернобровому, черноглазому, красивому и прекрасно одетому человеку было на вид лет сорок пять-пятьдесят, Акрам-хаджи же выглядел старше лет на десять. Атабек вновь внимательно посмотрел на Мирзакарима-кутидора.

— Весьма рад познакомиться с близкими друзьями отца, спасибо, ака², — и, обращаясь к Акрам-хаджи и Мирзакариму, учтиво продолжил, — отец наказал мне передать теплый привет его близким друзьям, таким, как вы.

— Спасибо, да благословит вас Аллах!

Среди собравшихся на угощение, устроенное в честь Атабека, помимо упомянутых выше мужей, были также Хамид, Рахмат и Хасанали. После церемонии знакомства взгляды Атабека и кутидора стали часто встречаться. Но стоило кутидору только раскрыть рот, чтобы о чем-то спросить Атабека, как Акрам-хаджи и Зия-шахичи заводили какой-нибудь

¹ *Кутидор* — человек, занимающийся разменом и обменом денег (меняла). Приставка к имени, означающая знатного и богатого купца (зачастую заменяет и само имя).

² *Ака* (дядя) — здесь почтительное обращение к старшему.

продолжительный диалог. Лишь когда взгляды Атабека и Мирзакарима пересеклись в очередной раз, кутидор, улыбнувшись, спросил:

— Бек, помните ли вы меня?

Атабек, внимательно и уважительно посмотрев на кутидора, ответил:

— Нет, ака.

— Сколько вам лет?

— Двадцать четвертый идет...

Кутидор, подсчитав в уме что-то, молвил:

— Конечно же, вы не можете меня помнить. Когда я вел торговые дела в Ташкенте, вам было примерно пять или шесть лет... Ощущение такое, что это происходило совсем недавно, и только вчера я гостил в вашем доме... На самом же деле, с тех пор минуло пятнадцать-двадцать лет, и вы уже взрослый молодой человек. Оказывается, жизнь — что выпущенная стрела!

— Так вы бывали в нашем доме?

— И не единожды я гостил у вас, — ответил кутидор, — тогда ваш дед был еще жив.

Сидевший поодаль, но вслушивавшийся в разговор Хасанали вмешался:

— В то время, когда этот господин посещал наш дом, вы, бек, были еще совсем ребенком. Он, бывало, и в караван-сарай брал вас с собой.

Атабек смущенно улынулся и глянул на кутидора:

— Сожалею, однако не могу вспомнить.

Кутидор порывался было еще что-то сказать, но его прервал Акрам-хаджи.

— Чем сегодня занимается ваш уважаемый отец?

— Он — советник правителя Ташкента.

— Азизбек и поныне правит Ташкентом?

— Именно.

— Да какой это бек! Скажите лучше Азиз-бача¹, — воскликнул вдруг Хамид и, посмотрев на Акрама-хаджи, усмехнулся. — Совсем еще недавно на

¹ *Бача* — мальчик-танцор, имевший обычно покровителей и содержателей.

празднествах хромого Мусульманкула этот самый Азиз-бача потешал гостей.

Сказав это, он обвел гордым взглядом присутствующих, будто сообщил что-то чрезвычайно важное, неизвестное другим. Видимо, неуместный выпад Хамида показался бестактным, гости переглянулись меж собой. Это обстоятельство вызвало на некоторое время всеобщее молчание, которое было нарушено вопросом Акрама-хаджи:

— А правду ли говорят, что ваш правитель чрезмерно суров?

— Истину говорите, — отвечал бек. — Народ сыт жестокостью Азизбека.

Ответ Атабека изумил не только Акрама-хаджи, но и других гостей.

Признание деспотизма покровителя собственного отца поистине казалось удивительным.

Азизбек снискал себе славу одного из самых злобных угнетателей — тиранов в туркестанских ханствах, о его жестокости к населению Ташкента в Фергане давно ходили легенды, однако же вопрос Акрам-хаджи, адресованный сыну наиболее приближенного к Азизбеку человека, был задан неспроста, а для проверки Атабека. Услышанное еще более изумило Акрама-хаджи, и он не преминул проявить интерес к причине такого отношения:

— Раз ваш отец является советником Азизбека, — развивал мысль Акрам-хаджи, — отчего бы ему хоть изредка не наставлять бека на правильный путь?

— Прошу прощения, уважаемый, — улыбнулся Атабек, — видимо, у вас нет достаточно ясного представления о должности моего отца... Исполнять роль советника при вынесении нашими беками какого-либо решения — есть задача невозможная. Хотя мой отец и является советником Азизбека, да к тому же еще его ближайшим собеседником, однако прислушивается он к советам моего отца лишь по вопросам, не имеющим особого значения. Позвольте, приведу вам один пример, имевший место совсем недавно: на одной из частных пятничных пирушек один человек начал восхвалять Азизбека, на что

400941

другой возразил: «И чего это ты расхваливаешь его? Азизбек всего лишь бача». Эти слова были немедленно донесены до ушей Азизбека находившимся неподалеку тайным доносчиком. На следующий день Азизбек вызвал к себе этих двоих, восхвалявшему была дарована высокая должность, второй же приговорен к казни... Мой отец, присутствовавший при вынесении приговора, обратился к Азизбеку с просьбой разъяснить ему вину приговоренного, на что ответом был лишь окрик Азизбека, обращенный к палачу: «Выводи скорее!» А когда мой отец повторил свою просьбу, Азизбек «пошутил»: «Может быть, заменить преступника на самого хаджи?»

— Отчего же народ не обратится с письменной жалобой к хану?

— О какой по счету жалобе вы говорите? — спросил Атабек. — Мы вместе с угнетенными и притесненными Азизбеком людьми направили уже десятую жалобу... На что же мы можем рассчитывать, коли советник хана сам по жестокости превосходит Азизбека. Однако в последнее время Азизбек в открытую проявляет пренебрежение к ярлыкам и указам из Коканда. Наши жалобы все зиждутся на мольбах — «и да проявит он повинование...», хотя, возможно, Коканд и закроет на них глаза. Как бы там ни было, а жители Ташкента пресытились жестокостью Азизбека, да и помощи не знают от кого ждать.

Взгляды Юсуфбека-хаджи теперь были ясны всем, а в особенности Акраму-хаджи, в дальнейшем эта тема не обсуждалась, и разговор пошел о другом.

Угощение было подготовлено с величайшей заботой и уважением к дорогому гостю. Время от времени Зия-шахичи и сын его Рахмат обращались к присутствующим, предлагая отведать новые кушанья, от чего аппетиты приглашенных только разыгрывались, однако никакие уговоры хозяев не могли заставить Атабека выйти из состояния глубокой задумчивости. Что за мысли занимали его и о ком он думал — об этом было трудно догадаться, однако вот что привлекало внимание: в раздумьях взор его

невольно останавливался на сидевшем напротив кутидоре, а если тот заглядывал ему в глаза, Атабек в растерянности переводил взгляд на блюда, которыми полнился дастархан... Состояние Атабека для прочих гостей было незаметно, лишь только Хамид внимательно и украдкой наблюдал за ним.

— Бек, а где вы бывали по торговым делам? — поинтересовался кутидор.

— Я посетил много наших городов. — ответил Атабек, — довелось побывать и в городе урусов Шамае¹.

— Вот как! Вы и в Шамае были? — изумленно спросил Зия-шахичи.

— Был в прошлом году, однако наша поездка совпала с не совсем благоприятным периодом, отчего пришлось перетерпеть множество трудностей.

— Вы, оказывается, настоящий купец, — восхитился кутидор, — мы вот в нашем возрасте и своих-то крупных городов не видывали, вы же дошли до русского Шамае.

— Идущий подобен реке, сидящий же — циновке², — заметил Акрам-хаджи.

В те времена мало кто из туркестанских купцов вел торговлю в русских владениях, и Атабек, повидавший за границу, вызвал почтительное отношение к себе со стороны присутствующих. Кутидор и Зия-шахичи слышали множество небылиц о русских, и им хотелось узнать правду от Атабека об увиденном им в Шамае.

— До поездки в Шамай я думал, что власть всюду такая же, как у нас, — уточнил бек, — однако Шамай полностью перевернул мое представление об этом, и ныне мне все видится по-иному. Я вынужден признать, что по сравнению с административными порядками у русских, наши устои напоминают жалкое подобие игры... Ума не приложу, что же нас

¹ *Шамай* — Семипалатинск. Один из городов, где во времена ханов шла торговля между русскими и туркестанскими купцами.

² Выражение равнозначно по смыслу пословице «Под лежащий камень вода не течет».

ожидает впереди, ежели в наших учреждениях будет царить все та же неразбериха. Пребывая в Шамае, я хотел обрести крылья и лететь домой, явиться в покои хана и подробно рассказать ему обо всех законодательных актах правительства русских. Я мечтал, чтобы хан выслушал меня и внял моим просьбам, предписал бы твердо руководствоваться порядком как у русских, и результатом чего явилось бы всего лишь за месяц достижение нашим народом уровня урусов... но, увы, вернувшись на родину, я убедился, что мечты мои являются лишь несбыточными, сладкими грезами. Никто и слушать меня не хотел, а если и находился кто-нибудь, то тут же ввергал меня в уныние: «Разве станет тебя слушать хан, а беки — исполнять подобные приказы?» Вначале я не хотел прислушиваться к этим словам, однако позднее осознал их правоту. В самом деле, разве на кладбище кто-либо услышит призыв «Хаййя алал-фалах»¹?

Все с великим интересом внимали Атабеку, изумленные его размышлениями, доселе никем не слышанными. Даже те из присутствующих мужей Туркестана, кому и во сне не снилась забота о народе, не могли оставаться безучастными к взволнованным словам, как бы сочившимся из искреннего сердца Атабека.

— Кабы был повелитель сродни Амиру Умархану, — молвил кутидор, — и мы могли бы превзойти урусов.

Зия-шахичи добавил:

— В нынешнем плачевном положении виновны мы сами.

— Правда, — подхватил Акрам-хаджи.

Хамид, не желая отстать от других, тоже заметил: «Всевышний даровал неверным богатства».

— Мне же кажется, — сказал Атабек, — превосходство урусов заключено в их сплоченности. По моему разумению, наши же нескончаемые взаимные распри и являются причиной того, что мы день ото

¹ *Хаййя алал-фалах* — «спешите спастись/торопитесь к избавлению» (призыв на молитву).

дня неуклонно катимся вниз. Иначе говоря, размышления уважаемого Зия-шахичи представляются мне отчасти верными. Нет среди нас праведных людей, ясно осознающих всю опасность сложившегося положения, напротив, распустили перья всякие башибузуки, усилиями которых всюду проникли корни раздора, опутывающие и толкающие народ в трясину бедствий. В качестве примера может служить существующая вражда между карачапанами и кипчаками¹. Подумайте, какова польза и выгода для нас и братьев наших кипчаков от этих распрей? Это выгодно лишь подстрекателям, сеющим семена ненависти между двумя народами. К примеру, возможно ли считать Мусульманкула беспристрастным человеком? Какую пользу для народа он принес, кроме кровопролития? Из-за корыстных побуждений он, основываясь на несущественных доводах, убил зятя своего Шерали-хана², казнил невинного Мурад-хана, а покончив с ташкентским правителем, смиренным, как овца, Салимсакемом, на его место посадил деспота Азизбека. Затем, объявив себя мингбаши (первым министром), провозгласил несмышленного юнца (Худаяра) ханом, сел на шею народа. Добро бы еще, ежели Мусульманкул преследовал при этом благую цель и устранил тиранов, а народу дал мирную и спокойную жизнь, кто бы стал возражать? А между тем, именно Мусульманкул возвел в правители изувера Азизбека, равного которому не знала вся история Ташкента. С трудом верится, что Мусульманкула — такого нелюдя, тоже родила мать! Пока не будут уничтожены деспоты, захватившие власть в своих личных интересах и нещадно угнетающие народ, нет нам избавления, разве только гнать их в шею и вместо них назначить справедливых людей.

¹ Карачапанами в те времена именовали узбеков. Кипчаки — один из родов, в руках которого в описываемый период была сосредоточена власть.

² Шерали-хан был женат на сестре Мусульманкула, у них родился сын Худаяр-хан, и Мусульманкул, чтобы захватить власть в свои руки, отдал дочь замуж за Худаяр-хана. Шерали-хан — сын Хаджи-бека, брата Нарбута-хана (*прим. автора*).

Атабек выражал новые и доселе никем не слышанные идеи, собравшиеся, разинув рты, слушали бека. И в самом деле, ясно представляя себе причины и следствия непрекращающихся раздоров, он давал им правильную оценку. Его умозаключения словно помогли присутствующим найти кончик нити в запутанном клубке, тем самым выразив неозвученные, но осмысленные убеждения собравшихся.

Когда Атабек вышел из михманханы¹, чтобы совершить омовение перед намазом хуфтан², Зия-шахичи обменялся понимающими взглядами с гостями и сказал ему вслед:

— Истинный сын своего отца!

— Да продлятся дни его, — поддержал Акрам-хаджи, — он самый разумный среди нашей молодежи... Если бы мне было дано право назначать хана, я провозгласил бы ханом Атабека... Он образован?

Хасанали, сердце которого переполняла радость от похвал его любимцу, сообщил:

— Он был одним из лучших в ташкентском медресе «Беклар-беги»³. Но три года назад хаджи забрал его оттуда и приставил к торговому делу.

— Да, Аллах всесторонне одарил этого молодого человека, — согласился кутидор.

Собравшиеся дружно превозносили Атабека, однако Хамид в этом не участвовал, казался чем-то раздосадованным и уж совсем изменился в лице, когда кутидор спросил у Хасанали, не женат ли бек. Хасанали подробно рассказал вопрошавшим о том, что по сей день бек не нашел себе девушки по душе, на что Хамид нетерпеливо заметил:

— Видимо, ваш бек возжелал ханской дочери, — ирония так и сквозила в его тоне, — такого рода парни после свадьбы всю жизнь мучают своих жен...

Хасанали не оставил без ответа этот необъяснимый сарказм и, улыбнувшись, ответил:

¹ *Михманхана* — гостиная на мужской половине дома.

² *Намаз хуфтан* — вечерняя молитва.

³ *Беклар-беги* — одно из престижных медресе Ташкента, было расположено на площади Эски-Джува. Закрыто и снесено в 30-е гг. XX в.

— Неведомо мне, желает ли он взять ханскую дочь, однако вполне достоин этого... и думаю, если он даже мне, рабу-зархариду¹, остерегается сказать резкое слово, конечно же, не нанесет обиды свободной девушке, да еще собственной жене. Мне кажется, это очень далеко от истины, чтобы Атабек уподобился скотоподобным типам, что истязают свою жену, да причем не одну, превращая жизнь женщин в преисподню, братец-мулла Хамид...

Намек Хасанали был весьма прозрачен. Ведь недавно он от самого Хамида слышал, что тот при случае бьет своих жен кожаной плетью. И посему последняя фраза Хасанали заставила Хамида притупить взор, так как нечего было возразить. Зияшахичи бросил взгляд на своего шурина, во взгляде явно читался упрек: «Ну что, получил?», и обратился к Хасанали:

— Простите, ота. Наш Хамидбай от рождения будто создан говорить подобные грубости.

Кутидор также поспешил подбодрить Хасанали:

— Верно говорите, ота. Атабек и вправду достоин ханской дочери.

Хамиду оставалось только молчать. Он, недобро усмехнувшись, исподлобья глянул на Хасанали.

После плова, сначала Хамид, затем и другие гости стали расходиться. Атабеку и кутидору было по пути, и они вышли вместе. Подходя к своему дому, кутидор стал прощаться с беком:

— Непременно ждем вас в гости послезавтра, договорились?

— Обязательно буду, ака.

— Вон та угловая калитка наша... А может, вы сегодня останетесь у нас, что скажете?

— Благодарю вас... Счастливо оставаться, желаю вам здоровья.

Когда они, попрощавшись, удалились с того места, из темного закоулка поблизости вышел закутанный в халат человек и направился в ту сторону, откуда появились Атабек и Хасанали.

¹ *Зархарид* — купленный за золото.

3. БЕК ВЛЮБЛЕН

Караван-сарай погрузился в глубокое сонное безмолвие. Полночь. Хасанали отомкнул длинный винтовой замок, зажег свечу и, постелив постель беку, стал его дожидаться. Однако Атабек все не заходил. Он в это время, будто застывший, стоял, прислонившись к столбу, словно и не догадывался, что дверь открыта, свеча зажжена, а постель готова.

— Я вам постелил, бек.

После этих слов Атабек вошел в худжру¹ и присел у постели. Хасанали ждал, когда бек разденется и ляжет, ибо, уложив его, он хотел унести свечу в соседнюю комнату. Однако, Атабек как сел у постели, так и застыл в задумчивости... Вот уже несколько дней, как Хасанали заметил перемены в Атабеке.

Странное поведение Атабека на протяжении последних пяти-шести дней приводило Хасанали в удивление. И действительно, Атабек нынче был сам не свой: рассеян, равнодушен к делу.

Хасанали некоторое время пристально рассматривал бека. Однако, чем дольше Атабек пребывал в плену задумчивости, тем большее нетерпение проявлял Хасанали.

— Нет ли для меня поручений?

Атабек, казалось, слушает и не понимает, ибо, подняв глаза, он взглянул на Хасанали и вновь уставился в одну точку. Беспокойство Хасанали от увиденного росло, он не знал, как толковать подобную потерянность бека. Атабек, наконец, словно очнувшись ото сна, вздрогнул и взглянул на своего слугу:

— Отчего вы не ложитесь?

— Нет ли для меня поручений?

— Какие могут быть поручения, можете идти и свечу тоже унесите.

Хасанали, взяв свечу, перешел в свою худжру. Та была расположена по соседству с комнатой Атабека и заполнена тканями, обувью и другим товаром.

¹ *Худжра* — комната.

Хасанали именно поэтому расположился здесь — чтобы присматривать за имуществом. Стеля себе, Хасанали лишь произнес «тавба»¹.

Как рассказано выше, он заметил происходящие с Атабеком изменения примерно с неделю или десятков дней назад, но ныне его беспокойству не было предела. Состояние хозяина наталкивало его на различные умозаключения. Сидя на своей постели и поглаживая седую бороду, старик впал в задумчивость и размышлял: может, он допустил какой просчет в торговле, либо же хворь какая одолела, ведь и у Зия-шахичи Атабек вяло и нехотя ел... Надо же, заболеть на чужбине... Однако старик не удовлетворился ни одной из своих догадок, поскольку состояние дел торговых ему известно, а ежели бы бек захворал, то непременно бы пожаловался. Довольно долго, теряясь в своих догадках и предположениях, Хасанали ничего не мог придумать, затем он встал и потушил свечу в нише. Худжра погрузилась в полную темноту. Старик ощупью добрался до двери, затем, стараясь не скрипеть, отворил ее и, осторожно выглянув наружу, осмотрел караван-сарай. Убедившись, что вокруг ни души, он, мягко ступая ногами, обутыми в ичиги², подошел к худжре Атабека, остановился и вновь окинул взором двор. Караван-сарай был во власти темноты и спокойного сна, что, однако, нарушалось похрустыванием сена лошадьми в конюшне да перекликиванием петухов в окрестностях. Хасанали тихонько прилег у худжры и стал вслушиваться. В комнате царил тишина. И ничто ее не тревожило. Подождав еще некоторое время, Хасанали решил было подняться с места, как изнутри раздался тяжелый вздох. Насторожившись, Хасанали напряг слух и встал, в его глазах появились беспокойные огоньки.

— Беку нездоровится, — сочувственно проговорив это, он решительно направился к двери. Открыв ее, старик собирался войти к Атабеку. Однако,

¹ *Тавба* — восклицание, означающее «Чур, меня!»

² *Ичиги* — мягкие сапоги.

протянув руку, он отдернул ее с мыслями: «А может, это и не хворь вовсе». Постояв вновь в нерешительности, раздраемый желанием войти и попыткой удержать себя, он все же вернулся в свою худжру. Но тревога за Атабека к этому времени удесятирилась. Несмотря на то, что Хасанали разделся и лег в постель, перед его взором стоял образ бека и не давал ему сомкнуть веки. Разные мысли будоражили сознание. Из головы не выходил наказ Юсуфбека-хаджи «Сын мой еще молод, ты же прошел огонь и воду, видел и знаешь многое, предан мне. Забота о сыне моем — твоя наиглавнейшая задача». Слезные причитания матушки Атабека — Узбек-аим: «Поручаю тебя Всевышнему, а сына своего — тебе» будто вновь и вновь раздавались в его ушах. Сон напрочь улетучился. Накинув чапан прямо на ночную рубаху, Хасанали поднялся с постели, покинул свою комнату и вновь присел у худжры Атабека.

Ночь выдалась морозная, пронизывающий до костей ветер обдувал со всех сторон. Хасанали, полуодетый, сидел, съежившись от холода. Не обращая внимания на дрожь и предоставив свое тело ему на растерзание, он все свои мысли обратил на худжру. Прислушавшись на некоторое время к звукам изнутри, он, глубоко вздохнув, отодвинулся от двери и, услышав спокойное и размеренное дыхание Атабека, облегченно вздохнул. Хотя его тревожные сомнения и стали постепенно рассеиваться, Хасанали, почему-то не двигаясь, все сидел и сидел, скрючившись от холода. Прошло еще некоторое время, он успокоился окончательно и собрался было уходить, как из худжры донеслось сонное бормотание:

— «Черные очи... изогнутые луком брови...»

— А-а-а, — сказал Хасанали и вновь приник ухом к щели в дверях. Теперь он весь подобрался и превратился в слух, все внимание обратил на худжру. Прошло не так уж много времени, как сонное бормотание возобновилось:

— «Лунолика, улыбчивый взгляд, пугливо убега-ет... О-о-о».

Все первоначальные опасения Хасанали были отмечены последней услышанной фразой. Хасанали посчитал излишним дальнейшее пребывание на морозе, поднялся с места, и, входя в свою худжру, покачал головой, говоря себе:

— Бек влюблен!

Застелив постель чапаном, он укрылся одеялом и пытался сам себе ответить на вопросы: «И вправду ли бек влюблен? Где же он мог повстречать девушку в чужом городе? На кого так запал всем сердцем, что бредит во сне?» Стараясь рассмотреть сложившуюся ситуацию под таким углом, он сомневался в чувствах, овладевших беком. Но, с другой стороны, ему вспомнились слова, произнесенные беком во сне: «улыбчивый взгляд, пугливо убегает...» и уже ничем иным, как влюбленностью, он не мог объяснить разительные перемены, произошедшие за последние дни в Атабеке. Старик тщательно взвесил все свои различные по смыслу догадки. Хотя Хасанали и пил из чаши неверия в страсть бека, однако слова «улыбчивый взгляд, пугливо убегает...» раз за разом повторялись в его сознании. Ночь плавно отступала перед надвигающимся рассветом, а уставшего от бесполезных усилий решить возникшую задачу Хасанали клонило ко сну. Наконец, он решил на следующий день все выведать у самого бека и, успокоившись, погрузился в сон.

4. ГНЕТЕТ МАРГИЛАНСКИЙ КЛИМАТ

Приготовлен завтрак. Атабек во власти грусти, Хасанали украдкой поглядывает на него. Осязаемое молчание за дастарханом не было нарушено до первой пиалы чая. Наконец, Хасанали несколько раз взглянул на бека и тихо сказал:

— Уже который день, как мне кажется, вы чем-то опечалены?

Атабек посмотрел на него и утвердительно кивнул.

— Вот уж не знаю, — сказал он и, немного помолчав, пояснил, — и вы заметили мое уныние, пра-

во, не знаю... Видимо, не по мне маргиланский климат.

— Верно вы отметили, — поддержал Хасанали. — Погода в Маргилане скверная, вот уже второй день и я чувствую себя неважно. Надобно бы поскорее уезжать, не то я еще слягу.

После этих слов Хасанали пристально взглянул в глаза беку: ведь если предположения, основанные на сонных бормотаниях Атабека, верны, то предложение об отъезде должно бы произвести на бека должное воздействие.

Атабек, словно оказавшись в тупике, затруднился ответить:

— Уедем, — сказал он и, немного подумав, добавил, — да вот никак не сойдемся в цене с покупателями, уж очень мало предлагают. Из-за этого нам, вероятно, придется задержаться на несколько дней, право, не знаю...

Хасанали решил, что испытание подошло к своему логическому концу, и, услышав такой ответ, едва удержался от распиравшей его улыбки. Между собеседниками вновь повисло молчание. Хасанали разрывался между желанием еще более приоткрыть завесу или же остановиться на достигнутом. Чувствуя себя ответственным за состояние Атабека и проявляя о нем отеческую заботу, доверенный слуга решился на откровенный разговор с молодым хозяином:

— Сын мой, Атабек.

— Я слушаю вас.

— Скажите мне, кем я вам прихожусь?

Атабек, не зная, к чему клонит Хасанали, недоуменно взглянул на него:

— Вы? — улыбнулся он. — Хоть и не отец вы мне, однако же, для меня вы самый близкий и верный человек, любящий меня отцовской любовью, скажу иначе, вы — мой духовный отец.

— Вот спасибо, сын мой, — ответил Хасанали, — именно такой ответ я и желал услышать. Теперь позвольте спросить у вас еще вот что: преданный своему хозяину раб или, по-вашему определению,

отец духовный, может ли он возжелать своему сыну зла, ответьте мне?

Атабек был изумлен неожиданным вопросом:

— Не могу понять вас, отец, и все же отвечаю: по сей день вы были отцом не только для меня, но и для всей нашей семьи и всегда нам желали лишь добра.

Хасанали и бровью не повел:

— Раньше, может, и было так, теперь же, в частности, вы...

— В частности, я...? Выражайтесь яснее!

— В частности вашему доверию ко мне, видимо, пришел конец, и я в неведении, в чем же вина моя состоит?

— Поразительные слова вы говорите, — не переставал изумляться Атабек. — Что же вы могли такого плохого сделать, чтобы мое доверие к вам пошатнулось? Сомнения неуместны, и впредь я буду нуждаться в вашем доброжелательном и благосклонном обществе и телесном присутствии, я уверен, что имущество и все остальное вами будет храниться так же надежно, как ребенок во чреве матери, и вы должны знать об этом, отец.

— Как знать, возможно язык ваш говорит одно, в то время как на сердце совсем иное, сын мой...

Атабека стали тяготить затянувшиеся взаимные упреки:

— Ошибаетесь вы, отец.

— Не ошибаюсь, напротив, говорю об этом с уверенностью.

— Тогда докажите, что мои слова расходятся с моими мыслями.

Хасанали обиженно нахмурил брови и произнес:

— Вы храните в себе одну тайну, которую скрываете от меня.

— Есть во мне тайна?

— Да, мой сын, есть, — сказал Хасанали, — и если вы действительно сказали правду о том, что я родной для вас человек, откройте мне свою тайну.

Лицо Атабека внезапно изменилось, исчезла печать раздражения, и он, взяв себя в руки, улыбнулся:

— Так, выходит, по-вашему, мне есть, что скрывать?

— Несомненно!

— Ну, в таком случае, извольте поделиться своими открытиями.

Хасанали, взяв пиалу, отпил из нее и заговорил:

— С первых дней нашего пребывания в Маргилане в вас произошли разительные перемены. Хотя вы это объясняете угнетающим действием маргиланского климата, я подметил нечто иное...

Атабек был вынужден отвести лицо, не в силах вынести пристального взгляда Хасанали. Будто этот старый волшебник читал по выражению лица все его потаенные мысли. Ощущая на себе взгляд Хасанали, бек молвил, почесывая лоб:

— Так, так, продолжайте...

— Вы пытаетесь скрыть от меня свою тайну, — с полной уверенностью в своей правоте подытожил Хасанали. — Допустим, вы и вправе скрывать ее... однако возможно ли добиться желаемого подобным путем?

— ...

Атабек, словно разоблаченный, покрылся густой краской стыда и опустил глаза. Лицо Хасанали засияло отеческой заботой, и он, присущим пожилым старцам сочувствующим тоном стал облегчать непосильное бремя души бека:

— В этом ничего постыдного нет, сын мой. Любовь — величайшее счастье, что может посетить сердце, и лишь немногие удостоиваются его. И в то же время, часто она является причиной многих бед. А посему, следует превозмочь себя, проявить волю и постараться не думать, позабыть.

После этих слов Атабек поднял голову и, посмотрев на Хасанали, тяжело вздохнул и вновь опустил глаза. Слово хотел твердо возразить: «невозможно забыть». Воцарилось молчание. Оба были погружены в свои мысли. Предаваясь раздумьям, Хасанали имел привычку жевать свою бороду, вот и на этот раз он был занят тем, что перебирал ее волосы губами. После долгих размышлений он решил

отложить на время дальнейшее разрешение вопроса, ибо Атабек и без того уже сидел весь красный от смущения.

5. НАМ БЫ ПОДОБНОГО ЗЯТЯ

Вот и обувной базар, и двор, что расположен на углу... Читатель, конечно же, уже знаком с его хозяином. Пройдя в неприятзательные, почерневшие от времени, обветшалые от многолетней службы, скрипящие и стонущие при открытии и закрытии, а если свести воедино все перечисленное, то просто ветхие, как сама история, многострадальные ворота и ступив три-четыре шага за порог, оказываешься словно в одном из бухарских зинданов¹ и невольно устремляешься к озаренному светом концу коридора. А когда, спотыкаясь и падая, освобождаешься от этого тюремноподобного коридора, то оказываешься перед большим арыком, что протекает через величавый двор, и тут же облегченно вздохнешь. Первое, на что обращаешь внимание, так это дом с айваном на восточной стороне, построенный фасадом на запад. Хотя он и не заслуживает особой хвалы, но образцом передовой архитектуры является без сомнения. Площадка перед домом и сами помещения свободны от людей, из чего можно заключить, что это — наружная часть строения — михманхана. Западное и восточное крыло занимают небольшие кладовые, с висящими на дверях замками. Нетрудно догадаться, что кладовые заполнены товаром, а равно и то, что владелец дома является зажиточным человеком. Южная сторона двора представлена задними стенами лавок, которые, однако, полностью прикрыты от взора густой кроной черешни.

Теперь же, минуя внешний двор, обойдем михманхану и попадем в «ичкари» — внутренний двор. Второй коридор, ведущий внутрь, подобно первому, закрыт и с боков, и сверху, и так же темен. Пройдя его и повернув направо, выходим к конюшне, если

¹ Зиндан — тюрьма в виде глубокой земляной ямы.

же направиться налево, очутимся в большом дворе, таком же величавом, как и первый. Каждая из четырех сторон двора занята подсобными пристройками, а к строению, что находится в глубине двора, с двух сторон примыкают два больших дома, между которыми виден украшенный изразцами и резьбой квадратный айван с четырьмя деревянными колоннами. В центре айвана, в конце укрытого атласными одеялами сандала, прислонившись к стене, сидит человек, накинувший на себя кунью шубу, подбитую черным сукном. Мы не станем повторно представлять его читателю, он уже знаком — это Мирза-карим-кутидор. По обе стороны сандала расположились две женщины: одна из них — статная, красивая, с открытым, приветливым и кротким, выражающим полное повиновение мужу лицом — женщина лет тридцати пяти, одетая в атласное платье, короткую ватную стеганую душегрейку, на голову накинута белый платок. Это — Офтоб-аим, супруга кутидора. Вторая — старуха лет семидесяти — Айша-биби, ее мать. Неподалеку, у очага, сидит на корточках грубоватая на вид женщина лет сорока пяти и кипятит воду для чая. Она — служанка Тойбека. Пока оставим знакомство с ними и через дверцу, заменяющую окошечко, с левой стороны айвана пройдем в комнату. Здесь, на высоком ложе, в объятиях пуховых подушек и атласных одеял, то ли лентясь от холода, то ли по иной причине, открыв глаза, лежит девушка. На подушках в беспорядке разметались ее черные косы, угольно-черные глаза из-под длинных пушистых ресниц, словно заметив что-то, смотрят в одну точку... Иссиня-черные, чрезвычайно тонкие изогнутые брови сдвинуты, будто она встревожена чем-то... Луноликое, беззаботно ясное лицо слегка тронута стыдливым румянцем... В это время она, откинув край одеяла, тронула белой нежной ручкой черную родинку, чрезвычайно искусно посаженную самой природой слева от изящного носика, и села, подняв голову с подушки. Над вырезом платья из желтого атласа слегка вздымалась ее небольшая грудь. Усевшись на ложе, девушка

вскинула голову и вздрогнула всем телом. От этого ее лицо обрамили растрепанные локоны, придав чарующий вид всему ее облику. Ангел, воплощенный в образе девушки, был дочерью кутидора — Кумуш-биби.

Вот уже несколько дней Кумуш-биби жаловалась на простуду, головные боли и рябь в глазах, и посему сегодня мать не стала будить дочь даже к молитве, решив, «мол, пусть выспится, отдохнет».

Кумуш оделась и вышла из комнаты, умылась теплой водой, приготовленной Тойбекой. Затем привела себя в порядок и вернулась на айван. Подздоровавшись с сидевшими на айване, подседа к отцу.

Кутидор внимательно поглядел на нее:

— Полегчало тебе, доченька?

— Нет, отец, голова все еще побаливает.

Кутидор коснулся ее лба:

— Ого, Кумуш, да у тебя все еще жар не спал! — сказал он. — Береги себя, доченька, да завернись в постели поплотней, пропотеешь — полегчает, ласточка моя. Тойбека, забели-ка молоком чай для Кумуш.

Офтоб-аим подхватила слова супруга:

— Она вся горит, да и лицо у нее так и пылает жаром.

В разговор унылым голосом вмешалась Айша-буви:

— Вы не представляете, ночью она меня до смерти перепугала. В сонном бреду да вперемежку с жаром такого наговорила...

Кумуш-биби бросила быстрый взгляд на бабушку.

— Да это все из-за жара, — молвил кутидор. — Сегодня я переговорю с каким-нибудь табибом¹... На, доченька, выпей чаю из пиалы, — и снова внимательно взглянул на дочь.

Закончив чаепитие, кутидор прочел фатиху² и, вставая с места, заметил:

¹ Табиб — лекарь, знахарь.

² Фатиха — первая сура Корана.

Кумуш, имей в виду, я пригласил на сегодня одного гостя.

А Офтоб-аим сказал:

— Прикажи служанке прибраться в михманхане. Дай ей вон те новые курначи¹, пусть ими накроет сандал. И достаньте большой ковер, да, и, кстати, есть ли в доме фрукты?

— Есть.

— Очень хорошо. Чуть погода пришло мяса, приготовьте слоеные пирожки.

Офтоб-аим смекнула, коль заказывают слоеные пирожки с мясом, гость будет особенный.

— А что это за гость?

— Скорее, ты его не знаешь, один молодой ташкентец и еще трое-четверо местных приятелей. Значит, ты уяснила, что я сказал?

— Уяснила, уяснила.

Кумуш-биби не придавала значения отцовским словам. После того, как кутидор отправился в лавку, Офтоб-аим приказала Тойбеке заняться михманханой, сама же принялась за тесто. А вот Кумуш-биби была молчалива. Думала ли она о чем-то, или же головная боль усилилась, но только сидела она безмолвно, словно закрывшийся в дневные часы цветок «ночная красавица». Она лениво слушала всякие истории бабушки, сидевшей напротив, о том да о сем, и в ответ на смешные слова, призванные развеселить ее, ограничивалась лишь улыбкой.

Примерно час Кумуш-биби провела подобным образом, затем встала и, надев недавно подаренные отцом резиновые галоши на свои изящные маленькие ножки, отправилась к матери, занятой стряпней на кухне.

Девушке недавно исполнилось семнадцать лет и шел ей восемнадцатый годок. Ростом она догнала мать, но телом была чуть пышнее ее. Немного понаблюдав за хлопотами матери, она вернулась во двор. С айвана Кумуш-биби взглянула на Тойбеку, стелющую ковер в михманхане, и, подойдя к средней

¹ Курнача — стеганое одеяло.

колонне, прислонилась к ней. Теперь она чувствовала себя чуть лучше, прекрасные черные глаза ожили, и покрасневшее личико слегка прояснилось. Прислонившись к столбу, она нахмурила свои черные изогнутые брови и взглянула на тропинку, ведущую на улицу, задержала на ней свой взор, затем, сойдя с айвана, спустилась к арыку. Вода струилась из-под одной лавки, бежала три-четыре сажени по открытому пространству и вновь скрывалась под мостиком. Присмотрев себе местечко у арыка, Кумуш-биби одним прыжком очутилась на другой его стороне и присела. Ее взгляд ласково скользил по поверхности воды. Прозрачная, чистая вода арыка текла очень размеренно, а достигнув Кумуш-биби, словно выражая ей свое почтение, описывала легкие круги и, будто бы замороженная чарми юной волшебницы, расширяла их на своей поверхности, чтобы вновь смиренно исчезнуть под мостиком. Долгое время наблюдая за бесконечным течением арычной воды, она зачерпнула ее в ладони и ополоснула лицо. Капельки воды, поцеловавшие ее лик, устремлялись вновь в арык, вызывая в нем волнение, словно в толще воды зрел какой-то заговор... и после второй-третьей горсти это волнение лишь усилилось...

Видать, нежные ножки утомились, и Кумуш-биби, прополоскав пару-тройку раз свои жемчужной белизны зубы, покинула берег арыка.

Чувствуя себя намного лучше, девушка вошла в ичкари, да и движения ее теперь стали упругими. Узрев в ней эти перемены, Айша-буви возрадовалась:

- Тебе полегчало, доченька?
- Слава Всевышнему, полегчало...
- Доченька, полно тебе, не утруждай себя, передохни...

* * *

Зимние дни так коротки, что не успеешь и оглянуться, как уже смеркается. А этот день показался еще короче, вот уже минуло около получаса, как пожаловали гости. Кутидор встретил их чрезвычайно искренне и радушно, угощение было разнообразное

и обильное. Тойбека так и сновала между мужской и женской половинами дома¹, меняя блюда и поднося чай. Когда, наконец, появилось свободное время, Тойбека подседа к Офтоб-аим, чтобы доесть свой уже остывший плов.

Слово за слово, и Офтоб-аим обратилась к Тойбеке:

— Что это за гости, знаешь ли ты кого из них?

— Ой, есть там один молодой гость! Раз вам не довелось увидеть его — считайте, и не жили вы на этом свете, — торопливо рассказывала Тойбека, жуя плов то в правой, то в левой стороне рта, — такой красивый, такой разумный, так ведь и усадили его на самое почетное место; кажись, ему и двадцати нет, усики только-только пробиваются... В самый раз его в зятя присмотреть, — добавила она и хитро так взглянула на Кумуш.

После этих слов уже Офтоб-аим, улыбнувшись, обратилась к дочери:

— Вот видишь, Кумуш, слыхала, что говорят, Тойбека мужа тебе приглядела, а ты только и знаешь, что жалуешься на боли в головке.

На рубиновые губы Кумуш-биби незаметно набежала улыбка, обнажая жемчужные зубы, однако тут же ее лицо приняло холодное выражение.

— Теперь в ваши обязанности, видать, входят и поиски мужа для меня.

Тойбека пропустила мимо ушей недовольство Кумуш:

— Эх... сестренка, ты еще не знаешь, ты бы хоть разочек взглянула на этого юношу, и не заметишь, как тут же последуешь за ним.., да что ты, даже мне, в мои-то годы, захотелось выйти за него, — сказала она, разразившись хохотом.

Кумуш резко отвернулась от Тойбеки.

— Вот и выходите поскорее.

— Если бы мне выпало такое счастье, но я и волоска его не стою! А вот ты под стать ему. Неда-

¹ Служанкам разрешалось входить в мужскую половину дома (прим. автора).

ром говорят: «Ровня к ровне, а кизяку¹ место в мешке». Ха-ха-ха...

Обычно в другое время подобные шутки Тойбеки вызывали веселый смех у Кумуш, однако, видимо, на этот раз они ей прились не по вкусу, рассерженная, она ушла прилечь в дом. Офтоб-аим думала, что речь идет о каком-нибудь баче и посему промолчала.

— Наведайтесь-ка в михманхану, тетушка, — попросила она, — может, чаю подать следует.

Поспешно доев свой плов, Тойбека вышла. Не прошло и минуты, как она впопыхах вернулась на айван:

— Тьфу-тьфу, душа в пятки ушла! Будь он неладен!

Целый час неподвижно сидевшая на молитвенном коврике и перебирившая четки Айша-буви с головы до пят окинула взглядом Тойбеку и вновь вернулась к своему занятию. Устроившаяся у сандала Офтоб-аим неодобрительно усмехнулась и спросила:

— Что случилось, в чем причина вашего страха?

Переведя дух, Тойбека уселась у колонны:

— Взяла я у хозяина скатерть стряхнуть, вышла во двор и у самой черешни столкнулась с кем-то. От страха чуть было не закричала... Показалось мне, будто он за гостями подглядывал.

— Кто бы это мог быть?

— В темноте не разглядела, но причудилось, что был это черный Хамид. Только он это или кто другой — бог знает. Повозился малость, да и вышел вон.

* * *

Кутидор, проводив гостей, разделся и собирался лечь, когда Офтоб-аим обратилась к нему с вопросом:

— Тойбека места себе не находила, все расхваливала, не переставая, — и красавец, и умница, кто же тот молодой человек?

¹ Кизяк — навоз.

— Это и был наш гость, — ответил кутидор, — сын моего близкого ташкентского приятеля Юсуфбека-хаджи.

— Он и впрямь таков, каким его расхваливала Тойбека?

— Поистине таков, — сказал кутидор и оживился, — если Всевышний дарует сына, то пусть подарит именно такого.

Офтоб-аим, покатываясь со смеху, рассказала, как Тойбека расхваливала молодого человека и про ее перебранку с Кумуш. Кутидор, также не в состоянии сдержать смех, добавил:

— А у твоей болтушки, пожалуй, мозги на месте, вот бы нам подобного зятя!

6. БАГРОВЫЕ ТУЧИ НАД ТАШКЕНТОМ

В эти дни по Маргилану прошел слух: «Азизбек, правитель Ташкента, восстал против Коканда. Он убил диванбеков¹, присланных ханом для взимания хараджа² и закята³!» На второй день этот слух принял уже другой вид: «Мусульманкул направил для подавления бунта пятитысячное войско во главе с Нармухаммадом-кушбеги⁴!»

Народом эти сообщения были восприняты обычно, даже равнодушно. Никто не был потрясен, и в этом не было ничего чрезвычайного. Ибо народ привык к таким смутам, не сегодня, так завтра явится какой-нибудь батыр-баши⁵ или офтобачи⁶, короче, кто-нибудь из беков или их приспешников, которые вполне возможно устроят такую смуту. Однако в этом вопросе мы не можем Атабека приравнять к темному народу. Потому как он, в отличие от народа, не мог отнестись к событиям последних дней,

¹ *Диванбеки* — ханские чиновники.

² *Харадж* — поземельная подать, дань.

³ *Закят* — пошлина и налоги.

⁴ *Кушбеги* — титул первого министра при ханском дворе.

⁵ *Батыр-баши* — вожак группы.

⁶ *Офтобачи* — подаватель рукомоЙника (придворная должность во дворце ханов).

о которых идет речь, с холодным спокойствием. Услышав эту новость, он потерял покой, кусок в горло не лез: своим ясным взором и проницательным умом он видел полную картину трагедии, всем сердцем чувствовал, что его народ, его нация — мусульмане стоят на краю зияющей и устрашающей бездонной пропасти и, вздрагивая, говорил: «Упаси, Всевышний!» Эта новость совершенно выбила его из колеи и разбередила старые раны:

— Несведущий простой люд, который не в состоянии отличить черное от белого, проливает кровь ближнего, являясь орудием в руках небольшой горстки корыстолюбцев, и все это рисует картину ужасающего будущего!

Потрясенный переживаниями, Атабек сидел подавленный, когда в худжру вошел Хасанали с посланием в руке:

— Из Ташкента, видимо, от вашего отца, — сказал он, протягивая ему письмо.

Атабек вскрыл письмо — оно было на большом листе бумаги и писано толстым каламом¹. Он стал читать (приводим дословно):

«Ниспосланному нам Всевышним Создателем бесценному дару, свету очей наших, силе чресел наших, плоду жизни нашей, сыну мулле-Атабеку за сим сообщаем, хвала Аллаху, я, ваш отец и заступник перед Создателем, немогшая матушка ваша и близкие друзья ваши пребываем под защитой Всевышнего во здравии и благополучии, денно и ночью моля творца о благополучии света очей наших. И да позволит нам Всевышний в скором времени и в добрый час встретиться с вами! Далее мы извещаем вас: сын мой, твое письмо о благополучном прибытии в Маргилан получили и возблагодарили Создателя. Если же спросишь о положении дел наших в Ташкенте, то, возможно, и в Маргилане слышали о мятеже, который поднял Азизбек против Коканда, опираясь на неведомые силы. Он убил и повесил на дворцовых воротах беков дивана, прибывших для

¹ *Калам* — тростниковое перо.

проверки казны, видимо, и Коканд в ответ решил предпринять меры. Слышали мы, что из Кировчи¹ в Ташкент вышел Нармухаммад-кушбеги с пятью тысячами воинов. Какие еще потрясения ожидают наш народ, сын мой!

И все же тому самому Азизбеку, который еще вчера заносил над подданными кровавый меч, от жестокой руки которого, исходя черной кровью, погибли их сыновья, отцы, матери, братья, еще не превратившиеся в прах, тому самому Азизбеку-кровопийце народ сегодня вновь обещал служить верой и правдой и защищать его до последней капли крови. Вчера у дворцовой стены по приказу Азизбека был собран весь народ Ташкента, там были люди всех сословий, и высшее духовенство, и ученые. Азизбек приветствовал народ с дозорной вышки дворцовой крепости. На глазах удостоившихся приветствия Азизбека стояли слезы. Сын мой, ты уже в какой-то мере способен отличить белое от черного, прочти же мое письмо со вниманием.

Азизбек указал на трупы повешенных на дворцовых воротах и спросил:

«Подданные! Видите этих преступников? Знаете, почему они заслужили такое наказание?»

Народ отвечал:

«Не знаем, господин!»

Азизбек сам же и ответил:

«Это трупы двух свиней, что были военачальниками хромого Мусульманкула, главарями кипчаков и врагами карачапанов! Я казнил их, мстя за вас, подданных моих карачапанов, покончил с ними, чтобы порадовать души наших друзей-карачапанов, убитых кипчаками! Или я поступил не по справедливости, подданные мои?»

Народ всколыхнулся:

«По справедливости! Верно поступили, таксыр²! Именно так следует наказывать кипчаков!»

¹ *Кировчи* — большой кишлак, расположенный между Курамой и Телау (населенные пункты).

² *Таксыр* — господин.

Азизбек перешел к своей истинной цели:

«За мою преданную и справедливую службу вам — карачапанам кипчаки несомненно возжелают отомстить мне, попытаются лишить меня должности правителя Ташкента, а если хватит сил, то и убить меня! Что вы думаете о вероятности этого?»

Небо задрожало от крика народа:

«Мы готовы до последней капли крови защищать вас! Пусть только сунутся кипчаки! Пока мы живы, ни один волос не упадет с вашей головы!»

Азизбек возблагодарил народ и излил душу: «Спасибо, подданные мои! Слышал я, будто кипчаки во главе с Нармухаммадом-кушбеги начали поход на Ташкент. Нужно ли нам готовиться к отпору или нет, подданные?»

Народ отвечал:

«Несомненно следует, таксыр! Если дадите добро, мы сегодня же приступим к укреплению крепостных стен!»

Азизбек воскликнул:

«Благодарю вас, подданные! Если за мной стоит такой народ, не о чем беспокоиться!»

Народ отвечал:

«Пока вы во здравии с нами, не подпустим кипчаков, таксыр! Благословите нас, и мы начнем укреплять стены!»

Азизбек дал свое благословение. Народ стал готовиться к войне.

Вот, сын мой, уж и не знаю, плакать ли над участью народа или смеяться! Но как бы там ни было, над Ташкентом вновь сгустились багровые тучи, и чем это все закончится — ведомо лишь Всевышнему. И считаю верным настоятельно тебя предупредить: о делах государственных мысли излагай осторожно и обдуманно!

Всегда помни о безвинно погибших! Мысли мои и твои известны лишь Создателю, однако велика вероятность того, что в Фергане меня считают соучастником Азизбека, а равно тебя, следовательно, сыном мятежника, делай свои шаги, исходя из осознания этого положения! Не забывай об опасности,

грозящей нам с тобой в столь смутное время! И еще, внемли совету моему: пока не уляжется эта смута, в Ташкент не возвращайся. Как только Ташкент успокоится, я, если буду здоров, дам тебе знать.

Все наши друзья живы и здоровы.

Передавай привет Хасанали.

Твой отец Юсуфбек-хаджи.

Писано в Ташкенте в двадцать седьмой день месяца далв 1264 года хиджры».

Прочитав письмо, Атабек вновь пробежал взглядом по не совсем понятным местам, а достигнув места, где излагалось об Азизбеке, невольно воскликнул: «Ну и лиса!»

Дойдя же до места: «... пока не уляжется эта смута, в Ташкент не возвращайся», он тихо улыбнулся, — ну если так, то пусть не уляжется никогда.

7. ОТЕЧЕСКИЙ ДОЛГ

Практически каждый день до Коканда доходили новые вести. Вот уже прошло пятнадцать дней, как прозвучало известие — «Ташкент осажден кокандскими войсками». Однако сообщений о взятии Ташкента все еще не было.

Со вчерашнего дня из уст в уста передается новость: «Нармухаммад-кушбеги ранен, погибло полторы тысячи кокандских парней». Посему видать, Азизбек не намерен просто так сложить голову.

К любовной тоске Атабека прибавилась тревога за родной город, он все время теперь думал о ташкентской трагедии, стал еще более задумчивым и грустным. Бывало, что в иные дни он даже не выходил из комнаты, ни с кем не общался, другими словами, образ его жизни все более походил на отшельнический.

В один из дней после утреннего чаепития Хасанали решил осуществить свое вчерашнее намерение, потому как Атабек с каждым днем становился все бледнее и печальнее, почти не покидал худжру, что

порядком тревожило Хасанали, и его очень угнетало, что приходится довольствоваться лишь ролью наблюдателя. Это, конечно, хорошо, что и догадавшись о влюбленности молодого хозяина, он неусыпно следил за его состоянием и начал доискиваться — в кого он так влюблен, из какой семьи эта девушка и можно ли что-нибудь предпринять. Но, даже выяснив все, он выжидал, его удерживали такие соображения: «Атабек молод, а в молодости любовь — крылатая птица. Сегодня тут, а завтра улетела». Но видя постоянство Атабека, замечая, что задумчивость и бледность его лишь усиливаются день ото дня, Хасанали решил, что пора отречься от владевших им раздумий и действовать в другом направлении.

Хотя он и остановил свой выбор на одном решении, но подспудно перепробовал в голове сотни различных способов, однако, убедившись, что ни один из них не облегчит страдания Атабека, определился:

— Поглядим, легка ли моя поступь.

После ужина Хасанали, переодевшись у себя, вошел к Атабеку, погруженному в чтение «Бабурнаме»¹. На всякий случай, стараясь не раскрыть своих намерений, Хасанали спросил:

— Я вам не нужен, бек? Хотелось бы сходить в баню.

— У меня никаких дел нет, идите, — не отрывая глаз от книги, ответил Атабек.

Хасанали вышел. На улице ранние сумерки постепенно сменялись темнотой. Небо покрылось тучами, со всех сторон дул резкий пронизывающий ветер, в воздухе временами беспорядочно кружились снежинки. Улица была покрыта твердыми комьями земли — это замерзла под снегом грязь, в которой во время таяния увязали пешеходы. Теперь же ступать было просто, и поскрипывание снега под ногами даровало приятную, как музыка, легкость. Хотя лавки уже закрылись, но в чайханахлюдно. В

¹ «Бабурнаме» — историческое произведение Захириддина Бабура (1483 — 1530).

центре разжигались костры, посетители развлекались, вознося бачей чайханщика то в ханы, то предлагая им изобразить ханскую дочь. Среди «избирателей» хана (то бишь, игра в «Выборы хана») были и молодые люди, и муллы с большими чалмами на головах, и семидесятилетние старики... Зимние вечера очень длинные, и поэтому в чайханах всегда многолюдно; народ смакует приготовленный бачами чай, разглядывая их красоту, возносит хвалу Аллаху.

Хасанали прошел на мужскую половину двора Зия-шахичи и посмотрел на закрытое окно михманханы. Сквозь щели проникал свет — значит, кто-то есть. Хасанали приосанился и вошел в дом. В михманхане был один лишь Зия-шахичи, он совершал намаз. Обрадованный, что все складывается так, как он хотел, Хасанали присел, ожидая окончания намаза. Зия-шахичи, завершая молитву, по ритуалу поворачивался с молитвенного коврика вправо и влево от себя и произносил — «Ассалому алейкум». Затем он воздел руки к небу, сказал заключительные слова молитвы и после этого подошел к старику поздороваться:

— Пожалуйте, отец! Какими судьбами?

— Слава Аллаху, хорошо.

Они подсели к сандалу. Некоторое время продолжалось молчание. Зия-шахичи, пытаясь разгадать причину неожиданного посещения, бросил на Хасанали несколько вопрошающих взглядов, словно говоря «ну и почему ты пришел?»

— Не удивляйтесь, господин, обстоятельства вынудили меня обратиться к вам.

— Вас прислал Атабек?

— Нет, я сам пришел, господин!

Зия-шахичи вновь не смог уяснить суть визита. И по правде, приход старика показался ему из ряда вон выходящим событием: ведь Хасанали — раб Атабека. А общение с рабами, в особенности такому знатному человеку, как Зия-шахичи, дело чрезвычайное. Да и еще, если по важному делу...

Зия-ака в полном недоумении переспросил:

— Обстоятельства, говорите?

Хасанали улыбнулся:

— Вы очень удивитесь, может быть, и не поверите, когда узнаете...

— Вот как?

— Как вам известно, — начал Хасанали, — со времени нашего приезда в Маргилан прошло дней двадцать пять, даже около месяца. И с тех самых пор Атабека одолевает недуг.

Зия-шахичи удивился.

— Какой недуг, Атабек ведь здоров?

— Так-то оно так, я сам долго не мог догадаться, что с ним.

— Ну, и что же?

— Это любовь!

— Любовь?

— Да, любовь, — повторил Хасанали, — за эти двадцать пять дней он совсем переменялся. Если бы вы знали, чего только я не передумал за это время!

— Вам известно, в кого он влюблен?

— Знаю... В дочь кутидора.

— Ну-у, — вырвалось у Зия-шахичи. Он задумался на мгновение, потом спросил:

— А это вы точно знаете?

— Уверен.

— Он сам сказал?

— Сам он хоть и не сказал, но довольно прозрачно намекнул.

— А где же Атабек мог видеть девушку?

— К сожалению, этого я не знаю.

Хотя Зия-шахичи и уяснил для себя цель визита Хасанали, он продолжал расспрашивать.

— Что же вы намерены предпринять?

— Вот это и есть главная причина моего прихода к вашей милости. Я пришел к вам за советом, а уж мы неукоснительно будем его придерживаться.

Зия-шахичи задумался.

— Странно, странно! — пробормотал он, закладывая под язык щепотку наса¹.

Хасанали рассказал обо всех своих наблюдениях.

¹ Нас — особый вид табака, его кладут под язык.

— Дело-то деликатное, — заметил под конец Зия-шахичи. — Ежели мы женим Атабека здесь, не обидится ли на нас хаджи?

— Да пошлет вам бог долгую жизнь, господин! — воскликнул Хасанали. — Я, ваш покорный слуга, тоже много думал об этом. Но что поделаешь? Мы вынуждены пойти на это, даже если он обидится. Впрочем, Юсуфбек-хаджи достаточно умен, он не станет обижаться. Но меня беспокоит и другая сторона — согласится ли кутидор?

Зия-шахичи, почесывая голову, вновь задумался.

— Да, и тут могут быть препятствия. Даже если кутидор очень благоволит к Атабеку, есть тут один вопрос — а захочет ли он отдать дочь на сторону, за приезжего... Не знаю!

— По-моему, надо все же спросить у кутидора, — сказал Хасанали. — Вдруг он согласится, а коли не согласится — поставим в известность Атабека, может, и остынет он после этого.

Зия-шахичи пришлось по душе это предложение Хасанали:

— В таком случае, когда вы думаете навестить кутидора?

— Тут уж ваша воля!

Зия-шахичи немного призадумался, и на его лице заиграла улыбка:

— Знаете что, вот сейчас и пойдем! Попытаемся хоть раз в жизни быть сватами.

Зия-шахичи начал одеваться, когда Хасанали спросил его:

— Как вы думаете, мне пойти с вами, или вы уж сами?

Зия-шахичи махнул рукой:

— Вреда не будет, если и вы пойдете.

8. ПОЗДРАВЛЯЕМ С ХОРОШИМ ЗЯТЕМ!

...Слова Зия-шахичи, высказанные с улыбкой, повергли кутидора в недоумение, и он явно смущался спросить у незваных гостей причину их прихода.

— Бросьте возиться, — весело сказал Зия-шахи-чи. — Несите скорее дастархан для сватов.

Кутидор, вслед за словами Зия-шахи-чи, перестал разжигать огонь в сандале и направился в ичкари, чтобы распорядиться насчет угощения. Хасанали поглядел ему вслед, говоря:

— Да будет милостива к нам судьба!

Зия-шахи-чи твердо подхватил: «Будет милостива с помощью божьей! Кто же не согласится принять в зятя такого молодца, как Атабек, а иначе, мы и знаться с таким человеком перестанем!»

Кутидор вернулся в комнату... Зия-шахи-чи с Хасанали многозначительно переглядывались. Кутидор всем нутром чувствовал, что незваные гости, в особенности Зия-шахи-чи, собираются сказать что-то важное. Когда молчание затянулось, кутидор обратился к Хасанали:

— Как самочувствие бека?

Тут Зия-ака счел, что удобный момент наступил, он сделал знак Хасанали молчать и ответил за него сам.

— Вот мы и пришли к вам непрошеными гостями, — нас сильно тревожит здоровье Атабека.

Ничего не уяснив из ответа, кутидор вновь спросил:

— В здравии ли пребывает Атабек?

— До этого дня он был здоров, — стараясь придавать вес каждому слову, сказал Зия-шахи-чи, — однако его дальнейшее здоровье, по-видимому, в ваших руках.

Кутидор, взглядываясь в гостей, недоумевал все больше:

— Никак не пойму что-то...

— То есть, сегодня Атабек еще здоров, а вот отныне его здоровье целиком в ваших руках...

— В моих руках?

— И в вашей власти!

— Хотя каждый сознательный человек и желает здоровья такому молодцу, как Атабек, — продолжал удивленный кутидор, — но странно, как здоровье одного юноши может зависеть от чьей-то чужой воли?

Зия-шахици настаивал на своем:

— Не удивляйтесь, друг мой: дальнейшее здоровье Атабека в ваших руках. Шутки в сторону — говорю вам совершенно серьезно.

Кутидора внезапно осенило, о ком и о чем идет речь, и он почувствовал в себе некоторое смущение. Зия-шахици разгладил разостланную Тойбекой скатерть и разломил маленькие лепешки. Затем предложил Хасанали и кутидору отведать хлеба и заговорил уже откровеннее:

— Любовь подобна бесценному дару, которого удостоиваются лишь немногие. Сын вашего близкого друга Юсуфбека-хаджи Атабек вот уже много дней страдает каким-то скрытым недугом. Слуга Атабека, но на деле являющийся его духовным отцом, Хасанали-ата, начал допытываться об истинной причине сего недуга, тогда как бек, стараясь скрыть свою болезнь, уходил от ответа. Упорно наблюдая за ним, преданный своему хозяину Хасанали, как человек, умудренный жизненным опытом, вскоре раскрыл причину душевных страданий бека... Друг мой, говорят, если любовь не противоречит шариату, нечего ее стыдиться и даже, быть может, несколько тяжело будет нам с вами, но некоторые обстоятельства дела все же нужно будет прояснить: с одной стороны, в один из дней дуновение ветра судьбы приподняло покрывало с лица невинной юной дочери одного почтенного человека и, с другой стороны, позволило увидеть ее лик нашему Атабеку. И с этой минуты в сердце его загорелась любовь к этой красавице, истинная любовь...

Зия-шахици добавил еще несколько общих фраз и умолк. Теперь кутидор окончательно смутился. В таком же состоянии находились и сваты. Все трое понимали, насколько деликатно это дело, и, словно сговорившись, погрузились в молчание.

Наконец, кутидор заговорил, и хотя ему все уже было ясно, как день, он притворился непонимающим:

— И чья же это дочь?

Зия-шахици знал, что кутидор так спросит, и прямо ответил:

— Ваша любимица.

Кутидор уже пожалел, что спросил, и потупился. Вновь повисло неловкое молчание. Спустя некоторое время Зия-шахичи пришлось нарушить его:

— Мы явились сюда, чтобы подарить вам достойного сына, во славу Аллаха, а в дар Атабеку преподнести супругу, лучше которой нет на свете.

Сердце Хасанали забилося тревожно, ибо из уст кутидора должен прозвучать решающий ответ. Согласится он или нет? В свою очередь, и кутидор был растерян от неожиданного сватовства, не зная, верить во все это или нет. Что сказать этим людям, нетерпеливо ожидающим его ответа?

— Я чувствовал бы себя одним из счастливейших отцов, — заговорил он наконец, — который удостоился чести назвать такого парня, как Атабек, своим сыном. Однако не все в моей власти, есть еще жена, которая, вскормив ее молоком, вырастила нашу дочь... Представляется, негоже мне одному решить такое дело, не посоветовавшись с матерью. Если вы согласны подождать с ответом, то я, прежде всего, поговорю с нею насчет вашего предложения...

Кутидор говорил искренне и сердечно. И от того в жилах сватов убыстрилась кровь, даруя надежду.

— Речь не идет о приобретении коня, а о судьбе человека, друг мой, — живо откликнулся Зия-шахичи. — Конечно, посоветуйтесь с уважаемой госпожой и поведайте ей обо всем, что вы сами знаете об Атабеке и его отце, затем вместе хорошо обдумайте это дело и дайте ответ.

После этих слов, оставив гостей в михманхане, кутидор вышел из гостиной и направился в ичкари. Кумуш-биби легла спать. Тойбека же сотрясала своим храпом комнату, что была рядом с очагом. Открывая входную дверь, кутидор обратился к ожидавшей его Офтоб-аим:

— Захвати свечу и зайди ко мне.

Комната эта, в которую они вошли, по своему убранству была чрезвычайно богата и больше напоминала музей. В нишах высились горы шелковых и атласных одеял всевозможных расцветок, на пол-

как — сложенные в горку пуховые подушки, стояла рядами изысканная китайская посуда: узорчатые чашки из тонкого фарфора, кувшины, фарфоровые чайники, блюда; стены были увешаны щитами и шлемами, кинжалами и саблями в ножнах, отделанных серебром. Тут же на жердях висела разнообразная мужская и женская одежда: шубы, чекмени и прочее; от красных ковров — шедевров ткацкого искусства — рябило в глазах.

Офтоб-аим с нетерпением ждала, что скажет муж.

— Жена, — начал он, улыбаясь, — ты, конечно, не знаешь о том, что к нам пришли сваты?

Офтоб-аим встретила эту весть равнодушно: уже года два-три, как к ним в дом каждый день приходят сватать Кумуш, вот и сегодня, значит, пришли.

— Да принесут они нам добро. И кто же они?

Кутидор вновь улыбнулся:

— Один из них — Зия-шахичи, другой же незнаком тебе.

По голосу кутидора, по тени смущения в его глазах, Офтоб-аим поняла, что он находится под каким-то сильным душевным впечатлением от сегодняшних сватов.

— От кого же сваты?

— Может, ты помнишь, дней пятнадцать тому назад мы принимали гостя, молодого купца из Ташкента?

— А как же, помню! Тойбека так расхваливала его.

— Умница жена! — воскликнул кутидор. — Вот от него и пришли сваты.

От этих слов Офтоб-аим всю передернуло, и она выразила свое несогласие мужу.

— Так ведь он приезжий!

Тут уж и лицо кутидора приняло задумчивое выражение, и он, почесывая затылок, с нотками безнадежности в голосе сказал:

— Вот и меня это смущает. А вообще-то он, как раз такой, какого нам хотелось. Во всех отношениях хороший молодой человек.

Офтоб-айм, как и полагается хорошей жене, уважала волю и желанья мужа, в конечном итоге, выражала почтение ко всему его существу. И именно поэтому, хотя она и воспротивилась всем сердцем желанию супруга, решила не удовлетвориться одним лишь доводом «приезжий», а попыталась с помощью каких-либо иных недостатков охладить горящий в сердце кутидора огонь симпатии к Атабеку:

— А чей он сын? Знаете ли вы его отца?

Но лучше бы она об этом и не спрашивала. Ибо кутидор охотно, со всеми подробностями, рассказал о своем старом приятеле Юсуфбеке-хаджи, о том, какое положение он занимает, о своих отношениях с ним и закончил словами: «В благородном происхождении молодого человека можно не сомневаться, если же говорить начистоту, этот юноша по происхождению намного выше нас».

Офтоб-айм решила прощупать другую сторону:

— А он женат?

— Нет, не женат. Об этом я слышал от его слуги на каком-то застолье.

— Сколько ему лет?

— Не больше двадцати пяти: не то двадцать два, не то двадцать три года...

— С чего это вдруг он захотел стать нашим зятем? Что, в Ташкенте не нашлось девушки?

— Даже если и нашлась, ему до сих пор определенно никто не нравился, — сказал кутидор смущенно и, понизив голос, начал рассказывать все, что знал об этом.

Офтоб-айм не знала, что и сказать, видя, что муж все больше склонен принять это предложение. И действительно, с какой стороны ни глянь, молодой человек идеально подходил им, однако для нее он, прежде всего, был приезжим; но осознание того, что после стольких лет поисков подходящего зятя они вдруг выдадут дочь за чужака из Ташкента, ввергало Офтоб-айм в уныние.

— Что же ты посоветуешь, жена?

Офтоб-айм боялась огорчить мужа и не решилась прямо отказать, но всем сердцем она была против брака дочери с приезжим.

— Могу ли я идти против вашей воли, перечить вам, — начала она после долгого раздумья. — Ведь как ни посмотри, вы отец, и все в ваших руках. Я, конечно же, и в мыслях не допускаю, что вы захотите отдать свет очей ваших, любимую дочь, за плохого или неподходящего человека. Во всем я согласна с вами. Но будущий зять ведь из Ташкента — выходит, он заберет нашу дочь, увезет с собой, разлучит нас с единственным нашим ребенком... Не знаю, как вы, но я не выдержу разлуки с нею. Вот об этом, милый мой, вы не подумали как следует.

— Верно говоришь, жена, — задумчиво сказал кутидор. — Но чувствую, судьбой ли предначертано или еще по какой причине, а сердце мое склоняется к этому человеку. Не знаю, как ты отнесешься к моей мысли, но не будем откладывать наше решение, а дадим сватам такой ответ: допустим, если мы согласны, то условие ставим следующее — чтобы Кумуш не увозили из Маргилана. Если наши условия подойдут, то все прекрасно: вместо единственной дочери у нас будет двое детей. Коли не согласятся, в таком случае пусть пеняют на себя. Ну, как тебе нравится мое предложение, жена?

— А как быть с тем, что приезжий он?

— Мы не берем в зятя упреки и порицания. Нам нужен истинный молодец. А если среди народа пойдут сплетни и пересуды, что выдали дочь за приезжего, так пусть, нам без разницы.

Офтоб-аим с самого начала поняла, что муж твердо решил дать согласие, и она нехотя пробормотала: «Как знаете». Кутидор поспешил вернуться к гостям и объявить им уже известные условия. Зияшахичи принял их от имени Атабека и поздравил кутидора с прекрасным зятем, и на этом сватовство без излишних церемоний завершилось — сделка жизни состоялась, помолились о счастье молодой пары, о продолжении их рода. Затем сватам были подарены парчовые халаты. Хасанали, не переставая, благословлял и осыпал кутидора словами благодарности:

- На здоровье!
 - Да станет зять вашим сыном.
- А кутидор отвечал искренне и сердечно:
- Да сбудутся ваши пожелания!

9. ТОМИТЕЛЬНОЕ ОЖИДАНИЕ

Неожиданные события нынешней ночи оглушили Хасанали, он был в замешательстве, сон окутывал его старческие очи. Старик находился в плену раздумий: не знал, как утром преподнести беку такую радостную весть. Хасанали обстоятельно прокручивал в голове все, что могло произойти в душевном состоянии Атабека. Он будто видел, как Атабек, неделями не покидавший худжру, бросит, наконец, счастливый, свое затворничество и ходит по улицам, по базару, вот он воодушевленный появляется в доме кутидора. По мере того, как сон одолевал старика, ему казалось, что Атабек подходит и благодарит его: «Отец, никогда не забуду то добро, которое вы мне сделали!» Хасанали, временами просыпаясь, вновь и вновь продолжал размышлять все о том же: «Бедняга. Должно быть, и головушка твоя раскалывается от боли, в мечтах и вздохах о возлюбленной... Уж, наверное, и надежду потерял, думая, что некуда обратиться за помощью, не с кем поделиться своей бедой. Не горюй, мой бек. Отец твой Хасанали и здесь обо всем позаботился... Наступил последний вечер твоей печали, канун светлых лунных ночей, полных поэзии, мой бек!»

Хасанали засыпал, и снова перед ним вставал образ Атабека, а рядом с ним — миловидной красивой девушки; счастливо улыбаясь и обращаясь к нему, они говорили: «Вы — наш настоящий отец». И сон опять покидал Хасанали. «Мне уже шестьдесят четыре года, — думал он, — а ни сына, ни дочери нет у меня. Так и проживу на свете бездетным... Но разве Атабек не заменяет мне сына, а жена его не заменит мне дочь? Дети их будут называть меня «дедушкой» и бегать за мной. И ежели забытого всеми и лежащего под землей добром

помянут: «Был у нас когда-то дедушка Хасанали...»
С меня и этого достаточно!»

Ночи длинные, и Хасанали томительно дожидался рассвета, ему не терпелось поскорее обрадовать Атабека, а мысли об этом мешали спать. Так, в состоянии полудремы и подошли те часы, те заветные утренние мгновения, когда можно было преподнести сладкую весть.

После утреннего чаепития вышедший в свою комнату Хасанали вернулся, держа под мышкой сверток, и сел напротив бека. Ему не терпелось выкорчевать из сознания Атабека ростки гнетущего молчания и тоски, а вместо них посеять семена цветов и оросить их водицей надежды.

— Поздравляю вас, — сказал он.

Атабек изумленно, не понимая, взглянул на Хасанали. Улыбаясь, Хасанали положил подле сандала нарядный парчовый халат.

— Что это за халат? — спросил бек.

— Я ведь говорю: поздравляю вас!

— С чем это вы поздравляете?

— Вас с невинной и любимой супругой и таким тестем, как кутидор, а Хасанали с невесткой.

С Атабеком вдруг произошло странное: он задрожал, глаза его широко раскрылись и, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Неестественно присев, он спросил:

— Что вы хотите этим сказать?

— Незачем спрашивать, что я хочу сказать, а поверьте тому, что я уже сказал, — улыбнулся Хасанали. — Я решил женить вас на дочери кутидора и решение свое выполнил этой же ночью вместе с Зияшахичи... то есть вместе мы сосватали за вас дочь кутидора.

Атабек совсем растерялся и быстро переспросил:

— А какую дочь?

— Единственную дочь кутидора, — ответил Хасанали. — Не волнуйтесь на этот счет, бек! Зияшахичи обещал прийти после утреннего чая, нам еще предстоит с ним обсудить предсвадебные приготовления.

Лицо молодого человека выражало смесь радости и разочарования. Атабек не протестовал, но и радости от сообщения не испытывал.

* * *

Проснувшись утром, Кумуш сразу заметила, что в доме происходит что-то чрезвычайное:

— Кажется, этой ночью всем сразу приснилась свадьба.

Собираются шить новые одеяла, говорят о покупке пуховых подушек, обсуждают одежду будущего зятя. Офтоб-аим наказывает мужу прикупить для жениха золотой пояс... И впору диву даваться: о каком зяте Офтоб-аим идет речь? Кого они собираются выдавать замуж, разве у родителей есть еще дочь, кроме Кумуш? Одна она — значит, ее, Кумуш, выдают замуж. Все очень мудрено.

— Кто выходит замуж?

— Кумуш.

— А нравится жених Кумуш или нет? Прежде всего, надо ее спросить, не так ли?

— Незачем спрашивать, да и сообщать ей незачем.

— Почему?

— Да потому, что таков обычай. Кумуш обязана согласиться и выйти за того, кто понравился ее родителям.

Лишь последняя фраза Тойбеки помогла Кумуш понять, кого же ей прочат в мужья:

— Вот, юная госпожа моя, ты не ценишь свою тетку Тойбеку, — улыбаясь, начала служанка, — а она, ей-богу, провидица. Только скажет она или даже подумает, ангелы на небе тут же произносят «аминь». Помнишь, давеча я расхваливала одного молодого гостя, ты еще рассердилась тогда... А вот замуж выдают тебя именно за него. Теперь уж будешь мне поверять свои тайны, госпожа!

Слезы набежали на глаза Кумуш, оросив ресницы.

— Не плачь, моя госпожа! — успокаивала ее Тойбека. — Знаю-знаю, почему ты плачешь... Мужчины

в таких случаях смеются, а девушки, подобные вам, плачут. Раз плачете — значит, радуетесь... Я тоже слезы лила, когда меня замуж выдавали, а в душе дожидаться не могла дня свадьбы.

— Ах, оставьте, тетушка, терпению моему пришел конец, не говорите ничего больше, — запричитала Кумуш.

— Уже молчу! — сказала Тойбека. — Скажу лишь главное... Ох, взглянула бы ты хоть разок на своего жениха! И убедилась бы сама, до чего же он красив и умен, моя госпожа. Видно, так суждено. Звезды ваши сошлись одна с другой. Не скажешь, кто из вас лучше — оба несравненно хороши.

Кумуш-биби больше не стерпела и испуганно вскрикнула:

— Ой, умру я сейчас, замолчите!

На крик Кумуш из соседней комнаты вбежали Офтоб-аим и бабушка Айша.

— Что стряслось, что случилось? — взволнованно спросили они.

Увидев мать и бабушку, Кумуш натянула на голову одеяло, покрывавшее сандал, и легла. Тойбека совсем перепугалась:

— Я начала было говорить о ее суженом, а она вдруг рассердилась на меня.

Офтоб-аим с проклятиями накинулась на Тойбеку:

— Вот глупая, ты же смутила Кумуш! Очень тебе нужно во все вмешиваться. Иди отсюда, занимайся своим делом.

Расценив поведение девушки как обычное смущение, мать и бабушка ушли к себе и вновь принялись ворошить содержимое сундуков, то бишь продолжили приготовления к свадьбе.

Какое-то время Кумуш пролежала, завернувшись с головой в одеяло. Затем встала и юркнула на мужскую половину двора. От долгого плача у нее покраснели глаза, припухли веки и изменилось лицо. Но даже это не смогло затмить ее красоту и обаяние, наоборот, она казалась еще прелестнее. Девушка забилась в угол террасы и задумалась, склонив голову и подперев лицо правой рукой. Так

просидела она довольно долго, потом, вздохнув, отняла руку от лица и осмотрелась, словно искала кого-то взглядом, словно кого-то ждала...

— Берег арыка, таинственный берег арыка!

Глазами, полными слез, Кумуш уставилась на берег арыка, затем ее изящные ноги сами понесли девушку к воде. Дойдя до берега, она перепрыгнула через арык и присела в известном нам месте на корточках, зачерпнула рукой воду и брызнула себе в лицо, затем тихонько посмотрела в сторону улицы и вновь стала изучать течение воды. Никто не знает, что чувствует Кумуш, о чем она мечтает, — все это ведомо одному лишь арыку... Будто таинственный арык говорит ей о чем-то, внемлет ей — ведь никто со стороны не подозревает, о чем они беседуют, да и нет возможности это узнать.

Водой волшебного арыка она еще не единожды смывала жемчужные капли слез. А когда ей легчало, взгляд ее посветлел, и она, успокоившись, не торопясь, пошла обратно в ичкари.

10. ДЕВИЧНИК

В мужской половине двора много мужчин, ичкари заполнена женщинами, их потчуют различными блюдами и яствами, чудесной халвой и нишалдой¹. Во дворе не переставая звучит музыка, играют на дутарах и танбурах, на гиджаках и рубабках, на наях, сазах² и других инструментах... Лучшие певцы города, орошая мир из живительных источников песен своих, ласкают слух гостей. Той в самом разгаре...

Не менее шумно и весело в ичкари, где пируют женщины: выражаясь словами матерей, их сегодня так много, как песчинок в пустыне. Однако порядка тут нет. И двор, и комнаты переполнены женщинами. Одни, расположившись прямо во дворе, едят плов, халву и еще всякую всячину, другие убаюкивают

¹ Нишалда — вид сладости, наподобие патоки.

² Дутар, танбур, гиджак, рубаб, най, саз — национальные струнные и духовые музыкальные инструменты.

плачущих детей, третьи поют свадебную песню, громко вскрикивая «яр-яр», еще кто-то, не в силах сдержать себя, хохочет во весь голос, словом шум и гомон долетают чуть ли не до небес.

Посреди этого веселья лишь Офтоб-аим кажется опечаленной и задумчивой... Устала ли она от приема гостей или же по другой причине, но она выглядит совсем потерянной: забывает, что намеревалась сделать минуту назад, к примеру, заходит в таванхану¹, вместо того, чтобы зайти в комнату. На приветствия гостей, на их поздравления и теплые пожелания со свадьбой «Да будет зять вам вместо сына», отвечает неуверенным тихим голосом: «Да будет так».

Офтоб-аим, находясь возле кладовой, где хранилось зерно, подозвала к себе одну из гостей. От всеобщего праздничного сумбура отделилась пятидесятилетняя женщина с открытым веселым лицом и направилась к ней. Офтоб-аим увлекла ее за собой в кладовую, прикрыла двери, при этом лицо ее выражало крайнюю печаль.

— Чего это ты так грустишь, Офтоб? — спросила женщина, глядя в ее печальные глаза.

Офтоб-аим глубоко вздохнула и оглянулась на дверь.

— Так мрачно на душе, сестрица, что хоть свечу в ней зажигай, — сказала она вполголоса, и слезы набежали на ее глаза.

— Почему же?

— Из-за доченьки...

— Что с ней стряслось?

— Сегодня седьмой день, как она помолвлена, и с тех пор она плачет день и ночь, проливая реки слез. Спросишь у нее о причине, а она еще пуще заплачет. Сегодня совсем слезами изошла. Еле уговорили ее сходить в баню.

Женщина удивленно выслушала Офтоб-аим и, немного подумав, спросила:

— Что, может, жених непригляден?

¹ *Таван-хана* — помещение, где хранятся все подношения, готовые продукты для угощения гостей во время свадьбы.

— Я сама его не видала, но, говорят, что красоты он необыкновенной и очень умен к тому же. И уж как понравился нашему отцу! Вот тот и взял его в зятя.

— Кумуш сама знает что-либо о парне?

— Да мы говорили. Нарочно расхваливали его, а она и слушать не хочет, только плачет.

Женщина еще больше подивилась, не в силах постичь этой тайны. Затем принялась утешать Офтоб-аим, рассказала ей, какие бывают случаи. Иная до свадьбы плачет-разливается, а побывает за брачным пологом и крепко привяжется к мужу.

— Не беспокойся, Офтоб! Если зять и впрямь красив и поговорить умеет, мы еще увидим, как твоя дочь вьюном обовьется вокруг него.

— Ох, сестрица, — сказала безнадежно Офтоб-аим, — не верится мне...

— Уж поверь, Офтоб, — настойчиво говорила женщина, — я перевидала много плачущих девушек, а за брачным пологом они становились резвее самих парней. И твоя дочь, наверное, тоже из таких. Не горюй, Офтоб.

— Дай-то бог!

— Так оно и будет, — рассмеялась женщина. — Но погоди, Офтоб, если дочь твоя переменится, как я сейчас предсказываю, что же ты мне за это дашь, а?

— Полная сарпа¹ с меня.

— Смотри же, ловлю тебя на слове, Офтоб. Вот увидишь — вьюном обовьется вокруг мужа. А теперь иди, встречай гостей. Да улыбнись повеселее!

Они вышли из кладовой и влились в шумную толпу женщин.

* * *

Ох, что за девичник — здесь и цветы, здесь и горлицы! Сегодня в доме дяди Кумуш девичник — цветник девушек!

¹ *Сарпа* — одежда и обувь, подаренные на свадьбах, торжественных приемах. Здесь эта фраза означает «одарить одеждой с ног до головы».

В этом доме собрались тридцать-сорок красавиц: они провожают в новую жизнь одну из самых прекрасных, самых милых подруг своих. И чтобы проводы состоялись в надлежащем, приподнятом духе, все девушки принарядились в самые лучшие свои платья, блещущие украшениями. О, если бы вам удалось проникнуть сегодня в этот дом и взглянуть хоть раз на участниц этого тоя, заранее можно сказать, голову вы уж точно бы потеряли от восторга! Глаза разбежались бы у вас.

— Этот цветок милее всех? Нет — та! Да нет же — вон та! А прекраснее всех вот эта...! Одним словом, не придя к одному решению, пытаясь выбрать самую прелестную богиню, вы сойдете с ума, да так опростоволоситесь, что народ вас поднимет на смех.

В общем, девичник вобрал в себя бесподобных, одна лучше другой девушек-ангелов, прекрасных, как пери, певиц, танцовщиц, бубнисток и дутаристок, не было среди них лишь одной Кумуш, которая еще не вернулась из бани! Без нее девичник — не девичник, а если и попробует кто-нибудь заиграть, запеть, то без всякого воодушевления. «Вот придет Кумуш, — думают все, — и тогда будет настоящее веселье».

Вдруг кто-то взволнованно крикнул:

— Идут!

Все девушки ринулись к окошку и выглянули во двор. Кумуш шла в сопровождении двух свах. Ах, если бы в эту минуту увидел бы ее Атабек! Да-да, ему следовало бы увидеть свою возлюбленную — ее нежный, девственный облик сразил бы его стрелой вожделения, ибо она была прекрасна, и все ей шло необыкновенно: и белый шелковый платок на голове, и белое шелковое платье, и шубка, подбитая серебряной парчой, с куньим воротником, обнимающим шейку, целующим подбородок. А как хороши завитки ее черных кудрей и горящие румянцем щеки!

Свахи привели Кумуш во двор и сказали:

— Вот вам, девушки, и Кумуш. Развеселите ее получше!

Две-три девушки подбежали к невесте, сняли с нее паранджу и повели в комнату. Свахи, предоста-

вив Кумуш девушкам, удалились. Во дворе не было ни мужчин, ни старших женщин — юные девушки заполнили весь дом.

Кумуш в сопровождении девушек вошла в комнату. Нежный и сильный аромат благовоний, исходящий от нее, нежным покрывалом окутал дом. Девчата окружили Кумуш и затараторили, перебивая друг друга:

— Как поживаете? С новыми нарядами вас!

В ответ Кумуш чуть слышно шептала:

— Да принесут они счастье!

Ее усадили на почетное место, и девушки расселись, образовав полукруг. Они почему-то притихли, многозначительно поглядывая на виновницу торжества. Всем почему-то стало грустно. О чем думали они, о чем грустили? Разве нам ведомы девичьи тайны?

Девушки, словно цветы, нанизанные на нить, украшали комнату, лица их стали кроткими, задумчивыми и серьезными, а оттого еще более прекрасными. Но если бы теперь нам пришлось выбирать из них самую красивую, мы не растерялись бы, как ранее, и, не колеблясь, выбрали бы Кумуш. Она была розой среди тюльпанов, полной луной среди звезд.

В комнате все еще царила безмолвная тишина.

Но как на всякой пирушке непременно найдутся заводилы, так и здесь оказалась своя героиня — Гульсун-биби, которой не по нутру пришлось грусть и унылая тишина, что овладели праздником.

— Для чего мы сюда собрались?! — воскликнула она. — Сидеть, что ли, в угрюмой задумчивости? Или мы пришли на поминки?

Гульсун поддержала Ханым-биби:

— Не грустите, подруженьки! Все равно мы все через это пройдем! Вставай, Савра! Пойди во двор, разведи костер и разогрей дойру¹. Анаргуль, возьми свой дутар! О, Кумуш, довольно погружаться в печальные размышления, улыбнитесь нам, пожалуйста. Все равно, завтра сами же пожалеете о своих на-

¹ Дойра — бубен.

опасных переживаниях! — Так говорила Ханым-биби, что заставило всех взорваться от хохота. Даже Кумуш заулыбалась, и между ее рубиновых губ чуть показались жемчужные зубы.

После таких слов внезапно девичником завладело веселье. Вот уже Анаргуль заиграла на своем дутаре известную мелодию «Подружки», которая затронула потаенные струны девичьих сердец. А Ханым-биби, не заставляя себя долго упрашивать, вскочила со своего места и пустилась в пляс. Присоединившиеся к дутару ритмы дойры еще более разогрели атмосферу веселья. В такт дойре девушки ритмично хлопали в ладоши, подбадривая танцующих. Вечер становился все оживленнее. Но настоящее веселье началось, когда закрыли ставни и в нишах зажгли свечи. Свет от пламени свечей, игриво соревнующийся с волнами воздуха от движений танцующих, придавал девушкам какой-то фантастический вид, они стали похожи на перышки из предания о «Несравненной Лайли» («Алиф Лайло»). Теперь дутар под нежнейший аккомпанемент дойры заиграл мелодию «Ифор». По кругу в плавном танце двинулась Гульсун. Дутар будил самые нежные струны в душе, дойра трепетно заставляла сердце стремиться куда-то в неведомое. Мягкими движениями Гульсун плавно семенила по кругу, словно сливаясь с ритмами танца, и это бросало в дрожь все естество человека.

Однако не следует думать, что и Кумуш была вовлечена в круг игривого веселья и радостного настроения, ибо хотя она и сидела тут, среди своих подруг, но мысли ее витали где-то далеко-далеко. Хотя ее взор и был устремлен на веселящихся, но перед ее глазами возникали совсем иные видения... И из сказанного вы можете подумать, что место ее вроде бы не на празднике веселья, а на поминках...

Прошло часа два, первый жар веселья поостыл. Девушки подустали и перестали танцевать. Теперь Гульсун и Ханым сели рядом и начали тихо петь под дутар. Первой запела Гульсун, голос у нее звонкий, словно колокольчик, и начала она с песни «Йигларман» — «Плачу я»:

*Подруженьки, едва коснусь струны дутара я,
Невольню о возлюбленном всплакнет душа моя.*

При повторении первого куплета к Гульсун присоединяется Ханым-биби, их голоса звучат в унисон, вливаются прямо в душу, заставляют быстрее бежать в жилах кровь. Даже сидевшая до этого в глубоком раздумье Кумуш — и та вдруг словно очнулась от сна и взглянула на певиц.

Девушки запели второй куплет:

*Показавшись на миг, овладел он душою,
Больше я не видала красавца, не скрою!*

Неожиданно при этих словах в глазах Кумуш блеснули слезы. А девушки перешли к третьему куплету:

*Если б мне довелось повидать его снова,
Все бы я отдала, что имею святого.*

Четвертый куплет звучал так:

*Только знает ли он, этот деспот мой грозный,
Что все ночи и дни по нему лью я слезы!*

Кумуш волновалась все больше и больше...
Подоспело время и для пятого куплета:

*Ну скажите вы мне, дорогие подруги,
Сколько можно с любимым быть в вечной разлуке?*

И наконец, прозвучал последний куплет:

*Нет у силы страдать, о избранник мой милый!
Я о землю ударю дутар — что есть силы!*

Но этих слов уже никто не слышал, все устремились к Кумуш, которая горько плакала, обняв сидевшую рядом с ней девушку, от чего собравшиеся взглянули на нее с большим изумлением.

— Что с тобой, Кумуш?

— Отчего плачете, сестрица Кумуш?

— Болит ли где-нибудь, Кумуш?

Кумуш оторвала голову от плеча подруги и посмотрела на всех влажными от слез глазами, затем, как бы очнувшись, попыталась освободиться от охва-

тившего ее волнения, быстро достала из кармана платочек и приложила к глазам.

— Скажи нам, почему ты плачешь? — спросила Гульсун.

Кумуш улыбнулась через силу и обратилась к ней:

— Так, просто...

— А, чтоб тебе, Кумуш! — с напускной досадой сказала Гульсун. — Если бы мне такой муж попался, я взлетела бы на небеса от радости!

Слова Гульсун заставили девушек рассмеяться. Но Кумуш оставалась печальной, и подружки, чтобы развеселить ее, затеяли интересную игру, своего рода песенное состязание жениха и невесты. Гульсун выступала в роли жениха, а Ханым-биби играла роль невесты, то есть Кумуш. Они перебрасывались шуточными песнями, до того задорными и смешными, что девушки покатывались со смеху. Однако всего затеянного оказалось недостаточно, чтобы увидеть жемчужные зубы Кумуш. Она сидела, погруженная в свои думы.

Со двора, где шел свадебный пир, девушкам принесли плов на ляганах¹ и угощения. После плова пришли свахи и стали просить девушек отдать им Кумуш. Девушки, как и полагалось по обычаю, отвечали:

— Нет, мы не отдадим вам Кумуш.

Кумуш казалось, что это правда, что ее не отдадут. Выходя из дома в сопровождении двух янга², она все еще с надеждой оглядывалась на подруг, словно ждала от них помощи. Но девушки друг за дружкой стали расходиться, проводив свою подругу — Кумуш в новый мир, мир женщин.

¹ *Ляган* — широкая плоская посуда, в которой обычно подают плов.

² *Янга* — сваха.

11. НЕЖДАННОЕ СЧАСТЬЕ

Получить от невесты положенное согласие на брак оказалось очень трудным делом. Несколько раз пришлось мулле повторить свой вопрос:

«Вы, Кумуш-биби, дочь Мирзакарима, поручили ли своему дяде Мухаммаду Рахиму, сыну Юлдаша, передать вашу плоть ташкентскому мусульманину Атабеку, сыну Юсуфбека-хаджи?»

Только после вопроса, повторенного в шестой или седьмой раз, да и то под натиском янга, еле-еле удалось получить согласие Кумуш.

К пяти часам вечера в доме кутидора с нетерпением ожидали жениха. Для него были приготовлены плов и множество других блюд, а также всевозможные сласти. Наконец, где-то в половине шестого в сопровождении двух-трех десятков молодых людей — друзей Рахмата, показался Атабек — жених. Одет он был великолепно: на голове серебряная шелковая чалма, на плечах — кунья шуба, подбитая черным сукном, под ней суконный голубой камзол, который по его же заказу шит в Шамае, и суконные брюки; на ногах — городские сапожки; перепоясан Атабек подаренным шелковым пояском, искусно вышитым Кумуш... На щеках жениха горит румянец, губы тронуты легкой улыбкой, глаза так и сверкают, посматривая то в одну, то в другую сторону, словно отыскивая кого-то. Многие гости, пришедшие из махалли, хотя уже давно отведали плов, но специально засиделись, чтобы поглядеть на жениха: «Хорош, хорош! — шептали они. — Достойный жених. Она красива, да и он красавец!» К Офтоб-аим подбежала ее старшая сестра, которая до этого вместе с соседскими женщинами наблюдала с крыши за прибытием жениха:

— Офтоб, приготовь-ка поскорее исырк¹. Да убежит Аллах твоего зятя от дурного глаза!

У калитки, встречая гостей, стоит кутидор со сложенными на груди руками; исподлобья, краем

¹ Исырк — трава, которую жгли для окуривания от сглаза (одолень-трава).

глаза поглядывая на своего зятя, он незаметно для окружающих улыбается. На террасе, ведущей в михманхану, восседают белобородый имам с благообразным и строгим лицом, Зия-шахичи, Хасанали, представители со стороны невесты и еще несколько человек. После того, как молодые парни подвели Атабеска к мулле, начались переговоры между представителем жениха — Зия-шахичи (что-то вроде посаженного отца), и Мухаммадрахимом (соответственно представителем со стороны невесты). Речь шла об имуществе, которое жених должен передать будущей жене в полную собственность. После длительного обсуждения пришли к следующему соглашению: невеста получает деньгами три сотни золотых тилля, обязательство выкупить после свадьбы большой дом в Маргилане, одну дойную корову, хозяйственную утварь... После того, как Атабек дал согласие на все это, мулла перешел к совершению обряда «никох». Он прочитал молитву, восхваляющую бога, и молитвы в честь пророка, «салаваты», как это принято в исламе, и наконец, подошел к самому деликатному вопросу: «Атабек, сын Юсуфбека-хаджи, согласны ли вы взять по всем правилам шариата в жены Кумуш, дочь Мирзакарима?» — спросил он на фарси. Атабек едва сдержался: согласен ли он? Да он с первого раза готов был крикнуть: «Согласен, с великой радостью согласен!» Но, постеснявшись присутствующих, которые могли сказать: «Ишь, какой нетерпеливый!», он промолчал. Мулла повторил вопрос. По принятым правилам жениху полагалось отвечать лишь после третьего раза, но Атабек не выдержал всей церемонии, ему вдруг показалось, что после того, как вопрос будет задан в третий раз, присутствующие могут сказать: «Да он не желает жениться на Кумуш» — и все дело расстроится. Не помня себя от волнения, Атабек воскликнул: «Беру, беру!..» Мулла провозгласил хвалу Аллаху, и на этом закончился брачный обряд. Все собравшиеся прочитали молитву о счастье жениха и невесты и, подняв руки, произнесли «аминь!» К молитве присоединились и женщины, наблюдавшие с крыш за происхо-

дящим. Молодые люди подхватили Атабека под руки и увели в михманхану. Начался пир.

Атабек горел от нетерпения, а пир все длился и длился. Наконец, настало время последней вечерней молитвы. Блюда и чаши, опорожненные на голодный желудок в несметном количестве, были убраны, скатерти свернуты. Прошло каких-нибудь полтора часа, а ему показалось, что годы. И, наконец, за женихом явились янга — свахи. Снова прочитали молитву с пожеланиями молодым жить в любви и согласии, и Атабека повели в ичкари.

В последнюю минуту на террасе к нему подошел Хасанали.

— Поздравляю с законным браком, бек!

— Очень вам признателен!

Хасанали любовно с ног до головы оглядел Атабека, по-отцовски погладил его по спине и благословил со слезами на глазах. Атабек двинулся за свахами. С ним творилось что-то странное: сон ли это, явь ли? Неужели правда — все, что происходит?

А мы с вами зайдем вместе с Атабеком в ичкари: по обеим сторонам двора, до самой комнаты Кумуш, полно женщин и детей, которые жаждут поглазеть на жениха. У некоторых женщин в руках свечи. Комната, предназначенная для жениха, богато убрана коврами и сюзане, к тому же ее украшают многие вещи, перенесенные сюда из покоев кутидора. Помимо этого в комнате висит вышитая женщинами прекрасная чадра¹. На потолке красуется огромная люстра, три десятка свечей которой освещают комнату каким-то таинственным светом. В углу, одетая во все белое, как на девичнике, стоит Кумуш... По милому лицу ее пляшут разноцветные огоньки и тени, отраженные от многочисленных предметов в комнате. Не слушая, что говорит ей янга, Кумуш плачет. А когда со двора донесся возглас: «Жених! Жених идет!», лицо Кумуш приняло еще более

¹ Чадра — занавес, полог (преимущественно из белой ткани, закрывающей угол комнаты, в котором сидят новобрачные в первый вечер свадьбы).

страдальческое выражение, она заплакала сильнее. Янга, оставив плачущую Кумуш, метнулась к двери. Жених был совсем близко. Атабек шел в окружении женщин, окуривая его, двигалась за ним старшая сестра Офтоб-аим. Все, сопровождавшие Атабека, поднимали повыше свечи, чтобы лучше рассмотреть его. Красный от смущения, Атабек встал на пороге, не зная, куда себя деть. Но вот открылась дверь, и янга позвала:

— Пожалуйте, бек!

Сердце Атабека билось так громко, что ему казалось — слышит и сваха... Атабек вошел в комнату, а сваха прикрыла за ним дверь, но оставила щель, в которую видно было, что делается внутри... В глубине комнаты боком к Атабеку стояла Кумуш и то ли теребила, то ли пыталась разорвать уголки платка. Она даже не повернулась, чтобы взглянуть на вошедшего. В этот момент ее изящные руки, перебиравшие платок, были сжаты другими руками:

— Милая!

Кумуш вздрогнула от прикосновения и отстранилась.

— Не троньте меня, — сказала она.

— Почему вы сторонитесь? Почему не взглянете на меня? — умоляюще проговорил бек с дрожью в голосе. До самой этой минуты Кумуш-биби не смотрела в его сторону и даже не имела желания взглянуть на него. Сейчас же, с трудом преодолев себя, она бросила настороженный взгляд на жениха... Взглянула — и невольно застыла на некоторое время... Потом, ступив несколько шажочков в направлении Атабека, вплотную подошла к нему и в замешательстве, взволнованным голосом произнесла:

— Вы тот самый?

— Да, это я!

Они оба стояли, как замороженные, и молча уставились друг на друга.

— Глазам своим не верю, — тяжело вздохнув, заговорила Кумуш.

— И я тоже, — ответил Атабек, не сводя с нее широко распахнутых глаз.

И в это время их уста, невольно притянувшись друг к другу, сошлись в поцелуе... Маленькие нежные руки невесты легли на плечи жениха, а его большие и сильные руки обняли ее стан.

Кумуш пристально смотрела в лицо Атабека.

— Какое нежданное счастье! — тихо сказала она и засмеялась звонким серебряным смехом, к которому так подходило ее имя — Кумуш¹. Этот смех слышали и во дворе. Приоткрытая свахой дверь тихонько закрылась. Кумуш взяла Атабека за руку и подвела его к заранее подготовленному дастархану.

— Если бы я только знала, что это вы, то встретила бы вас иначе...

— А вы думали, что это другой?

— Куда там думать, я и представить не могла, что это можете быть вы! — Кумуш вновь звонко засмеялась.

Атабек взял ее изящную руку и надел на палец золотое кольцо, Кумуш же растерянно опустила взгляд:

— А я вот для вас ничего и не приготовила...

— Вы сожалеете об этом?

— ...

— Не нужно раскаиваться! — молвил бек. — Надеюсь, не откажете мне в одной просьбе.

— Не откажу, конечно!

— Если вы позволите мне поцеловать вот в это местечко, — сказал он, указывая на черную родинку над верхней губой Кумуш, — это было бы для меня самым лучшим подарком.

Кумуш покрылась густым румянцем.

* * *

Позвольте теперь вернуться немного назад.

На другой день после приезда в Маргилан, Атабек пошел на обувной базар. Близилось к концу время предзакатной молитвы — намаза «аср», и молодой человек попросил в одной из лавок воды для омовения. Вода в глубоком арыке, что протекал

¹ *Кумуш* — по-узбекски значит «серебро».

вдоль улицы, была лишь на дне, и поэтому доставать ее было крайне неудобно. Продавец в лавке показал подходящее место: «Пройдете вон через те угловые ворота во двор, там есть место, где берега арыка невысоки, и совершите омовение». Так Атабек попал во двор (в мужскую половину) кутидора, и случайно его взору явился ангел, который как раз в эту же самую минуту зачем-то выпорхнул из михманханы. Это была Кумуш, она подошла к другому берегу арыка и невольно засмотрелась на ладно сложенного и приятного юношу. Некоторое время оба стояли, как завороченные, не в силах оторвать друг от друга взгляд. Потом Кумуш, словно испугавшись внезапно чего-то, страшно смутилась и скрылась в темном коридоре, ведущем в ичкари. При этом все сорок косичек ее заструились по спине. Убегая в ичкари, она вновь метнула взгляд на парня и при этом одарила его легкой улыбкой... Кумуш скрылась, но Атабек какое-то время все еще стоял, как вкопанный... Наконец, очнувшись, он широко распахнул глаза и попытался вернуть улетевшую несколько мгновений назад мечту. Но — мечты мечтами, а действительность требовала другого. Он присел на корточки у арыка, чтобы зачерпнуть воды, однако взгляд его все время был прикован к темному коридору, куда скрылась девушка. И совершив омовение, Атабек все еще продолжал смотреть туда. Но она так и не появилась. Может быть, выглядывает откуда-нибудь и посмеивается над своим пленником, которого связала без веревки?

Долго ждал Атабек. Пропустил час намаза «аср» и, наконец, усилием воли заставил себя уйти со двора кутидора. Так родилась любовь, крепнувшая с каждым днем... Впрочем, читателю дальнейшее уже известно. Вот почему Кумуш воскликнула: «Так это вы?» Случилось так, что мечта Кумуш сбылась, и эта первая чистая любовь соединила два юных сердца.

12. КЛЕВЕТА

«Сегодня седьмой день, как Атабек женился на дочери кутидора», — вот первое, что услышал Хамид, вернувшись из Коканда. Он искал страшные, подобные своему облику, пути отмщения. В ушах все звучали слова: «...женился на дочери...»

Его возвращение из Коканда обернулось невероятными страданиями для обеих жен — неистовствуя от злобы, он избивал их по малейшему поводу. Из страха избегая встречи с ним, вернее, питая величайшее отвращение к нему, они прятались где-нибудь в углу двора и в стремлении пожелать ему смерти проявляли полную солидарность. «Ах, неужели мы жалели бы, сгинь он в Коканде, тогда тело его досталось бы псам!» — говорили они.

Когда он что-то обдумывал, то всецело отдавался этому. В такие часы лицо его принимало хищное выражение, весь его облик дышал свирепостью, словно он был готов броситься и растерзать невинную жертву. Во всяком случае, он как бы рыскал в поисках способов дикой расправы. Но вот, наконец, злая усмешка тронула его губы, он прищелкнул пальцами, — видно, что-то надумал, — вскочил, сорвал с колышка грязную чалму и вышел во двор. Заглянув в ткацкую мастерскую, Хамид отдал распоряжения мастерам и подмастерьям и через большие ворота направился на улицу, на ходу поправляя чалму. Узенькими улочками и переулками он прошел в западную часть города, в махаллю беков.

У ее входа два стражника, вооруженные ружьями и саблями, стояли перед огромными воротами, обращенными на юг, и мирно беседовали. Уже знакомый нам тип подошел к ним и, остановившись, спросил:

— Бек у себя?

Недовольный, что кто-то нарушает их беседу, один из стражников хмуро промолчал, а второй ткнул в сторону двери ружьем, буркнув:

— Иди!

Минуя ворота, посетитель вошел во двор, напоминая караван-сарай, где на айване, разложив

костер, грелись человек пятнадцать вооруженных молодых. Пройдя вдоль айвана, Хамид подошел к старшему стражнику, охранявшему вход в дом, и сказал, что ему необходимо встретиться с курбаши¹, и попросил разрешения войти. Стражник предложил следовать за ним и привел его в помещение, где сидел человек лет сорока-пятидесяти, одетый в чекмень уратюбинской работы, подхваченный серебряным поясом, с синей чалмой на голове; темное лицо его отливало характерной желтизной, какая бывает у тех, кто употребляет кукнар или терьяк²; на его коленях лежала сабля в серебряных ножнах. Это и был курбаши, он был углублен в чтение какой-то бумаги, похожей на указ. Небрежно ответив на приветствие вошедшего, курбаши нехотя спросил:

— С чем пожаловал?

— Таксыр, я к вам с жалобой!

Стражник, оставив их, ушел. Посетитель остановился у двери, сложив руки на груди.

— Что за жалоба?

— Таксыр... позвольте мне присесть...

— Ладно, садись.

Посетитель сделал несколько робких шагов по изношенному выцветшему ковру и почтительно сел напротив курбаши. Тот сложил бумагу, которая до этого была у него в руках, сунул ее за пазуху и упрямо оглядел пришедшего.

— Откуда ты?

— Таксыр... я здешний, маргиланский.

— Как тебя зовут?

— Таксыр... Меня зовут Хамид.

— Чем ты занимаешься?

— Хозяин ткацкой мастерской.

— Хорошо. Выкладывай свою жалобу!

— Карачапаны не хотят жить спокойно даже при справедливом правлении Мусульманкула-бахадур, благородного тестя шахиншаха, — придав своему

¹ *Курбаши* — в данном контексте означает начальника полицейского участка.

² *Кукнар, терьяк* — наркотические вещества.

голосу наигранное беспокойство, торжественно начал Хамид. — Они поднимают народ против своих старших братьев — кипчаков и хотят сами вершить дела, обрекая страну на разруху и смуту... Мы считали, что смутьяны есть только в Ташкенте — Азизбек с его советником Юсуфбеком-хаджи, но, оказывается, семена смуты посеяны и у нас в Маргилане.

У курбаши сверкнули глаза:

— Что ты несешь? Кто это сеет смуту в Маргилане?

— Один из них — сын знаменитого ташкентского смутьяна Юсуфбека-хаджи — Атабек, пребывающий сейчас в Маргилане, другой — его сподвижник и тесть Мирзакарим-кутидор.

— Неужто?

— Именно так, таксыр.

— Откуда тебе это ведомо?

— На днях присутствовал на их сходке, таксыр...

— Так-так, и что же там?

— Разные там были разговоры, таксыр! — продолжал Хамид. — Основной фигурой этого сборища выступал Атабек, он-то и начал говорить о жестокостях кипчаков, о насилиях, якобы совершенных ими. Сообщил, что в Ташкенте Азизбек с его отцом решили отстранить кипчаков от управления страной. Предлагал восстать против кипчаков и в Маргилане... Все, а в особенности Мирзакарим-кутидор, поддержали его. Нужно скорее предупредить это страшное дело, иначе возникнут тяжелые последствия для власти и для всей страны, таксыр!

— А у кого вы собирались?

Хамид и не ожидал, что такой вопрос может быть задан, и очень растерялся. Ведь если он скажет, в чьем доме это было, арестуют и шурина, и племянника Рахмата. Рассказать об этом — все равно, что ударить себя же топором по ногам: некуда будет податься.

— Что-то не могу вспомнить, — сказал Хамид запинаясь.

Не удовлетворившись ответом, курбаши рассвирепел:

— Ах, не помнишь?!

Хамид совершенно сник и прерывисто пролепетал:

— Может, и помню, но сказать неудобно, место очень деликатное...

— Деликатное! — воскликнул злобно курбаши и расхохотался. — Если не скажешь, где это было, сам будешь брошен в яму вместе с другими негодьями!

— Пощадите, таксыр!

Но курбаши ревел уже неистово:

— Никакой пощады!

Тут для Хамида оставался последний шанс — он стал рыться в кармане и с превеликим трудом извлек оттуда кошелек и вынул, не считая, штук десять золотых монет.

— Таксыр, — сказал он, протягивая их курбаши, — примите мои ничтожные приношения...

Еще когда Хамид рылся в кармане, на лице курбаши заиграли иные чувства; теперь же, спокойно пряча деньги, он заговорил другим, почти ласковым голосом:

— Так деликатное место, говоришь, уважаемый Хамидбай?

— Таксыр...

— И эти окаянные держали такой совет?

— Таксыр, надобно предупредить их действия, иначе последствия несомненно окажутся ужасными!

— Смутьяны, конечно, будут наказаны... Я сейчас же доложу правителю. Мы этой же ночью должны схватить негодников.

Лицо Хамида засияло. Его наполнило чувство радости при мысли о предстоящей мести. Как легко курбаши попался на его уловку. Тем временем курбаши достал с полки чернильницу, обмакнул в нее перо и спросил:

— Ну-ка, Хамидбай, говори, как зовут этих негодяев?

— Один из них ташкентец Атабек — сын Юсуфбека-хаджи.

— Так, так, — сказал курбаши, записывая. — Говоришь, Юсуфбека-хаджи сын! Вот негодяй! Они

хотят и наш Маргилан потопить в крови! Кто второй?

— Маргиланец Мирзакарим, на днях он выдал дочь за Атабека.

— Мерзавец и в темноте учует себе подобного поганца. Кто еще?

— Раб Атабека — Хасанали.

— Есть еще кто-нибудь?

Хамид призадумался, потом, поколебавшись, ответил:

— Был там еще андижанец Акрам-хаджи... Не знаю, в Маргилане ли он сейчас.

Курбаши записал и это, приговаривая:

— Дело, оказывается, непростое! Дальше!

— Все, таксыр! Главное — задержать Атабека с Мирзакаримом, раздавить голову змее. Остальным не под силу будет что-нибудь предпринять, таксыр.

Курбаши отложил перо и сунул бумагу в свой карман.

— Хорошо! Дело ясное. Завтра утром узнаешь о принятых мерах. Хамид почтительно поклонился курбаши и вышел вон.

13. АРЕСТ

Дворцовая цитадель была воздвигнута в местности «Ярмазар», у самой городской стены. Перед воротами на нескольких десятинах раскинулся большой плодовый сад, где росли яблони, урючины, груши и тутовые деревья. По обе стороны от ворот шли покрытые резным цветастым узором глиняные стены высотой в восемь аршин. У крепости на карауле виднелись два постовых стражника в меховых ушанках, одетые в длинные халаты то ли из алачи¹, то ли из грубого полотна, вооруженные саблями, продетыми через поясные ремни. Они стояли, прислонившись к своим ружьям. Близился час заката, и с наступлением сумерек один из караульных

¹ Алача — полосатая бумажная или полупелюшковая материя кустарного производства.

плотно прикрыл полуотворенные створки тяжелых ворот и, гремя цепью, с трудом запер их. Сейчас мы лишены возможности пробраться в цитадель, а потому обойдем ее снаружи: пройдя шагов двести влево от ворот, мы доходим до угла. Там высится особая караульная башня, однако в ней сейчас нет часового. Дальше на юг простирается пустырь. Четыреста шагов пути — и мы очутимся у второго, юго-восточного, тоже не охраняемого, угла цитадели; отсюда можно уже увидеть и ее юго-западный угол. Сделав в итоге тысячу шестьсот шагов, мы обойдем всю твердыню и окажемся снова у знакомых нам ворот на западной стороне.

Стемнело настолько, что уже нельзя было различить лица рядом стоящего человека. Часовые у ворот вновь застыли, словно памятники.

Со стороны города все слышней и слышней приближался конский топот.

— Кажись, топот копыт, — сказал один из часовых, обращаясь к другому. Тот, всматриваясь в сумеречную даль, заметил:

— Как будто три всадника...

— Кто бы это мог быть в такое неурочное время?

— Да никто, кроме курбаши, не появляется в этот час, видать, он.

Так оно и оказалось: подъехал курбаши в сопровождении двух джигитов. Поручив своего коня одному из них, он приказал часовым:

— Открыть ворота!

Часовые передали приказ, и ворота раскрылись изнутри. Курбаши прошел в крепость. Мы уже прикинули длину ее стен и можем представить, насколько площадь ее обширна внутри. Однако внутренняя часть цитадели с севера на юг была разделена прямой стеной, в большей части жила семья правителя города. На внешнем дворе с трех сторон (южной, восточной и западной) не было никаких строений, тут находились лишь лестницы, ведущие на крепостные стены. Но к четвертой стороне, где были ворота, примыкал дом, с левой стороны которого помещалась канцелярия правителя, а затем шло

пятнадцатиоконное здание сорока аршин¹ в длину, двадцати аршин в ширину, в котором у огня, разожженного в середине, сидело человек пятьдесят вооруженных джигитов бека. Далее по той же стороне расположились кухня, конюшня и другие подсобные помещения.

Курбаши остановился возле привратника и спросил:

— Бек у себя?

— Не знаю, таксыр, — ответил привратник, с трудом закрывая ворота.

В это время служитель, ведавший освещением, зажег подле ворот длинный факел и осветил весь двор. Курбаши двинулся вправо от ворот. На той стороне высились красивые, искусно украшенные здания, в которых воплотились умение и мастерство лучших зодчих города. Курбаши прошел через первую дверь, у которой стоял вооруженный стражник, и попал в небольшую комнату, отделанную резьбой и лепными украшениями. Миновав вторую дверь, он очутился в большом роскошном зале: стены, освещенные свечами, установленными в золотом канделябре, заливали, словно отблесками звезд, расписанные золотистыми, серебристыми, синими и красными, белыми и розовыми, желтыми и черными цветами стены зала. Этот блеск и пестрота красок придавали залу фантастический вид. Вытканые на красном ковре тюльпаны казались живыми и свежими, словно мы находились посреди цветущего луга. На почетном месте, против главного входа, у маленькой позолоченной дверцы сидел на атласной курпаче приятный юноша лет пятнадцати, одетый в алый бархатный халат, и ел плов.

— А, Ахмад-хан, вы здесь? — входя, сказал курбаши и улыбнулся.

Юноша, не тронувшись с места, ответил:

— Я всегда здесь. Присаживайтесь к плову.

— Благодарю. Кушбеги, наверное, у себя?

— Да. А вы не стесняйтесь, — сказал Ахмад-хан, — ешьте плов, я уже наелся.

¹ Аршин — мера длины, равная 0,71 см.

— Я счастлив буду отведать из вашей благо-
словенной руки.

Ахмад-хан захватил побольше плова в горсть и поднес ко рту курбаши, лицо которого выразило блаженство, казалось, он готов был проглотить не только плов, но и руку Ахмад-хана.

Прошло не так уж много времени. Раскрылась маленькая дверца в глубине помещения, и в зал вошел полнолицый, с густыми нависшими бровями и тяжелым взглядом, среднего роста человек лет сорока пяти с жидкой бородкой. Его фигуру облекал парчовый халат, на поясе висела сабля. По тому, как вскочили и курбаши, и Ахмад-хан, с какой почтительностью поклонились они ему, можно было догадаться, кто это такой. Человек присел на атласную курпачу и внушительным тоном заговорил:

— Ну что, Халикбек, все ли спокойно на вашем участке, присаживайтесь!

— Слава богу, под сенью вашей милости! — сказал, низко кланяясь, курбаши и опустил неподалеку на колени, сложив руки. Ахмад-хан забрал пустое блюдо и скатерть и вышел через ту же маленькую дверцу, откуда появился кушбеги.

— Что со вчерашними ворами, изловили?

— Под сенью вашей милости... Одного вора поймали. Если окажете помощь, то надеюсь, поймаем и остальных.

— Какие еще новости?

Курбаши сделался серьезным:

— Под сенью вашей милости, я, кажется, обнаружил логово смутьянов, опасных для правительства.

Кушбеги переложил на колени мешавшую ему саблю и все также холодно спросил:

— Какое логово смутьянов?

— Разве есть еще смутьяны на свете, таксыр, сильнее карачапанов?

Тут с лица кушбеги слетела маска равнодушия, он приподнялся и шире открыл глаза:

— Ну?

— Вам известно, что Азизбек вместе со своим советником Юсуфбеком-хаджи поднял в Ташкенте бунт. Но они, не удовлетворившись этим, задумали

затянуть смуту и в Маргилане тоже, прислав для этого дела сюда своего верного человека.

— А вы узнали, кто это?

— Узнал, таксыр. — В голосе курбаши прозвучали горделивые нотки. — Это сын Юсуфбека-хаджи и еще несколько наших маргиланцев-смутьянов.

— Сын Юсуфбека-хаджи? — переспросил кушбеги.

— Да, таксыр... имя его Атабек.

У кушбеги загорелись глаза... Он задумался, наморщив лоб и теребя свою бороду левой рукой. Это известие произвело на него сильное впечатление: вполне возможно, что в то время, как Ташкент поднялся против Коканда, один из ташкентских зачинщиков смуты — Юсуфбек-хаджи — послал в Маргилан сына с целью поднять мятеж и здесь.

— А где он сейчас живет?

— В доме человека по имени Мирзакарим-кутидор.

— Что его связывает с Мирзакаримом?

— Вот в этом-то и вся штука, таксыр. Кутидор — самый близкий Атабеку человек в Маргилане. Несколько дней тому назад кутидор выдал свою дочь за него, сделал своим зятем. Говорят, что Атабек обо всем советуется с тестем.

— А кто к ним примыкает?

Курбаши вынул из кармана бумагу и сказал, протягивая ее кушбеги:

— Пока мне известны лишь эти имена.

Пробежав глазами донесение, кушбеги приказал немедленно арестовать указанных в нем людей. Раскланявшись, курбаши ушел, а кушбеги, еще раз внимательно прочитав список, задумался.

* * *

Утаббай-кушбеги¹ только что вышел из внутренних покоев. Тем временем появился курбаши и поклонился ему:

¹ Утаббай-кушбеги — один из знатных кипчакских беков. Он был в должности бека Маргилана в 1263—1267 гг. хиджры (1846—1860 гг.). После смерти Мусульманкула был назначен на его место мингбаши (военным и главным визирем). В Маргилане имеется даже надгробие Утаббая (прим. автора).

— Люди доставлены, таксыр! Но двоих я не нашел...

— А Атабек? — нетерпеливо перебил кушбеги.

— Пойман, таксыр, — с победоносным видом воскликнул курбаши. — И кутидор тоже.

— Приведите их сюда!

Кушбеги уже успокоился. Курбаши вышел, подал из коридора знак во двор, вернулся обратно и попросил разрешения сесть. В сопровождении двух стражников вошли Атабек и кутидор, с порога поклонились кушбеги, тот отослал стражников и милостиво подозвал к себе обоих. Лицо Атабека выражало лишь недоумение, однако кутидор был испуган и очень бледен. Подойдя поближе, они опустились на колени. Кушбеги, внимательно разглядывая Атабека, спросил:

— Вы Атабек?

— Да, таксыр, это я.

— Вы сын ташкентца Юсуфбека-хаджи?

— Да, таксыр.

— Сейчас проживаете в Маргилане?

— Да, таксыр.

— И давно вы здесь?

— Около сорока дней.

— По каким делам вы прибыли в Маргилан?

— По торговым, таксыр.

— Вы один занимаетесь торговлей?

— Был со мной еще человек.

Кушбеги заглянул в список, который держал перед собой, и продолжил допрос:

— А кто такой Хасанали?

При этом вопросе Атабек немного заволновался, однако отвечал по-прежнему спокойно.

— Это наш слуга. Человек, с которым я приехал из Ташкента, и есть Хасанали.

— А где сейчас Хасанали?

— В Маргилане.

— Он живет вместе с вами?

— Нет, в караван-сараяе. Там есть у нас немного товара, так он присматривает за ним.

— Кем вам приходится этот человек? — Кушбеги указал на кутидора.

- Он наш тесть.
- И давно вы с ним породнились?
- Сегодня восьмой день...
- Вы были женаты раньше?
- Нет!
- Почему же вы, ташкентец, женились в Маргилане?

Атабек смутился. Однако кушбеги по-своему расценил его состояние в пользу своих подозрений:

- Отвечайте!
- Судьба, таксыр.

Кушбеги помолчал, подумал и продолжал допрос:

- С кем вы еще знакомы в Маргилане?
- Только с тремя-четырьмя людьми, не более.
- Знаете ли вы Акрама-хаджи?
- Да, знаю. Я встречался с ним несколько раз в гостях.

— А где он сейчас, ваш приятель Акрам-хаджи?

— Не знаю, таксыр, — сказал Атабек и оглянулся на тестя, как бы обращаясь к нему за ответом.

— Акрам-хаджи, наверное, в Андижане, таксыр, — сказал кутидор.

— Хорошо! Отвечайте, Атабек: в чьих домах происходили беседы, при которых вместе с вами присутствовал Акрам-хаджи.

Атабек начал догадываться, что допрос ведется неспроста, за этими вопросами кроется что-то серьезное.

— Первый раз мы встретились приблизительно месяц тому назад в доме человека по имени Зия-шахичи, во второй раз — у этого человека (Атабек указал на кутидора). На этих встречах присутствовал и Акрам-хаджи.

— Кто принимал участие в застольях у Зия-шахичи?

— Я, Зия-шахичи, этот человек (кутидор), — Атабек задумался и добавил, — сын Зия-шахичи — Рахмат, Акрам-хаджи, Хасанали и еще один человек по имени Хамид.

Услышав имя Хамида, курбаши как бы в знак утверждения кивнул головой, а кушбеги, исподлобья взглянув на него, продолжал:

- Кто присутствовал на второй встрече?
- Были все те же, только без Хамида.
- Когда вы, говорите, приехали в Маргилан?
- Дней сорок назад.

— Хорошо, а теперь, ответьте, какая же причина заставила вас на такой долгий срок задержаться в Маргилане?

— Вам, конечно, известно, что Ташкент в осаде. Возвращаться туда сейчас было бы безумием.

— Что же вы, карачапан, испугались кипчаков? — насмешливо спросил кушбеги.

— Я не понимаю вас, — улыбаясь, сказал Атабек. Он разговаривал с кушбеги как с обыкновенным человеком, а кутидора бросали в жар и холод не слова Атабека, а его улыбка. Вести себя с правителем подобным образом, даже если и прав человек, смерти подобно. Правда, Утаббай был наиболее благоразумным и справедливым из правителей того времени, но и он не мог не поддаться влиянию тогдашних нравов. Атабек своей спокойной речью вывел его из терпения.

— Уж не забыли ли вы, что ваш отец Юсуфбек-хаджи враг кипчаков? А как же наставления, данные вам отцом как его представителю, и которыми уполномочил вас хаджи?

— Кто враг кипчаков и о каких полномочиях идет речь, во имя Аллаха, говорите ясней, я ничего не могу понять, хоть убейте!

— Не притворяйтесь, бек! Мы хорошо знаем, кто такой ваш отец, зачем послал он вас в Маргилан и что вы здесь творите вместе с кутидором. Все документально известно! Вы хотите поднять своих маргиланских соплеменников против кипчаков! И об этом нам известно!..

— О, господи! — воскликнули вместе Атабек и кутидор.

Они были потрясены. У Атабека перехватило дыхание, от чего он посинел. Кутидор дрожал, как

в лихорадке. Усилием воли Атабек взял себя в руки:

— О, какая клевета, таксыр! Неужели вы поверили, что отец мой — враг кипчаков, а я приехал в Маргилан подготовить какое-то восстание с товарищами?

— Не думаем, а знаем, что это так! И прекрасно понимаем, в каких целях кутидор выдал дочь свою за вас, сделав своим зятем.

Полное оцепенение охватило кутидора, Атабек тоже молчал, стараясь преодолеть волнение. Кушбеги и курбаши, зорко наблюдая за арестованными, по-своему истолковывали их состояние.

Наконец, спустя минуты три-четыре, Атабек обрел дар речи.

— Значит, по-вашему, мы есть не кто иные, как смутьяны и мятежники? Так это или нет, надеюсь, что ваше беспристрастное следствие раскроет истину. Я не боюсь казни и вовсе не собираюсь льстить вам, но должен сказать, что считаю вас наиболее разумным и справедливым из всех правителей. А потому хочу объяснить, каковы убеждения моего отца и мои. Мы не держим сторону ни кипчаков, ни наших сородичей. Мы считаем, что нельзя отдавать предпочтение ни тем, ни другим; в делах управления обе стороны действуют не хуже и не лучше. Связывать будущее Туркестана только с одной из этих сторон — все равно, что отдавать овец под охрану волков. Вы спросите — почему? Да потому, что и с той, и с другой стороны людьми, стремящимися к власти, руководит лишь одно — корысть. Одни стараются увеличить свои богатства за счет разорения народа, другие мечтают о роскошной жизни, о красивых женщинах. Среди них днем с огнем не найти таких, перед которыми бы стояла великая цель — дать мир и благоденствие народу. Так вот мы с отцом — сторонники этой благородной цели, таксыр, а не защищаем карачапанов. Пока, к величайшему сожалению, она живет только в наших мечтах. Отец мой стал советником Азизбека не потому, что он враг кипчаков и сторонник карачапанов, а потому,

что он надеется провести свои убеждения в жизнь. Увы, надежды отца на Азизбека не оправдались. Азизбек отвернулся от хана ради своих темных замыслов, из-за этого проливается кровь многих невинных. Хотите верьте мне, хотите нет — воля несомненно ваша. Но я возмущен явной клеветой на меня, таксыр. Очень больно мне это слышать!

Выслушав Атабека, кушбеги серьезно призадумались. Но сомнения не покидали его: ведь Атабек все же сын Юсуфбека-хаджи, ближайшего советника Азизбека. Уж не подготовил ли он на случай ареста всю эту речь? Единственное, что он решил, это тщательно расследовать дело, не торопиться с выводами.

— Во всяком случае, ваши действия кажутся нам подозрительными, — сказал кушбеги, — и до выяснения истины оба вы будете находиться в темнице.

Атабек промолчал. «Неужели нет выхода?» — вопрошающим взглядом, растерянно глянул на зятя кутидор. По знаку кушбеги пришли стражники и виновных увели в темницу. Отпуская курбаши, Утабай вынес свой вердикт: «Завтра же арестуйте и доставьте сюда всех участников сборища». Курбаши удалился.

14. ЗА СПАСЕНИЕМ В ТАШКЕНТ

Восьмой день медового месяца для Кумуш — хозяйки «нежданного счастья», вдруг совершенно невообразимым образом обернулся бедствием, нагрянувшим нежданно-негаданно на ее бедную голову. И для Хасанали, думавшего с умиротворением: «Вот, наконец, и женил я бека, порадовал его счастьем быть рядом с возлюбленной», и еще толком не постигшего разных сторон этой женитьбы, не успевшего насладиться делом рук своих, свалившаяся напасть была испытанием не из легких. А для Офтоб-аим, которая, видя, что молодые, как пара голубков, не могут расстаться ни на минуту, была вне себя от радости за свою единственную, ненаглядную дочь, так удачно пристроенную за примерным, благопо-

лучным женихом, необъяснимый арест зятя и супруга стали глубоким потрясением. Находясь в плену тяжелых раздумий, они все еще никак не могли поверить в случившееся. Казалось, Кумуш уже разуверилась в своем счастье и выглядела потерявшей всякую надежду на благоприятный исход. Хасанали, недавно только вздохнувший с облегчением от радостных хлопот, теперь встал перед неразрешимой проблемой. Офтоб-аим поникла духом.

Единственное, что могли противопоставить свалившемуся горю Кумуш-биби с Офтоб-аим — это лишь целыми днями лить безутешные слезы. Трагедия сия всей своей тяжестью, подобно горе, придавила Хасанали. Кумуш совсем растерялась, не зная, от кого же ждать помощи для своего мужа и для отца, она смотрела на Хасанали полными слез глазами, как бы спрашивая: «Что же нам теперь делать?» В семье кутидора не было других мужчин; защитником мог быть только дядя Кумуш, Ахмадбек, но он чаще всего обретался в Коканде или в Ходженте, рассчитывать на него не стоило. Таким образом, единственным верным человеком для Кумуш и ее матери оставался лишь Хасанали.

Непосильным бременем легла на плечи Хасанали вся тяжесть забот о доме. Если бы он находился в своем родном городе, где все свои, те откликнулись бы в такую горькую минуту и помогли бы кто — словом, а кто — и делом, было бы не так тяжело, но Ташкент далеко, а в Маргилане он совершенно одинок. Из знакомых — только Зия-шахичи и его сын Рахмат. «Во всяком случае, у меня нет здесь других людей, на которых можно опереться», — решил он. Но воспользоваться их помощью не пришлось: и отец, и сын были взяты под стражу. Как вскоре выяснилось, разыскивали и самого Хасанали. Ужас обуял Хасанали и Кумуш-биби, страх сковал их еще сильнее. Хасанали бы арестовали в тот же день, что и Атабека с кутидором, но его просто не нашли, так как он был не дома, а в караван-сараяе. До того, как стражники курбаши явились за Хасанали, в доме кутидора еще надеялись, что через день-

два освободят и Атабека, и кутидора, теперь же и эти надежды улетучились. У Хасанали мелькнула мысль добровольно отдаться в руки властей, пусть его держат в заключении вместе с Атабеком; если придется умереть, то он умрет вместе с ним, а если все разъяснится, их всех освободят. Кумуш и Офтоб-аим воспротивились этому. «На свободе, быть может, вы принесете больше пользы узникам», говорили они. Хасанали с этим согласился. Но жизнь его стала ужасной: каждую минуту он ждал, что за ним придут. Скрываясь от стражников, Хасанали по несколько раз в день менял свое пристанище.

Он перестал есть, спать и все думал: «За что же арестовали Атабека и кутидора? В чем они могли провиниться?» Хасанали знал о всех делах своего господина. «Видно, что-нибудь у кутидора неладно», — думалось ему. Но его все больше охватывал страх, он вспомнил старинную народную поговорку: «Человек гибнет не по своей вине, а потому, что правителю крови захотелось», что невольно заставило его тяжело вздыхать.

Так прошло пять томительных дней. Ничто не прояснилось, причины ареста Атабека и кутидора оставались неизвестными. Хасанали ничего не смог предпринять для их освобождения и, видно, что в дальнейшем будет то же самое. Итак, прежде всего, надо думать о том, чтобы самому остаться на свободе, схоронившись от джигитов курбаши.

В конце концов, Хасанали решил покинуть Маргилан и вернуться в Ташкент. Оттуда все время доходили тревожные слухи, говорили, что Ташкент все еще в осаде, окружен кокандскими войсками, и Хасанали прекрасно понимал, сколько опасностей поджидает его. И все же внутренний голос подсказывал ему, что это единственно верный путь спасения — во что бы то ни стало необходимо попасть в Ташкент, иного пути просто не осталось. Он объявил Кумуш и ее матери о своем решении; они обе, находясь в глубокой скорби, плохо соображали, о чем он говорит, и только горько плакали. В ответ на слова Хасанали: «Здесь мы с вами ничего не до-

бьемся. В любом случае мне нужно ехать за помощью в Ташкент», Кумуш надломленным голосом спросила:

— Подумайте, если в Маргилане не нашлось надежды, откуда же ей взяться в Ташкенте?

— Все надо испробовать, дочь моя! Возможно, ваш свекор найдет выход, даст хороший совет.

— Как же мы без вас останемся? А вдруг тираны... — от слез Кумуш не могла говорить и разрыдалась. Хасанали и сам чуть не заплакал, но сдержался, стараясь успокоить Кумуш.

— Не надо думать о дурном, дочь моя! Кушбеги, в отличие от других правителей, справедливый человек. Уповая на бога, надеюсь, что еще до моего возвращения из Ташкента и отец, и муж ваш будут на свободе.

В эту же ночь Хасанали собрался в дорогу, оседлав солового иноходца кутидора. А рано утром он самым первым выехал из Кокандских ворот Маргилана.

15. ТАШКЕНТ В ОСАДЕ

Шел пятьдесят первый день осады Ташкента. Стужа ослабла, заметно потеплело, солнце засияло на посветлевшем небе. Таял снег, кругом — слякоть, от зубцов крепостной стены поднимался пар.

Сегодня с раннего утра кокандцы атаковали Ташкент со стороны ворот Самарканд-Дарбаза, и эта атака для них самих же кончилась чрезвычайно трагически. Уцелевшие кокандские воины-сипахи разбрелись по своим временным пристанищам, кто куда, чтобы хоть немного передохнуть и перевязать раны. Поле битвы являло страшную картину. У крепостной стены, между городскими воротами Камалон-Дарбаза и Самарканд-Дарбаза, на протяжении пятисот шагов, валялись уже ограбленные мародерами, полуобнаженные, обезглавленные, залитые черной кровью тела. А на крепостных стенах, усталые после боя, но веселые от сознания победы, грелись на солнышке ополченцы — защитники Ташкента, кто в чалме, а

кто — в шапке или папахе, созерцая поле битвы, превратившееся в открытое ужасающее кладбище. Между воротами просматриваются две панорамы: одна из них — внизу, у стен крепости, являет собой жуткое пространство, усеянное сотнями убитых, обезглавленных, покрытых черной, запекшейся кровью трупов, другая же представлена бойцами, которые стоят на городских стенах во хмелю победы.

Возбужденно смеясь, один из воинов похваляется тем, что убил одного из кипчакских военачальников: «Я здорово-таки попал в него, будь он проклят, он аж подпрыгнул на три аршина над своим конем и кубарем покатился на землю». Другой же стрелок показывает на чье-то тело внизу: «Глядите, вон там! Когда в того кипчака вонзилась стрела, он и застонал. Я одним взмахом отрубил ему голову и снял с него золотой пояс, парчовую шубу!» Так бахвалились они своим геройством и богатыми трофеями, кто — золотым ремнем-поясом, кто — кольцом с сапфировым камнем, собольей шубой, саблей в серебряных ножнах и другой захваченной добычей.

В это самое время над крепостной стеной зазвучала песня:

*Пусть будет радостным твой век,
Счастливый, сильный Азизбек!*

*Пусть подыхает злой Нармат¹,
Кипчаки пусть в огне горят!*

Теперь позвольте, минуя трупы, пройти с вами немного на запад, и мы остановимся у ворот Самарканд-Дарбаза. Шесть аршин высоты, пять ширины — вот их размеры. Они пробиты в крепостной стене в восемь аршин высоты. Принимая во внимание опасность быть застигнутым врасплох врагом, мы нетерпеливо стучим в ворота.

— Откройте, бек-ака, откройте поскорее!

Однако наши просьбы оставляют охрану ворот совершенно равнодушными. Мы настойчиво и ярост-

¹ *Нармат* — Нармухаммад-кушбеги, предводитель кокандского войска кипчаков, осаждавших Ташкент.

но продолжаем стучать, наконец, минут через пятнадцать им это надоедает, и один из привратников не спеша, лениво поднимается на крепостную стену и внимательно разглядывает нас. Удостоверившись, что мы свои, ташкентские, он с превеликим трудом отмыкает огромный, величиной с голову верблюда, замок и снимает цепь. Вслед за тем, как мы оказываемся внутри, страж ворчит на нас до тех пор, пока закрывает ворота. А мы с вами окинем взглядом этого сурового стража: на нем шуба из овчины, целый кусок бязи перепоясывает его стан, а на поясе болтается ключ от крепостных ворот, на голове — туркменская папаха длиной в пол-аршина. Затем мы пройдем немного вправо от ворот. Шагах в пятнадцати вглубь двора, на открытой площадке, похожей на беседку, расположилась охрана ворот. Стражники греются у костра и покуривают чилим¹. Продолжим наш путь вдоль внутренней стороны крепостной стены. Теперь мы увидим живописно расположившиеся группы воинов-стрелков, которые прежде стояли на кромке крепостной стены. Рассмотрим их подробнее. Сейчас они, отдыхая, сидят на самой верхней ступеньке крепостной лестницы и греются на солнце. Их одежды чрезвычайно пестры, и возраст различен. Ведь это все просто жители Ташкента, вставшие на защиту родного города: кто вооружен саблей, а кто — ружьем. И вся охраняемая территория вплоть до самых ворот Камалон-Дарбаза представляет собой живописную картину.

Где-то посередине между воротами Самарканд-Дарбаза и Камалон-Дарбаза расположился некий бек в парчовом халате, с саблей, висящей на серебряном поясе, в шелковой чалме серебристого цвета, он что-то втолковывает стоящему рядом юноше, показывая на кучу вещей, лежащих перед ним. Приблизившись к беседующим еще на пятьдесят-шестьдесят шагов, мы наталкиваемся на нечто страшное — «холм ужаса», перед которым меркнут ранее виденные нами кошмары за пределами крепостной стены, и это бук-

¹ Чилим — кальян.

важно лишает нас сознания от страха и отвращения от увиденного.

Перед нашим взором холм, сложенный из трех-четырех сотен человеческих голов.

О, эти длинные бороды, перепачканные кровью редкие волосы, посеревшие лица, полуоткрытые и подернутые смертной дымкой глаза! Так и кажется, что они шлют проклятия нашему миру. Особенно страшна одна голова. Обладателю ее, наверное, не было и двадцати лет, на губе еще усы не пробились. Полуоткрытые глаза под забрызганными кровью густыми бровями, казалось, ищут кого-то. Прикушенный белыми зубами язык высовывается из полуоткрытого рта, страшная гримаса на лице убитого как бы выражает сожаление о том, что ему пришлось родиться в столь ужасное время среди безрассудного народа.

В одной из этих страшных голов бек узнал своего знакомого кипчака и указал на нее стоящему рядом юноше. В это время показались три вооруженных всадника, скачущих со стороны ворот Камалон-Дарбаза.

— Худайчи¹, Сулейман-худайчи! — закричали сидевшие на крепостной стене.

А худайчи, подъехав к начальнику крепости, объявил, что сейчас прибудет его высочество бек. Всадники ускакали так же стремительно, как и появились. Значит, после извещения худайчи пожалует сам Азизбек, чтобы чествовать своих бойцов с великой победой, одержанной сегодня.

После того, как худайчи ускакал, начальник крепости сильно забеспокоился и забегал, как угорелый, обращаясь с распоряжениями к своим воинам:

— Эй, храбрые молодцы, там, на крепостной стене! Постройтесь, как полагается, подготовьтесь к встрече нашего бека! Эй, Хусайнбек, беги, предупреди привратников! Ганибек-сотник, выровняйте ряды своего отряда! Есаул-баши, следите за порядком!

¹ *Худайчи* — соответствует званию «адъютант правителя», как правило, возвещающий о прибытии хана.

Все герои битвы пришли в движение, стоявшие на верхней ступеньке стены спустились на одну ниже и начали выстраивать ряды. Среди поднявшегося гула начальник крепости мотался на коне из конца в конец и отдавал распоряжения:

— Соберитесь, молодцы! Стройтесь! Готовьтесь к приветствию!

Вооруженные ружьями, саблями, секирами, копьями воины шумно выравнивали ряды. В середине строя взвилось зеленое знамя. Таким образом, все было готово для церемонии торжественной встречи правителя города Азизбека.

16. АЗИЗБЕК

Спустя три-четыре минуты со стороны ворот Камалон-Дарбаза показался большой отряд всадников. Это в сопровождении сотни воинов приближался Азизбек с военачальниками. Он гордо восседал на гнедом, отливающим красным, жеребце в золоченой сбруе, был одет в переливающийся радугой под солнечными лучами парчовый халат, ворот и рукава которого оторочены золотым позументом, с белой шелковой чалмой на голове, на его золотом поясе висела вдетая в серебряные ножны сабля алжирской работы, ноги упирались в серебряные стремяна. Желтоватое, цвета пшеницы, лицо Азизбека обрамляла острая бородка, топорчились реденькие брови. На вид ему можно было дать лет сорок пять-пятьдесят. За ним на вороном коне следовал человек в голубом суконном халате, тоже отороченном позументом; голову его покрывала мерлушковая папаха, на серебряном поясе у него с правой стороны болталась сабля, а с левой был заткнут туппонча¹. На его смуглом лице, обе стороны которого и подбородок были слегка тронуты жидкой растительностью, поражало полное отсутствие бровей, словно их начисто слизали джины. Глубоко ввалились налитые кровью глаза. Это был главнокомандующий войсками Азизбека, его

¹ *Туппонча* — малый пистолет.

правая рука — Раимбек-дадха¹. Рядом с ним на небольшом буланом коне ехал некто в бухарском полосатом халате с заткнутыми полами, без пояса и в большой чалме. Круглолицый, миловидный с ясными карими глазами, с длинной седоватой бородой, он походил своим обликом на человека духовного звания, к тому же он был безоружен и ехал, опираясь ручкой плети о луку седла. За этими тремя всадниками по четыре в ряд гарцевали воины, одинаково одетые в короткие до колен камзолы из голубого сукна и красные суконные шаровары; на ногах у них красовались зеленые сапоги из конской кожи, а на головах — папахи, такие же, как у Раимбека, только с красным суконным верхом. Все они были в белых кожаных поясах, слева у каждого висела сабля, а справа — заткнут за пояс пистолет. В общем, колонна имела стройный вид, несмотря на то, что многие из воинов достигли уже преклонного возраста.

Выстроившиеся у крепостных стен герои раболопно приветствовали Азизбека, кланяясь чуть не до земли. Азизбек отвечал кивком головы, прикладывая при этом к груди золотую рукоятку своей плети. Начальник крепости, стоявший у холма из отрубленных голов, сошел с коня и, придерживая повод меж сложенных ладоней, почтительно ждал, пока бек подъедет к этому месту. Между скачущим беком и холмом из голов оставалось шагов сорок-пятьдесят. Азизбек так пристально вглядывался в отрубленные головы, что даже забывал отвечать на приветствия. Военачальники и воины, сопровождавшие Азизбека, тоже смотрели на страшный холм.

Подъехав к нему, Азизбек остановился и некоторое время глядел на представшую его взору картину. Потом повернулся к беку, все еще стоявшему с почтительно сложенными на груди руками, и сказал улыбаясь:

— Хвалю вас за рвение! Сегодня вы дали кипчакам сокрушительный отпор, подобно легендарному Рустаму. Истребляли их, как собак! Спасибо моим

¹ *Дадха* — один из высших чинов в ханстве.

подданным за их старание. Да продлит Аллах их дни!

Азизбек окончил приветствие, и тут же худайчи громко закричал, чтобы услышали стоявшие наверху:

— Почтеннейший бек изволили принести вам благодарность за рвение, проявленное сегодня, и пожелали вам долгой жизни!

Ответные возгласы воинов-стрелков прозвучали так громко, что содрогнулось небо.

— Благодарим, таксыр, благодарим! Долгой жизни нашему правителю! Да не оскудеет его царственная сень над нами!

Азизбек приложил плеть к груди и поклонился воинам. Потом он отдал приказ худайчи:

— Выдать начальнику крепости парчовый халат, сотникам — по шелковому халату, всем остальным храбрецам — по три таньги¹.

Снова раздались благодарственные выкрики.

— Да приумножится его достояние!

Из колонны, ведя на поводу коней, выступили два казначея и приблизились к худайчи. Один из коней был навьючен халатами, другой — хурджуном², оба мешка которого были туго набиты монетами. Худайчи снял с вьюка один парчовый халат и поднес его начальнику крепости. Надевая халат, тот долго и выпренно благодарил Азизбека. Затем худайчи, нагрузив одного казначея халатами, а другого — мешками с деньгами, поднялся вместе с начальником крепости на крепостную стену. Там началось вручение наград; по указанию начальника одним выдавалось по три таньги, другим — шелковые халаты.

Тем временем Азизбек объезжал холм из отрубленных голов, показывая сопровождавшим его Раимбеку-дадха и человеку в полосатом халате головы знакомых кокандских военачальников. Он рассказывал при этом, кто из них какую занимал должность, какие жестокости чинил над карачапанам. Раимбек-дадха слушал с величайшим вниманием, а человек в

¹ *Таньга* — серебряная монета.

² *Хурджун* — переметная сума.

полосатом халате как бы с отвращением отворачивался от страшного зрелища и лишь изредка восклицал: «Таксыр, таксыр!»

За полчаса все подарки были розданы, худаичи подошел к Азизбеку с пустыми мешками и отвесил почтительный поклон, а Азизбек обратился к начальнику крепости:

— Никого не обошли вниманием?

— О нет! Под вашей благословенной сенью...

— Когда кипчаки начали сегодня атаковать?

— Чуть забрезжил рассвет, со стороны Актепе¹ загрели пушки. Минут через пятнадцать после этого показали конные войска кипчаков, они бросились на Самаркандские ворота. Тут уж и я поднял стрелков и приказал открыть стрельбу из бойниц у ворот Самарканд-Дарбаза, и они вели непрерывную пальбу на протяжении минут пятнадцати. Кипчаки не выдержали ружейного огня, отступили от Самаркандских ворот и бросились к позициям у ворот Камалон-Дарбаза. Тогда и я, с вашего благословения, пустил в дело стрелков, находившихся там. Где-то после часа стрельбы враг не смог устоять под нашими пулями и бежал, оставив между воротами Камалон-Дарбаза и Самарканд-Дарбаза сотни три-четыре трупов. Из наших убито всего пять человек, да раненых — девять!

Азизбек, возбужденный выслушанным, вновь воздал хвалу победителям и спросил:

— Кипчак Нармат показывался?

— Нет, таксыр! Возле крепости ни разу не появлялся. Если бы явился...

— Надо быть готовым к этому!

— Конечно, под вашим благословенным началом... Это для нас главное!

Азизбек крикнул, обращаясь к воинам: «Я доволен вами!», а затем, под громкие выкрики благодарности и восторга защитников крепости, двинулся вместе со свитой к Самаркандским воротам.

На радостях от одержанной победы, бек решил проехаться вдоль крепостных стен, и поэтому, минуя

¹ *Актепе* — название местности близ Самаркандских ворот.

Самаркандские ворота, он направился к арыку Чакар. Стена крепости упиралась в глубокий обрывистый Чакар, где и заканчивалась, над его водами невозможно было возвести стену, и яр оставался открытым, но сразу же за ним стоял высокий холм, омываемый с южной стороны уже известным нам Чакаром, а с западной стороны — водами Боз-Су и арыка Кукчи. Зажатый меж двумя потоками, этот холм и без укреплений являлся превосходным естественным препятствием. На холме было возведено несколько построек для воинов, обращенных на три стороны света, и на все три стороны были направлены жерла пушек, установленных в специальных помещениях, при них постоянно находились пушкари и охрана.

Азизбек со свитой спустился в яр, перебрался через него вброд и стал подниматься к упомянутому холму. Произведя наверху смотр пушкарям и стражникам, он распорядился и их одарить деньгами. После этого вся кавалькада вернулась на восточную сторону холма, ибо все остальные его стороны, как уже было отмечено, были обрывами высотой в несколько тополей. Для того, чтобы проехать к воротам Кукчи, надо было сначала спуститься недалеко от кладбища Сузук-Ата к арыку Кукча, переправиться вброд и лишь тогда повернуть к крепостным воротам.

В укреплениях Кукчи было сосредоточено меньше воинов, чем в других местах, но все же и там их было немало. Худайчи ехал немного впереди Азизбека, возвещая о его прибытии. Вооруженные ружьями и палицами молодые и старые воины приветствовали своего правителя и с немалой гордостью слушали его ответные слова: «Благодарю, подданные мои!» Так объехал Азизбек ворота Кукчи, Чигатай, Сагбан, Карасарай, Тахтапуль, Лабзак и, наконец, достиг Кашгарских ворот¹. Так как эти ворота

¹ Помимо упомянутых, в Ташкенте были еще ворота Каймас, Бешагач и Кокандские, всего их насчитывалось двенадцать. В настоящее время на месте бывших ворот Каймас расположена махалля «Укчи» (на углу старгородской части улицы Тупраккурган).

расположены ближе всего ко дворцу, здесь охрана уже была усиленной и численность воинов тоже была немалой. Приветственные крики неслись со всех сторон.

Азизбек почти доехал до Кашгарских ворот, когда раздался настойчивый стук в ворота снаружи. То ли чего-то испугался конь бека, то ли по другой какой причине, но он развернулся и встал. Была вынуждена остановиться и свита. Азизбек прикрикнул на привратника, склонившегося перед ним со сложенными руками:

— Чего уставился? Подымись на стену и узнай, что там за пес?

Привратник взбежал на крепостную стену:

— Таксыр! Здесь какой-то старик!

— Открой ворота и впусти его, — приказал Азизбек. И вот, ведя на поводу своего солового коня, в открывшиеся перед ним ворота вошел Хасанали. Испуганный неожиданной встречей, он едва пробормотал слова приветствия Азизбеку.

17. ЮСУФБЕК-ХАДЖИ

При виде Хасанали уже известный нам человек в полосатом халате, стоявший подле Раимбека-дадхи, воскликнул:

— Э-э! Да это же наш Хасанали! Подойди поближе, Хасанали, дай поздороваться, как там поживает Атабек?

Хасанали подошел и поздоровался.

— Это наш человек, таксыр, — обратился Юсуфбек-хаджи (это был он) к правителю. — Он приехал из Маргилана.

Азизбек закусил губу и промолчал: он уже собирался отдать старика в руки палача за то, что тот испугал его коня. Не обращая внимания на слова Юсуфбека-хаджи, правитель молча двинулся ко дворцу; за ним следовал Юсуфбек-хаджи, Хасанали шел позади воинов охраны. У дворцовых ворот уже стоял дворецкий, он помог Азизбеку сойти с коня. Когда бек входил в ворота, к нему, сходя с коня, обратился Юсуфбек-хаджи:

— Позвольте мне отлучиться, бек?

Правитель, посматривая на него через ворота, ответил:

— Разрешаю! Завтра жду вас во дворце к чаю.

— Хорошо, таксыр!

С помощью одного из воинов Юсуфбек снова сел на коня и подъехал к Хасанали, стоявшему в стороне. Ведя на поводу лошадей, воины охраны входили в дворцовые ворота.

Обеспокоенный неожиданным возвращением Хасанали, да к тому же одного, без Атабека, Юсуфбек был уверен, что стряслось какое-то несчастье:

— Что же ты приехал так рано, здоров ли Атабек? — спросил он еще издали, подъезжая к старику.

То ли Хасанали не расслышал, то ли сделал вид, что не слышит, но он ничего не ответил.

— Почему молчишь?

— Атабек здоров...

— Почему же ты здесь, где Атабек?

Хасанали тяжело было говорить об аресте Атабека. Наконец, отерев слезы, набежавшие на глаза, он пробормотал:

— Атабек заточен в темницу правителем Маргилана.

— Почему, почему? — вскрикнул хаджи, подскочив и чуть не свалившись с коня. — Какая причина?

— Причина неизвестна!

— Боже праведный! — лишь произнес хаджи, немного оправившись от охватившего его потрясения.

Хасанали обстоятельно рассказал обо всем, что произошло в Маргилане, начиная с их приезда туда и кончая арестом Атабека. Юсуфбек был так обеспокоен этим делом, что даже сообщение о женитьбе сына принял равнодушно.

— Увидев, что ничего не добьюсь в Маргилане, я был вынужден отправиться в Ташкент, — закончил Хасанали свой рассказ.

Выслушав всю историю, хаджи впал в глубокое раздумье. В Ташкенте все, и стар и мал, знали и

почитали его, и когда он проезжал по улицам города, люди вставали с мест и низко кланялись ему. Так было и сейчас, но Юсуфбек ехал мимо, ничего не видя, никого не замечая... Наконец, после долгих раздумий, он развернул лошадь и обратился к Хасанали, ехавшему позади:

— Кто еще, ты говоришь, был арестован вместе с Атабеком? — спросил он.

— Еще трое: один из них кутидор, второй — Зия-шахичи и третий — его сын Рахмат.

— Так! Ты был вместе с теми четырьмя на этом застолье?

— Был.

— О чем они говорили? Не говорил ли Атабек чего-нибудь дурного о кипчаках?

— Ничего такого не говорил. И другие об этом не говорили.

— А случилось ли, что подобного рода встречи происходили в твое отсутствие?

— Нет, я бывал каждый раз.

— Хорошо! И где же вы собирались с ними?

— В первый раз в доме Зия-шахичи, во второй...

— погоди! Сколько гостей было у Зия-шахичи?

— Кутидор, Атабек, андижанец Акрам-хаджи, я, шурин Зия-шахичи — некий Хамид, сам Зия-ака и его сын... Всего семь человек.

Юсуфбек-хаджи, разглаживая плетью гриву коня, призадумался и, спустя три-четыре минуты, спросил:

— Так где вы собирались во второй раз?

— Дня через два после пирушки у Зия-шахичи мы были приглашены в гости к кутидору. Собрались те же самые, кроме Хамида.

— А еще где бывали встречи?

— Больше нигде... Примерно через двадцать дней после встречи у кутидора состоялась свадьба. И, конечно же, на свадьбе подобных разговоров не возникало.

— А почему в гостях у кутидора не было этого, как его... Хамида?

— Не знаю, почему... Должно быть, кутидор не пригласил его.

— Арестованы Атабек, кутидор, Зия-ака, Рахмат — верно я говорю?

— Так точно, хаджи!

— А тебя тоже разыскивали стражники курбаши?

— Разыскивали.

— Акрам-хаджи отбыл в Андижан, поэтому его не нашли, так?

— Да!

— А Хамида?

— Его, кажется, и не искали... После ареста Атабека я его где-то видел.

— Ты говоришь, что наша невестка очень красива?

— Ей-богу, хороша. Она стоит любви Атабека, только бы вырваться ему на свободу!

— Знают в Маргилане о ее красоте?

— Да все только и говорят об этом.

— Хамид женат? Не знаешь ли?

— Женат. Он как-то заходил к нам в каравансарай и говорил, что у него две жены.

— А зачем Хамид приходил к вам? — спросил Юсуфбек. — И почему ты об этом сразу не сказал?

— Вылетело как-то из головы, — извинился Хасанали. — Хамид зашел вместе с Рахматом пригласить к Зия-шахиичи. Мы их угостили, как полагается. Ни о чем таком они не говорили, просто посидели и ушли.

— Так! А как ты думаешь, что за человек Хамид?

— Любит злословить, да и коварный он, на мой взгляд, тип, — отвечал Хасанали. Немного погодя Хасанали робко спросил: — Как вы полагаете, тяжелое ли дело у нашего Атабека?

Хаджи промолчал. Он и боялся что-нибудь сказать. Он понимал, что это дело очень сложное и опасное. Ведь Атабек — его сын, а ему покровительствует враг кипчаков Азизбек. В такой сложный момент, когда в Ташкенте мятеж, задержание такого человека, как Атабек, в Маргилане по какой бы то ни было причине, как ни посмотри на это дело, не предвещало ничего хорошего.

Он в поисках путей спасения Атабека заглядывал в каждый уголок своего сознания, но каждый раз возвращался обратно с охватившим его чувством безнадежности. Разум был бессилён подсказать, как выйти из трудного положения: «О, великий боже! Не дай свершиться несчастью. Не губи мою старость!» — воскликнул он, и слезы ручьем потекли из глаз, омывая лицо и бороду.

— Хасанали, мать Атабека ни в коем случае ничего не должна знать об аресте сына!

— Конечно!

Они спешили и вошли во двор, ведя коней на поводу.

18. ОГЛАШЕНИЕ

... В этот день в Маргилане было объявлено, что в полдень будет совершена казнь через повешение над двумя мятежниками: Атабеком и кутидором. Из уст в уста передавалась эта весть. Разные толки ходили в народе об Атабеке.

К курбаши вошел Хамид в сопровождении миршаба¹. Курбаши пригласил Хамида присесть, а миршабу приказал выйти.

Вид у курбаши был смущенный, язык ему не повиновался, но в конце концов, набравшись смелости, он заговорил:

— Наши деды еще говорили, что на свете всегда так бывает — до двух монет пятака не хватает. Вот оно и выходит: мечешься, мечешься во все стороны, а в хозяйстве опять какая-нибудь прореха.

Чуткий Хамид сразу просек, к чему тот клонил:

— Истину говорите, таксыр! — поддержал он курбаши. — Всегда до двух не хватает пятака. Порой так тошно становится от этих прорех, что хоть умри. Хорошо еще, когда рядом есть добрые друзья... Не будь их, человек давно бы покинул этот мир! Именно поэтому я вот всегда чуток к нуждам друзей и стараюсь помочь им. Готов самого себя для друга заложить.

¹ *Миршаб* — полицейский.

Курбаши, опираясь на концы сабли, лежавшей у него на коленях, сделал движение.

— Похвально-похвально, мулла Хамид! За таких друзей не жалко и себя в жертву принести, — сказал он, почесывая горло. — Тут такое дело: я готовлю той¹ по случаю обрезания сына — пора, годы пришли, необходимо исполнить указания нашего пророка... Так вот, почти все у меня есть, но кое-чего недостает. Я вот сидел и думал об этом как раз перед вашим приходом.

— Таксыр, — сказал Хамид, выдавив из себя улыбку, — может быть, вы рассердитесь, но я скажу так, к знатым людям благородного происхождения не попасть в приятели простолюдину. Вот и вы, отдавшись целиком своей службе, честь свою блюдете по старинке... У вас столько забот, а вы и словом мне не обмолвились о них!

Сообразительность Хамида потрясла курбаши, и он улыбнулся.

— Нет-нет, мулла Хамид! — сказал он. — Тут другое дело: когда состоишь на государственной службе, нужно сто раз подумать, прежде чем...

— Все верно, но моя преданность вам, бек, совершенно другого качества, — начал Хамид и, достав кошелек, стал пересчитывать в нем тилля. Глаза курбаши засверкали, взгляд так и впился в золото. Он уже видел роскошный пир, устроенный на эти деньги. Как приумножит он уважение к себе со стороны маргиланских беков! Было отсчитано двадцать золотых. Уж не сон ли это? Курбаши замигал глазами, и Хамид протянул ему золотые.

— Примите, бек. Здесь хоть и немного, но пусть это свяжет нашу дружбу еще крепче. Если же будет не хватать, уж мы не останемся в стороне.

К великому удовольствию Хамида, курбаши дрожащими руками спрятал золото:

— Так, мулла Хамид, а теперь поговорим о наших делах. Очень плохо, что в этой истории оказались замешаны ваш зять и племянник.

¹ Той — пиршество или празднество по случаю свадьбы или обрезания.

Лицо Хамида выразило беспокойство, и он весь во внимании смотрел в рот курбаши.

— Этих невинных людей взяли под стражу, — продолжал курбаши, — опять-таки из-за того негодя. Иначе кушбеги не отдал бы приказа об их аресте. Правда, ваши вчерашние показания привели к тому, что Атабек и его тесть осуждены на смерть, а ваши родственники до некоторой степени оправданы. Возможно, на предстоящем заключительном заседании суда я смогу добиться их освобождения. Во всяком случае, надеюсь, что наказание не будет жестоким. Заметили ли вы, что глашатай объявил сегодня о казни только Атабека и Мирзакарима? Это я приказал!

— Благодарю вас за милость! — сказал Хамид. — Однако я опасаясь все же за судьбу своих родственников... Нельзя ли найти еще какую-нибудь зацепку?

Курбаши, получив немалый дар, был вынужден теперь серьезно напрячься и помочь просителю. Наконец, после долгого раздумья он сказал:

— Напомните-ка, что вы вчера говорили кушбеги, какие обвинения выставили против Атабека, я еще раз прикину.

— Я сказал кушбеги следующее — «Атабек говорил: ныне ташкентцы по горло сыты жестокостью кипчаков, их неумелым правлением, и дабы избавиться от этой напасти, Азизбек и мой отец решили поднять сначала восстание в Ташкенте. И в этих целях они направили меня в Маргилан, чтобы поднять народ против кипчаков и здешних их сторонников. До каких пор нас будут угнетать кипчаки», — говорил он. — «Долго ли мы будем склонять головы перед кучкой степняков?» Кутидор и Акрам-хаджи одобрительно слушали Атабека и обещали ему свою помощь в этом деле. Тут я выступил против них: «Ваши мысли ошибочны, — сказал я, — вот уже три года мы живем под сенью достопочтенного Утабая-кушбеги, и ничего дурного он нам не делает. Выступить против власти таких людей — значит быть неблагодарным». Атабек резко возражал мне.

Зять и племянник, хоть и были со мной согласны, но по законам гостеприимства не могли выступить против него открыто. Я сначала скрывал этот разговор, так как не хотел, чтобы пролилась кровь Атабека и его друзей. Но когда в Ташкенте началось восстание, поднятое Азизбеком и Юсуфбеком-хаджи, я понял, что мое молчание будет предательством по отношению к властям, и все рассказал господину курбаши. За верную мою службу я прошу лишь одного: пусть об этой тайне никто не знает, кроме нас, а главное, чтобы не догадались сами преступники». Вот, что я говорил кушбеги.

— Молодец! — сказал курбаши. — Вы очень кстати все это сказали, и я верю, что Зия-ака и Рахмат будут освобождены.

— На чем вы основываетесь, утверждая это?

— А очень просто: раз кушбеги на основании ваших слов распорядился повесить Атабека и кутидора, то почему бы ему на этом же основании не освободить вашего зятя и племянника?

— Не помните ли вы, что мой зять и племянник ответили на первых допросах?

— Их ответы не противоречат вашим показаниям. Они просто от всего отрекались, говорили, что таких разговоров не было, а это вполне объяснимо нежеланием опорочить гостей и вполне вяжется с вашими словами.

Хамид вновь впал в раздумье. Курбаши заметил это и сказал:

— Да вы не беспокойтесь, Хамид! Ничто им не угрожает!

Хамид хотел было что-то еще сказать, даже рот раскрыл, но не решился, осекся и промолчал. Заметив это, курбаши подбодрил его:

— Говорите, говорите, здесь все свои.

Осмелевший от этих слов Хамид спросил:

— А что если мои зять и племянник на заключительном заседании суда запутаются в своих показаниях?

— А зачем им путаться? Ведь они будут говорить лишь о том, что знают. Когда перед их глазами

встанет призрак смерти, учтивость гостеприимства отступит перед истиной, и они расскажут всю правду, все как было. Вот дело и обернется так, как вам хочется.

Хамид помрачнел. Мысленно он проклинал курбаши за недогадливость.

— Мои обвинительные и оправдательные слова вы пока забудьте, а посмотрите в корень дела...

Скрестились взоры клеветника и мздоимца. Они поняли друг друга. На некоторое время воцарилось тяжелое молчание. До этой минуты курбаши действительно не задумывался над тайными побуждениями Хамида. Деньги, полученные от него, он считал взяткой за будущее освобождение родственников. Сейчас он понял, что это золото — плата за кровь Атабека и кутидора. В нем даже проснулась и чуть было не заговорила совесть. Хамида обуял страх — отправиться ли он в преисподню или выйдет из жерновов невредимым — судьба его теперь была в руках курбаши. Глаза Хамида без слов обещали ему еще много золота, и курбаши, прочитавший это, заглушил в себе голос совести, кричавшей: «Это цена крови двух невинных!»

— Какие же меры теперь примем? — тихо спросил он.

Хамид, почувствовав, что удача вновь склоняется на его сторону, тяжело вздохнул:

— Думаю, что надо бы предупредить моего зятя и племянника, разъяснив им, о чем я говорил с кушбеги в их оправдание, а в чем обвинял Атабека.

— Верно. Хорошо бы предупредить их.

— Благодарю вас, бек-ака! Так нельзя ли, не теряя времени, пройти к ним до начала суда и растолковать все?

— Можно. А еще лучше было бы, если бы и вы пошли.

Хамид покачал головой.

— Никто не должен знать, что я замешан в этом деле, не только Атабек с кутидором, но даже мой зять и племянник не должны знать об этом.

— Хорошо. Ну, а если произойдет какое-нибудь недоразумение? Вдруг, когда станут выносить приговор, кушбеги захочет вызвать вас! В таком случае все узнают, что вы имеете отношение к делу.

Да! Все обернулось бы весьма плачевно для Хамида. Ему уже не удалось бы выйти из этой истории чистым, как ангел! С него была бы сорвана личина, и ему пришлось бы стать лицом к лицу со своими противниками.

— И вы не можете поручиться за то, что меня не вызовут?

— Трудно ручаться! — в раздумье сказал курбаши. — Впрочем, это лишь мое предположение. Кушбеги обычно не проверяет того, в чем сам убежден.

Выражение мимолетной задумчивости с легкостью сошло с лица Хамида, и он холодно произнес:

— Ладно! Даже если придется встретиться, я готов к очной ставке.

И тут они распрощались.

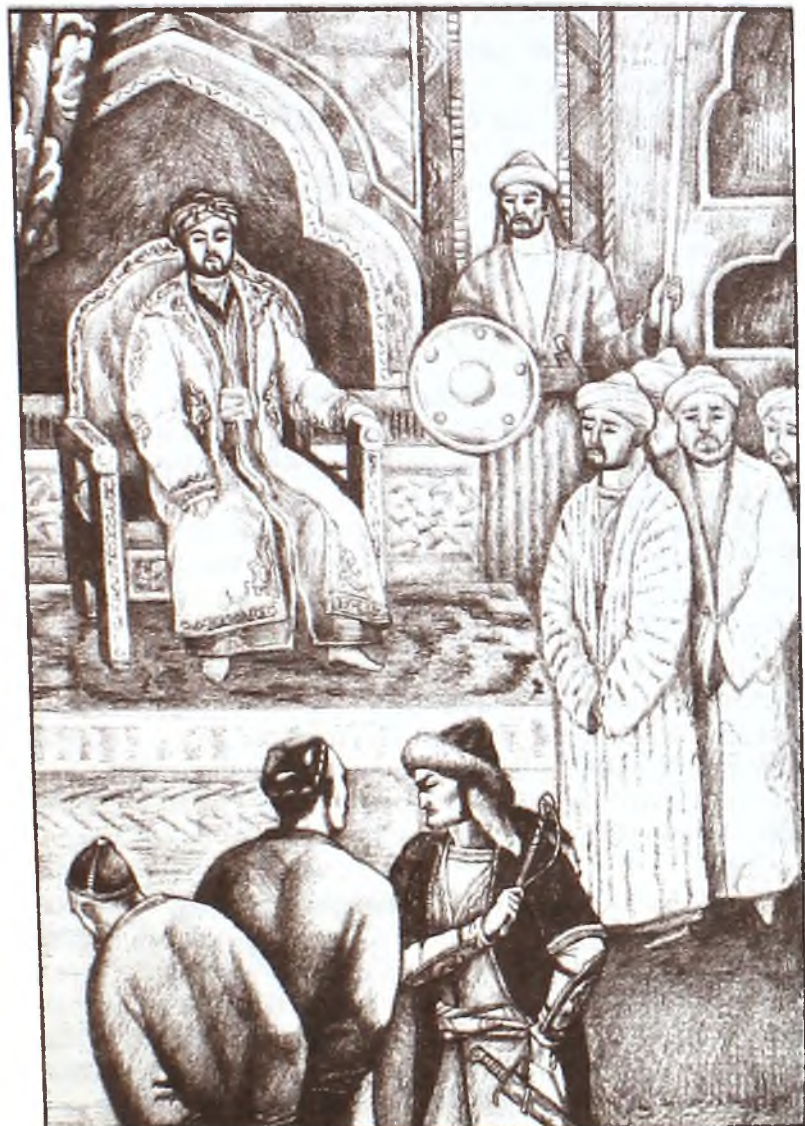
19. ПРИГОВОР

Палач, с острым, словно жаждущим крови кинжалом на поясе, с секирой в руках наизготовку, ожидал команду кушбеги. По правую руку кушбеги сидели курбаши и другие знатные люди города. Напротив него находились обвиняемые: Атабек, кутидор, Зия-шахичи и сын его Рахмат. За ними стояла стража.

Так как Атабек и Мирзакарим-кутидор обвинялись в серьезных преступлениях, руки их были скованы кандалами. Зия-шахичи и Рахмату руки оставили свободными. Смертельная бледность покрывала лицо кутидора, выражение полнейшей растерянности и недоумения не сходило с лица Атабека. Остальные же держались несколько бодрее.

Кушбеги взял в руки текст уже написанного им же приговора и приготовился зачитать его. Все замерли, глядя в землю:

«Я, правитель Маргилана Утаббай-кушбеги, име-

нем хакана — сына хаканов — Его Величества великого Худаяр-хана, оглашаю настоящий приговор...»

Услышав имя Худаяр-хана, именитые люди почтительно встали, затем снова опустились на свои места.

Кушбеги продолжал читать: «По свидетельству одного заслуживающего доверия человека, сын ташкентца Юсуфбека-хаджи — Атабек, по поручению выступивших в эти дни против нашего хана Азиза-парваначи¹ и своего отца приехал в Маргилан для того, чтобы и здесь поднять подданных против Его Ханского Величества. Поскольку действия вышеназванного Атабека были направлены против Его Величества, смутьян Атабек, сын Юсуфбека-хаджи, подлежит казни через повешение. Второй обвиняемый, пособник Атабека в этом деянии, житель Маргилана Мирзакарим-кутидор заслуживает той же кары. Зия-шахичи и его сын Рахмат, знавшие о преступном заговоре, но не сообщившие своевременно властям, приговариваются к тюремному заключению сроком на один год!»

— Несправедливый приговор! — сказал Атабек. Кутидор же был похож на покойника.

Зия-ака с сыном отправили в тюрьму, Атабека и кутидора передали в руки палача. На этом заседание суда было закончено.

Когда прошло около десяти минут, а кушбеги не спеша, во всех деталях рассказывал знати какую-то историю, курбаши не выдержал и, поднимаясь, спросил:

— Позволено ли мне будет уйти, чтобы присутствовать при исполнении приговора?

Не успел он закончить, как появился Пирмат — дворцовый караульный, который почтительно поклонившись кушбеги, доложил:

— Пришла какая-то женщина, говорит — у нее жалоба. Впустить?

Кушбеги знаком дал понять курбаши, что тот может идти, и, обратившись к стражнику, сказал:

¹ *Парваначи* — высокая должность в ханские времена.

— Пусть войдет!

Неожиданный визит незнакомой женщины, бывшей с жалобой, посеял семена тревоги в сердце курбаши. Хотя ему очень хотелось знать, с какой же жалобой явилась она, но так как кушбеги отпустил его, он был вынужден покинуть зал заседаний суда. Выходя в коридор, курбаши оказался перед закутанной в довольно поношенную паранджу женщиной, которая низко поклонилась кушбеги. Она была чрезвычайно взволнованна, чувствовалось ее тяжелое дыхание. Это заставило курбаши беспокоиться еще сильнее, и чтобы не попасться на глаза кушбеги, он вышел и замер за дверью.

Женщина, торопливо сняв у двери кавуши¹, начала что-то искать под паранджой. Кушбеги, озадаченный действиями женщины, сказал недоумевая:

— Пройдите внутрь, сестра, и изложите вашу жалобу.

Женщина подошла к кушбеги и, передав ему что-то, вернулась обратно к двери. Переданное ею оказалось сложенной в трое-четверо бумагой, которую кушбеги начал осторожно разворачивать.

— Ради бога, поторопитесь, — воскликнула женщина. — Иначе кровь невинных падет на вас.

Услышав это, присутствующие переглянулись. Кушбеги быстро развернул бумагу и погрузился в чтение длинного послания, написанного толстым каламом. Письмо было очень длинным, и нетерпение повисло в воздухе. Наконец, под конец письма кушбеги, не закончив читать, оторвался от него и громко крикнул:

— Пирмат! Пирмат!

Тут же вбежал Пирмат.

— Слушаю, таксыр!

В голосе кушбеги слышалось доселе неведомое для него волнение:

— Скачи верхом за приговоренными на виселицу. Верни их, даже если их уже готовятся повесить. Доведи мой приказ до курбаши, он выполнит его!

¹ *Кавуши* — кожаные калоши национального образца.

Пирмат поклонился и, выглянув в коридор, сказал:

— Курбаши здесь!

— Зови!

Курбаши вошел, поклонился:

— Чем могу служить, таксыр?

— Слава богу, что вы еще здесь. Немедленно поезжайте с Пирматом, остановите казнь, привезите обратно тех, недавно осужденных!

Курбаши понял, что страхи его не напрасны. Глядя на стоявшую рядом женщину, он спросил:

— По какой причине, таксыр?

— Не время объяснять причину, скачи, говорю я, скачи!

Курбаши поклонился и вышел вслед за Пирматом. «Проклятье твоему отцу!» — выругался кушбеги, глядя ему вслед, и окинул взглядом знать. Было заметно, что женщина немного успокоилась. Кушбеги вновь углубился в бумагу, которую все еще держал в руках. Именитые граждане смотрели то на бумагу, свершившую чудо, то на женщину, принесшую ее. Кушбеги вторично прочитал послание и обратился к женщине:

— Присядьте, сестрица!

Когда женщина собиралась присесть, из-под паранджи показался край атласного платья и приоткрылись изящные белые руки. Кушбеги посмотрел на нее исподлобья, затем тщательно изучил со всех сторон письмо. Оно было порядком помято, бумага истрепана.

— Кем вы приходитеесь Атабеку и кутидору, сестра?

— Я дочь кутидора, жена Атабека.

Присутствующие многозначительно переглянулись между собой.

— Почему же вы раньше не пришли с этим письмом?

Вопрос кушбеги порядком испугал Кумуш-биби (а это была она), словно в нем заключался смысл: «Ты опоздала, все свершилось!»

— Неужели все впустую? — воскликнула она дрожащим голосом.

— Нет-нет, дочь моя, — сказал кушбеги, — я просто хочу знать, почему вы не принесли его вчера или еще ранее?

Кумуш немного всхлипнула, затем, взяв себя в руки, ответила:

— Я и сама нашла письмо лишь сегодня.

— Значит, не видели его прежде?

— Не видела.

— А где вы его нашли?

— В кармане его старого камзола¹.

Кушбеги передал письмо сидевшему к нему ближе всех знатному вельможе Азиму-пансадбаши², говоря:

— Прочтите и вы, пансад, — затем он обратился к Кумуш:

— А вы ознакомились с ним?

— Да, прочитала.

— Знали ли вы ранее о действиях мужа, направленных против власти?

— О каких действиях вы говорите?

— К примеру, о тех, за которые мы считаем нужным повесить и вашего отца, и мужа.

— Несправедливо, они невиновны!

— Кто сказал вам, что это письмо может спасти от смерти вашего мужа?

— Я сама догадалась.

— Следовательно, вы и ранее знали о его противозаконных деяниях?

— Нет, таксыр! — Кумуш начала догадываться, куда клонит кушбеги. — Вплоть до этого дня мы с матерью были во власти печали, не ведая, за что же они арестованы. И только сегодня мы услышали от людей, что вы его обвиняете как прибывшего из Ташкента смутьяна, собирающегося поднять здесь мятеж. К моему и матушкиному счастью, словно чудо, обнаружилось спасительное это письмо, и я побежала к вам... — Кумуш не успела договорить,

¹ Это письмо было написано немного ранее. Читатель, наверное, помнит послание, адресованное Атабеку его отцом, Юсуфбеком-хаджи, в период смутного времени, царившего в Ташкенте (прим. автора).

² Пансад — пятисотник (должностное лицо при ханском дворе).

как появился запыхавшийся от безумной скачки Пирмат и, поклонившись, доложил беку:

— Чуть ли не с виселицы сняли. Ведут.

Кумуш вскочила и пристально посмотрела на Пирмата. А в это время находившийся под огромным впечатлением от письма Азим-пансадбаши, взволнованно передавая его своему соседу, обратился к кушбеги:

— Это письмо в корне меняет наше представление о ташкентце Юсуфбеке-хаджи, таксыр! Вся Фергана, и знать, и чернь твердила, что он сторонник Азизбека, однако, думается, никто не может утверждать, что у него на уме? И кому, кроме бога, ведомо, что творится на душе у каждого?

Именитые граждане, доселе не обмолвившиеся и словом, теперь, поняв, какой оборот принимает дело, заговорили все сразу. Недаром ведь говорится: «Когда враг бежит, появляется много храбрецов».

— Бог не допустил свершиться несправедливости! Не дал пролиться невинной крови несчастного молодого юноши! — восклицали они наперебой.

— Уму казалось непостижимым, чтобы такой смиренный человек, как кутидор, мог решиться на подобное дело! — подхватили другие.

Казалось, слова эти вновь возродили огонек в лампаде, что тускнел до этого под действием тьмы отчаяния, захлестнувшей сердце Кумуш, словно на небосводе жизни вновь понемногу загорались исчезнувшие было до этого звезды счастья, непроглядная темень, застилавшая ее взор, робко рассеивалась под мерцанием спасительных лучей надежды.

За дверью, ведущей в коридор, слышались быстрые шаги, показался курбаши.

— Они здесь, таксыр, вести?

Вместо ответа кушбеги молча взял письмо и спрятав его под одеяло, на котором сидел, затем обратился к Кумуш с предложением: «Произнесенные вами без моего ведома слова равносильны пожеланию смерти вашему отцу и мужу, учли?» После того, как Кумуш кивнула в знак согласия, кушбеги приказал курбаши, стоявшему в коридоре: «Пусть войдут!»

Кумуш видела Атабека и отца еще по дороге сюда, когда их вели на виселицу, тогда объятая страхом, она, не чуя ног, устремилась во дворец. Теперь же, услышав фразу «пусть войдут», она страшно взволновалась, сердце ее забилося, ей хотелось броситься к мужу, припасть к его груди и плакать, плакать... Но сидевшие перед ней страшные люди были готовы воспрепятствовать этому. Между тем, в зал под надзором стражи и с оковами на руках вошли Атабек и кутидор.

— Стража, покиньте помещение! Вы, курбаши, снимите с них оковы! — приказал кушбеги.

Понимая, что последующие за этим события грозят ему большими неприятностями, курбаши дрожащими руками поворачивал ключ и начал снимать цепи с кутидора. Он уже не сомневался, что эти люди чуть не стали жертвой своекорыстного Хамида, неизвестно по какой причине заинтересованного в их гибели, и он, курбаши, принимал в этом участие. Теперь тайна будет раскрыта, и ему не избежать казни. С превеликим трудом освободив от оков руки кутидора, курбаши перешел к Атабеку. По дрожанию его рук Атабек догадался, что курбаши причастен к злему умыслу против них. Хотя он и понимал зыбкость своего положения, но дабы испытать курбаши, он собрал воедино всю свою волю и пристально посмотрел на него. Под тяжестью грозного взгляда курбаши не выдержал и опустил глаза, Атабек удостоверился в правильности своей догадки.

По приказу кушбеги оба обвиняемых опустились на колени. Курбаши, точно нищий, потерявший свою суму, присел по левую руку кушбеги, перед Кумуш. Хотя Атабек и кутидор заметили ее, однако, занятые происходящим, даже не обратили внимания на то, что нахождение в канцелярии правителя женщины — есть событие из ряда вон выходящее. Растерянные, не смея радоваться, они гадали — по какой причине их вернули из-под самой виселицы, почему с них сняли оковы? Словно в тумане ждали они, что же скажет правитель? Кушбеги же, почему-то не спешил начать разговор и сидел, глубоко задумав-

шись. С таким же нетерпением ждали его слов и все присутствующие. Только лишь курбаши был сторонником сего молчания, искренне желая, чтобы оно продлилось не только несколько дней, но и целые годы.

— Атабек, — начал он, — в тот день, когда вы были арестованы, вы говорили мне об убеждениях вашего отца и ваших собственных, объясняли, что вы за люди. Мы, однако, не можем без веских доказательств поверить вашим словам. Мы на некоторое время приостановили казнь для того, чтобы проверить, имеются ли у вас какие-либо доказательства, или же все это были лишь пустые слова. Теперь, можете ли вы их подтвердить чем-нибудь?

— То, о чем я поведал вам в тот день, сокровенная тайна моя и моего отца, — отвечал бек, — и, конечно же, трудно найти подтверждающих ее свидетелей. Даже если бы отец мой прибыл сюда и заявил то же самое, вы сказали бы, что он хочет спасти сына, и, внимая клеветникам, все равно привели бы в исполнение ваш приговор.

Молнией ударили эти слова по сердцу кушбеги, он едва сдержал себя:

— Другими словами, вы не располагаете документами, подтверждающими ваши слова?

— Нет... У меня нет иных свидетелей, кроме моей совести!

— Вы получали недавно что-нибудь из Ташкента?

— Что, например?

— Например, письмо.

Атабек даже не стал раздумывать, вздрогнул, искренне, взволнованно закричал:

— Получал, получал! И доказательство у меня есть!

Почтенные участники собрания были до слез расстроены волнением молодого парня.

— Если вы пошлете со мной сопровождающего, я приведу свидетеля!

— Успокойтесь, Атабек, — сказал кушбег и, когда молодой человек справился с волнением, спросил, — что вы получили?

- Письмо.
- От кого?
- От отца.
- Когда это было?
- Перед тем, как в Ташкенте поднялся мятеж.
- А потом?
- Больше не получал.
- О чем писал вам отец в своем послании?

— Писал, что в Ташкенте темный народ поддался коварным уговорам Азизбека, а под конец... — от волнения голос Атабека прерывался, — словно предвидя, что я могу угодить в подобное положение, дал мне некоторые наставления.

После таких слов Атабека пансад-баши взглянул на кушбеги, как бы говоря: «Не довольно ли?» Курбаши же, видя, что следствие продолжается, немного перевел дух. Тут кушбеги вынул из-под курпачи письмо и показал его Атабеку.

— Взгляните, узнаете ли вы это письмо?

Атабек не верил своим глазам:

— Узнаю, — воскликнул он, — это и есть то, о чем я вам рассказывал, письмо моего отца. Удивительно, но кто же принес его вам, таксыр?

Кушбеги, чуть улыбаясь, указал на Кумуш:

— Вот ваш ангел-спаситель!

Кутидор и бек быстро взглянули в ее сторону.

Тут Кумуш не выдержала:

— Отец мой дорогой, это я — ваша дочь!

Эти слова, достигшие слуха Атабека, затронули самые нежные струны его сердца. Не обращая внимания на окончательно растерявшегося тестя, он спросил:

— Это вы, Кумуш?

— Я, я.

Все, что пережили тяжелого эти два сердца, прозвучало в кратких словах, которыми они обменялись. Трудно описать состояние, в какое каждый из них пришел, услышав родной голос.

— Это ты, доченька?

— Я, отец!

Кушбеги, погружившийся было в свои мысли, прервал их и обратился к Атабеку:

— Почему мы до сих пор не можем разыскать вашего слугу Хасанали?

— С тех пор как я в заключении, таксыр, я ничего о нем не слышал, — сказал Атабек, взглянув на Кумуш.

— Сегодня двенадцатый день, как Хасанали-ота уехал в Ташкент, и вот пока о нем нет вестей, — сказала Кумуш.

— Какая нужда заставила его уехать в Ташкент? — вопрос кушбеги был неуместен, но Кумуш, объяснив причину отъезда Хасанали, удовлетворила его любопытство.

Разговор снова зашел о письме, и Атабек спросил у кушбеги:

— Возможно ли, что благодаря письму, что в ваших в руках, мы будем оправданы? — и получив от кушбеги знак согласия, продолжил. — Мы сейчас, видя, сколь вы справедливы, хотим попросить вас лишь об одном: пусть предстанут здесь клеветники и попытаются доказать то, в чем они нас обвиняют. Если все, предъявленное ими, будет достоверно доказано, пусть нас казнят. В противном же случае, если они не смогут доказать свою правоту, пусть сами будут брошены в яму, которую готовили для нас! Это все, о чем мы просим вашу милость! — закончил он и посмотрел на курбаши. На лице курбаши появилось выражение страха и страдания.

— Требование ваше справедливо, — сказал кушбеги, — однако сейчас мы не имеем времени доставить сюда ваших недругов, но сегодня же клеветники будут задержаны, а в один из ближайших дней мы соберем всех вас пятерых и вынесем решение. А вы, дочь моя, — обратился кушбеги к Кумуш, — за находчивость и смелость заслуживаете вечной благодарности от отца и мужа. Они должны посвятить вам всю свою жизнь. Я же, благодаря вам, освобождаю их немедленно. Правда, за Атабека должен кто-нибудь поручиться, что он не скроется до окончательного решения дела.

За Атабека поручился всем своим имуществом кутидор, и они втроем, благословляя кушбеги, вышли из его канцелярии.

И тогда правитель приказал курбаши:

— Освободите Зия-шахичи и его сына Рахмата, а затем арестуйте клеветника.

Курбаши ушел выполнять приказ. На этом заседание суда завершилось, и присутствующая при этом городская знать расходилась, с некоторым недоумением обсуждая происшедшее.

20. ЖАЖДА НЕЗАВИСИМОСТИ

После семидесятидневной осады Ташкента, положив полторы тысячи воинов из своего трехтысячного войска у крепостных стен Ташкента, Нармухаммад-кушбеги вынужден был отступить и возвратиться, как говорят, с пустыми руками, не совершив задуманного.

В эти семьдесят дней осады жители Ташкента показали свою преданность Азизбеку и самоотверженность, и, наконец, лишив надежды кипчаков, вынудили их вернуться в Коканд. Они добились этого, но цена победы была слишком высока. Семьдесят дней жестокой блокады, отрезав Ташкент от внешнего мира, от кишлаков, конечно же, истощили город. Враг занимал поля с еще необработанными посевами: ему досталось зерно. Великое бедствие постигло и купцов, так как торговля замерла. Ремесленникам и простолюдинам также было очень тяжело: без хлеба, без зерна, без одежды, без воды¹, и все же, дойдя до последней крайности, они напрягли остававшиеся силы и одержали эту блестящую победу, но мало чем отличавшуюся от поражения. Все лишения и муки, перенесенные за семьдесят дней, казалось, были оправданы этой победой. Народ вернулся к думам о хлебе насущном, о делах жи-

¹ Канал Салар, питающий Ташкент, во время осады был перекрыт кипчаками, даже муку мололи при помощи ручных мельниц (прим. автора).

тейских, о быте, но правде говоря, даже мыслей не было о чем-то другом...

Азизбек, ныне уже независимый правитель Ташкента Азизбек! После победы над кипчаками он вне себя от счастья. Теперь его ум свободен от страшной мысли: «А что, если кипчаки возьмут Ташкент?..» Теперь он — могущественный хан, властелин Ташкента и всей его округи. Что там шелка и атласы, на которых он восседал до сих пор! Сегодня он желает достойных его могущества и славы трона, венца! Естественно, надо сменить и прежнего своего фаворита на нового — такого, чтобы был под стать ему всеми струнками души, красив лицом, умел петь, плясать, и чтобы этим ненаглядным своим «махрамом¹» прославиться на весь мир, на Туркестан и Бухару!

Азизбек был полон спокойствия. Ему и в голову не приходило, что кипчаки могут снова напасть на Ташкент — ведь им был нанесен такой сокрушительный удар, что они и за сто лет не оправятся.

Казалось, все обстоит благополучно, и все же в затаенном уголке сердца не заживала рана, омрачавшая всю радость победы. Белый свет сейчас не мил Азизбеку, даже сладкие грезы о троне меркли в сознании: семьдесят дней войны с кипчаками порядком истощили его казну, годами, с великими трудностями, путем хитростей и уловок, накопленную. Ее содержимое пришлось пожертвовать столь самоотверженно бившимся с кипчаками, для поддержки их боевого духа, чтобы подпитывать пьянящее чувство избавления жителей, чтобы обеспечить их провиантом.

Белый свет темнел перед взором Азизбека от такой заботы.

Он не собирался советоваться об этом с Юсуфбеком-хаджи, но тот нужен был ему для выполнения кое-чего задуманного, и Азизбек послал за советником. Через полчаса нетерпеливого ожидания Юсуфбек-хаджи появился у дверей. Против своего обык-

¹ *Махрам* — доверенный слуга, фаворит.

новения Азизбек был очень любезен с ним, предложил сесть на почетное место. Правда, у Юсуфбека-хаджи не было времени подумать о причинах такой любезности, у него хватало своих забот... Что стало с любимым сыном — зеницей ока? Не умер ли он в сыром подzemелье от холода и голода? Не ушел ли из этого мира, окруженный деспотами, бессердечными палачами, зловещей виселицей и трусливым народом, вдали от отца и матери?

В плену тысяч тревожных сомнений, он забыл даже, что находится пред очами Азизбека. А тот в это самое время грезил «о короне, осыпанной драгоценными камнями, о золотом троне, об изящных красавицах, подобных пери, о прославленных фаворитах».

Наконец Азизбек заговорил:

— Хаджи, как вы думаете, зачем я пригласил вас во дворец?

Юсуфбек очнулся от своих мыслей:

— Таксыр... без сомнения, ваше приглашение вызвано желанием благоустроить жизнь управляемого вами народа, укрепить государственную власть.

Слова хаджи, как молнией, пронзили сознание Азизбека. В глазах у него потемнело, и тьма сия покрыла все его сладкие мечты. Он в некотором замешательстве нехотя произнес:

— Да, верно... — и замолчал, затем, немного поразмыслив, продолжил: — За семьдесят дней осады казна ощутимо истощилась, не хватает даже на довольствие воинов. Вот по этому поводу я и хотел посоветоваться с вами.

— Слушаю, таксыр!

— Я даже принял уже решение по этому поводу.

— Да принесет оно счастье!

— А состоит мое решение вот в чем: не позднее завтрашнего дня вы должны организовать сбор налога в тридцать две таньги с каждого подданного.

Юсуфбек-хаджи был очень раздражен и расстроен беспорядками в стране и сильно обеспокоен судьбой сына. Он возмутился, услышав непродуманное пред-

ложение правителя. Собираясь резко ему возразить, он, тем не менее, вспомнив, с кем имеет дело, воздержался.

— Таксыр, у меня нет оснований возражать против вашего решения, — сказал он. — Однако следует помнить, что народ перенес семидесятидневную осаду, пережил и переживает муки голода. Что до моего мнения, то сейчас не то что по тридцать две таньги, а по тридцать два пула¹ трудно собрать. Дайте народу дней десять-пятнадцать, чтобы немного отдышаться, прийти в себя, а потом уже...

Хаджи не успел закончить, ибо Азизбек, взбешенный возражениями, зло закричал:

— Да что ты плетешь?!

Хаджи не ожидал, что дело может принять такой скверный оборот. Если вовремя не извернуться, Азизбек может кликнуть и палача:

— Что ж, таксыр, если такова ваша воля, я начну собирать налоги, причем приступлю к этому не завтра, а даже сегодня. И пусть только народ попробует перечить! Мне нужен лишь ваш приказ.

Гнев словно волшебной рукой сняло с Азизбека. Он хотел было уже вызвать палача, а вместо этого произнес совсем другие слова, которые в недалеком будущем сыграют в его судьбе роковую роль:

— Скажите дворецкому, чтобы он надел на хаджи почетный парчовый халат!

* * *

Юсуфбек-хаджи вышел из дворца в новом парчовом халате. В ответ на поздравления придворных, вроде «С обновкой вас, хаджи», он бормотал что-то невнятное и при этом насмешливо улыбался. Проходя через дворцовый мост, он снова усмехнулся и словно в бреду заговорил сам с собой: «Взять по тридцать две таньги с каждого, вот как... И нужно все собрать за одну неделю... Правитель мне предоставляет право пороть плетью несогласных, а особо непокорных и вешать, вот как! Выходит, что Юсуф-

¹ Пул — мелкая кокандская монета.

бек должен стать кровопийцей, таким тираном, как он сам Азизбек... Не для того я совершил паломничество в Мекку, чтобы быть кровопийцей, забыть о боге; я сам отец, у меня есть вера, бог, совесть моя возмутится, если я стану бить плетью чужих сыновей. Да развернется земля и поглотит мой народ. Семьдесят дней люди, поддавшись лисьей хитрости Азизбека, забыв обо всех его жестокостях, жизни своей не жалели, защищая город! И вот в благодарность за службу их облагают налогом в тридцать две таньги с каждого, вынуждают отдать последний кусок хлеба!»

21. ВОССТАНИЕ

Так, облаченный в новый парчовый халат Юсуфбек-хаджи достиг махалли Занджирлик на Шейхантауре и обратился к собравшимся на перекрестке людям, вставшим, дабы поприветствовать хаджи:

— Мусульмане, да сгорят дотла дома ваши! Вы умирали за Азизбека, поверив ему! А сегодня в ответ на вашу доблесть он обложил всех налогом в тридцать две таньги с каждого. Сейчас перед вами выбор: уплатить этот налог в казну Азизбека, даже если придется для этого продать своих сыновей и дочерей, или же, пока еще не поздно, крепко взявшись за дело, скинуть Азизбека. Вы разорены, мусульмане!

— По тридцать две таньги!

Юсуфбек-хаджи никогда не причинял народу зла, и люди, безусловно, верили ему, будучи готовыми хоть на край света идти за ним по пятам. Весть о новом налоге быстро распространилась среди населения, она взбудоражила всех, подтолкнув народ к мятежу.

Первыми возмутились жители махалли Занджирлик, которые принялись сооружать баррикады и готовиться к сражению против воинов Азизбека. А Юсуфбек-хаджи продолжал свой путь и до самой Эски-Джува обращался к людям с призывом. В Эски-Джува собралась громадная толпа, он рассказал

о том, что произошло у Азизбека, показал свой халат, иронически усмехаясь и говоря:

— Как видите, мне-то невыгодно просить вас: «Не платите налога!» Это ваша покорность приносит мне такие прекрасные халаты!

Гнев народный разгорался все сильнее и сильнее, словно в тугаях возник пожар, готовый спалить все вокруг. Воспламенились все от мала до велика.

Всюду слышались возмущенные возгласы: «Неблагодарный боров, он забыл, что мы для него сделали! Мы ему покажем тридцать две танги! Даже месяца не прошло, бесстыжий!»

Немедленно избрали трех гонцов и разослали их для связи в остальные части города: в Сибзар, Кукчу и Бешагач. Аксакалы клялись: «Или погибнем сами, или уничтожим Азизбека».

Не прошло и часа, как все лавки были закрыты, а улицы Ташкента заполонили баррикады. Люди вооружались, готовясь к бою. Весть о бунте скоро достигла и дворца. Азизбек, сочтя положение недостаточно серьезным, послал Раимбека-дадху с полусотней воинов для выяснения ситуации в городе. Добравшись до махалли Занджирлик, разведчики поняли масштаб восстания: улицы перегорожены, за баррикадами толпы людей, вооруженных пашва-рами¹, ружьями, саблями и копьями. Уговоры Раимбека-дадхи уладить все по-хорошему: «Заграждения разберите, а сами расходитесь!» оставались без ответа, его никто не слушал. Когда же он начал угрожать, из толпы раздались выстрелы — двое воинов упали, сраженные.

Незадолго до предзакатной молитвы — намаза «аср», часов около четырех, между войсками правителя и восставшими завязался бой. Примерно через полчаса воины потеснили жителей махалли Занджирлик и дошли до ограждений у Баланд-мечети. Рассвирепев, Азизбек оставил немного воинов для охраны дворца, сам же с отрядом поспешил на помощь Раимбеку-дадха. Из-за этого народное ополчение

¹ *Шашвар* — большая палица, булава.

вынуждено было отступить к Хадре, где завязалась кровопролитная битва. Узнав об обложении данью в тридцать две таньги, на баррикады Хадры все время прибывал народ из махаллей Бешагача, Сибзара и Кукчи, ряды восставших пополнялись.

Ночью Ташкент, без преувеличения, утопал в крови, во многих кварталах восставшие убивали представителей власти, сжигали их дома, грабили имущество. Храбрецы стремились на баррикады, а те, кто слабее духом и постарше, собирались в оживленных местах — махаллях и гузарах, жгли костры из пней и от души желали восставшим победы. Назначенный налог в тридцать две таньги подогревал протест.

Около полуночи народное ополчение было вынуждено отойти с площади Хадра в сторону Эски-Мискарлик — к кварталу медников. Такая неожиданная неудача погрузила Юсуфбека-хаджи в глубокую растерянность. Но будучи уверенным, что народ далее сможет противостоять натиску, он решил послать гонца вдогонку за Нармухаммадом, отступившим от Ташкента, с просьбой о помощи.

В квартале Эски-Мискарлик военные действия затихли до рассвета. Затем вновь началось кровопролитие. Восставшие воспряли духом, они каждую минуту подпитывались новыми силами, стекавшими с четырех сторон, а войска Азизбека не могли продвинуться дальше ни на шаг. Набравший силы народ побеждал. Раимбек-дадха сам обнажил саблю и кинулся впереди своих воинов на баррикады. Но его удасть сослужила ему плачевную службу. Некий оружейный мастер уста Муминджан¹ сразил его наповал выстрелом в грудь.

Раимбек-дадха был главной опорой Азизбека, и после его смерти моральный дух воинов упал. Они перестали подчиняться приказам правителя и многие начали разбегаться. Тут уж и сам Азизбек вынужден был скрыться в урде с полусотней преданных ему

¹ Уста Муминджан — сын Раимбека Казакбайбия, проживал в квартале Бешагач, в махалле Лаклакхана.

людей. Народ ликовал, во главе с Юсуфбеком-хаджи восставшие окружили цитадель. Так как скорой сдачи Азизбека ждать не приходилось, восставшие обложили урду, даже ели, не отходя от ее стен.

Такой поворот событий был убийственен для Азизбека. Еще недавно у него была полная возможность бежать, а теперь он, укрывшись во дворце, по собственной вине угодил в ловушку. Как же быть? Ведь у него нет крыльев, чтобы выпорхнуть оттуда... И тогда правитель задумал пойти на обман: на второй день осады он поднялся на стену урды и обратился к народу с приветствием, а потом кротким голосом стал просить прощения:

— Я чистосердечно раскаиваюсь в содеянном... Я забыл все, что вы для меня сделали... Но вы своими справедливыми действиями излечили мой разум и вернули его мне. Благодарю вас, мои подданные... Прошу простить мои грехи, я искренне сожалею о своих поступках!

Но народ не внимал уверениям Азизбека, было слишком поздно, дело уже свершилось:

— Теперь только одумался, вор! Раньше надо было соображать, вот и не знал бы горя! И чего только ты не делал с нами! Не ты ли каждый день отдавал приказы вешать невинных людей? Не ты ли оставлял детей сиротами и заставлял матерей плакать кровавыми слезами! Не ты ли, угрожая смертью от кинжала своего, облагал все махалли налогами, умерщвлял людей, травя их ядом скорпиона! Прочь, свинья, прочь, поздно раскаиваться, покорись своей участи! — так отвечали ему восставшие.

Со всех сторон неслись проклятия и даже ругательства, а Азизбек все просил:

— Простите меня, люди добрые! Раскаиваюсь я! Одумайтесь, дорогие! Вы сами себя подсекаете! Ведь опять попадете в лапы кипчаков! Хотя бы ради себя простите меня!

Но эти слова Азизбека еще больше разъяряли людей, громкие выкрики снова и снова сотрясали воздух:

— Довольно, больше не проведешь! По нам пусть уж лучше будет кипчак, чем пес, подобный тебе!

Вот до чего дело дошло! Азизбек, потеряв всякую надежду на примирение и совершенно подавленный, вернулся во дворец.

Тем временем гонец, посланный Юсуфбеком-хаджи, нагнал Нармухаммада-кушбеги недалеко от кишлака Кировчи. Кушбеги повернул вместе с войсками обратно в Ташкент. Радость, сменившая досаду, ускорила его ход, и, сделав в пути лишь одну ночевку, на третий день осады урды он под рев карнаев и сурнаев прибыл в Ташкент. Восставшие, получив подкрепление, ворвались во дворец и пленили Азизбека.

Для Нармухаммада-кушбеги было делом чести доставить ташкентского правителя в Коканд: Азизбек причинил ему столько неприятностей! А сколько крови было пролито из-за него за время семидневной осады! Восседая во дворце, Нармухаммад без конца осыпал Юсуфбека-хаджи — главного виновника пленения такого врага, как Азизбек, словами благодарности, обещая не забыть его верную службу, рассказать обо всем хану и Мусульманкулу, похлопотать, чтобы хаджи получил высокое назначение. Конечно же, для Юсуфбека-хаджи все эти обещания не имели никакого значения, главное было узнать о том, жив ли и здоров его сын, добиться освобождения Атабека из маргиланской темницы, что стоило всех должностей и наград, вместе взятых. Юсуфбек-хаджи равнодушно слушал кушбеги и, наконец, сказал:

— Благодарю, кушбеги, за внимание. Я достаточно прожил на свете, и высокие должности меня уже не слишком привлекают. Если же мои заслуги достойны внимания, то у меня есть к ханскому величеству несколько просьб.

— Просите, хаджи, даже если хан не возжелает их удовлетворить, то, ручаюсь, я добьюсь этого!

— Первая моя бескорыстная просьба, конечно же, от имени народа: просим не назначать впредь правителями Ташкента недостойных людей!

— Таково и намерение его ханского величества. Из-за людей, подобных Азизбеку, страдает не только простой народ, но и мы все.

После долгих переговоров и раздумий о том, кого же все-таки назначить беком Ташкента, Юсуфбек-хаджи и Нармухаммад-кушбеги пришли к предварительному соглашению. Только тогда хаджи заговорил о своей душевной боли. Полагаясь на понимание и участие кушбеги, он открылся ему. Рассказывая о своей беде, он страшно волновался при одной лишь мысли о вероятности самого худшего, — вдруг он опоздал, и с сыном уже произошло непоправимое. Вдруг все его усилия похожи на пращу, которую он раскрутил уже после того, как птица улетела?

— Так вот, если мои заслуги достойны милости его величества, я просил бы, как о лучшей награде, — освобождения из тюрьмы моего сына. Человеку столь преклонных лет, как я, собирающемуся смыть с себя мирскую суету, может ли быть большая награда, чем избавление родного сына от мук, — сказал, прослезившись, хаджи.

Кушбеги был тронут услышанным и постарался Юсуфбека утешить:

— Не волнуйтесь, хаджи! Не из тех людей правитель Маргилана, чтобы зазря кровь проливать. Как только вернусь в Коканд, первым делом займусь освобождением вашего сына. Не печальтесь напрасно, хаджи!

— Благодарю, кушбеги, я многим буду вам обязан, коли вы берете на себя эту заботу... Однако я боюсь, как бы не ушло время, пока вы придете в Коканд.

О том же подумал и кушбеги, разделяя сомнения хаджи. Посоветовавшись, они решили немедленно написать письмо и отправить его в Коканд с гонцом. Самым подходящим человеком для этого дела, конечно же, был Хасанали, который уже пятнадцатый день ждал такого поручения. Получив письмо, он повернул коня в сторону Коканда и в мгновение ока исчез из виду.

Спустя день, и Нармухаммад-кушбеги, оставив в Ташкенте часть войск, направился в Коканд. По требованию восставших, связанного Азизбека арканом прицепили к сбруе одного из коней охраны. Когда

войско двинулось в Коканд, у Кокандских ворот собралась толпа народа; люди ликовали, глядя на позор Азизбека, волочившегося за конем.

22. «БЕЗЗАЩИТНЫЙ СТРАННИК»

Ханский дворец в Коканде, о котором повествуется здесь, находился на том самом месте, где ныне располагается дровяной рынок — Хада-базар¹. В тринадцатой главе романа мы уже описывали маргиланскую урду; поскольку наружный вид кокандского дворца и по ширине, и по устройству в точности повторял маргиланский, то здесь, нам думается, излишне марасть бумагу, занимаясь его описанием. И стражники у ворот урды, и караульные, и площадка у ворот — все было такое же; разница состояла лишь в том, что на четырех углах его застыли неподвижные фигуры стражников. Однако, входя внутрь, замечаем, что внутреннее устройство урды было совершенно иным, чем в Маргилане, и по этой причине появляется необходимость более обстоятельного знакомства с ним.

Справа и слева находились строения, предназначенные для воинов. На площади двора охранники, одетые так же, как и ранее виденные нами аскеры² Ташкента, разбившись на группы, упражнялись в сабельном бое под руководством пансадбаши. Поперек урды, то есть с севера на восток, возведена была ровная стена; ворота под арками, которые сооружены по обе стороны этой стены, вели во внутреннюю часть урды и во дворец хана. Ворота эти, хоть и казались потемневшими от старости, поражали тонкостью резьбы, переливами красок; особенно хороши были букеты в стиле «угирма-гуль»³, вырезанные на обеих створках, все еще притягивали взгляд и фрески на арках, не потерявшие от времени своей

¹ Ныне существующий дворец был сооружен Худаяр-ханом во время второго правления, старого дворца сейчас нет (авт.).

² Аскер — воин.

³ Угирма-гуль — виньетка, обычно растительного орнамента, с плавными линиями по краям и клетчатым узором внутри.

прелести. В лучах заходящего солнца ослепительно сияли золотые полумесяцы, венчавшие каждый букет. Ворота охранялись двумя часовыми; они стояли на небольших возвышениях у караульных помещений по обеим сторонам ворот. Минуя часовых, войдем внутрь — перед нами тротуар, по правую сторону которого расположена диванхана (канцелярия), а слева — приемная хана, у входа в которую также стоят двое часовых. Коридор в приемной такой же, как в маргиланском дворце, но росписи стен, лепные украшения своим исполнением и красотой намного превосходили бы маргиланские, если бы не потемнели от времени. Если, пройдя по коридору, заглянуть внутрь, перед нашим взором предстает роскошно убранный, покрытый росписями зал. Вдоль его стен рядами сидят старшины шигавулов¹, старшины есаулов, дастарханчи² и офтобачи, аталыки ночной охраны и парваначи³, мехтарбаши⁴, множество советников и визирей. В глубине зала, у третьего окна мы видим тонкую расписную стену с широким проемом посередине без дверей. По обе стороны проема — высокие, в человеческий рост, ниши, и в каждой из них стоит палач с секирой. Минуем палачей и пройдем дальше, в третье помещение; там мы увидим низкий, в пол-аршина высотой, белый мраморный трон, а на нем юношу лет восемнадцати, с продолговатым и смуглым лицом; он одет в красную бархатную шубку и поверх нее в шелковый халат; на голове у него серебристого цвета шелковая чалма, на коленях лежит сабля с золотой рукояткой. Это — Худаярхан. Золоченый стул по его левую руку пустует, а на стуле, который стоит у дверцы, ведущей во внутренний дворец, сидит плосколицый, средних лет кир-

¹ *Шигавул* — сановник при ханском дворце, церемониймейстер.

² *Дастарханчи* — человек, наблюдающий за приемом гостей, кравчий.

³ *Парваначи* — один из высших чинов в Кокандском ханстве, ведавший раздачей ханских ярлыков.

⁴ *Мехтарбаши* — человек, ведавший запасами воды в дальних поездках (она хранилась в кожаных бурдюках).

гиз. У него узкие глаза, кожа цвета пшеницы, плоский нос, едва выдающийся между щек, и небольшая бородка: он одет в уратюбинский чекмень, подпоясанный кожаным ремнем, к которому слева привешена простая сабля. На голове у него белая барашковая папаха. Это — Мусульманкул. Он читает доставленные ему только что худаичи жалобы и письма. Вот прочитал одну бумагу, и она, видимо, показалась ему не стоящей внимания, так как он разорвал ее надвое, бросил у ног и обратился к следующему посланию. Это было письмо от правителя города Ош.

«Опоре Царства, Тестю Хана, Мусульманкулубахадуру, а вместе с ним и Благословенному Хану. Дары ваших милостей распределены между особо нуждающимися из тех киргизов, которые воспитываются в ошских медресе, соответственно степени их преуспевания в науках. Бедные учащиеся медресе возносят ныне свои молитвы о даровании Тестю Хана победы над всеми врагами и о завоевании Темуровой славы. Да будет вам известно, что жители города и его окрестностей пребывают под вашей сенью в мире и спокойствии. Заканчивая послание, слуга ваш желает долгих лет царствования Его Величеству юному Шаху под надежной вашей опекой, Отца Государыни, защитой...»

Рассказывая попутно Худаяру о событиях в Оше, Мусульманкул открыл третье письмо. Оно, видимо, исходило от частного лица, так как было без печати и подписи:

«Мусульманкулу-кипчаку, справедливому, внимающему мольбам униженных и воплям притесненных... С глазами, застланными тьмой и наполненными слезами, пишу я эти строки. Сердце трепещет от ужаса перед предателями государства. Вместо того, чтобы возвеличить до небес преданного государству, верного человека, который доказал виновность клятвопреступника, нанесшего страшный удар стране, вознамерившись по поручению своего отца возмутить мирных, покорных правителям жителей одного города, они собираются взять его под

стражу и заковать в цепи. Безбоязненно возвеличивают они врагов такого человека, как досточтимый Мусульманкул, а друзей обрекают на горе и муки...»

На этом месте Мусульманкул остановился, ничего не понимая, и пробежал глазами конец письма:

«Возможно, вы не сразу поймете, о чем я пишу в столь страшном волнении, но я надеюсь, что вы снизойдете к рабу вашему и милостиво простите его. По наущению неблагодарного Азизбека, один из главарей мятежников Ташкента, Юсуфбек-хаджи, послал сюда своего сына, чтобы возмутить маргиланцев против Вашей Милости. Преданный вам раб, присутствуя на одном из сборищ сторонников этого человека, оказался в большой опасности. Этот человек говорил о том, что нужно истребить кипчаков и передать власть карачапанам. Ваш преданный раб, желающий кипчакам одного лишь добра, не мог утаить того, что услышал, и через посредника дал знать об этом правителю Маргилана Утаббай. Утаббай заключил в темницу и сына упомянутого Юсуфбека-хаджи Атабека, и его сторонника и тестя по имени Мирзакарим. Потом кушбеги вызвал меня, и я от слова до слова рассказал обо всем, что говорил Атабек. По моему беспристрастному свидетельству кушбеги приговорил Атабека и его тестя Мирзакарима к смертной казни через повешение. Но за мешочек золота, принесенный ему из дома Мирзакарима, Утаббай вступил на путь измены, отменил казнь мятежников, уже стоявших под виселицей, а меня, ничтожного раба, преданного государству, решил бросить в темницу и повесить вместо этих мятежников, ибо боялся, что я обращусь к вам с жалобой. Однако с помощью преданного слуги государства курбаши Маргилана мне, хоть и с трудом, но удалось спастись от когтей Утаббая...»

Мусульманкул оторвался от письма. Его узкие, без ресниц глаза сверкали. Он вскричал:

— Чилим!

«Следовательно, Утаббай, которого вы считаете своим человеком, позабыл сделанное ему добро и за взятку перешел на сторону ваших врагов. А один из ваших доброжелателей вынужден был оставить го-

род, бежать в Коканд и искать высокой защиты. Я, честный раб ваш, забочусь не о награде за мою верную службу, а лишь о том, чтобы предатели, вроде Утаббая и Атабека, становясь день ото дня сильнее, не наделали бы бед. Это письмо — лишь выражение моей преданности: я выполняю свой долг. Быть может, благодаря мне будут повержены враги государства. Не стремясь получить награду за службу и считая все перенесенное ради досточтимого хана лишь долгом совести, я не подписываю своего имени под этим письмом. Желая нашему молодому Хану мирного и славного царствования, а предателям государства — смерти. Беззащитный странник».

Мусульманкул был чрезвычайно разгневан. Он так затянулся из чилима, принесенного худаичи, что чуть не сломал чубук, словно срывая на нем злость. Выпуская изо рта клубы дыма, он начал рассказывать Худаяру содержание письма. Его и без того взбесило сообщение о разгроме войск Нармухаммадакушбеги, который вынужден был отступить, так и не взяв Ташкента. Письмо «беззащитного странника» разъярило его совсем. Оно явилось солью, посыпанной на кровоточащую рану.

— Худаичи!

— Что прикажете, таксыр?

— Зови мирзу!

Укладывая письмо под себя, Мусульманкул обратился к Худаяру:

— Вы слышали, сын мой, что собираются сделать Азизбек с Юсуфбеком?! А Утаббай, Утаббай, которого мы считали преданным человеком! И он склоняется на сторону врагов наших! Хорошо же!.. Пусть попробует! Мы знаем, как поступить с неблагодарными.

Трудно было понять, как принял Худаяр известие о том, что его царствованию грозит опасность. Услышав это, он остался невозмутимым и лишь для того, чтобы как-то ответить разгоряченному Мусульманкулу, сухо и невыразительно проговорил:

— Подумать только, Утаббай. Оказывается, он неблагодарный! Хотя бы из уважения к вам, если не ко мне...

— Люди, которым делаешь добро, никогда добром не ответят, — поддержал Мусульманкул. — Вот хотя бы взять Азизбека. Я растил его в детстве, снял в Ташкенте с должности правителя Салимсакаба¹ и поставил его, и вот как он отплатил — стал нашим врагом! Но если с него мало Ташкента и он Маргилан тоже хочет прибрать к своим рукам, то мы еще посмотрим!

Вошел мирза-баши, поклонился почтительно хану, а затем Мусульманкулу. Тот все еще был крайне раздражен и, испытывая физическую потребность покурить, приказал — «Чилим!», затем обратился к мирза-баши:

— Немедленно напиши правителю Маргилана Утаббаю-кушбеги, чтобы он явился сюда вместе с сыном Юсуфбека-хаджи Атабеком. Письмо отошли с гонцом.

Мирза-баши поклонился и вышел, пятась, из тронного зала.

23. МУСУЛЬМАНКУЛ

Во дворце собрались сановники и знатные вельможи. Худаяр-хан восседал на троне. Рядом с ним Мусульманкул, который хоть и не был ханом, но обладал всей полнотой власти. Вошел придворный и открыл церемонию приветствий. Почтительно склонившись перед ханом, он произнес полагающуюся к случаю молитву; за ним последовали остальные вельможи, и каждый из них произносил то же самое. Последним явился худаичи. После приветствия и молитвы он обратился к Мусульманкулу:

— Правитель Маргилана Утаббай-кушбеги просит разрешения предстать перед его величеством.

Мусульманкул только и ждал этого известия, он облегченно вздохнул, спрашивая:

— Он один или с ним кто-нибудь еще?

¹ Салимсакаб приходился сводным братом Худаяру, старшему сыну Шерали-хана. Опасаясь претензий на трон, его убили по приказу Мусульманкула, так как, пользуясь молодостью Худаяр-хана, Мусульманкул мог властвовать до его совершеннолетия (авт.).

Худайчи отвесил поклон:

— Его сопровождает вооруженная охрана в десять человек.

— А еще?

— Есть среди сопровождающих и один безоружный.

— Приведите сюда одного Утаббая, — приказал Мусульманкул, и уже когда худайчи, поклонившись, собрался уходить, он снова остановил его: — Скажи, охрана Утаббая уже вошла в крепость?

— Да, таксыр!

— Хорошо. Охрана дворца должна быть наготове, когда кушбеги войдет сюда.

Худайчи с поклоном удалился. Мусульманкул торжественно провозгласил:

— Вот, хан, два негодяя попали в ловушку!

— Наше счастье!

Вошел кушбеги. Согнувшись в поклоне, он еще издали приветствовал хана, потом подошел и поцеловал ему руку. Мусульманкул как ни в чем не бывало встал с места и обнял кушбеги. Потом предложил ему сесть по левую руку хана. Встреченный столь приветливо, Утаббай немного успокоился. Он снова поклонился хану и сел. Мусульманкул украдкой следил за ним.

— Спокоен край ваш? — спросил он. — Здоровы ли вы сами?

— Слава Аллаху, под благословенным владычеством молодого хана, под сенью его неустанных забот край наш живет спокойно; подданные шлют благословения и возносят благодарственные молитвы.

Худаяр сделал едва приметное движение, выражая благодарность. Кушбеги поднялся и почтительно поклонился. Мусульманкул задумчиво поглаживал усы. Это длилось несколько минут. Худаяр и Утаббай выжидающе смотрели на него.

— Известно ли вам или нет, но в Ташкенте дела обстоят очень плохо, как сообщил нам посланный туда для усмирения Нармухаммад-кушбеги, — заметил Мусульманкул.

Утаббай ответил, что осведомлен о происходящем. Мусульманкул продолжал:

— Три тысячи воинов Нармухаммада-кушбеги семьдесят дней держали Ташкент в осаде; не сумев захватить его, они возвращаются теперь обратно; упорное сопротивление Азизбека и Юсуфбека-хаджи привело к тому, что наши люди ушли ни с чем. Теперь мы поведем дело иначе. Вчера нам стало известно, что сын Юсуфбека по имени Атабек находится у вас в Маргилане. Возможно, он нам понадобится в дальнейшем в связи с мерами, которые мы примем по отношению к Ташкенту, поэтому мы и вызвали его сюда вместе с вами...

Здесь Утаббай прервал Мусульманкула и улыбаясь сказал Худаяру:

— С Атабеком у нас было много хлопот. Это целая история, поэтому послушаем раньше вас.

— Атабек здесь? — спросил Мусульманкул.

Последовал утвердительный ответ, и он, успокоенный, продолжал: — У нас нет сейчас иного выхода, как уничтожить Азизбека. Любым способом! Я считаю, что привести наш план в исполнение может этот самый Атабек. Ему легче, чем другим, попасть в Ташкент и прийти к Азизбеку. Ведь он сын одного из его приближенных. А там он может подсыпать ему яду или умертвить каким-нибудь иным способом. Как говорится, когда болезнь на исходе, врач прибежит и незванный. Узнав, что Атабек находится в Маргилане, мы с ханом очень обрадовались... Потому-то и вызвали вас сюда. А теперь послушаем, что вы скажете.

Утаббай не подозревал ничего дурного, но Худаяр, хорошо знавший намерения Мусульманкула, был очень удивлен его речью. К чему он ведет? Да, его слова не могли не вызвать недоумения.

— По-моему, вы совершенно правы, — сказал Утаббай. — Однако есть у меня одно сомнение: а возьмет ли на себя Атабек такую задачу? В связи с расследованием одного дела, произведенным лично мною, я совсем не уверен, что Атабек — сторонник Азизбека. Двадцать пять дней тому назад мой курбаши сообщил мне, что в Маргилане сторонники Азизбека собираются поднять мятеж. Я отдал приказ

заклЮчить виновных в тюрьму. Мои подозрения против Атабека были основаны на том, что он — сын Юсуфбека-хаджи. Я поверил показаниям человека, который сделал донос, и приговорил Атабека и его тестя Мирзакарима, маргиланского жителя, к смертной казни. Вскоре после того, как приговоренные были отправлены на виселицу, явилась женщина и передала мне письмо. Это было послание от Юсуфбека-хаджи к сыну, писалось оно в ту пору, когда Азизбек уже собирался восстать против Коканда. Я был растерян: письмо свидетельствовало о том, что Юсуфбек — противник Азизбека. Я должен был отменить казнь. Но, не ограничившись свидетельством этого письма, я, не освобождая обвиняемых, произвел новое следствие. Показания Атабека настолько совпадали с содержанием письма, что им нельзя было не верить. И все же, выпустив из тюрьмы Мирзакарима, я освободил Атабека лишь на поруки, до окончания следствия. Предполагая, что донос был сделан по злОму умыслу, я решил устроить очную ставку Атабека с тем, кто донес на него, но тот по какой-то причине сбежал и до сего дня не найден. Этот побег уже сам по себе говорит о злом умысле доносчика, и все же я продолжал держать Атабека под поручительством. А тут как раз пришел вызов от его величества. Я взял Атабека под надежную охрану и отправился вместе с ним к шахиншаху — прибежищу нашего счастья и благоденствия. Вот что произошло в Маргилане с Атабеком. Я сомневаюсь, поскольку Атабек находится еще под следствием, удобно ли поручить ему такую сложную задачу...

Все коварные замыслы лисы-Мусульманкула против кушбеги рушились после этого прямого и искреннего рассказа. Но теперь вся злость обрушилась на одного Атабека. Он решил отомстить сыну человека, который был правой рукой Азизбека, за кровь погибших под стенами ташкентской крепости.

— Письмо Юсуфбека-хаджи, наверное, при вас?

— Вот, таксыр, — сказал Утаббай, достав письмо и протянув его Мусульманкулу.

Пробежав письмо, тот насмешливо посмотрел на Утаббая:

— Видно, в Маргилане нашелся простак, который не понимает интриг Юсуфбека-хаджи! Этот лис написал письмо на всякий случай, посылая сына в Маргилан для поднятия мятежа. В Маргилане не поняли, но мы-то понимаем. — Мусульманкул гордо посмотрел на хана.

Кушбеги вынужден был проглотить издевку и промолчал. Он хорошо понимал, что скажи он лишнее слово — его поставят в один ряд с Атабеком.

— Худайчи! — позвал Мусульманкул.

— К вашим услугам, таксыр!

— Приведите сюда молодого человека, который прибыл с кушбеги.

В эту минуту Мусульманкул был грозен. Худаярхан молча сидел на троне, как статуя. Утаббай притих, не зная, что его ждет...

Вслед за худайчи вошел Атабек. Молодой человек поклонился хану и стоял, почтительно склонив голову. Атабек был наслышан о Мусульманкуле, о его зверски жестоком характере, но он никогда не видел его и потому не обратил внимания на того, кто сидит рядом с ханом. Мусульманкул заметил это и разъярился еще больше. Ехидно улыбаясь, он сказал, обращаясь к Атабеку:

— Послушайте-ка, молодой бек, — сказал он. Атабек повернул к нему лицо, а он, продолжая улыбаться, с издевкой спросил:

— Кто вы такой?

— Я Атабек.

— Мало ли на свете Атабеков. Чей вы?

— Атабек, сын Юсуфбека-хаджи.

— Ага! Так и говорите. Значит, вы — сын ташкентца Юсуфбека-хаджи, многоуважаемого приказчика Азизбека?

Теперь Атабек понял, кто этот невзрачный человек, что сидит перед ним, понял, что он над ним насмехается. Он догадывался, что его ожидает, так уже лучше промолчать, чем отвечать на ехидные вопросы. Молчание было своего рода ответом, и

оскорбленный Мусульманкул это понял. Вне себя от душившего его гнева он заорал:

— Почему не отвечаешь?!

— Что бы вы о нем ни думали, я сын этого человека. Хотя вам и кушбеги Утаббаю мы — я и мой отец — кажемся подозрительными, перед своей совестью мы чисты. А затем поступайте, как задумали, отдавайте приказ!

Ярость Мусульманкула сменилась интересом и любопытством, лицо его приняло совсем иное выражение. Глядя на Атабека с улыбкой, он сказал:

— Храбрый ты, юноша... К сожалению, вина твоя доказана¹, — после чего он крикнул. — Палач!

Палачи, стоявшие наготове у двери с секирами в руках, тронулись с места:

— Кинжалы наши жаждут крови!

Худайчи вышел вперед палачей и обратился к хану:

— Из Ташкента прибыл гонец. Он просит разрешения предстать перед вами!

Худаяр взглянул на Мусульманкула, тот хотел уже отдать палачам приказ схватить Атабека, но вынужден был прикусить язык.

— Пусть войдет, — сказал он и добавил, обращаясь к палачам, — немного позже!

И сделал им знак выйти, ибо нужно было подождать с исполнением приговора: гонец из Ташкента привез, возможно, подтверждение преступных действий Атабека, и Мусульманкул хоть раз в жизни прольет кровь по справедливости.

Атабек в полной растерянности прислонился к стене. Для него теперь все это — и трон, и корона, и хан, и беки — не имело никакой цены... Он впал

¹ Мусульманкул и сам слыл чрезвычайно отважным. В 1853 году он был пленен кокандцами, и его хотели казнить, для чего, приподняв Мусульманкула на подставке, привязали к стволу пушки. Все ждали приказа к залпу. В это время один из кокандцев обратился к Мусульманкулу: «Ну, хромой, как ты себя чувствуешь?», на что тот, ухмыляясь, отвечал: «Слава Всевышнему, даже в этот момент я стою выше вас!» (авт.).

в странное состояние, ему казалось, что он ничего не чувствует и не осознает... Впрочем, он и чувствовал, и сознавал, что его связали, подобно овце, которую везут на заклание, и он равнодушно и бесстрастно ждал смерти. Вся эта жизнь, борьба за власть — весь этот мрак крошечный не трогал его больше. Не было его на свете — и был покой; родился он — принес бурю; исчезнет он — и все успокоится снова. Вот потому-то ему теперь было все равно. Лишь об одном создании не мог забыть он... но вот, кажется, и оно начало меркнуть в его памяти. О, если бы хоть можно было проститься с Кумуш перед смертью! Если бы в тот миг, когда к горлу приставят кинжал, он мог взглянуть на нее и потом навеки закрыть глаза... Лишь об этом мечтал он сейчас.

Худайчи ввел гонца. Преклонив колени, гонец передал письмо Худаяр-хану. Отступив назад, он вдруг увидел стоящего у стены Атабека и, забыв о том, что находится в присутствии хана, кинулся к нему. Поведение ташкентского гонца поразило всех. Атабек, успокоив его, отстранил от себя. Хасанали, пятясь назад, вздрагивал от рыданий.

— Держись прилично! — заорал Мусульманкул. Хасанали стоял перед ним в почтительной позе, и Мусульманкул спросил:

- От кого ты?
- От Нармухаммада-кушбеги.
- Откуда?
- Из Ташкента, таксыр!

Пораженный Мусульманкул взял письмо, протянутое ему Худаяром, и, вскрыв, начал читать вслух.

«Молодому Хану и почтенному Тестю Шахиншаха Мусульманкул-бахадuru. Счастье и светлая судьба нашего молодого Хана воодушевили и нас, озарили надеждой наши скорбные сердца. Вам было послано известие о том, что ничтожный раб ваш вместе с войском вынужден был четыре дня назад отойти от Ташкента в полной безнадежности. В таком смятении мы уже дошли до кишлака Кировчи, где нас догнал гонец из Ташкента, сообщивший, что

в Ташкенте началось восстание против Азизбека и что Юсуфбек-хаджи призывает нас на помощь. Гонец передал также письмо от его имени, и я тот же час отдал приказ возвращаться обратно. На второй день после получения этого известия мы прибыли в Ташкент. Когда мы появились, урда, где спрятался Азизбек, была осаждена народом, возглавляемым Юсуфбеком-хаджи. Все, и особенно Юсуфбек, очень хорошо встретили нас. Мы вступили в урду и взяли Азизбека в плен. Поначалу я полагал, что Юсуфбек-хаджи добивается стать беком Ташкента. Однако он передал в мои руки всю урду, оружие и приказы, и я понял, что предположения мои неверны — Юсуфбек-хаджи оказался человеком совершенно бескорыстным, он защищает лишь народные интересы. Все наши подозрения на его счет были ошибочны. Он поднял людей против Азизбека также потому, что Азизбек обложил обедневший народ налогом в тридцать две таньги на следующий день после того, как мы оставили Ташкент. Жители Ташкента теперь каются, что поддались коварству Азизбека и выступили против нас, они счастливы, что избавились от этого тирана.

Я дал слово Юсуфбеку-хаджи, что за его преданную службу испрошу у Его Величества Хана высокую должность для него. Но он, поблагодарив, сказал, что для него довольно будет и того, если правителем Ташкента назначат справедливого человека. А от Ханского Величества он ждет лишь одной милости: он узнал, что его единственный сын, находясь по торговым делам в Маргилане, арестован, неизвестно почему, Утаббаем-кушбеги; так вот, если считают, что он, Юсуфбек-хаджи, достоин за верную службу какой-нибудь награды, то самой лучшей для него наградой будет освобождение вышеупомянутого сына. По мнению вашего нижайшего раба, Юсуфбек-хаджи немало потрудился для блага нашего государства, и потому, если даже его сын заслужил смерти, следует оказать ему шахскую милость. Правителем Ташкента я временно назначил Куш-дадха и оставил ему часть войска. Сам же я вскоре прибуду в ваше

распоряжение вместе с захваченным мной в плен Азизбеком. Нармухаммад-кушбеги, печать».

Прочитав письмо, Мусульманкул ухмыльнулся и, без малейшего смущения взглянув на Атабека, приказал худайчи:

— Принеси два золотых парчовых халата!

Удивлению Утаббая не было границ: за короткое время Атабек каким-то чудом второй раз избежал смерти.

Худаяр-хан улыбнулся Атабеку, как бы поздравляя с тем, что он вырвался из хищных когтей его тестя.

А Мусульманкул, прихрамывая, подошел к Атабеку, надел на него золотой парчовый халат и совершенно беззастенчиво сказал:

— Благодаря преданной службе вашего отца вы не только спаслись от смерти, но еще и заполучили парчовый халат!

При этом он вновь совершенно бестыжим образом ухмыльнулся.

Атабек уехал на несколько дней в Маргилан, а Хасанали, торопясь успокоить Юсуфбека-хаджи, тут же отправился в Ташкент.

(Конец первой части)

Часть вторая

* * *

Азизбека увезли из Ташкента. На его место был назначен вернувшийся из Коканда Нармухаммад-кушбеги.

Влияние Юсуфбека-хаджи, способствовавшего свержению и поимке Азизбека, еще больше возросло среди кипчаков. Он не согласился на повышение в должности, но положение советника, которое он занимал при Азизбеке, еще более упрочилось при Нармухаммаде-кушбеги. Хотя по закону Нармухаммад-кушбеги и не обязан был слушаться его, но некую моральную ответственность он перед ним испытывал и прислушивался к его мнению. И вот, в результате всего этого в делах был наведен порядок, прекратились бесчисленные казни невинных, сокращены тяжкие для народа налоги, безвременные и неуместные денежные сборы, а также чрезмерные ненужные расходы урды, отменены многие абсурдные запреты и лишние религиозные церемонии, в делах был наведен порядок.

Население Ташкента, три года страдавшее от жестокости Азизбека, вздохнуло с облегчением: оживилась торговля, стали развиваться ремесла и сельское хозяйство.

Народ ожил и даже сочинил песню, начинающуюся словами:

*Настало время для добра!
Будь счастлив, наш Нармат-тура!*

И она полностью отражала мнение народа¹.

¹ Время правления Нармухаммада-кушбеги пришлось примерно на 1270–1273 гг. хиджры. Он был наиболее благородным и справедливым из беков своего времени. Мой отец, переживший десятилетия ханов и беков, отзывался о Нармухаммаде особенно тепло: «Его правление не было омрачено кровопролитиями, он был очень хорошим человеком, да превознесет его Создатель» (авт.).

1. МЕЧТЫ И НАДЕЖДЫ РОДИТЕЛЕЙ

Узбек-аим, жене Юсуфбека-хаджи, было около пятидесяти пяти лет, женщиной она была недалекой, но властной, и славилась тем, что всегда умела в разговоре с мужем настоять на своем. Властолюбивый характер ее испытывали на себе не только ее муж, но и многие ташкентские женщины. Они кланялись даже ее тени, когда она проходила мимо; в любом доме Узбек-аим всегда предоставлялось почетное место, будь то свадьба, поминки или просто собирались гости. Без ее ведома не смели ни дочь выдать замуж, ни сына женить, ни совершить обряд обрезания. Слова: «Узбек-аим велела так сделать» были равносильны приказу, и в тех домах, где отмечалось какое-нибудь торжество, все делалось, как она хотела. Если уж говорить по правде, то надо признать, что власть Узбек-аим распространялась таким образом не только на женщин, но и на мужчин тоже.

Впрочем, Узбек-аим по поговорке «у меня кавуши не на улице найдены, чтобы их даром трепать» ходила не на всякие свадьбы и поминки, а с большим разбором. Поэтому те, кому посчастливилось видеть у себя Узбек-аим, считали себя удостоенными особой милости и с гордостью говорили потом: «У меня на свадьбе сама бек-аим всем распоряжалась». Авторитет Узбек-аим был велик не только в своем кругу, среди знакомых, ей оказывали уважение и во дворце правителя, знатные госпожи тоже величали ее «матушкой». Иногда арба, присланная урда-беги-аим, то бишь женой самого правителя, останавливалась у калитки дома Юсуфбека-хаджи, и есаулы ждали, когда выйдет разряженная Узбек-аим. Частенько Узбек-аим, сидя где-нибудь за чаем, поражала женщин, заявляя: «Вчера из урды присылали за мной арбу, но я была занята и не в духе, не захотела ехать и отослала ее обратно... Подумаешь, велика важность — урда-беги-аим. Я сама себе хозяйка». А то, как будто случайно, вставляла в разговор: «Позавчера я была в урде. Госпожи пристали ко мне: оста-

вайтесь у нас ночевать. Нечего делать — пришлось остаться и ночевать во дворце». И женщины, слыша эти слова, проникались сознанием, с какой особой им выпала честь беседовать, и еще больше почтения выказывали Узбек-аим.

У себя дома, одетая всегда в атласное платье, в халате из узорчатого адраса, в белом шелковом платке, с янтарными четками в руках, она зимой сидела у сандала, откинувшись на пуховые подушки, а летом располагалась на открытой террасе на почетном месте и звала то Айбадак — жену Хасанали, то служанку Ханифу и напоминала им, чтобы у них тесто не перестояло или плов не пригорел.

Если женитьба Атабека в Маргилане не вызвала у его отца особого неудовольствия, то этого никак нельзя было сказать про Узбек-аим. Можно себе представить, как отнеслась она к этому событию, лишившему ее стольких надежд на всевозможные удовольствия по поводу свадьбы единственного сына. Ведь, начиная со дня его обрезания, она перебирала всех девушек Ташкента, ища достойную невесту своему сыну. У одних дочь хороша, зато дом никуда не годится; у других дом с усадьбой хорош, зато девица некрасива, у третьих и дочь красива, и усадьба хороша, да род у них простой, незнатный... До самого последнего дня она была занята оценкой девиц, домов, усадеб и родовитости своих будущих сватов. И что же? Единственный сын женится где-то в Маргилане, на какой-то неизвестной девице, дочери каких-то людей, бог знает какого рода-племени, а родная мать, вырастившая этого сына, с таким нетерпением ожидавшая его свадьбы Узбек-аим, должна теперь, оставшись с носом, сидеть тихо и молчать...

В тот день, когда она узнала от Хасанали о женитьбе сына, она вышла из себя, закричала, завопила: «Не нужен мне такой сын, лучше б в небо синее сдоила я свое белое молоко! Пусть теперь и на глаза мне не показывается, своевольник, пусть и в Ташкент не является!» Не прошло и пятнадцать дней, как из Маргилана приехал Атабек. Вместо того, чтобы обнять сына, которого она не видела

несколько месяцев, мать отвернулась от него, даже не спросила, как он себя чувствует, не справилась о здоровье и не ответила на его приветствие. Надулась, нахохлилась, как курица на насесте. Атабек понимал, что мать обиделась на него, он и не ждал иного приема. Но когда Узбек-аим не смягчилась и после того, как он дважды просил у нее прощения, Атабек сделал вид, что он тоже не понимает, в чем дело, и перестал обращать на нее внимание.

Разумеется, теперь уже Атабек не мог долго жить в Ташкенте, не наведываясь в Маргилан. Не прошло и двух недель, как он, найдя удобный предлог перед отцом, вновь собрался в дорогу и отправился в Маргилан, даже не поставив в известность свою мать. Этот поступок сына Узбек-аим восприняла как напасть, повторяющуюся опять, дым от ее разгоревшегося гнева взвился до небес, и ярость свою она обрушила на мужа. «Где разум ваш? Или от старости вы его проглотили? — зывала она к нему. — Сына отдали какой-то маргиланке! Да как вы смеете теперь людям в глаза глядеть?!»

У Юсуфбека-хаджи было в обычае никогда не вступать в пререкания с женой, вообще не затевать долгих разговоров с домашними, когда они с чем-нибудь к нему обращались. Если Атабеку, или его матери, или Хасанали, или кому другому нужно было посоветоваться, они приходили к хаджи и просто излагали суть дела, затем тихо смотрели ему в лицо. Хаджи некоторое время молча погружался в свои думы, после чего, если был согласен, коротко говорил «Ладно», если не вполне уяснил себе дело, спрашивал: «Ну?», если же был несогласен, произносил: «Не годится». А уж если ему говорили о какой-либо нелепости, он просто молча усмехался. И все домашние его так привыкли к этому, что в большинстве случаев вполне удовлетворялись такими ответами. Только в исключительных случаях, если Юсуфбеку-хаджи нужно было что-то обсудить с сыном более подробно, он вызывал его для беседы в михманхану. И теперь ответом на все вопли и укоры Узбек-аим была молчаливая усмешка хаджи. Узбек-

аим вынуждена была покориться и тридцать дней она только и делала, что проклинала неизвестную разлучницу-маргиланку. Вернувшись из Маргилана и думая, что мать уже забыла свою обиду, Атабек явился приветствовать Узбек-аим. Однако обида ее не только не была забыта, напротив — усилилась вдвое. Но на этот раз мать удостоила возвратившегося сына взглядом и промолвила: «Сын мой, зачем теперь тебе приветствовать меня? Иди, кланяйся своей новой маргиланской матери, у нее проси благословения!» И, не ответив на его приветствие, отвернулась от него. Атабек только усмехнулся в ответ на материнские намеки, и так они оба продолжали жить, затаив обиду друг против друга. Побыв дома дней пятнадцать, Атабек снова под каким-то предлогом, не испросив разрешения матушки, уехал в Маргилан. Вся кровь взбунтовалась в жилах у Узбек-аим, от злости она гремела посудой, вопила на весь дом: «Да кто вы — отец вашему сыну или кто? Вы и не думаете унять его! Разве вы не видите, что эта маргиланка околдовала вашего сына, так приворожила его, что он — простофиля — скоро станет ее рабом и ляжет у порога своей маргиланки! Если вы его не удержите, скоро совсем лишитесь своего сына!» Юсуфбек-хаджи и на этот раз не обратил внимания на слова жены, только сказал: «Оставь его, жена, был бы лишь здоров, а там одумается, опомнится когда-нибудь». Атабек провел на этот раз в Маргилане около полутора месяцев. Вернулся, а в доме опять непрерывное недовольство, обиды... Вновь, не прошло и пятнадцати дней, как быстро собрался он в Андижан. Снова вопли Узбек-аим поднялись к небу. Она желала даже смерти маргиланской колдунье, проклинала ее: как она разлучила мать с сыном, так пусть судьба разлучит ее с возлюбленным!

Так прошел год, и за это время сын семь или восемь раз уезжал из дому. Наконец, может быть, под влиянием постоянных наговоров жены и отношение Юсуфбека-хаджи к сыну стало несколько меняться. Однажды, когда жена укоряла его: «Вы не

умеете воспитывать вашего сына, не умеете унять его!» — хаджи спросил:

— Ну, что же ты хочешь, чтобы я сделал?

— До тех пор не избавиться нам от его частых отлучек из дому, от этих маргиланских поездок, пока не привяжем его к Ташкенту, пока не женим его здесь, — говорила Узбек-аим. — А если женится он в Ташкенте, успокоится, будет тише воды, ниже травы. Может, и позабудет свою маргиланскую беду! — не упустила случая Узбек-аим высказать заветную свою думу.

— Ну, хорошо, вот пусть вернется твой сын, — сказал хаджи.

При этих словах Узбек-аим еще больше разгорячилась, затараторила быстро-быстро:

— Это вы сделали его таким своевольным, вы позволяли ему делать, что хочет, вот и довели его до беды... Так нельзя воспитывать сына. Хочет он или не хочет, вы должны хоть раз настоять на своем. Вы всегда говорили: «Сын сам знает, что ему нужно», — и сколько хороших сватов мы упустили и вот докатились до маргиланского горя! Но теперь вот вам мой сказ — пока он не вернулся, устрою сговор в каком-нибудь благородном доме, а как приедет, справим свадьбу.

— Да погоди ты...

Но нерешительность хаджи только придала духу Узбек-аим — она словно крылья и хвост распустила и уж не могла сидеть спокойно. На следующий же день она велела Хасанали подать арбу и отправилась на поиски достойной своего сына невесты. От Хасанали она часто слышала о красоте маргиланской невестки, поэтому нельзя было удовольствоваться первой встречной, пришлось много дверей в городе пересчитать. Лишь на седьмом выезде ей понравилась дочь некоего Алима-пансада. Теперь надо было получить разрешение хаджи. Хаджи сначала только усмехался на приставания жены, потом сказал: «Погоди, пусть вернется сын». Но Узбек-аим приставала все настойчивее. Тогда он сказал: «Делай что хочешь, но имей в виду, если сын не согласится, я принудить его не стану».

Узбек-аим принялась умолять мужа:

— Перестаньте же упрямиться! Обещайте хоть одно словечко замолвить перед сыном. Ведь эта девушка из благородной семьи.

— Ладно, я поговорю с ним. Только ты пока погоди, не сватай.

— Я не буду сватать. Но сыну мы скажем, что уже сосватали, хорошо?

— Ладно!

После этого разговора Узбек-аим ожила. Назавтра она велела запрячь лошадь в арбу и вновь поехала в дом Алима-пансада. На этот раз ее принимали здесь уже как настоящую сватью. Семья Алима-пансада совсем захлопоталась — как же, ведь они надеялись породниться с самим Юсуфбеком-хаджи! — и были весьма приветливы и уважительны. Как говорится, уста, отведавшие угощения, уже смазаны для доброй речи, поэтому Узбек-аим тоже вела себя совсем по-родственному, она даже заверила будущих сватов: «Мы с беком-ата уже обо всем договорились, только ждем приезда Атабека». Вернувшись домой, она проговорила об этом мужу, и хаджи пришлось только губы кусать: «Никак ты ума не наберешься, жена», — сказал он сердито.

Через месяц Атабек вернулся домой и тотчас догадался, что ему приготовила мать. Он понял это потому, что вместо обычных укоров и обидных слов мать встретила его ласково, спросила приветливо: «В добром ли здоровье вернулся, сынок?» Он стал избегать отца и мать, чтобы не услышать от них противного его совести и сердцу предложения о новой женитьбе. Но нельзя же было всегда уклоняться. Однажды вечером, когда он беседовал с отцом в михманхане, туда пришла Узбек-аим и, не садясь, многозначительно подмигнула мужу, показав ему на сына. Атабек, хоть и не заметил материнского знака, понял, что ему не избежать нежелательного разговора, и не нашел предлога уйти. Хаджи задумался, Узбек-аим топталась на месте, поглядывая на мужа. После некоторого молчания хаджи ласково обратился к сыну:

— Не знаю, слышал ли ты, сын мой, мы тут по-
решили одно дело, тебя касающееся...

Атабек, конечно, знал, что за дело «они порешили или собирались порешить». Но все же он сделал вид, что ни о чем не догадывается.

— Конечно, разумные люди не задумывают недостойного дела, если это касается их сына, — сказал он.

После такого ответа хаджи невольно опустил глаза и не знал, как продолжать разговор. Потом он с иронией взглянул на жену, но все молчал. Узбек-аим не могла понять причину этого безмолвия. Сердце у нее разгорелось, и, подождав немного, она сказала:

— Мы сосватали за тебя дочь Алима-пансада... Теперь надо условиться насчет свадьбы.

Не отвечая ни слова матери, Атабек с укором посмотрел на отца. Хаджи пробормотал смущенно «да, уж так».

— Но ведь я женат уже... хоть это и огорчает вас... А теперь...

— Если ты и женат, что ж нам огорчаться? — улыбнулся хаджи.

— Но если вас не огорчает моя первая женитьба, зачем же?..

Хаджи уселся поудобнее:

— Это не из-за огорчения, сын мой, а по необходимости...

— Какая же может быть необходимость?

— Судя по словам Хасанали, твой тесть не хочет отпустить свою дочь в Ташкент. А матери твоей, которая тебя вырастила, хочется, чтобы сын с невесткой жили в родном доме...

Атабек посмотрел на мать:

— До сих пор жили вы без невестки, разве нельзя и дальше обходиться без нее? — сказал он.

Сердце Узбек-аим запылало гневом против сына, которого так приворожила к себе какая-то маргиланка. Все обиды, накопившиеся за год, теперь разом излила она на него.

— Я не для того тебя кормила-растила, надеялась на тебя. Думала, что ты еще возвысишь наш род...

А ты так в грязь втоптал его. Могли ли мы думать, что ты свяжешься с какой-то маргиланкой, бессовестный. Если дать тебе волю, ты и в самом деле будешь считать эту маргиланку своей настоящей женой, бесстыдник!..

Атабек тоже стал горячиться:

— А кто же она мне, если не жена?

— Пришлая... вот с такими глазищами и бровями!

— Что значит пришлая?

Юсуфбек-хаджи, вместо того чтобы унять сына, посмеиваясь, глядел на жену: «А ну-ка, отвечай же».

Узбек-аим очень хотелось унижить «пришлую», и она говорила запинаясь:

— Пришлая...пришлая... это китаянка... или еще какая-нибудь беда..., родом из калмыков вроде... Уж раз ты не понимаешь, прямо скажу: какое-то племя цыган!..

Вот тут-то Юсуфбек-хаджи не смог удержаться и захохотал, засмеялся и Атабек. Вдоволь нахохотавшись над словами жены, хаджи вытер выступившие на глазах слезы и сказал сыну уже серьезно:

— Сын мой, не обижайся на мать. Что бы она ни говорила, все равно она будет одно твердить — она против твоей маргиланской женитьбы. Если же ты у меня спросишь, то я ни с какой стороны не хочу унижить ни маргиланскую невестку, ни нашего маргиланского свата, может быть, я даже считаю его самым достойным своим сватом, всячески одобряю тебя и радуюсь твоему спокойствию и твоему счастью. Поверь мне! Однако, хотя ты по-своему, может быть, и прав, противясь нашим теперешним желаниям, но ты не вправе лишать нас надежды и радости в жизни. Сын мой, у нас кроме тебя нет никого, все наши желания и надежды в тебе одном. Мы уверены в том, что, хоть и не можем гордиться тобой, но и краснеть из-за тебя нам не придется, и мы тысячу раз благодарим бога за это. Но мать, которая растила тебя, вырастила и свои надежды на тебя. Вот почему сегодня мать преклоняет перед тобой колени, и мы вместе просим тебя. Один раз ты же-

нился по своему желанию и выбору, и пусть твоя подруга приносит тебе счастье! У отца с матерью, если они разумные люди, не может быть иной надежды. И все-таки мать, которая живет только тобой, хочет, чтобы ее дитя осуществило и ее давние мечты... Выполнишь ли ты это ее законное желание — воля твоя.

Насколько эти слова хаджи пришлись по сердцу Узбек-аим, настолько же они поставили в тупик Атабека. Хаджи, и без того слишком разговорившийся вопреки своему обыкновению, закончил свою речь так:

— Разумный толково высказывает свои мысли, неразумный же, говорят, лает, как собака. Мать твоя хотела сказать то, что я сказал. Остальное она наболтала зря, желая защитить себя... ты ведь не хуже меня знаешь характер твоей матери...

Но Атабек все молчал. Узбек-аим закивала головой в знак согласия. То, что сказал Юсуфбек-хаджи, было не просто его мнением, это было в обычае и в духе времени. И Атабек слушал эти слова, как сын своего времени и своей среды, в какой вырос. Он не обладал силой выступить против обычаев, освященных временем, против своего отца. Бессильный против них, он молчал. Конечно, ему хотелось утешить родителей, которые растили его, надеясь потом женить и увидеть внуков от него, он не хотел бы, чтобы из-за него пришлось им позориться: ведь они уже дали слово Алим-пансаду. Но в то же время, он не мог не думать о прекрасных глазах, так пленивших его, которые смотрят на него с презрением, будто говорят ему, что он — изменник, не умеет защитить свою любовь. Собственно говоря, только эти глаза и заставляли его противиться воле отца и матери, все остальное не смущало его. Но, хотя он думал, что исполнение желания родителей не может помешать ему быть с любимой, сердце его все же было беспокойно, и совесть мучила его. Однако то, что волновало его, не казалось важным его родителям. Наконец, их очень утомило ожидание ответа.

— Не заставляй нас ждать, сын мой, — сказал хаджи.

Будто проигравший, смотрел Атабек на отца и сказал с мольбой в голосе:

— Если это доставит вам радость, я готов исполнить ваше желание. Но не поступим ли мы жестоко и подло с этой бедняжкой...

Хаджи не сразу понял, что хотел сказать сын:

— С твоей женой, что ли?

— Нет, с вашей будущей невесткой, которую вы сосватали. Как сын ваш, я удовлетворю ваше желание, женюсь, но ей, вашей будущей невестке, я не смогу быть настоящим мужем; я буду с ней бесчувственным истуканом.

Юсуфбек-хаджи пронзительно посмотрел на жену. Но Узбек-аим, уверенную в прелестях своей будущей невестки, это не смутило.

— Ладно, об этом пока не будем думать, сын мой! — сказала она.

Атабек замолчал. Юсуфбек-хаджи понимал сына и мог представить себе, какие осложнения могут возникнуть в семье впоследствии, но почему-то он не захотел заглянуть в это темное будущее:

— Ты верно говоришь, мой сын. Но поспешность твоей матери с самого начала поставила меня в тупик. И сейчас я вынужден молчать и подчиняться обстоятельствам. Это не я, а твоя мать дала слово людям. Сколько бы мы ни раздумывали теперь, я не считаю возможным, чтобы наша семья показала пример несогласия, раздора и неверности данному слову.

Атабек принял доводы родителей, пребывая, как сам он выразился, в обличье бесчувственного истукана. На одном он только настоял: прежде побывать в Маргилане, известить обо всем жену и тестя с тещей, и уж затем готовиться к свадьбе. Мать, довольная, что дело так легко выгорело, сразу же приняла это условие, и в целях скорейшего осуществления желанного бракосочетания, сама стала торопить сына с отъездом в Маргилан.

2. «ВЫ МЕНЯ НЕ ПОЗАБУДЕТЕ?»

Тяжело давался Атабеку отъезд в Маргилан, сомнения одолевали его. Он понимал, что вместо радости безграничной, вместо великого счастья он принесет теперь Кумуш-биби страшное огорчение и тяжкую печаль. Вместо изящных подарков, которые он обычно привозил ей в Маргилан, в этот раз он преподнесет Кумуш-биби сосуд с ядом жестокой обиды. Он подарит ей... соперницу, и неизвестно еще, что будет с ней, как она перенесет такое горе. Возможно, это чудовищное известие ввергнет ее родителей в ужас, и они не дадут своего согласия, справедливо полагая, что это положение вещей никоим образом не подходит для единственной дочери, сопроводив свой отказ словами: «Не нужно нам твоих подарков, как и сам ты». Вот чего Атабек особенно боялся, что усиливало его сомнения и колебания.

Однако этой боли суждено уступить место желаниям его матери. И волей-неволей он отправился в путь, чтобы вручить маргиланцам это подлое подношение.

Атабек не понукал нетерпеливо коня, как это бывало прежде. Предоставив его своей воле, ехал вялый и расслабленный, раздавленный властью мутных и удушливых раздумий, не замечая ничего вокруг, словно кусок размякшего хлеба, упавшего в воду.

Дни стояли весенние: горы со снующими между ними шустрыми горными речками, холмы, долины были покрыты цветами — красными, белыми, желтыми, голубыми, розовыми и еще непередаваемой словами палитрой чудных раскрасок, даруя округе несравненное счастье познания новой жизни, новых надежд. Всю зиму дрожавшие от холода птицы — синицы, воробьи, жаворонки, щеглы — теперь носились стаями, щебетали, чирикали, звенели, точно пересмеиваясь, опускались на цветочный ковер, разостланный по земле, поклевывая, подпрыгивая, снова вспархивали ввысь... а издалека доносилось страстное кукованье кукушки: «Ку-ку... ку-ку...»

Этот пестрый травяной ковер, покрывавший безграничную холмистую степь, аромат цветов, вся эта цветущая весенняя земля не могли не радовать человека, плывшего по ее просторам. И Атабек, хотя был полон тревоги в ожидании грядущих неприятностей, не мог не любоваться цветами и травами, не мог не вдыхать струящегося над степью аромата, не прислушиваться к пению птиц. Что бы там ни было, а он не мог не поддаться очарованию весны. Постепенно и мрачные мысли его стали рассеиваться.

— Вон ласточка, она несется стрелой и щебечет на лету, — думал он. — И нет у нее никакой печали, она, наверное, спешит к своему возлюбленному и в песне радуется предстоящему свиданию. Счастливая, она никому не причинит зла, воля родителей не мешает ей, законы птичьей жизни легки и просты: любящие соединяются и живут парами и летают над землей, как хотят. Быть бы и мне ласточкой, летел бы я теперь к своей Кумуш. Торопился бы на свидание и пел свою веселую песню.

Но его крылья теперь подрезаны решением отца и матери, и нет ему воли вольной... А конь бежит своей дорогой, минует холмы и горы, переходит вброд реки, приближается к знакомому городу, где уже побывал раз восемь. Только прежде этот путь для Атабека был радостен, и он спешил, а теперь же он ему ненавистен, и его тянет вернуться.

Доносится песня джигита, вдали погоняющего упряжку волов на пашне: «По воле рока разлучены влюбленные сердца!» Сила, с которой она вырывалась из груди певца, заставляла дрожать округу, сила эта оказала на Атабека свое магическое воздействие. Словно это о его судьбе поет дехканин в поле. Вновь озвученные устами дехканина строки разносятся окрест. Теперь уже и душа Атабека подпевает этой песне: «Нет, не рок разлучает влюбленных, а жестокое желание родителей!» Все будущее Атабека, словно озаренное пророческими строками из песни, заставляет Атабека безудержно плакать. Слезы катятся по щекам, падают на луку седла, на гриву коня...

Обычно он делал по дороге в Маргилян четыре остановки, теперь же он достиг города после шестого привала. Он приехал перед заходом солнца, когда по окрестностям разносились призывы к предзакатной молитве — намазу «аср». Спешившись, ведя за собой коня, Атабек направился к улочке, ведущей к дому кутидора, и сердце его внезапно тревожно забилось, он вспомнил, что, вопреки своему обыкновению, опоздал дней на десять и подумал: «А она сидит и ждет». Сердце его так сжалось, что, войдя во двор, он остановился и замер, прислонившись к шее коня.

А она и в самом деле ждала, сидя перед айваном. Погрузившись в глубокое раздумье, она и не заметила, как вошел Атабек. Наконец, увидев его, она посмотрела на него широко раскрытыми черными очами газели, встала, повернулась, ни слова не говоря, направилась во внутренний двор. Смысл такого поведения стал изначально ясен Атабеку — это из-за его продолжительной отлучки, точившей болью разлуки ее сердце... Если в этом случае обида столь велика, можно было себе представить реакцию на появление соперницы. Атабек оторопел. Привязав коня в конюшне, он снял с седла шелковые хурджуны с подарками и прошел в ичкари. Офтоб-аим, увидев на пороге любимого зятя, оставила свою работу, бросилась навстречу Атабеку, обняла его, ласково приговаривая, стала рассказывать, как они беспокоились из-за его задержки, какие тревожные сны видели. Невесть откуда появившаяся Тойбека тоже подбежала, но постеснялась поздороваться, только приняла от «красивого парня», как она говорила когда-то, его хурджуны.

Офтоб-аим захлопотала, забежала взад и вперед, постелила одну на другую несколько курпачей, пригласила зятя сесть, радостно приветствуя его. Но Атабек отнесся к ее приветствиям с тревогой, тотчас подумав, что отношение к нему резко переменится, как только он не сегодня, так завтра объявит о желании родителей, поэтому и машинально опустил

на курпачу, и неуверенно поднял руки для краткой молитвы — фатихи, которую произносила Офтоб-аим, — ведь все эти хорошие и добрые пожелания скоро могут смениться проклятиями. После молитвы Офтоб-аим, на радостях суетливо гремя посудой, принесла зятю кислое молоко и, несмотря на все возражения, настояла, чтобы он съел его: «Скушайте, это снимет с вас усталость после дороги». Затем велела Тойбеке приготовить чай, а сама принялась расспрашивать зятя:

— Здоровы ли ваши отец и матушка?

— Слава богу, здоровы, они вам кланяются.

— А здоров ли почтенный Хасанали-ота, почему не приехал с вами?

— Слава богу, здоров. Появились кое-какие дела, потому и не приехал, — отвечал коротко Атабек, а про себя подумал: «Почему же ты лжешь, ведь не занят ли Хасанали приготовлениями к свадьбе...»

Прошло уже некоторое время, как Атабек приехал, а Кумуш все не появилась из своей комнаты, сидела там разобиженная. Офтоб-аим, видя смущение и задумчивость зятя, объяснила это тем, что Кумуш не выходит к нему, и позвала дочь:

— Кумуш! Муженек твой приехал! Что ж это ты не идешь поздороваться с ним?

Раза три-четыре Офтоб-аим звала дочь, но Кумуш, притворяясь, что не слышит, занималась всякими пустяками и не выходила. Между тем, приглядываясь к задумавшемуся Атабеку, Офтоб-аим все больше тревожилась. Наконец, она не вытерпела, под каким-то предлогом тихонько прошла к дочери и шепотом стала ей выговаривать: «Разум ты, что ли, свой потеряла, дочка? Муж твой ради тебя из далекого Ташкента приехал, а ты даже выйти к нему не хочешь, не поинтересуешься, что с ним! Вставай живо, иди поздоровайся! Смотри, что будет, если он вдруг уедет?» Последние слова Офтоб-аим заставили Кумуш призадуматься: «В самом деле, что со мной будет, если муж возьмет да и уедет обратно?» И она, сделав вид, будто что-то ей понадобилось на айване, вышла раньше матери, мельком, исподлобья

бросила взгляд на Атабека, улыбнулась ему, потом взяла совсем ненужную ей пиалу из ниши и ушла.

Узбек-аим не зря называла ее колдуньей, ведуньей: быстрый взгляд и улыбка Кумуш в одно мгновение совершили в Атабеке изумительную перемену. Он и сам никак не ожидал, что под действием мимолетного взгляда и ласковой улыбки вдруг словно гора спадет у него с плеч и он почувствует себя легко и свободно, как птица. Что значили все родительские желания, и все обычаи, и все пересуды людей перед одной этой пленительной улыбкой, перед одним взглядом этих глаз?!

После мгновенных изменений в сознании, не сомневаясь больше, он решил бесповоротно: «Я ничего не буду говорить им о замыслах моего отца и матери и не вернусь в Ташкент».

Несмотря на всю внезапность такого решения, оно было твердым, узел всех его затруднений был развязан волшебством одной улыбки. Он навсегда останется в Маргилане... Приняв такое решение, он вздохнул легко и уже по-другому, словно заново родился, по-хозяйски посмотрел теперь на дом. А в это время его повелительница вновь одарила его волшебной улыбкой, как будто гордясь своей властью над ним.

* * *

С тех пор прошло дней пятнадцать. На повторные расспросы Кумуш он все время отвечал:

— Да, истинная правда. Я больше не уеду в Ташкент.

Кумуш хоть и удивлялась этому, но в душе радовалась.

* * *

Сегодня двадцатый день его пребывания в Маргилане. Атабек совсем недавно куда-то вышел из дома. Кутидор, против обыкновения, рано, часам к трем, вернулся с рынка и спросил Атабека. Узнав, что его нет дома, кутидор пригласил жену в михманхану.

— Что случилось? — на этот вопрос Офтоб-аим кутидор, не показывая никаких признаков радости или воодушевления, отвечал:

— Ничего. Все спокойно.

Муж и жена уселись в михманхане. Офтоб-аим готова была разорваться от любопытства, не понимая, в чем дело.

— Ты что-нибудь слышала от Атабека? — спросил ее кутидор.

— А что? Он много чего говорит, а я слушаю.

— Относительно Ташкента он ничего не говорил?

— А что случилось в Ташкенте?

— В Ташкенте ничего не случилось, — усмехнулся кутидор. — Не в этом дело. А дочь тебе ничего не говорила?

— Нет... Да, чуть не забыла, вчера она мне сказала, что, кажется, ее муж больше не собирается в Ташкент.

Кутидор, сверкнув глазами, словно догадавшись о чем-то, спросил:

— Значит, в Ташкент он больше не собирается?

— Не знаю, правда ли, нет ли, но так мне сказала дочь. Уж не поссорился ли он с родителями?

— Нет, — сказал кутидор и, достав из кармана какую-то бумагу, продолжал, — я сегодня получил из Ташкента интересное письмо.

— От кого же?

— От нашего свата, — сказал кутидор и, разворачивая бумагу, добавил, — хочу прочитать тебе его.

— Да в чем же дело? — спросила Офтоб-аим.

— Вот послушаешь — узнаешь.

«Свату нашему, Мирзакариму-кутидору и уважаемой ханум — нашей сватье! Да будет вам известно, что мы здесь живы и здоровы и неустанно за пятикратной молитвой просим Всевышнего позаботиться о здоровье и благополучии вас, почтенных и уважаемых наших сватов! Вы знаете уже, по какому делу ваш зять, а наш сын послан недавно к вам. Слава Аллаху, надеюсь, он пребывает в добром здоровье. Однако вам должно быть известно, что у нас, кроме Атабека, нет других детей, он единственный след,

памятка, что останется после нас на земле, единственная наша надежда. Почтенный брат наш, мы благодарны вам, что вы сделали его и своим сыном, но то, что вы не пускаете вашу дочь в Ташкент, немного омрачает нашу радость и нашу благодарность. Конечно, я вас не виню, потому что у вас тоже единственное дитя, но вы бы должны понимать и нас. Атабек теперь большую часть жизни проводит в Маргилане, потому что вы не хотите отпустить в Ташкент вашу дочь, и это обрекает нас на одиночество. Дорогой брат, не вздумайте обижаться на меня за эти слова, покорный слуга ваш пишет их вам в силу необходимости. Говорят, свет — дом мечты. Как уже говорилось выше, и как вы сами изволите, конечно, знать, для вашей сватьи единственная надежда — наш сын. Найдут ли уважаемые правильным или нет, однако мы задумали крепче привязать Атабека к дому здесь, в Ташкенте, потому хотим сосватать его и уже кое-что предприняли по этому делу. Но сын наш сначала воспротивился такому нашему желанию, а потом согласился, только чтобы не оставить без внимания просьбы своей матери. Он отправился к вам, намереваясь получить от вас согласие на свой второй брак. Не знаю, найдете ли вы это добрым делом, нет ли, но теперь все зависит от вашей милости. Мы потому решили написать вам это письмо, что подумали, может быть, у Атабека совсем нет склонности жениться второй раз, и он мог даже не сообщить вам об этом и тем самым поставить нас в неловкое положение. Уважаемый брат мой, вы человек, повидавший много на своем веку, подумайте об этом законном требовании матери. Мы верим, что вы, как и ваш покорный слуга, попытаетесь вразумить вашего зятя, а нашего сына. Не следует, пожалуй, заранее оповещать нашу невестку о второй женитьбе Атабека. Но мы надеемся, что вы все порадуете нас — приедете вместе с Атабеком на свадьбу. Юсуфбек-хаджи и сватья. Писано в 17 день месяца савр 1265 года хиджры»¹.

¹ Соответствует 8 мая 1849 года.

Закончив чтение письма, кутидор посмотрел на жену. На Офтоб-аим письмо хаджи произвело такое впечатление, словно она нырнула в ледяную прорубь — она так и застыла на месте. На мужчин подобные вещи не действуют так сильно, как на женщин. Офтоб-аим показалось, что ее дорогую дочку уже разлюбил муж, что в ней нашли какой-то изъян, что Кумуш уже стала ветошью, которую за ненадобностью хотят засунуть в темный угол. Офтоб-аим не поверила письму, ей казалось, что она ослышалась.

— Прочитайте еще раз...

Кутидор усмехнулся словам супруги:

— Сколько раз ни читай, бесполезно, ты ведь поняла смысл письма, — сказал он.

Офтоб-аим взбеленилась:

— Соперница?! У моей дочери?!

Кутидор пытался успокоить жену, но она билась, как птица, попавшая в клетку:

— Не убивайся так, постарайся понять суть...

— В чем суть?

— Необходимо разобраться.

— В чем разбираться?

— Знаешь, если бы в этом деле видно было участие и желание нашего зятя, я тоже, как и ты, не стерпел этого и не мог бы спокойно принять беду, свалившуюся на голову нашей дочери. Однако участия в этом нашего зятя не чувствуется, поэтому я спокоен. Ты, кажется, говорила, будто он сказал дочери: «Больше в Ташкент не поеду». Так?

— Правда ли, ложь ли, но я так вроде слышала, — нехотя ответила Офтоб-аим.

— Ну, даже если ты сама слышала, значит, это, по-видимому, правда, — сказал кутидор. — Из всего этого ясно, что Атабек совсем не хочет второй раз жениться, а все дело затеяли его родители. Следовательно, эту женитьбу нельзя понимать как желание изменить твоей дочери, навязать ей соперницу.

Совершенно неожиданно для Офтоб-аим кутидор говорил так, будто он уже давал согласие на вторую женитьбу Атабека, доводя тем самым ее до белого каления.

— Да коли Атабек сам захотел второй раз жениться, разве он приехал бы в Маргилан просить нашего разрешения.

— Погодите-ка, — ошарашенная, молвила Офтоб-аим, — что это вы такое городите?

— Я говорю о несогласии Атабека на эту вторую женитьбу.

— Но раз он против, ну и слава Аллаху, тогда о чем говорить?

— Дело-то не в этом, — усмехнулся кутидор.

— А в чем же? — Офтоб-аим начинала уже го-ряться. — Вы, кажется, своими руками готовы преподнести нашей дочери соперницу!

Кутидор холодно усмехнулся:

— Ничего ты не понимаешь, жена.

— Я все понимаю!

— А если понимаешь, то как, по-твоему, мы должны отвечать на это письмо?

— Так и напишите, что это для нас не подходит.

— Этого мало, необходимо указать какие-то основания.

— Небось, найдете основания!

Кутидор посмотрел на жену, которая уже совсем вышла из себя, и почесал затылок.

— В письме говорится, что вторая женитьба Атабека вызвана тем, что мы не хотели отпустить нашу дочь в Ташкент, — сказал кутидор. — Если ты говоришь, что твой зять не должен второй раз жениться, значит, надо отпустить Кумуш, чтобы она жила у сватов, как ты отнесешься к этому?

— Почему это я свою единственную дочь должна отправлять в Ташкент? — сказала Офтоб-аим, сердито сверкая глазами. — Мы выдавали дочь замуж с условием, что ее не увезут из Маргилана.

— Ты права, я тоже совсем не хочу отсылать Кумуш в Ташкент, — сказал кутидор. — Но дело в том, что когда мы ставили условие не увозить нашу дочь из Маргилана, мы не требовали у Атабека обещания отказаться от своих родителей и не жениться во второй раз.

— Обещал он или не обещал отказаться от родителей, — сказала, задыхаясь, Офтоб-аим, — но

раз он полюбил Кумуш и женился на ней, то второй женитьбе не бывать! Пусть и не заикается об этом!

— Да откуда ты взяла, что он заикается об этом?

— Ну, а уж если он сам не говорит об этом, то и вам нечего выступать посредником в этом деле, этим вы, в самом деле, сами себя ставите под удар.

— Говорят, ударь ножом сначала себя, и если не будет больно, ударь другого. — сказал кутидор серьезно. — Ты лучше меня знаешь, что без нашего согласия Атабек никогда не женится вторично. К примеру, представь, будь мы на месте наших сватов, и ежели наш единственный сын женился бы в каком-нибудь дальнем городе на незнакомой девушке, подумай сама, вынесли бы мы это? Разве ты бы сама не захотела женить сына вторично в своем городе, помимо его воли? И не стала бы проклинать сватов, которые препятствовали нам и удерживали нашего сына у себя дома, в своем городе?

Эти слова заставили Офтоб-аим задуматься, однако она все еще не сдавалась:

— Как же вы теперь намерены поступить?

— Мне ничего другого не остается, — сказал кутидор, теперь уже взяв инициативу в свои руки, — как уговорить Атабека, даже если он не согласен, и вместе с ним поехать в Ташкент.

— А ваша бедная дочь?..

— Честь нашей дочери не будет затронута. Любовь и уважение мужа останутся при ней.

— Да что же за дела такие творятся на свете!

— А не хочешь — тогда отправляй свою дочь в Ташкент.

Ответом было громкое рыдание Офтоб-аим.

* * *

Тесть, теща, зять. Присутствие в этом треугольнике будило в душе Атабека всевозможные опасения. Почему против обыкновения они сидят в михманхане? Почему не приглашена Кумуш? Почему так пронзительно смотрит на него теща? И уж совсем смутил его неожиданный вопрос кутидора:

— Атабек, ответьте нам без смущения и стеснения, какова истинная цель вашего отъезда из Ташкента?

Этот вопрос заставил Атабека растеряться, он не знал, что отвечать.

— Просто... я хотел повидать вас всех...

— Придерживайтесь истины, бек! — кутидор сказал это полушутя-полусерьезно, подбадривая Атабека.

— Это правда.

— Вы лукавите...

Атабек был застигнут врасплох:

— Изложение истинной причины моего отъезда из Ташкента причинит боль не только мне, но и вам... Да и незачем говорить об этом, я пришел по этому поводу к твердому решению.

Офтоб-айим взглянула на мужа. Кутидор спросил ласково:

— Вам тяжело говорить об этом?

— Не только мне, а и всем нам было бы тяжело...

— А если бы мы дали свое согласие?

Лицо Офтоб-айим выражало явное недовольство, вызванное такой отвагой супруга. Атабек же вздрогнул, словно очнулся ото сна, и спросил с недоумением:

— На что вы хотите дать свое согласие?

— На то предложение, с которым вы прибыли из Ташкента.

Атабека прошиб пот от смущения.

— Так вы знаете цель моего приезда?

— Знаем, — сказал кутидор, мягко улыбаясь.

— Что или кто принуждает вас согласиться на такое дело?

— Никто не принуждает, — сказал, улыбаясь кутидор, — а принуждает нас вот что: мы чтим волю и желание родителей, вырастивших единственного сына, надеемся, что и вас это сможет убедить.

— Даже не знаю, что и сказать... неужели нет никакой другой возможности исполнить желание моих родителей?.. Правда, будучи в Ташкенте, я почти

согласился, но здесь теперь я вижу, что это совершенно невозможно...

Офтоб-аим едва было не вскрикнула: «Правильно!», однако кутидор, нахмурившись, остановил ее взглядом.

— Постарайтесь смотреть дальше, бек! — сказал он. — Если бы ваш отец не обратился прямо к нам, мы могли бы оставаться в стороне. Теперь же, если мы поддержим вас, то в глазах ваших родителей виноватыми будем уже мы, а не вы.

— Не придавайте этому значения.

— Как же не придавать?

— Напишите, что я один во всем виноват.

Кутидор засмеялся и спросил:

— Когда вы были в Ташкенте, вы же приняли предложение ваших родителей, не так ли?

— Да.

— И даже прибыли в Маргилан, чтобы сообщить нам и получить наше согласие, верно?

— Именно так...

— Вот спасибо... а приехав в Маргилан, отреклись от своего слова, так?

— Отрекся...

— А теперь из Маргилана поедете в Ташкент, отрекшись от своего слова, да?

— ...

— Вот видите. И получится так, что виноватыми в этом деле окажемся только мы. Нет уж. Надо было раньше думать, а теперь вам ничего не остается, как выполнить волю родителей.

Атабек не мог ничего возразить, он понял, что повел себя, как мальчишка. Вконец растерянный, он спросил:

— Когда отец написал вам?

— Вчера я получил письмо. Ну, так, значит, вы согласны?

— Я не могу ответить вам сейчас, я должен подумать.

— Сколько бы вы ни думали, ответ все равно может быть только один — согласиться.

Кутидор сказал это решительным и строгим, не терпящим возражений тоном. Это заставило Атабека более трезво поразмыслить над сложившейся ситуацией. Потребность списать все на желание родителей, лежавшая на душе тяжестью и омрачавшая радость жизни, казалась ему простым и легким выходом. Однако, с другой стороны, вопрос требовал более серьезного решения.

— Хорошо, — сказал Атабек кутидору. — Допустим, я соглашусь, — но ведь окончательное согласие зависит от воли вашей дочери.

Офтоб-аим, которая сидела закручинившись, взглянула на Атабека с безграничной благодарностью.

— О нашей дочери можете не беспокоиться, бек, — отвечал кутидор, — самое верное сейчас решение — ничего пока ей не говорить, — со временем смирится, свыкнется. Беспокойство неуместно.

— Нет, — сказал Атабек, — хоть я и даю свое согласие на это дело, ничего скрывать от вашей дочери не стану.

— Почему?

— Потому что без ее согласия я не могу пойти на такой шаг.

— А если она не согласится?

— Я тоже вынужден буду отказаться.

Однозначный ответ заставил кутидора задуматься. Что же касается Офтоб-аим, то ей хотелось заплакать и расцеловать милого зятя, так высоко ценившего ее дочь, и она до глубины души прониклась к нему уважением.

— Хорошо! — сказал кутидор. — Вы сами хотите получить ее согласие?

— Нет! Это мне не под силу! Ведь мои слова были бы для нее оскорблением.

Супруги переглянулись. Сказаны последние слова, и глаза Атабека наполнились слезами. Вероятно, смутившись из-за своего состояния, он быстро встал и вышел из комнаты. После ухода Атабека теща и теща еще с полчаса сидели в михманхане и спорили.

После вечерней молитвы — намаза «хуфтан», с надеждой хоть как-то отвлечься от вновь возникших в сознании забот, Атабек, сидя у керосиновой лампы в своей комнате, перелистывал сборник стихов Фузули. Однако чеканные строки не восхищали его, и он машинально переворачивал страницы. Эти тонкие изящные стихи знаменитого поэта сейчас казались ему лишь пресным, бессмысленным набором слов, не более того. Вдруг он закрыл книгу, поднялся и стал прислушиваться к тому, что происходило на айване, ибо доносившийся только что до его слуха разговор Кумуш с матерью вдруг сменился мертвой тишиной. Это показалось ему необычным. Он отметил исчезновение с айвана жены и тещи, возвратился и сел на прежнее место. По какой-то причине его охватило беспокойство и ожидание неприятностей. Человек в подобные моменты опустошения действует не по разуму, а по наитию. Именно поэтому он самым внимательным образом погрузился в чтение Фузули.

Не полчаса, а целый час минул с того момента, как его охватило упомянутое тревожное чувство. Он не поднимал головы от книги и думал, что все равно не избежать тяжелого разговора. Но пусть это состоится позже... Надо лишь внимательнее читать Фузули. Атабек углубился в чтение полных глубокого смысла стихов, словно пригвоздившись к месту.

Он даже не заметил, как в комнату вошла Кумуш. Безмолвно, как птица, затаившая свой нежный голос, она бесшумно прошла по ковру и тихонько опустилась возле свечи — рядом с Атабеком. Пламя свечи заколебалось от легкого движения ее платья, словно приветствовало ее поклоном. Атабек, склонившийся низко над книгой, вздрогнул, поднял голову и увидел: перед ним сидит пери, и у нее, как сказал бы Фузули, стрелоподобные ресницы слиплись от слез, и покраснели круглые, как яблоко, щеки... Он понял, что ей все известно, и опустил глаза, как избалованный заговорщик. Он ждал от Кумуш горьких упреков, слов, полных обиды; готов был после первой жалобы покаяться в грехе, который собирался

совершить по воле родителей. Но все вышло не так, как он ожидал. Внезапно, словно желая вывести его из безнадежного положения, Кумуш проговорила:

— Фузули — прекрасный поэт. Я тоже в одиночестве не могла оторваться от его стихов, выходит, и вам они небезразличны?

Он пришел в полное замешательство, не знал, с чего начать, что ответить этой благородной красавице.

— Кто вас обидел, что значат эти слезы?

— Разве я плакала?

— Ваши глаза, ресницы...

— Вам показалось...

— Не я ли причина ваших слез?

— Почему вы закрыли книгу? Прочтите что-нибудь, я хочу послушать...

— Стоят ли воля и желание родителей одной каплей ваших слез?

— Я согласна, я смирилась! — неожиданно быстро ответила Кумуш, словно испугавшись своих слов.

— Согласны? Но почему? — Атабек был в полном изумлении.

— Потому что я доверяю вам, — сказала Кумуш.

— И потому...

— И потому я согласилась...

— Ваша душа чиста, как у ангела.

— И ваша тоже...

Их сердца в этот миг бились, как одно единое, души их слились.

— Тогда почему же вы плакали?

Вопрос привел Кумуш в неловкость, и она сквозь смущение улыбнулась.

— Так... — и вдруг спросила, сведя воедино все свои желания и условия: — Вы меня не позабудете?

Он не знал, что ответить, не смог найти слов, которые выразили бы глубину его чувства. Словно говоря сам с собой, он произнес, наконец: «Желание моих родителей...»

— Знаю, — тихо прервала Кумуш, утешая его.

— А какое у меня желание... знаете?

Кумуш придвинулась к Атабеку и нежно прильнула к нему.

* * *

В тот же день кутидор объявил, что завтра он с зятем отправляется в Ташкент. Всю ночь Атабек и Кумуш провели без сна, сидя у свечи и разговаривая.

3. ПОЯС ЮРОДИВОГО КАВАК-ДИВАНЫ

Поев на голодный желудок чеснок, люди в чайхане не торопясь поглощали зеленый чай и явно скучали, когда вдруг вошел юродивый — кавак-дивана, у него на поясе висели тыквы. Тут все заговорили разом:

— Пожалуйте, дивана¹, пожалуйста!

— А что, бездельники, пиала чая найдется для меня?

— Найдется, о святой! Спляшите-ка, как бача, и чай вместе с пиалой ваш!

Тот, кого мы называли «Дивана» или «Кавак-дивана»², был худой, средних лет человек с жиденькой бородкой, со старой шапкой наперекор жаркому солнцу на голове, одетый в стеганный драный халат, из которого отовсюду лезла вата, опоясанный несколько раз новым бязевым поясом, на котором висело множество разных тыкв — от чилим-кавака³, горлянок и до нас-кавака⁴. Под их тяжестью он еле передвигал ноги.

Дивана этот был хорошо известен всему Ташкенту, даже бекам и знати; одним словом, это был юродивый, имевший в городе многих почитателей своего таланта, «святой», перед которым люди преклонялись, молва о творимых им чудесах передавалась из

¹ Дивана — юродивый.

² Кавак-дивана — юродивый с тыквами.

³ Чилим-кавак — тыква, применяемая после высушивания для чилима.

⁴ Нас-кавак — тыква, в которой после ее высушивания хранят нас.

уст в уста. Все в городе его привечали, даже те, кто не верил в его чудеса, забавлялись его чудачествами и всякими выходками. А посетители чайханы, куда он пришел, были из таких.

Видимо, кто-то из его почитателей сытно покормил дивану, и теперь он намеревался утолить жажду.

— Кто бача? Я вам не бача! Матушка меня не для того на свет породила!.. Чаю давай, чаю!

— А для чего же родила вас мать?

— Пасти ханских баранов, носить на поясе тыквы... Давай чаю, бездельник!

Но шутники в чайхане не дали диване спокойно выпить и пиалу чая. Кто-то из них, отвлекая его, вдруг сорвал у него с пояса одну из тыкв и пустился наутек. Дело принимало дурной оборот. Дивана погнался за похитителем и не догнал его. Вернувшись на свое место, дивана допил чай и вопросительно оглядывал то одного, то другого из присутствующих, прося вернуть ему тыквочку. Когда же это не помогло, он начал громко плакать и причитать по украденной тыкве. Шутникам только того и надо было.

Тот, кто стащил тыкву, забрался с ней на крышу, повесил тыкву на перекладину над супой¹, потом спустился вниз и спросил дивану:

— Ну что, дивана, изловили вора?

— Ах, нет, братец! Убежал, скрылся куда-то, чтоб он издох, распухнув, как тыква!

Кто-то стал уверять, что видел вора верхом на тыкве на Эски-Джува. Другой сказал: «Ах, хороша была тыква!» Третий расчувствовался: «Жаль-жаль!» Дивана опять залился слезами, а шутники все подливали масло в огонь:

— Подобной тыквы в здешних краях и не сыскать!

Дивана поделился происхождением украденной тыквочки:

¹ *Суна* — глиняное возвышение, устраиваемое в саду или во дворе для сидения или лежания.

— Отцом моим была винная тыква, матерью же приходится машкавак¹. Сам я — белкавак².

Все смеялись. Кто-то из шутников указал на тыкву, преспокойно висевшую на перекладине, и сделал большие удивленные глаза:

— Эй-эй, гляньте, а это чья тыквочка?

Дивана, увидев свою любимую тыкву, обрадовался:

— Вай, дурни, вай, бездельники! Отдайте мою тыквочку, безумцы!

— Ладно-ладно, святой! А что вы дадите за это?

— Получишь то, что попросишь, дурень... Захочешь — будешь беком Аим-кишлака, бестолочь... Сядешь на коня с золотой уздой, дурак...

— С бекством Аим-кишлака мне не управиться... Лучше вы расскажите нам про особенности ваших тыкв: кто они такие?

Дивана согласился. Тыкву сняли с перекладины над супой, и она благополучно вернулась в руки юродивого. Любимица с превеликой осторожностью вновь была водворена на свое место — рядом со своими подругами на бязевом поясе.

— Ну, рассказывайте, дивана!

Кавак-дивана, показывая на одну кривую изогнутую тыкву, сказал:

— Вот эта — хромой Мусульманкул!

Затем ткнул в крошечную тыквочку — «тамаша-кавак», висевшую рядом с первой:

— А эта — Худай-бача, Худаяр!³

Вслед, погладив большую горлянку, молвил:

— Вот эта — большеголовый Нар⁴. А вот эти — табакерки, тоненькие шейки, — сказал он, показывая на маленькие, аккуратные тыквочки, висевшие рядом.

Шутники потешались. Дивана встал было и хотел уйти, чтоб избавиться, наконец, от озорников — тыквокрадов. Но один из присутствующих удержал его:

¹ *Машкавак* — тыква под машевую кашу.

² *Белкавак* — поясная тыквочка.

³ Подразумевается Худаяр-хан.

⁴ Имеется в виду Нармухаммад-кушбеги.

— Погодите еще, есть разговор!

Юродивый выругался, но все же остановился.

— А где вы украли этот новый пояс, которым перетянут ваш стан?

— Не тронь, да подохнуть тебе молодым!

— Эй, Каримкул, — сказал, обернувшись к соседу, шутник, — да это уж не твой ли пояс, который у тебя стащили позавчера?

— Да-да... Он самый, попался, вор!

Дивана обеими руками вцепился в свой пояс, словно боялся, что его отнимут.

— Нет, это не твой пояс, безумец!

— Нет, мой. Снимай сейчас же, а не то позову миршаба!

— Да чтоб тебя, что он несет!

— Говори правду, где ты украд этот пояс?

Дивана, ухватившись за пояс, вскричал:

— Не крал я его, а получил на свадьбе в доме хаджи-почча, безумец...

— А кто этот твой хаджи-почча? Хватит заливать, вор!

— Разве ты не знаешь хаджи-почча, дурень?

— Мало ли в Ташкенте хаджи!..

— Ты совсем разум потерял, безумец!.. Это же Юсуфбек-хаджи!.. Была свадьба, пир был большой, сын женился... Пусти меня, сдохнуть бы тебе молодым!

Дивана вырвался, наконец, из рук озорников и бежал прочь. Но один из посетителей чайханы, человек с повязкой на глазу, направился вслед за ним. Они уже достаточно удалились от чайханы.

— Эй, дивана! — окликнул его преследователь.

Дивана узнал идущего за ним человека в повязке, но продолжал шагать, от греха подальше, еще крепче держась за свои тыквы.

— Что тебе надо, повязка?

— Не бойтесь, — сказал, ускоряя шаги, человек с повязкой.

— Какое у тебя дело ко мне?

— Погодите!

Дивана еле остановился. Чтобы не испугать его,

человек с повязкой, не подходя близко, стал рыться в карманах.

— Есть у меня для вас подношение.

Услышав это, дивана пошел дальше. Человек поспешил за ним.

— Вот, возьмите мое подношение! — протягивая деньги, сказал он.

Дивана продолжал идти, не обращая внимания. Человек в повязке крикнул угрожающе:

— Стой, говорю!

Дивана остановился поодаль:

— Не подходи, не подходи ко мне, повязка!

Человек остановился шагах в десяти:

— Кто, говоришь, женил сына?..

— Кто, говоришь, женил сына?

— Ты говорил в чайхане!..

— Ты говорил в чайхане...

— Где ты взял пояс?

— Твоя бабка дала!

— Говори правду!

— А ты что — на свадьбу приехал?

— На свадьбу приехал...

— К Юсуфу, значит?

— К Юсуфу-хаджи...

— Захотел пояс получить?

— Да.

— Опоздал, свадьба уж была.

— А какого сына Юсуфбек женил?

— А сколько у него сыновей?!

— Сколько у него сыновей?

— Один у него сын... Ты что, из Каратегина приехал? Здорова ли сестра твоя?

— Здорова... Когда же была свадьба?

— А ты сам женат? Долго ли шел из Каратегина?

— Пять дней. Когда была свадьба?..

— Ты на ишаке приехал или пешком ходом?

— На ишаке.

— Есть у тебя анаша¹?

¹ Анаша — гашиш.

- Есть.
- Дай чуток!
- Дам, если скажешь, когда была свадьба.
- Ты опоздал на свадьбу, дурень!.. А мне достался целый таз плова.
- Хочешь, куплю тебе плова на базаре, будешь есть?
- А как давно у тебя оспа на лице?
- Это вывело человека с повязкой из себя.
- Когда была свадьба, я спрашиваю?
- Говорю же тебе, что ты поздно приехал, уже была свадьба. Вот уж неделя прошла... Десять дней прошло... Месяц миновал... Да, да, скоро, говорят, будет чарлар¹, приходи на чарлар, каратегинец!
- Значит, хаджи на ташкентской женил сына?
- Хи-хи-хи, дурень! Конечно, на ташкентской, не на каратегинской же ему женить сына!..
- Человек с повязкой на глазах отстал и вернулся в чайхану.

4. МАГ-ИНДУС

Новый тесть был болен: не выздоравливал и не умирал, чтобы тем самым освободить живых. Оказавшись привязанным накрепко к Ташкенту, ибо, согласно обычаю, полагалось после свадьбы по первому приглашению являться молодым в дом родителей невесты, не имея возможности уехать, не побывав на чарларе, угнетенный Атабек с укором выговаривал матери:

— Подумайте, матушка! Бедняга, чтобы убоготорить вас, согласился на мой второй брак, дал дочери соперницу, сам вместе с вами отпраздновал свадьбу, бросил все дела, больше десяти дней пробыл в Ташкенте... Во всяком случае следует ценить добро, которое делают вам люди...

Но Узбек-аим, как заведенная, вот уже в течение недели вновь твердила свои слова:

¹ Чарлар — празднество в доме родителей невесты по случаю первого посещения их молодыми; обычно проводится на третий-четвертый день после свадьбы.

— Что же делать, сынок, ведь надо и обычай соблюсти, иначе стыдно будет перед людьми.

— Говорите «стыдно», а сами не понимаете, что такое стыд!

Узбек-аим сердилась на резкие слова сына:

— Да что ты так спешишь, сын? И чарлар пройдет, успеешь еще увидеть свою пришлую без роду, без племени!

— Матушка! — сказал Атабек. — Право, не знаю, как и отвечать вам на ваши злые уколы... Клянусь Всевышним, если бы мое нетерпение объяснялось только тем, на что вы намекаете... Но я тороплюсь не только к жене, прежде всего, совестно мне перед ее родителями, боюсь, чтобы они не подумали обо мне плохо. Когда я решил пойти против вашего желания и даже не хотел возвращаться в Ташкент, они, бедные, чуть не силой приволокли меня сюда... Если вам ведомо чувство стыда, постарайтесь же понять меня!

— Ну, тогда беги туда со всех ног, не жди чарлар, — в сердцах сказала Узбек-аим. — Ясно, как божий день — маргиланка затмила твой разум!

Атабеку, потерявшему всякую надежду, пришлось замолчать, потому что мать была мастерица растревлять его рану. Ведь хоть и исполнилось ее желание — сын женился в Ташкенте, но надежды ее не сбылись, он не забыл свою первую жену. Именно теперь она окончательно убедилась, как велики были чары маргиланки. Матери удалось настоять на своем, справить пышную свадьбу, но ей не оторвать сына от маргиланки — она оказалась сильнее... Все колдовство, которое мать с помощью местного колдуна-иудея пустила в ход перед свадьбой, чтобы рассорить сына с первой женой и приворожить ко второй, оказалось бессильно, приходилось это признать. Ни трава для окуривания, ни амулеты муллы не оказали на Атабека никакого воздействия...

Узбек-аим хотя и не сомневалась, что колдун маргиланки сильнее ташкентского, но одного не могла уразуметь: казалось бы, чары мусульманского колдуна должны быть уничтожены мусульманином,

чары еврея — иудейским калантаром¹; тут же — ничего не действовало. Узбек-аим прямо разрывалась от дум и предположений. Вдруг ее осенило, и она сразу уверилась в своей догадке: «Колдун маргиланки — не еврей и не мусульманин, он — индус! И не простой, а маг! А его приворот не снимет ни мусульманин, ни еврей, отворотить его может только маг-индус и больше никто, ибо индусы прославились чрезвычайным коварством, не боятся они бога».

Что же делать? В Ташкенте нет ни одного индусского мага, способного помочь... Не отправляться же ей самой в Маргилан?

Свалилась беда на голову, теперь надо думать, как ее сбыть. Узбек-аим предначертано было испить сей горькой чаши: «Если Атабек поедет в Маргилан, я тут же вместе с ним пошлю Хасанали. Старик найдет там индуса, и пусть тот снимет чары с Атабека... Сколько бы ни взял за это индус, ладно, продам что-нибудь из дорогих нарядов, соберу денег».

Атабек продолжал молчать, сидя перед матерью. Узбек-аим, придя к своему решению, обратилась к нему:

— Сын мой!.. Как-никак, отныне ты молодожен... Теперь тебе незачем сидеть около меня. А твоя жена-бедняжка, наверное, уж томится там одна...

Атабек взглянул на мать и ничего не сказал.

— Иди к ней, дитя мое, иди. А то, и в самом деле, нехорошо получается... — после таких слов она посмотрела на Айбадак, остановившуюся перед окном.

— Чай с молоком готов, подавать?

— Две чашки снеси в комнату невестки, а мне и Хасанали подай сюда.

Айбадак пошла было выполнять приказание, но Атабек остановил ее:

— Мою чашку тоже сюда давайте.

Айбадак посмотрела на Узбек-аим. Узбек-аим сердито взглянула на сына. Но Атабек, не обращая внимания на мать, кивнул: «Да, да, так и сделайте».

¹ *Калантар* — раввин у среднеазиатских евреев.

— Тогда и невесткину чашку принеси сюда и позови ее к нам. А Хасанали пусть пьет чай у себя, — сказала Узбек-аим.

Когда Айбадак ушла, мать спросила сына:

— Что это за выходка, сынок?

— Это не выходка.

— Разве уж так трудно тебе выпить чай вместе с молодой женой? Не подобает так унижать дочь достойных родителей.

— Тут никакой обиды нет. Вы ведь велели ее позвать, пусть пьет с нами вместе — и все тут.

Узбек-аим хотела еще что-то сказать, но вошла Айбадак с дастарханом.

— Позвала невестку?

— Позвала.

Дастархан был развернут, чай с молоком принесен. Узбек-аим ломала лепешку и клала кусочки в касу, а сама поглядывала на дверь, поджидая невестку. Когда та появилась в дверях, она взглянула на сына, говоря взглядом: «Да встретить ее как полагается!» Круглолицая, беленькая, миловидная семнадцатилетняя Зайнаб поклонилась свекрови, соблюдая приличия, отмеряя маленькие шажочки, подошла к дастархану. Присела несмело и молча только после того, как свекровь разрешила: «Садись». Глаза Узбек-аим обратились на сына. Атабек же молча ел хлеб, макая его в чай, и не глядел на мать. Нахмурившись и не встретив его взгляда, Узбек-аим вынуждена была обратиться к нему со словами:

— До сих пор ваш чарлар еще не состоялся, как велит обычай. Может быть, тебе не стоит ждать положенного срока и просто навестить больного тестя¹?

Зайнаб устремила глаза на мужа. Атабек ответил матери холодно:

— Можно и повидаться... — и с улыбкой посмотрел на Зайнаб.

Она в ответ тоже улыбнулась. Эти взаимные улыбки немножко успокоили Узбек-аим. Но разговор

¹ По обычаям ташкентцев, до дня чарлар зять не должен показываться родителям жены.

на этом оборвался, и снова повисло прежнее молчание. Мать, все время следившая за сыном, пытаясь разгадать его настроение, чувствовала себя неловко. Зайнаб то и дело робко взглядывала на мужа, но Атабек был целиком занят чаепитием. Это состояние ввергало Узбек-аим в омут раздражения, да так, что у нее пропал всякий аппетит. И она невпопад промолвила:

— Ты заказал невестушке золотое кольцо?

— Заказал. На днях будет готово, — коротко ответил Атабек, всем видом показывая нежелание поддерживать разговор. Но мать все же пыталась завязать беседу.

— А золотые подвески к косам у вас есть? — спросила она невестку.

Зайнаб застенчиво посмотрела на мужа и ответила:

— Нет.

— Если нет, так я куплю, — сказал Атабек.

Узбек-аим оживилась, заговорила о том о сем, но разговор не клеился. После чая с молоком принесли чайник с чаем. Зайнаб налила первую пиалу, встала и, держа ее двумя руками, поднесла свекрови. Налив вторую пиалу для мужа, она тоже хотела встать, но Атабек остановил ее:

— Не вставайте, впредь можно подавать и сидя.

Но это не понравилось Узбек-аим, она возразила:

— Зачем ты так говоришь, сын мой? Подавать чай стоя — и достойно, и красиво, и приятно для молодой невестки, ведь в этом и есть прелесть замужества.

— Я ведь не говорю, чтобы она и вам подавала сидя. Но мне эти церемонии не нужны, — сказал Атабек.

Он быстро допил чай, помолился, проведя руками по лицу, и добавил:

— Вам, конечно, должна подавать стоя, — после чего ушел.

Зайнаб поняла эти слова просто, не догадываясь, что скрывалось за ними. Но Узбек-аим даже побледнела от огорчения и вновь подумала о чарах индуса.

Спустя примерно час после этого, Узбек-аим, оставшись одна, позвала к себе Хасанали. Хасанали не придавал тому значения, потому что и не подозревал о тайных помыслах хозяйки, он подумал, что его зовут посоветоваться о предстоящем чарларе: Узбек-аим прикрыла дверь за ним, подседа к нему поближе и вполголоса изложила свои заветные желания.

— Похоже, что тут не обойтись заговором ташкентского муллы... Думала я, думала и решила, что у маргиланки, наверное, колдун — индус. Ничего не поделаешь, вот я и позвала тебя. Выслушай дельное предложение и раскинь умом хорошенько. Сам видишь — Атабек, вместо того чтоб забыть о маргиланке, только и думает о ней — как бы скорей к ней отправиться. Все это — чары какого-нибудь индуса, это он опутал Атабека тайной петлей и тянет его в Маргилан...

Хасанали, хоть и знал, что хозяйка его бегаёт по всяким колдунам и гадалкам, все же не понял, какой это индус «опутал петлей Атабека и тянет в Маргилан». Но, зная хорошо нрав своей госпожи, то есть опасаясь ее проклятий, не показал и виду, продолжая слушать: «Посмотрим, что дальше будет». Однако Узбек-аим дальше ничего не сказала, а стала допытываться у него: «Ну, что ты посоветуешь в этом случае?»

— Что я могу вам посоветовать?.. Как вы захотите, так и будет, — отвечал Хасанали.

Ответ Хасанали, уклончивый, потому что он не понимал, в чем дело, очень понравился Узбек-аим.

— Хвала тебе, Хасан! Вот ты и должен помочь мне добиться, чего я хочу.

— Да будет так...

— Если завтра-послезавтра пройдет чарлар и Атабек повидается с тестем, он, конечно, заторопится в Маргилан. Ты тоже должен поехать с ним, найти того индуса, дать ему денег, чтобы он снял свой наговор...

— С кого?

— С Атабека, конечно.

— Какой наговор?

— Да ты что, не понял, что ли?

— Понять-то я понял... только хотелось, чтоб вы растолковали получше.

— Маргиланка-то ведь через индусского мага приворожила к себе Атабека... Ты же, верно, и сам замечал.

— Хотя я и не замечал ничего, зато теперь вижу ваше намерение, — засмеялся Хасанали. — Вы хотите, чтобы Атабек охладел к маргиланской невестке?

— Правильно говоришь, — сказала Узбек-аим. — И не только охладить, а раз и навсегда вырвать его из ее когтей!

Хасанали удивился: он никак не думал, что его хозяйка так ненавидит свою маргиланскую невестку.

— Это почему же так?

— Не хочу отдавать ей моего сына! Если раньше у него не было супруги в Ташкенте, нынче же — есть. Мы не нуждаемся в невестке-чужеземке.

— Пусть так, но что же вы хотите делать?

— Да мои намерения ясны как божий день! — сказала Узбек-аим и, вполне уверенная в своей правоте, поведала ему, что она намерена предпринять.

— Я уже тебе говорила: надо добиться от маргиланского индусского муллы, чтоб он снял ее чары, тогда Атабек сам разведется с чужеземкой...

— А откуда вы узнали о наговоре индуса?

Узбек-аим при этом вопросе почувствовала некоторое сомнение в правильности своих подозрений и ответила не очень уверенно:

— Уж я знаю...

— Откуда же вам знать? Кто-нибудь да сказал же вам об этом?

— Своим умом дошла.

Хасанали не мог удержаться от смеха:

— Нет, тут разум ваш немного ошибся...

— Почему?

— Никакой индус не привораживал Атабека, и между ним и Кумуш никакого колдовства нет.

— А почему же тогда Атабек, хоть и женился тут, а все торопится в Маргилан к ней?

— А вы еще не rozpoзнали причины?
— Я думаю, это чары, колдовство.
— А кто же колдовал?
— Тесть, теща, в конце-концов — жена.
— Ошибаетесь, матушка!
— Почему это я ошибаюсь?
— А зачем им его привораживать, как вы полагаете?

— Хотели одурачить моего простофилю-сына и воспользоваться его богатством!

— О каких богатствах вы ведете речь? — засмеялся Хасанали. — Да перед богатством ваших маргиланских сватов вы, можно сказать, бедняки! Я хорошо знаю, что они не позволили Атабеку ни полушки израсходовать на обзаведение хозяйством. Я и сам это знаю, и от сына вашего слышал не раз: «Мне так неловко, — говорил он, — что они не разрешают мне тратиться на хозяйство». Да и то сказать, если бы ваши сваты были дурными людьми, они не допустили бы, чтоб Атабек женился в Ташкенте. Разве хаджи не сказал вам, что ваш сын, приехав в Маргилан, отрекся от обещания, данного вам?

Узбек-аим нечего было возразить, но все же не хотелось уступать Хасанали. Делая вид, что она не услышала от него ничего нового, она сказала многозначительно:

— Теперь-то я уж хорошо поняла, в чем тут секрет...

Хасанали опять засмеялся:

— Что бы вы ни говорили, вы ошибаетесь, секрет здесь совсем не в том, в чем вы думаете...

— А в чем же?

— Сын ваш спешит в Маргилан, потому что... На этот раз, конечно, и потому, что ему неудобно перед тестем и тещей, а главное...

— Что главное?

— Старшая ваша невестка — первая его любовь.

— Первая! — сказала Узбек-аим с насмешливой улыбкой. — Скажи уж прямо, разве Зайнаб менее красива?..

— Откуда мне знать?.. Возможно, по мнению вашего сына, так и есть.

— Ты видел обеих, так скажи, не скрывая, кто же из них красивее?

Хасанали не знал, что и ответить на такой вопрос.

— Любовь — это такая штука, тут не в одной красоте дело...

— Я не спрашиваю тебя про любовь... Я спрашиваю, кто красивее?

Хасанали затруднялся ответить, хотел перевести разговор на другое и спросил:

— Так на чем же вы порешили?

— Сначала отвечай на мой вопрос, провалиться бы тебе сквозь землю!

— Вопрос ваш затруднительный, не знаю, что и говорить. Правду сказать?

— Отвечай правду!

— Если правду говорить, — сказал он запинаясь, — каждый цветок красив по-своему...

— Правду говори, слышишь!

— Первая ваша невестка несравненно лучше этой...

— Замолчи, — воскликнула Узбек-аим. — Ты сам был всему причиной, ты накликал на нас эту маргиланскую беду, и теперь, конечно, ты на ее стороне! Поистине борода длинна, да ум короток! Это я дурочка, что спрашиваю совета у тебя!

Хасанали все время уклонялся от прямого ответа, потому что хорошо знал своеобразный нрав хозяйки: она не могла слышать правды, если эта правда шла вразрез с ее желанием.

— Сами же заставили меня говорить правду, а теперь обижаетесь! — пытался он возражать, но Узбек-аим рассердилась еще больше:

— Довольно, довольно! — закричала она. — Пусть бог накажет того, кто отведал хлеба-соли у человека, а потом наплевал на него!

Посмеиваясь над ее проклятиями, Хасанали вышел из комнаты.

Хотя этот разговор как будто не имел никаких последствий, но в душе Узбек-аим он вызвал настоящее смятение.

Прошла почти неделя после этого разговора, был уже пятнадцатый день, как молодожены ожидали приглашения в дом родителей новобрачной. Атабек у себя в комнате рылся на полках в нише, разыскивая какую-то книгу, когда к нему явился Хасанали.

— Говорят, в четверг, наконец, состоится чарлар. Так оповестили сваты.

Атабек, достав с полки книгу и перелистывая ее, проговорил: «Чтоб ему сгинуть совсем, этому чарлару!» А про себя подумал: «Нынче понедельник, значит, еще четыре дня ждать!»

— Вот письмо — кажется, это вам, — Хасанали протянул беку письмо.

— Какой-то человек передал только что, — прибавил он и стал торопливо расстилать джайнамаз — молитвенный коврик, так как приближалось время предзакатной молитвы — намаза «аср».

Атабек посмотрел на адрес: «Передать проживающему в Ташкенте в махалле... Атабеку, сыну Юсуфбека-хаджи...» Догадавшись, от кого письмо, он водворил книгу на место и поспешно распечатал послание.

Письмо было длинное, написано бледными чернилами на большом листе бумаги. Глаза Атабека быстро скользили по строчкам. И по мере того, как он читал, выражение лица его изменялось, он побледнел, он весь дрожал. Что принесло ему письмо — радость, горе, кто мог знать, кроме него? Наконец, он оторвался от письма и невольно воскликнул: «Она пугает меня!» Эти слова заставили Хасанали поскорей завершить молитву, и, развернувшись на своем джайнамазе, он спросил:

— Что случилось?

— Ничего не случилось, — отвечал Атабек, потерянно взглянув на него.

— Вы же сказали «она пугает меня»! От кого письмо?

— От кого? — переспросил Атабек и, придя в себя, объяснил, — письмо от Кумуш. Она хочет напугать меня, письмо полно каких-то намеков и угроз...

Он стал складывать листок.

Хасанали, прочитав краткую заключительную молитву, подошел к Атабеку:

— Ироничный тон, видимо, вызван вашим опозданием?

Атабек кивнул в знак согласия.

— Особенно сейчас тяжело бедняжке, что вы задерживаетесь, поневоле дойдешь до всяких намеков, — сказал Хасанали. — Говорят, для женщины вторая жена, соперница — это смерть... Но ничего не поделаешь, придется вам соблюдать свое достоинство, вот справите, как полагается, чарлар и отправитесь к своей Кумуш.

Атабек ничего не ответил, потому что в душе он не был согласен с последними словами Хасанали.

Тогда Хасанали, чтобы успокоить его, сказал улыбаясь:

— А если вы расстроились, напишите ей тоже письмо с намеками. Человек, который привез письмо, сказал, что завтра наведается за ответом.

Атабек вроде немного оживился после таких слов. В голове его опять мелькнула мысль, что письмо с намеками написано нарочно, что его нельзя принимать всерьез.

— Это верно, что посланный придет за письмом?

— Да, он обещал завтра зайти, чтоб взять письмо, если вы его напишете.

— Хорошо, — сказал Атабек, усмехаясь, — если он зайдет завтра утром, я приготовлю ответ.

Хасанали вышел из михманханы, а Атабек, успокоившись, стал перечитывать письмо.

«...Неверному, изменнику... Это свое письмо я пишу слезами, ибо сейчас и слезы мои, и все мое существо окутаны мраком. Теперь слово «верность», прозвучавшее из человеческих уст, потеряло всякий смысл для меня, ибо я испытала страшную измену человека, которому поверила всем сердцем. Я не смею поднять глаза от стыда, потому что земля и небо, горы и скалы — все, что есть на этом белом свете, издевательски усмехается надо мной... Я призываю смерть, чтобы избавиться от таких страда-

ний. Но, кажется, и смерть презирает меня, словно она тоже изменила мне.

Мой бек! Может быть, вы обидитесь на меня, но я вынуждена сказать: в вас нет ни совести, ни жалости, ни верности вашим обещаниям, ни чувства благодарности, да чего уж там, просто нет ничего доброго, человеческого. Напротив, вы — коварный лис, волк с окровавленной пастью, безжалостный палач, молодой человек, лишенный совести!

Я назвала вас коварным: помните, как вы обманули моего доверчивого отца, мою простодушную мать? Надеюсь, это еще сохранилось в вашей памяти? А ваши слова, которые были сказаны мне вечером у свечи, ваши обещания, пролитые вами слезы, вы их помните?.. Довольно, какой обман, какое коварство! У кого же еще они могут быть, кроме вас?

Я назвала вас волком с окровавленной пастью: у вас нет жалости! Вы своими ядовитыми зубами раздираете грудь несчастных, вы заставляете увядать раньше времени только что распутившиеся прекрасные цветы и словно только что сформировавшиеся бутоны тюльпанов, убиваете их, не давая им раскрыться!

Я назвала вас бессовестным: зная, что ваша жестокость ко мне лишает вас права на мою любовь, вы еще без всякого стыда, не краснея, диктуете теперь свою волю?! Дивлюсь вам! Оказывается, вы постеснялись высказать ваши намерения моему отцу, когда он был у вас в Ташкенте... Но разве вы можете кому-нибудь доказать, что у вас есть совесть?

Мать мне часто напоминала бейт:

*Поменяв на другую, тебя бросит твой друг,
И любовь дорогую похоронит он вдруг.*

Раньше я не понимала смысла этих стихов. Теперь я их хорошо понимаю. Теперь, когда я вами оставлена, брошена, я прошу вас: не поступайте так и со второй, когда отыщется еще и третья возлюбленная. Не удивляйтесь моей просьбе, ведь как говорится: испытай на себе, да прикинь другому.

Да будет благословенна ваша новая возлюбленная, а мне — положение жертвы бесстыжия. Это пи-

шет вам не Кумуш, не ваша прежняя «серебряная», а Тупракбиби¹ — втоптанная в грязь, брошенная жена.

17 дня месяца джавза², 1265 года хиджры из Маргилана».

5. ВЕРОЛОМСТВО

Кумуш очень встревожилась, когда кутидор вернулся из Ташкента в Маргилан один. Но, узнав об обстоятельствах, задержавших его, она немного успокоилась, заглушив рождавшиеся сомнения и опасения. «Он не забыл меня, его обещания искренни, слова правдивы... он любит меня», — думала она и по старой привычке даже выходила на дорогу встречать мужа.

Прошло семь дней с тех пор, как отец вернулся из Ташкента. Ей приснился сон, который показался ей предвестием приезда Атабека. Встав рано, она расплела свои косы, терпеливо расчесала длинные черные локоны, рассыпавшиеся по плечам и груди, и стала их мыть, нагнувшись над тазом. Она вымыла их сначала кислым молоком, потом мылом и попросила мать заплести их в две косы. На вопрос Офтоб-аим: «А почему не в сорок косичек?», с улыбкой отвечала: «Ваша дочь уже не девушка, а замужняя женщина, теперь меня и сосватать некому, кроме как мужу». Но две косы шли ей еще больше, чем сорок косичек, придавали ей какую-то величавость, она казалась взрослей. Когда косы были заплетены, она вошла в свою комнату и остановилась у ниши, где были сложены ее наряды. В этой сводчатой нише хранились самые дорогие выходные платья, не менее пятнадцати. Сначала она хотела было надеть платье из желтого атласа, но, взяв его в руки, раздумала. Красное... зеленое... бледно-розовое, как цветок яблони?... Она задумалась... Здесь не было платья, которое не шло бы ей, но какое надеть сейчас? Самой ей больше нравилось желтое

¹ *Тупракбиби* — «втоптанная в грязь».

² Дата соответствует 7 июня 1849 года.

атласное, но ей хотелось одеться так, чтобы понравиться Атабеку, а он любил, когда она надевала черное платье. И вот она надела черное атласное платье, накинула на голову голубой шелковый платок, достала из шкатулки маленькие золотые серьги с жемчугами, вдела их в уши. В этом строгом наряде она подошла к зеркалу, приставленному к другой нише, поправила выбившиеся пряди волос, посмотрела на себя пристально. Улыбнулась довольная, меж рубиновых губ блеснули белым жемчугом зубы. Она коснулась родинки возле носика, словно желая проверить, что она настоящая, природная, и, отходя от зеркала, подумала: «Быть может, она и красива, но у нее, наверное, нет такой родинки...»

Под вечер, ближе к ужину, когда в очагах разжигают огонь, она бродила по двору, хватаясь то за одно, то за другое. Веря своему сну, она все еще ждала приезда Атабека и потому заставила Тойбеку полить двор, и принялась сама подметать его, и все прислушивалась к шагам, доносящимся снаружи у входа.

Покончив с уборкой, она присела на край айвана и стала приводить себя в порядок. Вдруг услышала шаги у ворот, и сердце ее забило в тревоге. По мере того, как шаги приближались, она изнутри почувствовала неясную дрожь и трепет. Наконец, шаги поутихли, и неожиданно во двор вошла женщина в откинутой парандже. Кумуш вздохнула разочарованно.

Женщина направилась к Кумуш. Это была приземистая женщина лет сорока пяти, с плоским, почти незаметным на лице носом, с провалившимися глазами, похожими на ямки на месте когда-то вбитых кольев, с большим, чуть не до ушей, ртом, с желтой кожей, как у пролежавшей сорок лет в постели больной. Впервые в жизни Кумуш видела такую страшную женщину. «Что тут нужно этому привидению?» — подумала она. Шагов за десять от нее женщина как-то холодно и странно, как в страшном сне, засмеялась, издав носом гнусавый звук.

— Хи-хи-хи, голубушка моя, красавица-царевна! Скажите мне, не это ли дом Мирзакарим-бая?

— «Да», — сказала в ответ Кумуш и нехотя сделала пару шагов навстречу женщине, которая устремилась к ней поздороваться, и с невольным отвращением подставила ей плечо. У неказистой уродки, словно вросшей в землю, едва достали руки дотянуться до плеч тонкой, стройной, как лань, девушки.

— В добром ли здравии моя царевна?

Не снимая паранджи, женщина уселась на край айвана, устало качнулась со вздохом «уфф» и пожаловалась:

— Ох, и далеко вы, оказывается, живете, я совсем уморилась. Так это, правда, дом Мирзакарим-бая?

— Да.

— А кем вы приходитеесь баю?

— Я его дочь...

— Ких... значит, я могу и вам отдать это, — сказала женщина и вынула из кармана письмо. — Сын мой ездит из Маргилана в Ташкент по торговым делам. В последний раз, когда он собирался уезжать из Ташкента, некто передал ему это письмо с просьбой скорее доставить в дом Мирзакарим-бая. Хи-хи-хи, дорогая моя царевна!.. Кхм, не примите за хвастовство, сын мой, как и я, готовы умереть, лишь бы услужить людям. Нынче в полдень прибыл он из Ташкента и даже не успел с матерью как следует поздороваться, всучил мне в руки это послание и наказал: «Милая матушка! Хоть это и неучтиво с моей стороны, но я утомился с дороги, а вы, прошу вас, разыщите поскорее дом Мирзакарим-бая и передайте это письмо, податель сего просил торопиться». Я человек тоже отзывчивый, моя царевна, и хотя я недавно оправилась после недуга, и сил моих нет и шагу лишнего ступить, не возжелала я отказать от доброго дела, спрашивая и переспрашивая, едва отыскала ваш дом. Вот так!.. Ких, ких...

Кумуш взяла из рук старухи письмо, поблагодарила, взглянула на адрес: «В дом Мирзакаримакутидора, проживающего в Маргилане».

— Действительно, вы часом не ошиблись, матушка?

— Как можно ошибиться, милая моя царевна?

Любой встречный на улице не спутает ваши хоромы, — вставая с места, заметила льстиво женщина. — А я теперь пойду. Дитя мое, сыночек мой проголодался с дороги и небось сидит и ждет чего-нибудь горяченького...

— Пройдемте в ичкари, выпейте чаю.

— Спасибо, моя царевна, как-нибудь в другой раз выпьем мы с вами чаю. Говорят ведь — встреченный впервые — знакомый, а дважды — близкий знакомый...

Кумуш не стала настаивать, проводила женщину до ворот. Тут женщина обернулась и на мгновение задержалась.

— Мы ведь только затем и живем на белом свете, чтобы быть на службе у людей... Ежели у вашего батюшки будет какое послание в Ташкент или в Коканд, мой сын с радостью отвезет его. А мне, если случится побывать еще раз в этих краях, можно ли будет навеститься к вам?

Кумуш не смогла ответить отказом и молвила:

— Как вам будет угодно, коли вас не обременит.

Женщина направилась к узкому переходу, ведущему к выходу. Кумуш же, воротившись на террасу, второпях вскрыла письмо, которое было написано на маленьком листочке бумаги. Письмо было короткое.

«Кумуш, дочери Мирзакарим-бая, супруге ташкентца Атабека, сына Юсуфбека-хаджи.

В то время, когда отец ваш гостил у нас в Ташкенте, мне показалось неудобным открыть ему мои намерения, вернее сказать, я постеснялся это сделать тогда. Как вам известно, я женился в Ташкенте, и теперь мне не под силу содержать двух жен — одну в Ташкенте, другую в Маргилане. Поэтому мне приходится отказаться от какой-нибудь из них, и я принял решение, которое должно облегчить мою жизнь и соответствовать моему желанию. Я решил остаться с моей ташкентской женой, а вам дать развод. С момента получения этого письма считайте себя в разводе со мной, чужой для меня. Развод мой с вами, конечно, будет признан по соответствующим правилам шариата законным, и вам по

истечении срока ида¹ дано будет разрешение выйти замуж за другого.

Атабек, сын Юсуфбека-хаджи. Писано в 13-день месяца джавза 1265 года хиджры², Ташкент».

Собрав последние силы, она дочитала письмо до конца, слабым голосом вскрикнула: «Бессовестный!» — и без чувств упала на землю. Письмо, выпавшее из ее рук, взлетело, подхваченное ветром, и опустилось рядом с ней. Из темного прохода от ворот высунулось страшное лицо женщины, она засмеялась и скрылась.

Вернувшийся с базара кутидор в испуге подбежал к лежавшей без сознания дочери, поднял с сырой земли ее безжизненное тело.

— Доченька моя... Кумуш... открой глаза!

Кумуш не отвечала. Охваченный страхом, кутидор понес Кумуш в ичкари. Офтоб-аим и Тойбека подняли крик. Уложили Кумуш на террасе, но не знали, как привести ее в чувство, все растерялись, словно позабыли, что надо делать в таких случаях. Слава богу, Тойбека, хотя и слыла в обиходе глупенькой, в первый раз в жизни оказалась находчивее других: догадалась принести холодной воды и брызнула на лицо и грудь Кумуш, и та, вздрогнув, пришла в себя. Родители, сами еле державшиеся на ногах, ожили. Кумуш прошиб холодный пот, и некоторое время она пролежала неподвижно, потом тихонько шевельнулась и открыла глаза.

* * *

— Что случилось, дочка, привиделось что?

Кумуш опять закрыла глаза и тяжело вздохнула. Не ответила. И лишь когда вопрос был повторен отцом, она спросила:

— Кто принес меня со двора?

— Я, доченька.

— Вы ничего не видели там около меня?

¹ Ида — по шариату примерно четырехмесячный срок после развода или смерти мужа, до истечения которого женщина не могла вновь выйти замуж.

² Дата соответствует 3 июня 1849 года.

Кутидор по-своему растолковал ее вопрос.

— Нет, доченька, ты лежала там одна.

— Ах, прямо ряд... — Кумуш не смогла договорить.

— Говори, говори, доченька!

— Там должно быть письмо... это оно ввергло меня в такое состояние, — через силу выговорила Кумуш.

Время близилось к вечерней молитве — намазу «хуфтан». Возбужденный ответом дочери, кутидор взял свечу, нетерпеливо выбежал во двор и подобрал письмо. Затем, не сходя со своего места, прочел послание, столь потрясшее дочь. Письмо и в самом деле было ужасающим. Кутидор чуть не лишился чувств, едва держался на ногах... Потрясенный до глубины души и оскорбленный в высшей степени, он произнес лишь произвольно: «Коварный, бессовестный». У него в глазах потемнело, он несколько минут простоял, оглушенный и растерянный, затем добавил: «бесчестный ублюдок». До этого он оставался в неведении. Как ему войти теперь к дочери, как взглянуть ей в глаза? Ибо во всем произошедшем главным виновником он считал себя. Он сел на край айвана и обхватил голову руками. Это оскорбление, это невероятное бесстыдство было страшным ударом для несчастного кутидора. Он не знал, что теперь делать, как утешить свою обиженную, оскорбленную дочь, как пережить эти черные дни. В таком положении он пробыл некоторое время. Так его нашла на дворе Офтоб-аим, обеспокоенная его долгим отсутствием.

Они вошли к дочери и тихонько сели у ее ног... Родители долго смотрели друг на друга, потом из глаз Офтоб-аим, которая больше не в силах была сдерживать в себе чувства, перевернувшие все ее нутро, потоком хлынули слезы. Кутидор, словно только и ждал этого, тоже заплакал, орошая слезами свою бороду. И по обеим щекам Кумуш, хотя и лежавшей до этого с закрытыми глазами, но чувствовавшей нынешнее их состояние, горячими потоками закапали на подушку слезы. В этот миг свеча,

горевшая в стенной нише, почему-то мигнула раза два и потухла. И тем самым сплошная черная тьма в самом прямом значении этого слова поглотила весь дом.

* * *

Минуло три дня после упомянутых событий. Кумуш осунулась и пожелтела, словно больная тяжелым многолетним недугом, поникла, как только что распутившийся цветок жасмина, вдруг опрыснутый ядом из коварных рук. Кто-то злой принес ей этот яд от имени человека, которому она так верила; кто-то надругался над нею, любимицей сада красоты, отнял у нее всякую надежду, превратил в безжизненную статую. В глазах ее не потухала печаль, тоска сжимала грудь. Офтоб-аим тоже была угнетена и оскорблена до крайности, но для нее важнее нанесенной обиды было желание утешить чем-нибудь дочь, отвлечь ее, заставить забыть позор и горе, причиненные письмом Атабека, уберечь свет очей своих — дочь, чтоб не напала на нее какая-нибудь болезнь. Она твердила ей, повторяя через каждые два слова: «Не думай о нем, доченька, выкинь его из памяти!.. От того, что будешь горевать, лучше не будет». Кумуш, как в беспамятстве, смотрела на мать с глубоким унынием. Такое ее состояние терзало сердце бедной матери, наполняя его всевозможными страхами.

— Кумуш, — сказала Офтоб-аим после полуденного чая. — Не навестить ли нам твоего дядюшку?

— А что нам делать там, у дяди?

— Как что делать? Погуляем, развлечемся, стряхнем наши печали.

Кумуш зачем-то улыбнулась в ответ на слова матери и сказала:

— Хорошо.

— Тогда встань, умойся, приоденься. Да покарает бог смертью твоего бессовестного мужа!

Кумуш ласково посмотрела на мать, встала со своего места, присела перед тазом, который Тойбека приготовила ей для умывания.

Они уже совсем было собрались в дорогу, когда во двор вошла та самая женщина, которая принесла Кумуш письмо от мужа. Хотя эта женщина и предстала пред очами Кумуш вестницей несчастий, все же она обрадовалась ей, представив женщину своей матери.

— Хи-хи-хи, милые барышни!.. Шла мимо к дочери, кхи... подумала, дай загляну, надо ведь держать слово... — женщина извергала из себя поток красноречия.

Мать с дочерью вынуждены были отложить уже взятые в руки паранджи. Женщина поздоровалась с Кумуш и сказала сочувственно:

— Милая моя царевна, что это с вами стало? Ай, как вы похудели, осунулись!

Офтоб-аим предложила курносой сесть и сказала:

— Вот уже два дня ей нездоровится.

— Да хранит ее бог, да хранит ее бог! — сказала женщина. — Ких... кажется, я не вовремя пришла, задерживаю вас — вы куда-то собрались... Прощайте. Да сохранит бог мою сестрицу от дурного глаза! — Свела она руки в благословении.

— Ничего, будьте гостьей, — сказала Офтоб-аим.

— Дай вам бог счастья, милые мои, ких... — сказала женщина и продолжила, взглянув на Кумуш: — Я зашла по пути, помня наш разговор того дня. Сын мой завтра отправляется в Ташкент, так что если у вашего отца есть письма для отправки туда...

Кумуш вместо ответа посмотрела на мать. Офтоб-аим, уразумев в этом взгляде смысл, сказала: «Нет, у нас нет никаких писем в Ташкент». Женщина вопросительно оглянулась на Кумуш. Та промолвила:

— У отца нет писем, зато у меня есть. Если можете, обождите немного, я сейчас напишу.

Курносой только того и нужно было, она и пришла-то за этим письмом. Просьба Кумуш вызвала в ней злорадство.

— Пишите, милая моя царевна, я подожду. Пусть и опоздаю немного туда, куда шла, зато богоугодное дело сделаю. Ких... — сказала она, усмехаясь.

Кумуш поблагодарила ее и пошла в комнату, чтобы написать письмо.

* * *

Это и было тем письмом, попавшим в руки Атабека. Оба они стали жертвой невиданного вероломства. О причинах и участниках же этого подлого дела мы теперь и поведаем читателю.

6. ВО ВЛАСТИ ЖАРА

Был второй день знойного месяца саратана¹. В восточной стороне махалли Б., находящейся в северной части Маргилана, в начале переулка, сворачивающего к югу, какой-то молодой человек, придерживая за повод коня, стряхивал пыль, покрывавшую его одежду. Уже по тому, сколько пыли было на его бровях и ресницах, на едва пробивавшихся усах и бороде, нетрудно было догадаться, что он проделал дальний путь. Молодому человеку можно было дать приблизительно года двадцать два; желтолицый, с выпученными, круглыми, как у совы, воспаленными красными глазами, с плоским носом, который казался прилепленным к лицу и настолько вдавленным, насколько лоб у этого человека выдавался вперед — словом, это было не ко времени появившееся настоящее чудище. На углу переулка, где он остановился, виднелись совсем рядом лишь прикрытые две небольшие калитки.

Упомянутый парень снял с головы шапку, открыл правую калитку и вошел в нее, ведя коня на поводу. Калитка была очень узкая, конь еле протиснулся в нее, и дальше начинался довольно длинный открытый переход, который выходил во двор. С востока и с юга по краям двора виднелись полуразвалившиеся строения, а сам двор был до такой степени завален мусором и всякими отбросами, как будто сто лет по нему ни метла, ни веник не проходили. По-

¹ *Саратан* — самый жаркий летний месяц, приходящийся на июнь-июль.

среди двора росла невысокая белая шелковица, а под ней была навалена куча золы и мусора. На западной стороне двора стоял ветхий домишко, пристроенный впритык к вышеупомянутому переходу, который казался чуть менее ветхим, чем все уже упоминавшееся, с двумя низкими окошками, прикрытыми ставнями, что служили одновременно и дверями. Перед домом — небольшой айван, которым и завершалась общая картина. В углу айвана был устроен очаг; очевидно, другого помещения для стряпни на этом дворе не существовало. Все на айване было покрыто густой копотью, и айван, видимо, сам горько жалел о своей нынешней участи. У очага в беспорядке валялись немытые чашки, миски, ложки. Возле казана семенили куры, дополняя и без того удручающую картину всеобщего хаоса. Сквозь приоткрытую ставню видна была комната с голым земляным полом, с почерневшим потолком; в углу на почетном месте красовалась старая многострадальная белая кошма, покрытая комками грязи, словно жевательной серой, и вся в дырах, как звездное небо. На старом сундуке в стенной нише — тахмане — лежала стопка рваных одеял, из которых клочьями лезла вата. Если прибавить к этому три-четыре выщербленные, с облезшим рисунком пиалы и черный кумган на одной полке, никогда не чищенное блюдо — круглый медный баркаш — на другой, да грязную скатерть, висевшую на одном из пустых колышков, то вот вам и полная картина убранства дома. И кроме мыши, которая где-то в углу грызла кусок черствой лепешки, в доме не было ни одной живой души. Судя по старой резьбе, краскам, кое-где сохранившимся на полуразрушенных строениях, стены которых обросли поганками, можно было предположить, что когда-то здесь жили в достатке, но теперь здесь царила крайняя нищета.

Молодой человек привязал коня к тутовому дереву и уже направился было к дому, когда из полуразвалившейся хибары в углу вышла, отряхиваясь, и засемила ему навстречу низенькая женщина, смахивающая на «пакостную ведьму», та самая, которую

читатель уже видел в доме кутидора. Поздоровавшись и справившись друг у друга о здоровье и благополучии, оба вошли в домик. Парень снял чапан, швырнул его в угол, повесил на колышек шапку. Потом оба присели на кошму.

— Ну как? — спросила женщина. — Удалось тебе дело?

— Неплохо.

— Он сам только что приходил сюда. Беспокоился, справишься ли ты с поручением. Прямо перед тобой ушел.

— Домой пошел?

— Не знаю. Он еще хотел навеститься к нам. Умирает от нетерпения... Вчера несколько раз навещался, ких...

— Что ж он так беспокоится?

— Говорит: если ты сделал что-нибудь не так, как он наказывал, все наши старания и ломаного гроша не будут стоить.

Молодой человек усмехнулся и спросил:

— Ну а как продвигаются наши дела?

Лицо женщины стало похоже на унылую маску.

— Не знаю уж, кто виноват, друзья или враги, но пока еще что-то не клеится. Нет дня, чтобы я не ходила со сватовством, ких.. Уж эти мне соседи! Мараим-ткач уже чуть было смягчился, да соседи отговорили, чтоб им сдохнуть!.. А Хамид-бай говорит: как только состоится помолвка, на следующий же день справим свадьбу... — при этих словах у парня дико сверкнули глаза.

— Кто же эти соседи, что отговорили?

— Худые соседи, чтоб им сгинуть, ких. Все отговаривали, почем мне знать, кто именно?..

— Ты покажи мне тех соседей, да чтоб мать их... Уж я проучу их!..

Оба увлечены были спором и препирательством. А вошедший в это время Хамид, увидев своего коня, привязанного к дереву посреди двора, догадался, что рассыльный его воротился. У него не хватило терпения обойти айван, и он шагнул в комнату прямо через открытое окошко и обнял парня. Не успев присесть, он стал нетерпеливо расспрашивать его:

— Ну, Садык-палван, как дела? Что нового в Ташкенте?

— А что может быть в Ташкенте? В Ташкенте-то все спокойно. Между делом, воспользовавшись случаем, я и весь город осмотрел, все разведаль.

— Дверь¹ его сразу нашел?

— Нашел. Вы правильно говорили: в Ташкенте всякий знает его дверь.

— Значит, и письмо передал?

— Передал.

— Молодец, богатырь! А кому в руки передал письмо?

— Старику какому-то.

— Старик длиннолицый, с впалыми висками?

— Он самый.

— А ответное письмо, надеюсь, получили? — Хамид нетерпеливо уставился на Садыка. Тот ответил гордо, с видом победителя: «И письмо получил». Хамид совсем расплылся в улыбке и принялся похлопывать Садыка по плечу. Садык достал из-за пазухи письмо и стал рассказывать, с какой хитростью ему удалось достать его.

— Передал я ваше письмо старику и предупредил, что, мол, завтра еду в Маргилан, так что, если есть какие-нибудь письма, могу доставить.

Старик подумал и говорит: «Сейчас пока письма нет, но если вас не затруднит, наведайтесь завтра утром». И спрашивает: «Вы где остановились?» Я сделал вид, что мне обременительно еще раз приходится, но сказал: «Ладно, хоть я остановился далеко отсюда, постараюсь зайти завтра». Довольный, что все так гладко сошло, переночевал я в чайхане, а на другой день в условленное время являюсь. Старик — да будет он всегда так доверчив! — уже поджидал меня с готовеньким письмом. Взял я письмо и скорей в Маргилан, хлестнул камчой коня и был таков.

Принимая письмо, Хамид опять похлопал Садыка по плечу.

¹ В Ферганской долине двор или дом называют дверью.

— Спасибо, спасибо! — и добавил: — За мной должок, братец! Он хотел вскрыть письмо с безразличным выражением, но радость вперемежку с важностью невольно сверкнула на его лице.

«...Звезде моих надежд, цветку моих желаний, опоре моей жизни, моей Кумуш!

Письмо ваше, полное ядовитых намеков и горьких укоров, я получил. Мне представилось, что вы писали его словно в жару, в пылающем море страданий. Но если моя принцесса, столкнувшись с горем, которое я ей причинил не по своей воле, в такой степени утратила способность понимать меня и верить мне и так запуталась в своих предположениях и догадках, то я оказался в сто раз худшем положении. Признаюсь, я не только не понял вашего, полного яда письма, но и не счел нужным разбираться в нем, потому что разумные люди никогда не придают значения словам, сказанным в пылу гнева. Однако одно место в вашем письме требует объяснения. Вы пишете: «Зная, что ваша жестокость ко мне лишает вас права на мою любовь, вы еще без всякого стыда, не краснея, диктуете теперь свою волю?!.. Вы постеснялись... высказать это моему отцу, когда он был у вас в Ташкенте, но разве вы можете кому-нибудь доказать, что у вас есть совесть...»

Что вы хотите этим сказать? Не больны ли вы? Действительно, я сначала не решался сказать вашему отцу, что не смогу вернуться в Маргилан вместе с ним, что мне надо задержаться, пока состоится чарлар. Но когда ваш отец стал просить отпустить его, я ему все объяснил и передал вам через него извинения. Какое же тут бесстыдство? Я боюсь, что вы больны и это письмо писали в сильном жару...»

Дочитав до этого места, Хамид невольно громко расхохотался:

— Вот глупец!

Курносая ведьма и Садык тоже стали смеяться, но он, не обращая на них внимания, продолжал читать:

«Теперь я полностью уверовал, что вы писали ваше письмо больная, в лихорадке. Поэтому я не хочу

вас упрекать. Вас можно извинить. Написать такое злое письмо, назвать меня лисом коварным, волком с окровавленной пастью, бессовестным человеком... и еще лишь вам известными прозвищами вас вынудили, очевидно, рассказы вашего отца о том, что меня здесь удерживает беда: болезнь тестя, из-за которой не может до сих пор состояться чарлар, как полагается по обычаю. Но сегодня, может быть, именно в награду после вашего сердитого письма, я, наконец, получил приглашение, назначен день посещения. Когда вы прочитаете это мое письмо и простите мне все мои грехи, я, наверное, буду уже на пути в Маргилан. Стихи, которые читает вам часто ваша мать, противны моей чести, потому что желание моих родителей никогда не может мне заменить вашей любви. Вы говорите, что вы уже не Кумуш, не «серебряная» для меня, а я хочу вас назвать золотая моя Кумуш!

Полный всегда любви к вам, ваш супруг Атабек.

26-го дня месяца джавза, 1265 года хиджры¹, Ташкент».

Радость, с которой Хамид читал первую половину письма, смылась и сменилась выражением глубокого раздумья. Он перечитал еще раз те строки письма, где было написано: «Когда вы прочитаете мое письмо и простите мне мою вину, я, наверное, буду уже на пути в Маргилан», — и спросил Садыка:

— Сколько дней прошло, как ты выехал из Ташкента?

— Шесть дней.

Ответ Садыка только прибавил Хамиду заботы, он задумался, низко склонив голову и теребя свою всклокоченную бороду. Старуха, занятая в это время перебиранием тряпья в нише и потому не заметившая перемены в Хамиде, теперь подседа к нему и с отвратительной усмешкой спросила:

— Ну как, Хамид-бай, дело идет на лад? Можно уже отправляться сватать красавицу-царевну?

¹ Дата соответствует 16 июня 1849 г.

Хамид в безнадежности покачал головой и ответил с важностью:

— Дело наше еще не настолько продвинулось, мы пока только одолели первое препятствие к сватовству...

Он был недоволен. Коварное послание, которое он сам сочинил и продиктовал писцу якобы от имени Атабека, произвело, как мы знаем, большое впечатление на Кумуш. Заполучив через курносую старуху ответное письмо Кумуш Атабеку, Хамид решил уже, что добился успеха, и послал в Ташкент Садыка, намереваясь прощупать Атабека, узнать его намерения и тогда уже действовать дальше. Садык передал письмо Кумуш Атабеку и привез теперь ответ от него, который и был зачитан выше.

Но этот ответ ясно свидетельствовал о том, что чувства Атабека к Кумуш неизменны и что он совсем не хочет отказаться от нее и уступить ее кому-то другому. Хамид, которому казалось, что сделан уже первый шаг к успеху, теперь был сильно озабочен, как быть дальше. Не сегодня-завтра придет Атабек, встретится с Кумуш, докажет, что коварное послание было совсем не им написано, либо отсрочит, либо совсем сведет на нет все, задуманное Хамидом. Это было даже не предположение, а ясно, как день, и Хамид досадовал теперь и ломал голову над тем, что предпринять. Впрочем, он не стал долго раздумывать, и, видимо, решившись на что-то, сказал курносой старухе:

— Тетушка Джаннат, дайте-ка чилим¹!

Пока Джаннат готовила чилим, он говорил Садыку:

— Не выгорело наше дело, братец Садык, ничего не получилось пока...

Садык выгарашил свои красные совиные глаза и отвечал:

— Не беспокойтесь, ака! Если пока все сыро, мы уж постараемся, как следует, чтобы все уладилось. Будем живы — доведем дело до конца.

¹ Чилим — род кальяна.

Слова Садыка пролились бальзамом на душу Хамида, он снял тубетейку, швырнул ее на кошму и с благодарностью изрек:

— Коль вы с тетушкой Джаннат живы — мы, конечно, доведем дело до конца! — и он взял из рук старухи чилим, раскурил его, сильно затянулся и, весь в облаке дыма, протягивая чилим Садыку, обратился к старухе:

— Придется вам, тетушка, еще раз отнести письмо в дом кутидора.

— Ких... С радостью, милоч! Это то письмо, что Садык привез?

Хамид рассмеялся.

— Нет, тетушка, если вы отнесете это письмо, всему нашему делу грош цена. Придется мне еще раз сочинить подобное послание, да такое, какое нам нужно.

— Хи-хи-хи, мой милый! Ну откуда же знать про ваши дела, Хамиджан.

— Конечно, вы ничего не знаете о наших делах... Только уразумейте впредь хорошенько, что, если вы в чем-нибудь запутаетесь, все наши планы полетят к черту, а тогда уж...

Тут неожиданно Хамид вспомнил о своей ошибке: когда он сочинял первое письмо Кумуш от имени Атабека, он не подумал о почерке и все время боялся, что кутидор или она заметят и разоблачат подделку. Но сейчас у него в руках было подлинное письмо, написанное самим Атабеком. И Хамид подумал, что теперь писец должен писать новое письмо с превеликой осторожностью, подражая почерку Атабека. Он долго еще размышлял о чем-то, потом сказал Садыку:

— Братец Садыкбай, вам придется сослужить мне еще одну большую службу.

— Я не из тех, кто отказывается служить достойному человеку!

Хамид посмотрел на Садыка и на тетушку Джаннат, словно не доверяя: «Так ли это?» И, получив подтверждение, полез в карман.

— Тетушка Джаннат, Садык, видно, приехал усталый, проголодался, да и я сам с утра не ел. Пока

мы тут с Садыком будем беседовать, сходите на базарчик, который на перекрестке, купите мяса и сварите-ка нам шурпу. Вот вам деньги.

Джаннат накинула паранджу и отправилась за мясом. Хамид опять спросил Садыка:

— Так ты говоришь, что не прочь послужить мне?

Хамид, видно, колебался и не совсем верил Садыку, хотя тот и повторял неоднократно, что он не из тех, кто избегает серьезного дела.

— Не испытывайте меня, говорите прямо, что нужно?

Наконец, Хамид сказал:

— А если предстоящее дело окажется совсем иным и намного труднее прежних?

Садык, видимо, начал догадываться и прямо спросил:

— Надо убить человека, что ли?

Хамид с минуту глядел на него с недоверием, потом, оглянувшись по сторонам, спросил как бы шутя:

— А если бы даже и человека убить?

— До сих пор я уже двух уложил, что с того, если очередь дойдет и до третьего? — сказал Садык и усмехнулся гордо. Хамид вздохнул с облегчением, словно сбросил с себя тяжелый груз.

— А я не из тех, кто забывает услугу человека, — сказал он. — Мое правило: с женщиной и я мужчина, с негодяем — негодяй. Если ты возьмешься сослужить мне эту службу, клянусь, половина всего, что я имею, станет твоей.

Садык со своего места протянул ему руку:

— Не откажетесь потом от своего слова?

Хамид взял его руку и сказал:

— Бог един, и слово мое одно!

Они условились: с утра следующего дня Садык должен будет поджидать Атабека у ворот дома кутидора и, как только он появится, покончить с ним, когда тот войдет в коридор. Садык, правда, думал, что лучше прикончить его за воротами, но Хамид почему-то считал более подходящим местом проход во двор кутидора. На вопрос Садыка, в какое время Атабек может приехать, Хамид сказал:

— Конечно, городские ворота открываются утром и закрываются в сумерки, но я полагаю, если он утром выедет из Коканда, то будет здесь в час предзакатной молитвы.

И еще раз повторил свое условие:

— Запомни твердо, Садык, если попадешься, вся вина на тебе, меня не впутывай!

— Будьте спокойны, на такую подлость я не способен даже под ножом палача, клянусь богом!

— Теперь второе условие: пусть эта тайна останется между нами. Ты, наверное, понял, что я не зря послал тетушку Джаннат за мясом? Она не должна знать этого.

— На этот счет не беспокойтесь! Да, помните, вы обещали мне подарить афганский кинжал?

— Пока шурпа сварится, я принесу, — сказал Хамид и ушел.

7. ИЗГНАНИЕ

Третий день Садык ошивался у ворот кутидора, постоянно находясь неподалеку... Было уже около семи часов вечера, и он решил, что Атабек, верно, не придет и нынче. Он собирался было уходить, но удерживал себя, вдруг издали вот-вот явится нужный ему всадник. Тут и Хамид, скривившись, проехал мимо верхом, видимо, чтобы узнать, как идут дела. Вопросительно посмотрел на Садыка, и тот отрицательно покачал головой. Наконец, и кутидор в обычное время вернулся с базара и прошел в дом. Так как уже близился час вечерней молитвы, закрылись последние лавки, поток прохожих совсем ослаб. Садык решил подождать еще минут десять и прохаживался около ворот кутидора.

В это время из соседней улицы — к востоку от обувного ряда — показалась толпа молодежи. Садык узнал их — это были все его приятели, и ему стало неловко: он хотел было скрыться в воротах кутидора, но они уже заметили его, и один из них сказал:

— Что делает здесь наш Садык?

Другой окликнул его:

— Садыкбай, а Садыкбай!

Садыку пришлось откликнуться.

— Что ты тут торчишь, как ишак мельника, оставшийся без дела? — сказал один из парней. Все рассмеялись при этих словах. Садык тоже посмеялся с ними и подошел поближе.

— Дело есть, вот я и поджидаю здесь одного человека.

— Садык! — сказал тот же приятель. — Скажи, это у тебя нос или рапида¹ тетушки Рисолят?

Опять все захохотали на всю улицу.

— Пойдем с нами на свадьбу!

— На какую свадьбу?

— Разве ты не знаешь, что Шамшадбек женится? Пошли, Садык, племянничек мой! В конце концов, у тебя лицо или кизяк, побитый градом?

Садык, колеблясь, ответил:

— Я попозже приду.

— Эх ты, недотепа! — крикнул приятель и, перепрыгнув через арык, встал рядом с Садыком. — Подумай, из Андижана приехала Каймакхан, пир будет на всю округу, что называется, Джамшидов пир²! Идем!

И парень потащил Садыка за собой. Остальные тоже принялись подталкивать его сзади. Хотя и поневоле пришлось ему пойти с ними, с другой стороны, он и сам был почти уверен, что тот, кого он ожидал, уже не придет в этот день, и, пройдя шагов пятнадцать, зашагал с приятелями, не нуждаясь больше в понукании. Но когда они дошли до угла и переходили через улицу, которая вела на запад, Садык увидел появившегося вдали всадника и невольно остановился посреди дороги. Настойчивый приятель опять толкнул его, сказав:

— Иди-иди, щенок, сдурел ты, что ли?

¹ *Рапида* — рукавица в виде круглой плоской ватной подушечки, обшитая плотной материей (с ее помощью прилепляют лепешки к стенкам тандыра — глиняной печи для выпечки лепешек).

² *Джамшидов пир* — пышный, блистательный, великолепный пир.

Остальные тоже прицепились к нему, как скворцы, и, не давая ему опомниться, утащили за собой. Едва они отошли шагов на тридцать-сорок, из переулка выехал всадник, усердно погоняя гнедого иноходца, и свернул на широкую улицу, откуда появились приятели Садыка. Следуя за товарищами, Садык обернулся и узнал гнедого коня, которого видел на конюшне, когда относил письмо Хасанали. Он попытался вырваться из рук клещами вцепившегося в него приятеля, но это ему не удалось, он только свирепо выпучил глаза и выругался:

— Подлец ты, сукин сын!..

* * *

Над городом с разных сторон стали доноситься призывы к вечерней молитве. Уже известный нам всадник остановил коня у дома кутидора и высвободил ногу из стремени. В этот момент из ворот вышел кутидор, спешивший в мечеть на вечернюю молитву — намаз «шам». Увидев зятя, который, бросив коня посреди улицы, спешил к нему, кутидор весь задрожал и даже забыл, куда он шел. Оставив зятя с протянутыми для объятия руками, кутидор отступил к воротам. Атабек остановился, как вкопанный, не зная, подходить ли ему к кутидору и что сказать:

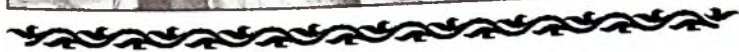
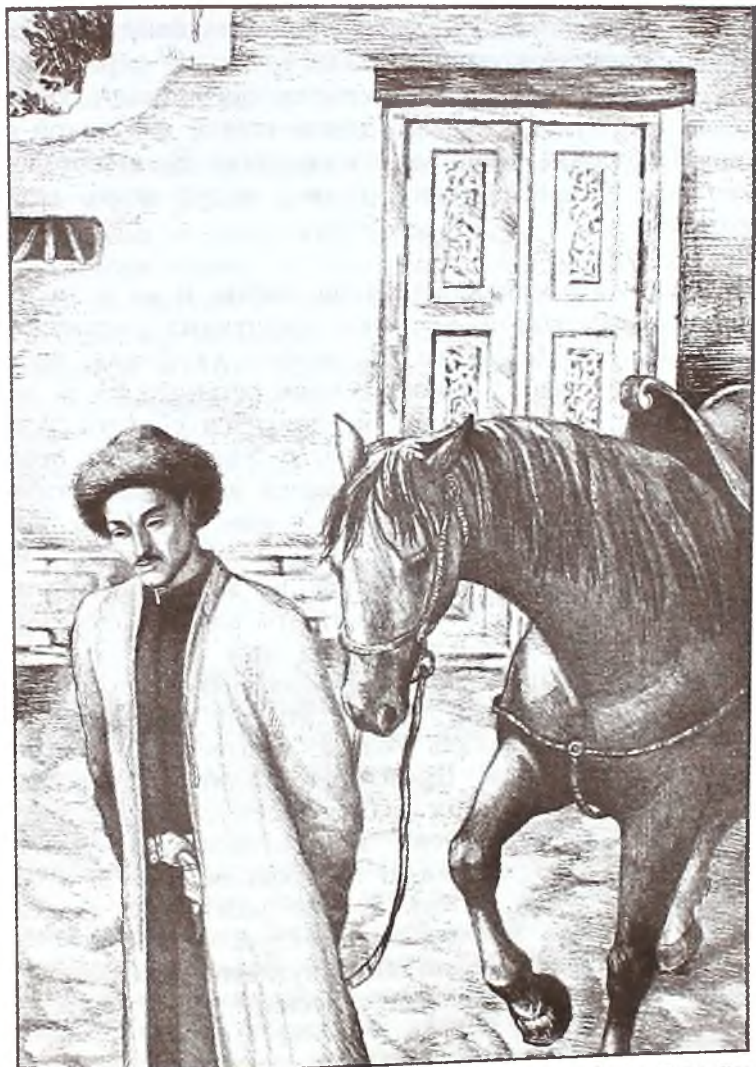
— Что это значит, отец?

Дрожащим от волнения голосом кутидор сказал:

— В моем доме нет места бесстыжему, как и нет желания у меня разговаривать с бессовестным лжецом!.. Уходите прочь, не задерживайтесь у моих ворот! — Он вошел в ворота, закрыл их и, гремя цепью, стал запираТЬ.

Когда Атабек, опомнившись, сдвинулся с места, где стоял, как пригвожденный, вечерняя молитва уже подошла к концу, и люди стали расходиться по домам. Машинально подошел он к коню, влез в седло, сказал: «Чу!», но конь не двинулся. Он стал хлестать его плетью, и только когда уздечка порвалась, он понял, что коня кто-то привязал к талу¹.

¹ Тал — плакучая ива.

«Чу!» — повторил он, и конь пошел по улице в восточном направлении.

Трудно утверждать, осознавал ли Атабек в этот самый миг, куда гнал коня, да, вероятно, ему все равно было сейчас, куда ехать, лишь бы двигаться. На перекрестке конь остановился, словно спрашивая: «А теперь куда?» Хозяин снова сказал ему: «Чу!» Конь свернул на север, долго шагал по какой-то длинной улице, добрался до квартала Б., о котором читатель узнал в шестой главе, и тут опять остановился.

— Чу!

Теперь конь направился на восток и на углу известной нам улицы с двумя калитками свернул в переулок. Приближался час намаза «хуфтан», было уже совсем темно. Наконец, конь остановился и, несмотря на все понукания, не двигался с места. Атабек открыл глаза и осмотрелся. Увидев, что переулок кончился и конь остановился у тупика, Атабек старался понять, где он и что с ним. Он едва помнил, как погнал коня от ворот своего тестя, но дальше уж ничего не видел и не мог припомнить. Он догадался, что очутился где-то на окраине Маргилана, в глухом месте. Перед ним были большие ворота. Некоторое время он раздумывал, поворачивать ли ему коня и что делать. В это время за воротами слышались голоса: неизвестные прощались друг с другом. Шаги приближались к воротам, и, чтобы дать пройти выходящему, он отвернул коня в сторону. Место, где остановился Атабек, было окружено какими-то постройками, из-за этого там было темно. Атабек не мог разглядеть вышедшего из ворот, заметил лишь белую чалму.

Человек в чалме, то ли испугавшись всадника у ворот, то ли удивившись, спросил:

— Кто здесь?

— Я, — ответил Атабек и запнулся, ибо ответ его был лишен всякого смысла.

— Кто вы?

— Я бесприютный странник... — ответил Атабек. — Приехал в Маргилан вечером и заблудился, не добравшись до нужного мне места...

— Так заходите к нам, гость!

Хотя голос приглашавшего звучал дружески, Атабек хотел отказаться:

— Благодарю, ака, не нужно... — и понял, что слова эти неуместны.

— Вы же сами сказали, что заблудились, куда же вы теперь намереваетесь идти?

— Если я не стесню вас...

— Ничего подобного, проходите в дом! — сказал человек в чалме и пошел вперед. — Я ведь тоже вроде вас — одинокий странник.

Атабек поехал за ним вслед, они молча двигались друг за другом до конца улицы. Пройдя некоторое расстояние, незнакомец сказал: «Коню вашему тоже найдется место». Атабек не ответил. Так, в безмолвии добрались они до угла. Тут спутник велел Атабеку остановиться и принялся искать по карманам ключ, чтобы открыть калитку, ту вторую калитку, что была рядом с известной читателю калиткой тетушки Джаннат. Открыв калитку, незнакомец сказал:

— Сойдите с коня, гость, — и взяв из рук Атабека поводья, добавил, — берите свои хурджуны и идите прямо.

Атабек вошел в калитку, прошел по крытому проходу на просторный двор и положил хурджуны на землю. Человек привязал коня под навесом, подошел и взял хурджуны.

— Пожалуйте на айван! — пригласил он Атабека. Усадив его на айване, хозяин достал с полки глиняное блюдо, взял трут, высек огонь и зажег свечу. На вид ему было лет сорок. Высокий, худощавый, с бледным бескровным лицом, с карими глазами, с жиденькой бородкой, он, казалось, долгие годы вел замкнутую и воздержанную жизнь в медресе. Хотя в убранстве айвана не заметно было особого богатства, но чистота и порядок повсюду свидетельствовали, что хозяин был аккуратным человеком, с тонким вкусом. Дверь на левой стороне айвана вела, очевидно, в комнату, похожую на келью.

Внимательно всматриваясь в Атабека, хозяин дома сказал:

— Вы, гость, конечно же, проголодались?..

Не дождавшись ответа Атабека, он сам же и решил:

— Ну, разумеется, вы голодны с дороги. Я и сам еще не ел. Мясо, лук, морковь — все у меня уже приготовлено, надо только разжечь огонь. Я сварю немножко плова.

И, не слушая отговорок Атабека, он принялся готовить плов. Атабек же попытался осмыслить свое положение.

То, что произошло с ним нынче вечером, в течение каких-нибудь пяти секунд, никак не укладывалось у него в голове, разум отказывался объяснить, что случилось... Не верилось, что все это произошло наяву. Страшные слова тестя: «В моем доме нет места бесстыжему лжецу... Уходите прочь, не задерживайтесь у моих ворот» — еще звучали в его ушах и подтверждались обидой и волнением, которые и сейчас переполняли его душу. И звон цепи, которой были заперты ворота, подтверждал оскорбительный смысл происшедшего. Атабек вспомнил загадочное, полное ядовитых намеков письмо Кумуш. Хотя оно было ему непонятно, он вновь испытал горечь. Однако он все же не мог найти связи между всем этим и прийти к какому-то ясному выводу, он был как в жару, и все представлялось ему бредовым видением. Он только ясно слышал слова: «Уходите прочь, не стойте у моих ворот!» Привыкший всегда к ласковым встречам своей «черноглазой газели», он никогда не думал, что может нарваться на такое унижительное отношение. Для Атабека, выросшего в холе и ласке, далекого от грубых и темных сторон жизни, эта обида была тяжелым ударом. Сейчас ему казалось, что узелок, в котором хранилось сердце, предназначенное для Кумуш, разорван и валяется где-то под ногами, подобно платку, в который был завернут когда-то драгоценный жемчуг, теперь украденный у потрясенного потерей обладателя.

Хозяин дома, заложив в котел морковь, вернулся к Атабеку, и тот, оторвавшись от своих мрачных

дум, постарался принять веселый вид. Сев около Атабека, хозяин спросил:

- Вы откуда, гость?
- Из Ташкента, мулла-ака!
- Как вас зовут?

Атабек потер лоб, потом ответил:

- Шакирбек..
- Вы первый раз в Маргилане?
- В первый раз...

— Видно, по торговым делам приехали? — спросил хозяин, приняв Атабека по виду и по одежде за купца.

— Нет... Я, видите ли, ехал в Коканд, но здесь, в Маргилане, живет один знакомый моего отца, который нам должен немного. Я и заехал в Маргилан, чтобы повидаться с ним. — Смущенный своей ложью, Атабек невольно замялся. — Я не очень хорошо знал, где этот человек живет, а других знакомых в Маргилане у меня нет... Вот я и заплутал в темноте...

Хозяин дома улыбнулся:

— От судьбы своей не уйдешь, Шакирбек, значит, вам суждено было в эту ночь быть моим гостем. А как зовут человека, с которым вы должны встретиться?

- Камильбай...

Хозяин подумал и сказал:

— Поблизости у нас такого человека нет... Может быть, он живет в другой части города, — и пошел проверить очаг.

Атабеку стыдно было своей лжи, он даже покраснел. Но в сущности он ведь вынужден был скрывать правду, потому что его имя, его арест вместе с кутидором, осуждение на смерть и спасение были известны всему Маргилану, и, назвавшись своим именем, ему пришлось бы открыть и многое другое. Когда хозяин дома направился к казану с варившимся пловом, Атабек тоже встал и спустился во двор. Обойдя айван со стороны прохода, который вел в восточном направлении, он, миновав небольшое открытое пространство, попал в фруктовый сад. Темнота ночи, наполнявшая сад и прятая под

непроницаемой листвой деревьев, удивительно соответствовала состоянию Атабека. В его душе, подавленной мрачными событиями дня, было так же темно, как и в этом саду, так густо залитом краской ночи, что трудно было даже разобрать, что за деревья росли здесь. Словно сливаясь с этой темнотой, и все больше погружаясь в нее, он шел все дальше в глубину сада. Наконец, Атабек присел под деревом, ветви которого низко склонились под тяжестью каких-то плодов, и на какое-то время застыл в этой позе, не шелохнувшись. Минут через пятнадцать, он, словно кожаный мешок, из которого вырывается воздух, громко выдохнул, поднялся, обошел сад с другой стороны и вернулся, пройдя мимо каких-то полуразрушенных строений.

Когда Атабек оказался вновь на террасе, хозяин дома, поставив плов томиться, уже поджидал его за дастарханом.

— Вашему коню я засыпал немного джугары¹.

— Спасибо, мулла-ака, — сказал Атабек.

Хозяин дома хотел о чем-то заговорить, но, видимо, передумал и только внимательно приглядывался к Атабеку.

— По роду занятий я ткач, Шакирбек, — сказал он вдруг.

Догадавшись, что он чего-то не договорил, Атабек выжидающе посмотрел на него.

— Потому ли, что я постоянно работаю в сырости, или же вообще по слабости здоровья, я часто болею, — сказал хозяин. — Слабая грудь у меня. Недавно я показывался лекарю, так он мне сказал, что это малокровие, и посоветовал пить кумыс, а перед едой употреблять виноградное вино. Следуя его совету, я вот уже несколько дней пью кумыс и вино, и это заметно помогает мне. Говорю вам об этом в надежде, что вы не станете возражать, если я перед пловом выпью одну-две пиалы вина. — И он улыбнулся смущенно.

— Воля ваша, как я могу возражать?

Хозяин дома, все так же улыбаясь, прошел в

¹ Джугара — кукуруза.

свою комнату, вынес кувшин с вином, достал пиалу из ниши и снова сел рядом с Атабеком. Наполняя пиалу вином, он искоса взглянул на гостя и опять улыбнулся.

— А вы пробовали?

— Нет.

И правда, Атабек до сих пор относился к вину брезгливо и никогда не пил.

Хозяин дома выпил пиалу, чуть поморщился, переспросил:

— Вы и вправду никогда не пили?

Атабек лишь покачал головой.

— Если нет достаточно уважительных причин, конечно, лучше не пить, — заметил хозяин, наполняя вновь пиалу. — Но эта штука иногда необходима для здоровья, а кроме того, помогает забывать всякие заботы и печали. На мою голову обрушились такие горести и муки, каких не забыть до самой смерти. Особенно в последние годы, отчаявшись найти в чем-либо утешение, я в конце концов дошел до такого состояния, что утешаюсь лишь этой горькой водой, — добавил он, глубоко вздохнув, и поставил перед собой пиалу с вином.

Некоторое время оба молчали. Выпив и вторую пиалу, хозяин внимательно посмотрел на Атабека.

— Вы тоже кажетесь мне немного печальным, дорогой гость, почему бы и вам не выпить пиалу?

— Спасибо, мулла-ака, — сказал Атабек, сам уже чувствуя необходимость залить вином свое горе. Ведь у него было достаточно уважительных причин, чтобы выпить. Хозяин, верно, понял это или же захотел еще раз испытать гостя, во всяком случае, он в третий раз наполнил пиалу и протянул ее Атабеку.

— Не отказывайтесь, гость! Кажется, мы оба с вами заслуживаем снисхождения.

Атабек, извинившись, все еще не брал пиалы, но хозяин, улыбаясь, протягивал ему вино.

— Я готовлю этот напиток в полном соответствии с правилами шариата. На днях даже ахунды¹ махалли подтвердили, что оно дозволено.

¹ Ахунд — духовное лицо у мусульман.

Атабек вынужден был взять пиалу. Напиток был прозрачен и чист, как хорошо настоенный зеленый чай. Атабек не стал его разглядывать, выпил разом. На голодный желудок вино подействовало сразу, все словно загорелось у него внутри.

Уговорив, наконец, Атабека выпить вина, хозяин пошел выкладывать на блюдо плов.

8. СЧАСТЬЕ И ГОРЕЧЬ ПОТЕРИ

Принеся плов, хозяин, прежде чем пригласить гостя отведать, снова достал кувшин с полки, наполнил пиалу и протянул Атабеку.

— Выпейте еще одну, а потом приступим к плову! — сказал он.

На этот раз гостя не пришлось долго уговаривать. Уже после первой пиалы у Атабека зарябило в глазах, закружилась голова, и он почувствовал какую-то легкость во всем теле, вторая же пиала словно шептала: «выпей и меня, почувствуешь еще большее облегчение». Атабек выпил и вторую пиалу, и они принялись за плов. До этого Атабеку казалось, что он и крошки не проглотит, а теперь ел с таким аппетитом, какого, кажется, у него не было никогда в жизни. Между едой он охотно отвечал на вопросы хозяина, иногда что-то приукрашивая, стал если не болтлив, то разговорчив, мрачность и молчаливость его исчезли.

После плова гость хмельными покрасневшими глазами долго смотрел на убиравшего посуду и дастархан хозяина. Взгляд этот источал искреннюю признательность и благодарность. Хозяин подложил под бок Атабеку две подушки, а одну взял себе.

— Прилягте, бек, — сказал он, укладываясь на подушке.

Атабек последовал его примеру. Между ними, играя с ветерком, мерцала свеча, и оба, будто сговорившись, засмотрелись на нее и задумались о чем-то. Через некоторое время хозяин дома отвел взгляд от свечи, мельком взглянул на Атабека и спросил:

— Вы женаты, бек?

Оттого ли, что Атабек был пьян или не расслышал вопрос, он ответил не сразу:

— Я женат.

Собеседник помедлил немного и вновь спросил:

— Испытываете ли вы любовь к вашей супруге?

Атабек растерялся, вопрос был для него тяжелым, он незаметно вздохнул:

— Нет... не люблю.

— Это хорошо! — сказал хозяин дома.

Не поняв его слов, Атабек вопросительно взглянул на него.

— Вас, кажется, удивили мои слова?

— Нет, — ответил Атабек, хотя хозяин явно видел удивление, читавшееся на его лице.

— Может быть, любовь и хороша, но для счастливых людей. Для такого неудачника, как я, любовь — несчастье. Если вы в самом деле не любите вашу жену, то признайтесь: когда вы дома, вы как будто женаты, но едва вы вышли на улицу, у вас словно и нет никакой жены, вам все равно, что с ней. Не так ли?

— Верно, — сказал Атабек, слегка придя в себя от этих разговоров о любви.

Хозяин дома продолжал:

— Я говорю так по своему собственному опыту, возможно, я и ошибаюсь, — и, глубоко вздохнув, спросил: — Вы взяли себе жену по своему выбору или по совету ближних?

Атабек не понял суть вопроса — куда же клонит хозяин:

— Нет, по желанию моей матери!

— Вот умница! — сказал хозяин дома. — По моему, беда случается, когда ты сам ее нашел, полюбил и женился.

Тут хозяин, неожиданно для своего собеседника, погрузился в глубокое молчание. Атабек подумал, что у этого человека, сидевшего перед ним, гораздо старше его, износившего больше рубашек, пережившего, очевидно, немало и теперь размышлявшего вслух о своей жизни, есть что-то общее с ним в судьбе, — может быть, и его тоже тесть прогнал со своего

порога? И он спросил о том, о чем думал: «Вас покинула любимая жена?» Хозяин покачал головой:

— Покинуть-то покинула, но только не по своей воле.

Атабек окончательно уверовал в то, что этот человек также пострадал от родителей жены.

— Чтоб они пропали, злые люди!

Хозяин дома не понял и вопросительно посмотрел на Атабека:

— Может быть, я покажусь вам назойливым, но мне хочется рассказать вам то, что мне пришлось пережить, — сказал он.

Атабеку очень захотелось послушать этот рассказ — так близки казались ему переживания хозяина дома.

— Если бы вы не заговорили об этом, я сам готов был просить вас поделиться со мной.

— В том, что случилось со мной, нет ничего занимательного, как вы, верно, ждете, но все же расскажу.

Прижав подушку к груди, хозяин начал свой рассказ:

— Сам я кокандский. С детства сирота, рано лишился родителей, рос сначала у дяди — брата матери. С семнадцати лет я должен был сам зарабатывать себе на жизнь. Лет двадцать назад, по совету одного моего товарища, я приехал в Маргилан и поступил учеником в ткацкую мастерскую к отцу нынешнего ее владельца. Примерно через четыре года я стал подмастерьем у самого хозяина. Я жил скромно, не так, как другие молодые люди, не тратил зря денег, и за короткое время мне удалось даже скопить несколько тилля. Так как я работал очень прилежно, сотканный мной товар ценился дороже, и у людей я стал уже известен как «уста Алим-малой». Вы знаете, что к ткачам за новыми тканями приходят чаще всего женщины и девушки. Мои новые ткани ярких расцветок нравились всем, и особенно славились среди женщин, которые постоянно толпились перед нашей ткацкой мастерской.

Однажды пришла милая девчушка лет тринадцати-четырнадцати, еще не достигшая того возраста,

когда положено женщине закрываться от мужчин, и попросила показать ей шелк нового образца. Тот шелк, что она спрашивала, был уже весь распродан, и я ответил ей, что такого больше нет. Девушка посмотрела на меня своими ясными сияющими глазами и спросила, не могу ли я вы ткать для нее еще? Глядя ей в лицо, я сказал: «нет смысла, сестрица, ткать и красить шелк всего на одно платье». Девушка продолжала меня уговаривать, хотела, чтобы я пообещал соткать для нее такой шелк. Разговаривая, я все смотрел на нее. Один из подмастерьев, бывший со мной, поддержал девушку: «обещайте, уста, не огорчайте сестрицу!» В третий раз я взглянул на нее и смотрел довольно долго, ибо почувствовал какое-то влечение к ней. Хотя было трудно исполнить ее просьбу, я, словно под действием неведомой силы, обещал ей сделать все, что она хотела. Когда она ушла, я спохватился, зачем дал такое обещание, и решил, что когда она придет в условленное время, откажусь. Но ясные черные глаза и румяные, как яблочко, щеки девушки все время стояли перед глазами, и слышался голос: «можете ли вы сделать это для меня?»

Несколько дней я колебался, наконец, совершенно непонятно почему, принялся выполнять заказ. Мне вдруг показалось легким делом красить большой кусок шелка ради одного платья, хотя для этого пришлось сделать заготовку, достаточную для изготовления тридцати платьев, все затруднения, связанные с этим делом — покраска шелка, натяжка основы, изготовление утка, отошли на второй план. Приготовив шелк за два дня до срока, я стал ждать заказчицу, но она не появлялась. И в условленный день она тоже не пришла. Должен вам сказать, что лицо человека, которого вы видели только раз в жизни, обычно не удерживается долго в памяти, но с этой девушкой было все по-другому: я мысленно видел ее всю — ее брови, глаза, кукольную фигурку, я так хорошо запомнил ее, как будто знал по крайней мере год. Голос ее запомнился мне меньше, но все же я как будто сейчас слышу: «А вы не смогли бы вы ткать это для меня?»

Прошло три-четыре дня после назначенного срока, она все не появлялась. Что же я не спросил, где она живет? Я готов был сам отнести ей шелк. За эти дни ожидания я даже как-то изменился, стал груб с учениками и подмастерьями, как будто хотел сорвать на них зло.

Наконец, на пятый день после оговоренного срока девушка пришла. При виде ее я так растерялся, что некоторое время не мог и слова произнести. Девушка тоже, не спрашивая ничего про заказ, стояла и смотрела на меня. Принять ее благодарность только лишь за выполненную работу для меня показалось очень обременительным. Я спросил, наконец: «Почему вы не пришли в назначенный день?»

Она смутилась и виновато опустила глаза:

— А разве вы опять все продали?

Я подал девушке заранее приготовленный, лежавший подле меня сверток. Она осмотрела материю с лица, с изнанки, и вымолвила безнадежно: «Какой хороший шелк!» Затем, вернув его мне, высыпала передо мной монеты мелкого достоинства.

— А сколько стоит ваш шелк?

Вместо ответа я пересчитал ее деньги: кроме одной монеты в шестьдесят пулов, все это были покрытые зеленью медяки, очевидно, копившиеся весьма продолжительное время. Я сказал, что этих денег едва хватит заплатить за половину материи.

— А сколько же еще надо? — спросила она.

— Еще три таньги, — сказал я.

Задумчивое лицо девушки омрачилось. Я любовался ее личиком, которое своим выражением напоминало лица более взрослых девушек, и начинал догадываться, почему она не приходила раньше за шелком. У меня душа не лежала отказать этому юному ангелу, и я спросил:

— Когда вы сможете принести остальное?

Она вновь помедлила с ответом, и в ее молчании мне почудилась скрытая жалоба.

— Когда появятся деньги, вы мне занесете! — добавил я и, не ожидая ответа, передал ей шелк. Еще не веря моим словам, она спросила:

- А вы мне верите?
- Я не стал ей отвечать, а спросил:
- Где вы живете?
- В махалле Ч...
- Чья вы дочь?
- Я дочь Шарифа-оружейника.
- Ваш отец уже стар?
- Он умер, у меня только мать.
- А старшего брата нет у вас?
- Нет. Только один маленький братишка.
- Как вас величать?
- Саодат.

После этого я отправил Саодат с шелком из мастерской. Она ушла, все еще не веря и не вполне осознавая мой поступок. Подмастерья и ученики посмеивались надо мной: «А вы ничего, мастер!» Но ради Саодат я уже был готов снести любые насмешки...

Прервав свой рассказ, уста Алим спросил Атабека:

- Рассказ мой затянулся, не утомил ли я вас?

Атабек, слушавший его под действием хмеля с живым вниманием, отозвался:

- Продолжайте, продолжайте.

Уста Алим продолжил:

— Три танги для меня ничего не значили. Но чтобы связать меня с Саодат, они стоили тысячи. Подождав три дня, я, под предлогом возврата долга, отправился в дом Саодат. Ее я не застал, она ушла к своей тетке, но я познакомился с ее матерью, и мы довольно долго разговаривали с ней через дувал: она сетовала на судьбу — после смерти мужа в доме не осталось мужчин, ей приходится самой зарабатывать на жизнь, она сучит пряжу, этим они и кормятся; запричитала, что дочь заказала шелк, не посоветовавшись с ней, и просила подождать еще неделю. Я испугался, что через неделю наше знакомство кончится, и решил подойти с другой стороны. Я сказал:

— Если вы живете только тем, что прядете нитки, вам трудно будет уплатить не то что три

танги, но даже три полушки. Но вот что пришло мне в голову. Вы живете без мужчины в доме, а я тоже сирота, живу один, без родителей. Часто я испытываю затруднение от того, что некому постирать мне белье, заштопать, что надо. Как вы посмотрели бы на то, чтобы в счет этого долга вы иногда помогали мне со стиркой, штопкой?.. Если вы, конечно, не против... Старуха с радостью приняла мое предложение и обещала на следующий же день прислать Саодат за моим бельем. Таким образом, этот день сослужил хорошую службу в деле укрепления нашего знакомства. На другой день пришла Саодат и унесла мое грязное белье. Через три дня она принесла его выстиранным и просидела некоторое время возле моей мастерской. Мы условились, что она будет приходить каждую неделю по четвергам. Я чувствовал, что день ото дня привязываюсь к ней все больше. Четверга я ждал теперь, как праздника Курбан-хайит. Через три-четыре недели я даже решил дать ей немного денег, всего двадцать-тридцать монет, чтобы она передала матери. На четвертый месяц нашего знакомства настал праздник Курбан-хайит. Так как в месяц рамазан¹ перед праздником полагается раздавать милостыню Фитр-ураза неимущим и сиротам, я приготовил для Саодат отрез лучшего атласа на платье, а для ее матери и братишки — бязи на новую одежду и сам пошел к ним в дом. Саодат встретила меня во дворе и, невинно взяв меня за руку, повела в ичкари. Я говорю ей: «Саодат, ты разум потеряла, что ли? Разве не должна прятать лицо от меня твоя мать?» А она, продолжая меня вести, говорит:

— Мать сама мне велела вас сюда привести, сказала: если придет твой уста-ака, не будем прятаться от него.

Следуя за Саодат, я прошел на женскую половину. Мать Саодат сидела перед террасой и пряла. Она удивилась, увидев, что Саодат ведет за руку постороннего мужчину. Саодат оставила меня посреди двора, подбежала к матери.

¹ Рамазан — пост.

— Это же мой уста-ака! — сказала она.

Мать Саодат, поправив платок на голове, поднялась со своего места и приветствовала меня. Мы поздоровались. Саодат расстелила курячи. Я достал принесенные подарки и положил их на одеяле перед ними. После обычной благодарственной молитвы мы некоторое время еще чувствовали себя неловко. Потом старуха сказала:

— Саодат привязалась к вам, как к родному брату. Оказывается, вы недавно дали тридцать монет, чтобы купить душистого мыла. Она купила и принесла мыло, а потом никак уснуть не могла, целую ночь до рассвета все вас благословляла — пусть бог продлит вам жизнь на многие лета, уста-ака.

Я потупился, слушая эти слова старухи, и украдкой взглянул на Саодат. Она смутилась, покраснела и отвернулась. Старуха продолжила: «За то, что вы так заботитесь о нас, я тоже не забываю перед каждой молитвой, пять раз в день, послать вам благословение. Видя ваши благодеяния, я думаю: бог не оставил нас, сжалился над нами и послал нам такого щедрого благодетеля в вашем лице. Пусть же и вас бог наградит!»

Старуха вздохнула и продолжала:

— Мне уж, видно, на роду так написано — быть несчастливой: сын мой, Каюмджан, старший брат Саодат, когда ему пошел седьмой год — отец только собирался устроить той по случаю обрезания, — вдруг заболел корью и покинул этот мир, а вслед и муж мой скончался, оставив нас посреди пути. Я знаю, если б сын мой был жив, мы бы сегодня так не бедствовали.

Она вытерла слезы и сказала:

— Мне, рабе божьей, только и осталось, что вздыхать да плакать.

Я постарался утешить ее:

— У вас есть сын и дочь, хоть они и малютки... Вы еще доживете до светлых дней, матушка, — сказал я и придвинул к ней свои подарки. — Эти безделицы я вам принес к празднику — и Саодат, и братишке, уж не обессудьте меня за это.

— Как мне отплатить вам за вашу доброту! — сказала старуха и принялась всячески благодарить меня. Саодат, сначала смущенная причитаниями матери, теперь придвинулась к нам, развернула завернутый в бумагу атлас, спросила:

— Это мне?

Не дожидаясь ответа, взяла полосатую бязь, сказала:

— Это для Сайфи. — Затем вытащила из середины кусок гладкой бязи. — А это матушке.

Она так просто говорила и рассматривала принесенные мной подарки, как будто заранее знала, что я их принесу. Полюбовавшись атласом, она, видно, одобрила его и хотела что-то сказать, но не сказала. Я догадался, что она хотела сказать. Мы заговорили со старухой, Саодат подошла и прервала наш разговор:

— Уста-ака, вы поститесь?

— Да, я соблюдаю пост.

— А то бы я приготовила чай для вас, — сказала она.

Мать ее засмеялась.

— Вы меня угостите чаем, когда я приду к вам на праздник, после поста, — сказал я.

— Если вы к нам придете на праздник, я даже плов приготовлю для вас, — сказала она и посмотрела на мать.

— Твой уста-ака, что ему ни сделай, все заслужил, доченька, — сказала старуха и почему-то прослезилась. Я тоже был тронут.

— А может останетесь сегодня на ифтар¹ и разговееетесь у нас?!

К этим словам Саодат присоединилась и ее мать. Я отговорился делами, но, конечно, мне очень хотелось посидеть с Саодат и разговестись вместе с ними. Мне не хотелось уходить из этого дома, я не мог налюбоваться на Саодат, на ее ребячьи проделки. Она уже совсем освоилась со мной и смешила нас с

¹ *Ифтар* — ежевечернее разговенье в дни мусульманского поста (уразы).

матерью, примеряя к своей уже не по-детски высокой груди атлас и приговаривая:

— Ах, все за тебя отдать готова!

Я блаженствовал, словно она не атлас, а меня обнимала.

Когда я, попрощавшись со старухой, собрался уходить, Саодат, провожая меня, спросила:

— А в четверг мне приходиться?

Я вернулся и сказал ее матери:

— Ваша Саодат уже подросла, может быть, лучше будет, если вы теперь будете посылать ко мне Сайфи, когда он придет из школы. А я, когда буду свободен, сам приду к вам.

Старуха словно ожидала от меня таких слов, похвалила меня за ум и за то, что я забочусь о чести их семьи.

— Вот, — сказала она дочери, — слышала, что говорит уста-ака, теперь зря, как попало, не выходи на улицу.

Уходя, я взглянул на Саодат. Она, казалось, была обижена на меня. Однако я не зря отсоветовал ей приходиться ко мне: кое-кто из подмастерьев и учеников уже начинал заглядываться на нее.

Теперь братишка Саодат стал носить мне белье и тоже скоро привык ко мне. Таким образом, мать Саодат перестала закрываться от меня, и связь моя с этой семьей все укреплялась, я радовался этому. С некоторых пор я находился во власти некоей эйфории от своего успеха и был в таком волнении, словно уже не нынче-завтра должен был жениться на Саодат.

Очень скоро я оказался в положении главы семьи: я заботился о них и не жалел для них ничего: по пятницам, захватив с собой всякие припасы, я шел в дом Саодат, она готовила плов, мы ели все вместе, потом я возвращался к себе. Саодат день ото дня хорошела и становилась взрослей, и я все больше любил ее. Так прошло почти два года, и Саодат исполнилось шестнадцать лет. Теперь она уже понимала смысл моих влюбленных взглядов и перестала называть меня «ака». Хотя я уже два года

постоянно думал о том, чтобы посвататься к Саодат, но почему-то женитьба на ней представлялась мне несбыточным счастьем. Я надеялся на мать Саодат, ждал, что она или сама заговорит со мной об этом, или пришлет кого-то. Сам я стеснялся посылать к ней сваху, вернее, не решался из какой-то непонятной мне самому боязни.

Однажды, когда я по обыкновению пришел к ним в дом, старуха после ужина отослала Саодат в кухню, посмотрела на меня и сказала с улыбкой:

— К Саодат сватается жених из хорошего дома. Мы уж вчера чуть не согласились, да я решила сначала посоветоваться с вами и отослала сватов.

Надо же было ей сказать такое!

Я едва не задохнулся, словно на меня опрокинули ведро холодной воды, язык у меня отнялся. Долго я был неподвижен, как комок глины, наконец, заставил язык свой пролепетать:

— Что ж, если из хорошего дома... надо подумать...

Она начала рассказывать, кто такой этот жених, чем он занимается, но тут терпение мое лопнуло, и я сказал горько:

— А жаль, что вы вчера отослали сватов!

Старуха не поняла моей иронии и продолжала:

— И жених, и семья его мне по нраву, дело только за вами. Вы хоть и не отец Саодат, но вот уже сколько времени заботитесь о ней больше, чем отец родной. Так будьте же как отец, помогите выдать замуж Саодат, пристроить ее! — сказала мне мать моей Саодат.

Она, как говорится, топтала меня уже мертвого. Я больше не мог слушать старуху, которая своей откровенностью жалила меня, как скорпион. Сказав, что подумаю до завтрашнего дня, я ушел.

Выйдя из их дома, я заметался, как ошпаренный. Я не мог придумать ничего разумного. Наконец, собравшись с духом, я посоветовался с одним приятелем, который знал о моей любви. Тот, не раздумывая долго, обещал завтра же пойти к старухе сватом от меня. А я всю ночь не мог уснуть, злился,

вертелся, как на иголках, и проклинал себя за нерешительность...

Уста Алим замолчал, снял нагар со свечи, снова спросил у внимательно слушавшего его Атабека, «не наскучило ли вам слушать мою историю?», и продолжил:

— Я послал к старухе свата, но успокоиться никак не мог: руки мои отказывались работать, я не мог усидеть на месте, вскакивал, снова садился, тысячи мыслей приходили мне в голову, я был как помешанный. Посланец мой долго не возвращался, и я сам раза два доходил до калитки Саодат. Наконец, когда я стоял там, спрятавшись в тени ореха, появился мой сват. У меня сердце оборвалось от страха. Я пошел прочь, не решаясь встретиться с ним, узнать от него правду.

— Эй, женишок, стой, погоди! — закричал мой приятель.

Так как он был большим шутником, я решил, что дело мое пропало, что приятель насмеяется надо мной, и не остановился. Он зашагал быстрее и догнал меня.

— А ну, снимай халат! — сказал он и принялся шутя стаскивать с меня халат. — Ведь за добрую весть полагается одаривать.

— Не шути, у меня сердце разрывается! — сказал я. Но он и не думал шутить. Я расцеловал его, даже не стыдясь слез, которые навернулись мне на глаза. Сват мой всю дорогу во всех подробностях рассказывал мне свой разговор со старухой. Оказывается, вот уже год чуть не каждый день к ней являлись разные люди — сватать Саодат, но старуха всем отказывала, говоря, что дочь уже просватана, и все время ожидала, когда я сам с ней заговорю или пришлю свата. Наконец, чтобы выяснить мои намерения, она решила мне рассказать об очередном сватовстве. Короче говоря, ответ старухи был таков: если бы у нее было сто дочерей, а не одна только, она всех бы выдала за уста Алима.

Я был вне себя от радости: наконец-то, после двух лет страданий сердце мое найдет успокоение.

Несколько дней я от сильного смущения не мог показаться матери Саодат, она сама прислала за мной сына. Я отправился к ним. Не могу вам передать словами свое состояние. Когда я, ни жив ни мертв, вошел в калитку, Саодат развешивала во дворе белье. Увидев меня, она покраснела и спряталась за развешанное белье, но я успел заметить искорки радости, блеснувшие в ее больших ясных глазах.

Немного стесняясь, мы со старухой принялись обдумывать, как справить свадьбу. Старуха была против излишних церемоний, но я, чтобы порадовать Саодат, стоял на том, чтобы задать большой пир. Условившись со старухой о днях свадьбы и обряда «никох», я собрался уходить. С момента, как она развешивала белье, Саодат больше не показывалась. А мне хотелось еще раз увидеть ее и сказать ей несколько слов. Она мыла котел у очага, и я направился напрямик к ней. Заметила она меня или нет, или только сделала вид, что не замечает, но она сидела ко мне спиной и продолжала заниматься своим делом, не глядя на меня. Волосы ее были заплетены в косу, которая при каждом ее движении шевелилась, как живая. Я довольно продолжительное время стоял сзади, любясь ею.

— Саодат! — позвал я.

Она оглянулась. То ли от жара очага или же от смущения, но щеки ее разгорелись румянцем. Как была с мочалкой в руке — она поднялась и встала передо мной.

— Ты уже знаешь? — спросил я.

Она потупилась. Чтобы еще более не смущать ее, я направился к калитке и только спросил на ходу:

— Ты согласна?

Вместо ответа она сказала:

— Вы уйдете, даже не откушав с нами плова? — Это надо было понимать как согласие. Нет, это было больше чем согласие, это была уже сладкая для меня забота обо мне, — такая забота, словно мы прожили вместе сорок лет. Выходя из калитки, я был пьян от одних этих ее ласковых слов: «Вы уйдете, даже не откушав с нами плова?...»

При этих словах уста Алима Атабек нахмурился, словно он сам испытал когда-то что-либо подобное и теперь навсегда утратил.

Уста Алим продолжал:

— В десять дней мы закончили необходимые приготовления и справили свадьбу. Саодат, наконец, стала моей, и наступили для меня по-настоящему счастливые дни. Так как вы в некоторой степени осведомлены о моей любви к Саодат, то можете себе представить мое блаженство.

Жена моя — недаром ее звали Саодат¹ — действительно сделала меня счастливым. Во мне словно прибавилось силы, все мне удавалось, в тот же год я покрыл расходы по свадьбе и, так как жилье Саодат было тесно для всех нас, я купил вот этот дом у моих теперешних соседей (он кивнул в сторону дома тетушки Джаннат). Теща, шурин и я с женой переселились сюда и стали жить здесь. Как любовь моя к Саодат росла с каждым днем, так росли и мои успехи в делах, и на второй год после женитьбы я уже прикупил у соседей и этот сад, который вы видели. На третий год нашей совместной жизни Саодат забеременела. Мы с радостью ожидали, когда станем отцом и матерью. Наконец, настал срок Саодат родить...

Уста Алим глубоко вздохнул:

— А для меня приблизились и дни вечных страданий, и окаянные часы моего несчастья... — он умолк.

— Продолжайте же! — сказал Атабек.

Уста Алим перевел дух.

— Три дня промучилась моя Саодат и, так и не разродившись, на четвертый умерла! — сказал он.

Атабек широко открыл глаза, словно согнав с себя хмель, приподнялся с подушки и переспросил:

— Умерла?!

Уста Алим вытер слезу:

— Умерла. Я лишился единственной моей радости, посланной мне с тех пор, как я живу на свете. Жизнь нанесла мне страшный удар. Месяцами я лил

¹ Саодат — по-арабски «счастье».

слезы, непрерывные, как осенний дождь. Я никак не мог утешиться. Видя, что я так безутешен, теща моя насильно женила меня через год после смерти Саодат. Но вторая жена не могла заменить мне первую. Счастье мое — недаром звали ее Саодат — было погребено вместе с нею. Теща моя, слабеющая с каждым годом, тоже покинула этот мир через двадцать месяцев после смерти дочери, оставив у меня на руках своего одиннадцатилетнего сына. Моя вторая жена, сделавшись полной хозяйкой в доме, когда теща умерла, принялась разорять хозяйство, открыто и тайно тщила все из дома для своего брата, игрока. Дела мои день ото дня шли все хуже. Удача и благополучие оставили мой дом, как только стала хозяйничать в нем дурная жена. Я понял, что все мое благоденствие и достаток ушли в мир иной вместе с Саодат, и прогнал свою вторую жену, дал ей развод. Вот уже третий год я живу один и не хочу больше жениться. Сладкие воспоминания о тех счастливых днях, которые я прожил с Саодат, заставляют меня горько плакать, и все же я нахожу в них наслаждение. Когда мне советуют жениться еще раз, я отвечаю: «Для меня все кончено на этом свете, я, как мотылек, рано или поздно кинусь на огонь свечи, что горит на могиле моей любимой».

Теперь я хочу только женить шурина, а потом с ясным лицом и чувством исполненного долга могу броситься в объятия моей Саодат, — сказал уста Алим и, обессилев, опустился на подушку.

Рассказ его произвел такое сильное впечатление на Атабека, что щеки его повторно были орошены слезами волнения.

Они долго молчали. Атабек почти забыл о своей горе, глядя на человека, который лежал перед ним, припав к земле как живое воплощение настоящей большой любви и печали. И не только в прошлом его, но и в настоящем виделся Атабеку глубокий смысл: будущее было пусто для этого человека. И собственное будущее показалось Атабеку таким же пустым. Только одного не хватало, чтобы он почувствовал себя двойником Алима — одного-единственного слова «умерла»... Но нет, если бы и пришлось ему

узнать, что Кумуш умерла, у него все было бы не так, как у Алима. Ведь Атабек был оскорблен женой и брошен ею. Саодат не бросила своего мужа, не обидела его ничем, и хотя ее молодая жизнь погибла, может быть, и по вине ее мужа, отец ее не прогонял Алима из дома, не старался развести с ним Саодат, здесь не было никакой корысти, ничего темного, ничего дьявольского. Неожиданно пришла ему в голову новая мысль: внезапное согласие кутидора на его вторую женитьбу в Ташкенте, неременное желание быть у него на свадьбе теперь вдруг представились ему обдуманной ловушкой. И как только он пришел к этому выводу, он понял, что у него нет никаких оснований причислять себя к людям, подобным уста Алиму. Укладываясь в постель, приготовленную ему Алимом, он сказал себе: «Атабек, тебя оскорбили и прогнали, как ты можешь считать себя просто несчастным, как уста Алим?»

Но, засыпая, он чувствовал, что сердце у него так же молчаливо и пусто, как гнездо, покинутое птицей, улетевшей прочь вместе с подросшими птенцами.

* * *

Встав к утреннему намазу, Атабек увидел Сайфи, крепко спавшего после пира у Шамшадбека. Исключительная красота этого пятнадцатилетнего мальчика ясно показывала, какой красавицей была его сестра Саодат.

Атабек выпил пиалу чая и простился с уста Алимом.

9. КАК ЖЕ БЫТЬ, КОЛИ НЕТ СИЛ ПОЗАБЫТЬ?

Внезапное возвращение Атабека из Маргилана, слишком скорое на этот раз, обрадовало Узбек-аим, решившей, что чары ее местного колдуна оказались сильнее чар индуса. Но Атабек проводил все время на мужской половине и совсем не навещал вторую жену. Это озадачило Узбек-аим, и она решила опять побывать у гадальщика, чтобы узнать, что за этим кроется. Что касается Юсуфбека-хаджи, то ему не-

когда было заниматься такими мелочами, он много времени проводил у Нармухаммада-кушбеги, а досуг свой тратил на посещения званых пиров у пансадов и беков. Однако и он заметил, что Атабек перестал жаловаться на неразумную политику и глупость правителей и вообще стал молчалив. Единственным близким Атабеку человеком в эти дни был Хасанали. Так как Атабек почти безвыходно сидел в михманхане, Хасанали часто приходилось проводить с ним время и беседовать. Хасанали видел мрачное настроение Атабека, знал, что он не спит по ночам, чувствовал в нем какую-то перемену, но не осмеливался ни о чем спросить. Да и бесполезно было выпытывать: Хасанали догадывался, что всему виной вторая женитьба бека, которая, словно бревно в глазу, мешала его любви к Кумуш.

Узбек-аим сердилась, что Атабек не заходит к ее желанной невестке. Наконец, не выдержав, она явилась в михманхану, как раз когда Атабек готовил себе постель, разбросала все и стала кричать:

— Зачем тебе спать в михманхане? Иди, ложись в ичкари с женой! — Но Атабек не был уже прежним послушным сыном: не обращая внимания на крик матери, он снова принялся раскладывать постель. Узбек-аим в гневе вновь вспыхнула:

— Слышишь меня, глухой?!

— Я не глухой, но к этим вашим словам я глух и слеп. Не старайтесь понапрасну теперь, не беспокойте себя!

— Бессовестный, несправедливый!

Атабек спросил ядовито:

— А что я вам говорил с самого начала?

— Что ты говорил?

— Разве не говорил, что ваша новая невестка не увидит от меня ничего хорошего? Вы с отцом пошли на это и не можете этого отрицать.

— И что ж, скажешь, что получил на это разрешение отца с матерью, так и будешь мучить свою прекрасную жену?

— Если вы не хотите, чтоб я мучил вашу невестку и если у вас самих есть совесть, о которой вы только что говорили, то... есть один очень про-

стой выход... — сказал Атабек и замолчал, ожидая, что мать спросит его, что это за путь.

Но так как Узбек-аим, не говоря ни слова, закусила губы и покачала головой, он сказал:

— Тогда я сам вам скажу: раз вы не желаете, чтобы ваша невестка мучилась, разведите ее со мной, не заставляйте страдать бедняжку!

Помолчав, он продолжал:

— И у меня есть совесть, о которой вы ведете речь, и я тоже каждый день думаю о страданиях и унижении, которые бедняжке суждено переносить ради вашего удовольствия. Откажитесь от вашей затеи, усвойте хорошенько — и вы сразу две души освободите от мучений, матушка!

Узбек-аим никак не ожидала от сына такой настырности, впервые она получила от него такой отпор. Потому ли, что она сразу не нашлась, что возразить, или побоялась, что ссора перерастет в нечто большее, но все же некоторое время она простояла молча, с усмешкой глядя на него, потом сказала: «Ты потерял разум, сын мой!» — и вышла из михманханы.

После этого разговора Атабек уже не ограничивался тем, что переживал все время в михманхане. Он стал проводить ночи вне дома и очень удивил Хасанали, вернувшись раза два чересчур пьяным. Хасанали не знал, что делать: самому ли поговорить с Атабеком или рассказать об этом его родителям.

Однажды вечером Атабек, следуя новой своей привычке, ушел из дома. Хасанали, словно желая удостовериться в чем-то, постелил себе в михманхане и запер ворота на цепь. Старик решил, если Атабек и нынче вернется домой пьяный, попытаться наставить его на путь истинный. Он долго не засыпал, все ждал. Атабек не вернулся ни в одиннадцать часов, ни в полночь, и, наконец, сон сморил старика. Он прилег на постель, полежал, закрыв глаза, и не заметил, как уснул. Неизвестно, сколько прошло времени, вдруг он был разбужен громким стуком в ворота и побежал открывать. В темноте, ища цепь, которой были заперты ворота, он спросил: «Кто тут?» Пьяный голос отвечал: «Эт-то я-я!..» От

этого голоса мурашки пошли по спине у Хасанали, он подумал горестно: «И сегодня то же самое...» Едва он снял цепь и открыл одну створку ворот, Атабек, прислонившийся к ним, свалился к ногам Хасанали. Старик понял, что Атабек пьян вдребезги, его чуть не стошнило от винного запаха, сразу распространившегося по коридору. Поддерживая пьяного, Хасанали повел его в михманхану, с опаской поглядывая на калитку, ведущую в ичкари, и сердце его замирало от страха при мысли, что Юсуфбек-хаджи вдруг, следуя своей привычке, выйдет во двор. Раздевая Атабека в михманхане, Хасанали сказал с укором:

— Сын мой, какая вам надобность в этом дьявольском зелье?

Атабек пьяно засмеялся:

— Если уж мне нет надобности, то кому же тогда?!

— Что бы там ни было, я не одобряю ваших поступков! — сказал Хасанали и с трепетом ждал ответа. Атабек, улегшись на постель, глубоко вздохнул. Хасанали подождал еще, но вместо ответа скоро услышал храп... Раздумывая и не находя объяснения неожиданно возникшей дурной привычке Атабека, Хасанали все же подозревал, что вся беда в том, что молодого человека насильно связали второй женитьбой. Вот уже два месяца, как Атабек и не упоминает о Маргилане... «Уж не поссорились ли они там?» — подумал старик. Утром он не пошел пить чай, приготовленный Айбадак, и ждал, когда проснется Атабек. Около полудня тот, наконец, проснулся, и Хасанали сам приготовил ему чай. Смущенно поживаясь, Атабек подошел к приготовленному Хасанали дастархану. Он вспомнил, в каком виде вернулся ночью, и старался не смотреть на Хасанали, не говорил ни слова и не поднимал головы. Это смущение бека тронуло отзывчивое сердце Хасанали, и, позабыв все заготовленные укоры и наставления, он во что бы то ни стало решил выволить своего питомца из затруднительной ситуации.

— Молодости свойственно озорство, своеволие, — так говорят старые мудрецы! — сказал Хасанали и

улыбнулся. — Я очень опасался, не увидел бы кто из домашних... Но, кажется, никто не заметил...

Атабек с благодарностью взглянул на Хасанали и вздохнул, словно раскаиваясь в своем поведении. Хасанали попытался его разговорить, но тот отвечал нехотя. И все же старику удалось будто невзначай вставить словечко:

— Что-то вы на этот раз долго не едете в Маргилан.

Мы уже говорили, кажется, что Атабек еще никому — ни Юсуфбеку-хаджи, ни Узбек-аим, ни Хасанали — не поведал о том, что заставило его так быстро вернуться из Маргилана, ни словом не обмолвился, что связь его с Маргиланом оборвана. Да его никто и не спрашивал ни о чем. Он молчал и топил свою тоску в вине. Впервые за два месяца он услышал от Хасанали этот вопрос, и, казалось, мог бы теперь приоткрыть свою тайну. Однако ответ его был совсем неожиданным и несообразным с его настроением, он и очень удивил бы того, кто был знаком с истинным положением дел.

— Собираюсь нынче отправиться, — сказал Атабек.

Все опасения Хасанали насчет возможной размолвки рассеялись, как дым. После чая Атабек еще раз подтвердил свое намерение, испросил разрешение отца и после полудня стал собираться в дорогу. Так как никто не знал его тайны и не мог спросить его: «Что же ты будешь делать в Маргилане?», то он и сам не стал задавать себе такого вопроса. Как и раньше бывало, он спешил в путь.

Не прошло и двадцати дней, как он вернулся обратно. Удалось ли ему чего-то достичь этой поездкой или нет, читатель узнает в следующих главах.

Пробыв в Ташкенте с неделю, он взял с собой Хасанали и отправился в город Ак-Масжид¹. Он решил возобновить торговые дела, приостановленные года два назад.

¹ *Ак-Масжид* — город Кзыл-Орда (на территории современного Казахстана).

10. ВО ВЛАСТИ СТРАДАНИЙ

Шесть месяцев прошло с тех пор, как было получено несообразное с правилами шариата письмо о разводе. Молва о красоте Кумуш отняла покой у многих — и холостых и женатых, — и, руководствуясь поговоркой «попытка — не пытка, а спрос — не беда», сваты один за другим журавлиным клином потянулись в дом кутидора.

Первым в этой толпе сватов, вожаком в стае, первой ласточкой был, конечно, сват от Хамида, который раньше самой Кумуш и даже раньше самого Атабека знал о предстоящем разводе. Сват Хамида не ограничился одним посещением, он четыре раза кряду приходил с предложением Хамида стать зятем и сыном кутидора. В конце концов ответ, полученный сватом Хамида, был таков: «Мы не видим никаких препятствий к тому, чтобы Хамид-бай стал нашим зятем, но дочь наша выразила твердое решение больше замуж не выходить. Поэтому пусть Хамид-бай извинит нас». Такой же ответ был дан и другим сватам. Кутидор и Офтоб-аим отвечали так всем не по своей воле, а потому, что так хотела Кумуш.

Впрочем, они не долго покорялись такому решению Кумуш: «Не хочу я больше выходить замуж. Не нужен мне теперь муж». Они считали это решение безрассудным и думали про себя, что выдадут ее замуж, если найдется подходящий жених. Поэтому, отказывая сватам, они ссылались на волю Кумуш, а сами тем временем приглядывали жениха получше.

Вдруг неожиданно явились сваты от Камильбека, сына одного из самых знатных и богатых в городе людей Салима-шарбатдора¹.

Это был жених из богатой и родовитой семьи, о каком могли только мечтать родители Кумуш, поэтому сватов приняли очень любезно, угостили пышно и обещали подумать и дать ответ при следующем по-

¹ Салим-шарбатдор — Салим-виночерпий (должность при ханском дворе).

сещении. Но кутидор с женой не стали даже и думать: жених был такой, что раздумывать не приходилось, решили сразу, что дадут согласие, когда сваты придут вновь. Конечно, они знали, что Кумуш будет протестовать, но в то же время они не представляли себе, что их дочь может послушаться своих родителей.

* * *

Стояли последние дни осени, приближалась зима. Желтые листья уже опали с деревьев и покрыли золотистым покрывалом землю, готовя ее к зиме. Даже черешни, дольше всех сохранявшие свою листву, оберегаемые от ветра домами и стенами, не выдерживали жестокого холода последних осенних ночей и теперь, от малейшего дуновения ветра, шурша, сбрасывали листья. Небо было ясное, солнце поднялось уже высоко, но оно давало так мало тепла: студеный воздух словно отнял силу и у солнечных лучей.

Из средней двери показалась Кумуш. Она заметно похудела, потеряла свою прежнюю полноту, но это не убавило ее красоты, наоборот — придало ей особое очарование. Изогнутые, как луки, брови стали еще выразительнее, большие глаза, теперь запавшие и окруженные синевой, стали еще глубже, еще лучистей. Воротник куньей шубки, которой она прикрывалась от холода, обнимал ее нежную шею, словно желая вызвать зависть у всякого человека. Но что-то изменилось в ее облике: глаза ее уже не сияли радостью, как прежде, не искрились весельем, теперь взгляд ее был суров и строг. Впрочем, эта строгость придавала ей даже благородную величавость. Выйдя на айван, она присела на его край и холодным взглядом стала следить, как один за другим отрывались и падали последние листья с деревьев, ее суровый взгляд провожал их до самой земли. Казалось, в каждом упавшем листочке она читала свою судьбу, Кумуш не могла не сравнивать свою жизнь с этими сухими и опавшими листьями, оторванными от ветки и готовыми превратиться в прах. Не могла она не думать и о своей жизни, обреченной на

гибель, как эти осенние листья. Она глубоко вздохнула, приподняв изящную грудь, глаза ее наполнились слезами. Одновременно поднимая обе руки, скрытые в длинных рукавах шубки, она тихонько вытирала слезы. В эту минуту из ичкари вышла Офтоб-аим. Украдкой, краем глаза взглянув на дочь, она уже собиралась открыть дверь в михманхану. Вслед за ней показалась Айша-буви, она подошла к Кумуш и, остановившись около нее, спросила:

— Что ты тут делаешь во дворе?

— Так... ничего..., — сказала Кумуш, нахмурившись, и отвернулась.

— Войди в михманхану, нам нужно поговорить с тобой.

— О чем говорить?

— Сначала войдем в дом, дитя мое! — сказала старуха и, обняв ее за плечи, заставила подняться.

Оставив на женской половине свах, явившихся за окончательным ответом, мать и бабка пришли сюда, чтобы уговорить Кумуш согласиться. Но Кумуш намеренно покинула ичкари, чтобы свахи поняли, что она никогда не даст своего согласия. Поэтому, войдя в михманхану, она, желая уклониться от разговора, стала рыться в нише, делая вид, будто ищет что-то.

— Того, что ты ищешь, в нише нет, — сказала Офтоб-аим. — Иди, сядь рядом с нами.

— Оттого, что я посижу с вами, пользы вам не прибавится ни на грош. Можете передать свахам: мой ответ неизменен.

Айша-буви переглянулась с дочерью.

— Дитя мое, выслушай нас прежде! — сказала она.

— Доченька моя, ну почему же ты так противишься? — сказала Офтоб-аим, уже сердясь капризу дочери.

— Сколько раз я повторяла и вам, и отцу, что не желаю больше выходить замуж!

— Что ж, ты хочешь прожить на свете одинокой?

— Одна ли я буду жить или нет — ведомо лишь Всевышнему!

— Я знаю, ты все еще не можешь сердцем оторваться от своего бывшего мужа, от этого бесстыд-

ника. Ты на что-то надеешься, но это ребячество! Заруби себе, что твой отец теперь не пустит на порог этого обманщика, да он и сам бросил тебя навсегда. Если не веришь мне, прочти это, — сказала Офтоб-аим и протянула Кумуш какую-то бумагу. — Это мы получили в ответ на твое письмо и скрывали от тебя, думали, что с тебя хватит и разводного письма. Но раз ты еще не потеряла надежды, я решила показать тебе это!

Кумуш взяла у матери письмо.

«Бывшей моей супруге, Кумуш-биби. Я надеялся, что первым моим письмом положил конец вашим забавам со мной. Однако вы не поняли или не желали уразуметь этого, во всяком случае, вы не отказались от попытки заигрывать со мной. Ну что ж, говорят, в желании греха нет. Ради нашей прежней близости я прощаю вам попреки и нападки, переходящие всякие границы приличия. Желаю вам найти нового мужа, не такого, как мне подобного изменника и лжеца! Атабек, сын Юсуфбека-хаджи, 26 джавза 1265 года, Ташкент».

Письмо вновь расцарапало и заставило кровоточить сердечную рану Кумуш. Заливаясь слезами, она сложила письмо и сунула в складки одежды, затем сказала матери и бабушке, ожидавшим ее ответа:

— Я вовсе не надеюсь помириться с этим бессовестным извергом, но и замуж больше не пойду!

— Почему? — спросила мать.

— Почему? — переспросила Кумуш и, плача, отвечала: — Если от мужа, которого я любила, которому так верила, мне пришлось испытать такое унижение и обиду, значит, все они таковы! Лучше уж мне одной прожить на свете, так спокойнее. Никогда больше не говорите со мной о замужестве! Не приводите в ужас вашу дочь, у которой и без того сердце дрожит, как осенний лист!

Материнское сердце Офтоб-аим не выдержало, и она даже не стала придумывать, как ответить ожидавшим в ичкари свахам.

— Не плачь! — сказала она коротко и ушла с Айша-буви, оставив Кумуш в михманхане.

Семья Салима-шарбатдора пришлась кутидору по душе. Поэтому, не обмолвившись и словом ни с женой, ни дочерью, он договорился со сватами, пришедшими к нему в лавку, и, вернувшись домой, сообщил жене:

— Сегодня я прочитал фатиху со сватами, сговорился с ними. Теперь ты должна уговорить дочь, раз сговор состоялся, теперь уж не повернешь назад.

Офтоб-аим, выслушав мужа, совсем растерялась, она не в силах была уговаривать дочь, которая начинала дрожать и плакать при одном упоминании о замужестве. Мать чувствовала себя между двух огней — в какую сторону ни повернись, все плохо. Для бедной матери настали черные дни. Она не могла выполнить поручение мужа, не могла рта раскрыть, чтобы поговорить с дочерью. Каждый день, возвращаясь с базара, муж спрашивал ее: «Ну, уговорила?» По ночам она выслушивала от него укоры, а днем страдала, глядя на Кумуш и не смея заговорить с ней.

Вскоре и кутидор осознал, что допустил промах: ему надоело каждый день выдумывать отговорки посланцам Салима-шарбатдора, которые все время приходили справляться о дне свадьбы; он не мог показаться им на глаза. Однажды он вернулся с базара рассерженный до крайности и стал бранить Офтоб-аим так, как не бранил ни разу в жизни:

— Из-за твоей дочери я уже головы не могу поднять от стыда! Хоть беги из города! Дошло до того, что или ты ее уговоришь, или мне придется покинуть город!

Назавтра бедняжка-мать вынуждена была говорить с дочерью. Присев рядом с ней, она, вместо того, чтобы заговорить о деле, принялась горько-горько плакать. Кумуш, догадываясь, почему мать плачет, не стала ее расспрашивать, сама стала умыться слезами. Мать с дочерью плакали и рыдали долго — пока не выплакали все слезы.

— Лучше бы мне не родиться на свет, чем переживать такие дни! Лучше уж мне умереть! — сказала под конец Офтоб-аим.

— Нет, матушка, — сказала Кумуш. — Вы могли бы счастливо жить на свете, это я — причина того, что вам белый свет не мил и вы плачете кровавыми слезами. Если бы я, злосчастливая, не родилась на свет, на вашу долю не выпало бы столько страданий, столько мук! Поэтому вы должны молить бога, чтоб он поскорее взял от вас эту несчастливцу и дал вам покой. Матушка, я не могу больше видеть вас в таком состоянии, жертвой моего упорства! Кто она такая, ваша покинутая дочь, игрушка, переходящая из рук в руки, кто она, чтобы заставлять плакать любящую мать? Она не стоит даже одной вашей слезинки! Идите и передайте отцу: я на все согласна! Пусть и он не терпит укоров от людей из-за своей несчастной дочери! Не глядите на меня, не мучайте себя, оставьте все сомнения, идите и скажите отцу, что я согласна! — так сказала Кумуш и, пригладив растрепавшиеся волосы, промолвила еще: — А если уж вы меня очень жалеете, то передайте отцу только одно мое условие: свадьба пусть будет отложена до будущей осени. Если отец примет мое условие — хорошо, а если не согласится — не надо плакать, матушка. Для того, чтобы вы были спокойны и радостны, ваша злосчастливая дочь готова вынести любое испытание...

Тут Офтоб-айм опять не выдержала, обняла дочь, прижала ее к своей груди, и обе вновь заплакали неудержимыми слезами...

* * *

По настоянию жены кутидор принял условие дочери. Согласились и сваты подождать до будущей осени. Итак, через год, осенью, Мирзакарим-кутидор должен был породниться с почтенным Салимом-шарбатдором, а Кумуш-биби, бывшая супруга Атабека, выйти замуж за Камильбека.

11. МЕЛОДИЯ «НАВО»

Хотя народная молва называет те годы «мусульманским благоденствием», нельзя сказать, чтобы и тогда не было никаких происшествий, которые омрачали бы это благословенное время. Хан — мусульманин, бек — мусульманин, народ исповедовал ислам, и естественно, царили обычаи шариата. За воровство отрубали руку или отправляли на виселицу; прелюбодеев и блудниц сбрасывали с башни, за употребление спиртного приговаривали к сорока ударам плетью. Блюстители нравственности с подручными мулазимами¹ чинили розыск и вели допросы с нагайками в руках. Не соблюдающих намазы и тех, кто не знал канонов шариата, также подвергали наказаниям плетью. Несмотря на такую жесткую систему управления, воры не бросали своего ремесла — они проламывали задние стены в домах, и накопленное добро Эш-ака и Таш-ака² исчезало. Достаточно находилось и женщин-распутниц, которых по закону полагалось, завязав в мешок, сбрасывать с высоких башен. Немало было и таких людей, чьи лбы ни разу не касались пола мечети, кто не любил отбивать поклоны на молитвах, зато мог без запинки, бойким соловьем изливать затверженные наизусть основные правила шариата. Во многих домах бродили в корчагах вино и буза³, и нельзя сказать, чтобы не было людей, которые открыто занимались продажей этого пойла. В Ташкенте, в районе Чукуркишлака, процветало немало бузахан-кабаков⁴, открытых казахами, в которых всегда было полным-полно всякого умного, мудрого и видного люда.

Пробыв месяцев пять в Ак-Масжиде, Атабек по возвращении домой стал завсегдаем одного из питейных заведений Чукуркишлака. Правда, днем

¹ *Мулазимы* — придворные слуги.

² *Эш-ака и Таш-ака* — нарицательное, букв.: обывателей.

³ *Буза* — алкогольный напиток, изготавливаемый из проса, мелкого риса и т. п.

⁴ Конец процветанию упомянутых кабаков был положен в пору правления повелителя Ташкента Малляхана в 1273 г. хиджры (прим. автора).

его не видно было в бузахане, зато почти не было ночи, которой он не проводил бы там. Владелец бузаханы отлично знал, чей он сын, и потому все его желания исполнялись мгновенно, его не сажали в общей комнате, а вели в отдельную и угощали там не тем мутным пойлом, какое подавали всем, а самой лучшей бузой.

Вот и сейчас он сидит в этой бузахане. Он только что опорожнил третий кувшин бузы и потребовал четвертый. Вошел хозяин.

— Вам еще бузы, бек? — спросил он.

— Подать бузы! — сказал Атабек. — И позовите вашего машшага¹ — песняра.

Было уже за полночь; пьяницы, весь день пившие и буянившие здесь, крича и переругиваясь, понемногу разошлись. В бузахане стало тихо. Усталый музыкант, освободившийся, наконец, в надежде на щедрую награду пришел к Атабеку, несмотря на позднее время. Выпив пиалу бузы, предложенную Атабеком, он спросил, настраивая дутар:

— Что сыграть вам, бек-ака, какую мелодию?

Пьяным голосом, но совершенно серьезно, Атабек сказал:

— Сыграйте мне, если знаете, мелодию изгнания или разлуки.

Музыкант удивился:

— В первый раз слышу про такие мелодии, бек-ака!

— Вы думаете, что на свете нет таких? Ну, если вы не слышали, так я-то их слышал сам... Ну что же, раз не знаете, сыграйте, что знаете...

Все еще настраивая дутар, музыкант спросил опять:

— Эти мелодии, о которых вы говорите, верно, недавно сложены?

— Недавно...

— А где вы их слышали?

Атабек посмотрел на музыканта казалось сразу отрезвевшим взглядом.

¹ *Машшаг* — музыкант, играющий на народных инструментах.

— Я слышал это в Фергане, в Маргилане... — сказал он.

Музыкант, сначала наигрывавший простенькую мелодию, чтобы проверить, настроен ли дутар, вдруг заиграл «Наво». При первых же звуках Атабек вздрогнул всем телом, быстро опорожнил стоявшую перед ним пиалу и весь отдался власти печальной мелодии. Казалось, дутар поведал ему о какой-то своей тоске. И о печали своей пел он не своим языком, а тем, что жил в душе Атабека... Воспоминания, одно за другим, мелькали перед Атабеком, особенно те последние горестные дни. Впрочем нет, не мелькали, они, появившись, вновь оживали теперь перед глазами Атабека, стояли перед ним, не исчезая... Дутар, вызвавший их к жизни, словно сам не выдержал и зарыдал, заставляя сотрясаться вселенную, трепетать и страдать сердца, зараженные тяжелым пороком... Атабек, не в силах больше сдерживаться, заплакал и, прижимая платок к глазам, все не мог остановить эти слезы. Воля его была подавлена рыданьем дутара, печальной его песнью. Но эта музыка нужна была душе Атабека, она выражала за него всю тоску и боль, накопившиеся в его сердце. И он плакал, плакал, изливая в слезах свое горе...

Наконец, иссушившая его тело посредством слез грустная мелодия «Наво», заставившая Атабека плакать, жаловавшаяся на то, что колесо судьбы поворачивается не туда, куда влечет человека, говорившая о том, что человеку суждены в мире одни страдания, вдруг сменилась, словно ворвавшимся в нее веселым мотивом «Савт». Этот неожиданный переход к радости принес Атабеку облегчение, высушил его слезы. В цветнике его надежд, словно омытом мелодией «Наво», вдруг зацвели новые цветы...

* * *

После этой ночи он целый месяц не появлялся в бузахане. Но, съездив еще раз в Маргилан, вновь принялся за прежнее.

Последовавшие вслед за этими событиями поездки Атабека в Маргилан были бесплодными и ничего нового ему не сулили. Каждый раз Атабек заезжал к уста Алиму, но тайну свою от него все еще скрывал, говорил, что едет в Андижан или возвращается оттуда, а в Маргилане — проездом. Своими визитами он чрезвычайно радовал Алима. Да и не задерживался он теперь в Маргилане больше двух-трех дней и уезжал обратно, иногда по пути ночуя на кладбище «Ходжа Маоз». Десяток дней пути туда и обратно вкупе с дорожными мытарствами, на которые обрекал себя Атабек, стоили ли того, что делал он в Маргилане, читатель пусть судит по тому, что будет изложено далее.

Вернувшись в Ташкент после очередной бесполезной, бессмысленной поездки в Маргилан, Атабек на время забудет о Кумуш, займется теми или иными делами три-четыре дня, но уже через неделю-другую вновь начинает задумываться о Маргилане и, не в силах ничего придумать и не зная куда приткнуться, отправляется искать утешения в Чукур-кишлаке, снова и снова беспробудно напивается в течение дней десяти-пятнадцати и все же не может забыться. И вот в душе его возникает предчувствие чего-то такого, ему начинает казаться, что если он сейчас же поедет в Маргилан, то что-то разъяснится, изменится там, а если не поедет, потеряет что-то безвозвратно и будет потом сожалеть...

И вот после этого он снова неожиданно оказывается на пути в Маргилан, и в дороге ему видится, что кто-то ждет не дождется его там с нетерпением, и он спешит так, словно дорог ему каждый час. Но, как только он въезжает в ворота Маргилана, настроение его начинает меняться, сердце готово выскочить из груди, особенно тогда, когда, приближаясь к обувному ряду, он так сильно волнуется, что и представить себе не может, что было бы с ним, если б он вдруг очутился на знакомой улице, и, едва увидев ее, он поворачивает коня налево, и ему чудится, что кто-то кричит ему вслед: «Уходите, не

задерживайтесь у моих ворот... бессовестный!» «Да, действительно, я бессовестный!» — говорит он самому себе — и на этом все его ожидания рассыпаются прахом, поездка напрасна, и он выбрасывает из головы не только то, что представлялось ему в мечтах, но и дело, которое он собирался осуществить: вызвать тестя и жену к казнию и обвинить их в нарушении канонов шарията. «Ведь тогда мне в канцелярии казия снова придется встать лицом к лицу с этим хитрецом?! Да пропади он пропадом» — говорит он себе и опять направляется к уста Алиму.

Атабек очень дорожил расположением уста Алима и постоянно искал его общества, по наитию он чувствовал, что оба они находятся в одном душевном состоянии и готов был каждый раз снова и снова слушать трагическую историю любви уста Алима и его Саодат, которую тот трепетно хранил в течение десятка лет и с которой собирался сойти в могилу. Повторяя вновь и вновь, со всеми подробностями, свой рассказ о Саодат, уста Алим обычно заканчивал его словами: «Видно, она не суждена мне была судьбой, оттого и погибла». Холод проникал в сердце Атабека от этих слов, и он тоже думал про себя: «Верно, и мне не суждена она судьбой и тоже живой умерла для меня». Он жил у уста Алима два-три дня, затем проезжал по городу, глядя на все прощальным взглядом, и покидал Маргилан через первые попавшиеся ворота. На обратном пути он уже не спешил, день-два проводил в Коканде, три-четыре дня в Кировчи, по несколько дней гостевал в Кураме, Телау и в других кишлаках и, наконец, возвращался в Ташкент. И опять все повторялось сначала...

Так обстояло дело с поездками Атабека в Маргилан. Никто не знал его тайны, некому было ни спросить с него отчета, ни посмеяться над ним. Только к своему сердцу он прислушивался, и лишь перед ним он держал ответ. Так проходили дни и месяцы его, беспорядочно и в постоянном беспокойстве.

12. УЖАСАЮЩАЯ ВЕСТЬ И СТРАШНАЯ НОЧЬ

Если наши расчеты верны, это случилось в седьмой его безрезультатный приезд в Маргилан, осенью 1267 года¹, спустя восемнадцать-девятнадцать месяцев после начала описанных нами событий.

После утреннего чая уста Алим со своим шурином ложили шелк возле ткацкой мастерской, недавно построенной ими рядом с кухней. Атабек стоял, прислонившись к столбу айвана в ткацкой, погруженный в свои размышления и на вопросы мастера о Ташкенте отвечал односложно: «да», «нет», «так», «конечно». Простояв в такой позе примерно в течение получаса, он молча направился к выходу. Уста Алим, оторвавшись от работы, спросил:

— Куда же вы, Шакирбек?

— Хочу прогуляться по городу! — отвечал с дорожки, ведущей к калитке, Атабек.

— Очень хорошо, — сказал мастер, — только не задерживайтесь дольше полудня, я приготовлю плов и буду вас ждать, ладно?

— Ладно! — сказал Атабек и через калитку вышел на улицу.

В ту же минуту из калитки рядом вышел Садык и чуть не столкнулся с Атабеком. Равнодушно оглядев его, Садык зашел направо и исчез в узком переулке. А Атабек пошел по большой улице прямо. Небо было облачно, но облака, белые и воздушные, легко пропускали солнечные лучи, и солнце, сощурившись, как невеста сквозь фату, смотрело на землю. Едва заметный, слабый ветер, подгоняемый плавным шествием облаков, слегка обдавал лица осенним холодком, и этот холодок хоть и не доставлял особого беспокойства, но все же доносившийся откуда-то запах перекаливаемого льняного масла был противен до тошноты. Достигнув развилки, Атабек остановился в нерешительности, естественно, понятно почему, — одна улочка здесь вела к обувному ряду,

¹ 1267 год хиджры начался 6 ноября 1850 года.

а в другую сторону находилась главная улица. Не долго думая, он твердо зашагал к обувному ряду. Улица эта наваяла на него шквал воспоминаний, от которых он то краснел, то бледнел, но продолжал шагать решительно и твердо: впервые после всего, что случилось, он проявил смелость, вступив в те места, где, как говорят наши матери, «ужалила гадюка». На повороте улицы шаги его несколько замедлились, но все же он двигался вперед. Вот уже вдали видны заколдованные ворота кутидора... И возле них — злополучный тал, роковой свидетель его унижения. Собрав всю волю в кулак, Атабек еще раз глянул на ворота. В памяти его промелькнули прошлые дни, и он тяжело, с горечью, сквозь охватившую его дрожь, вздохнул. Под этими черешнями, которые виднеются там за воротами, его кто-то встречал в былое время. А теперь? Кого она встречает теперь? Этот вопрос, как острый нож, вонзился в его мозг... Он все еще был уверен, что Кумуш любит его, и считал ее жертвой отцовского тиранства. Лицо Кумуш вдруг представилось ему желтым, как листва черешен, и его сердце разрывалось от боли не за себя — за Кумуш! Сейчас он как бы почувствовал прилив смелости и подумал: «А может быть, мне зайти в дом и поговорить с ней самой?» Но зловещий тал у ворот, казалось, с издевкой смотрит на него и смеется, повторяя: «Бессовестным нет места в этом доме!.. Уходите, не стойте у моих ворот!»

Он почти был у ворот, но вдруг что-то его вспугнуло. Опасаясь, как бы не оказался тестем один из вышедших двоих людей, которые так напугали его, он свернул в сторону. Жгучая обида, нанесенная ему давеча словом «бессовестный», уже погасила в нем желание заходить в дом кутидора. Но все же ему захотелось хоть что-нибудь услышать о Кумуш. «Ведь они были там, в ее доме, может быть, они скажут что-нибудь, хоть о собаке кутидора?» — подумал он и ускорил шаг, чтобы настигнуть их. Вот он уже в трех шагах от тех двоих. Но, как назло, они идут, не говоря ни слова... Лишь через шагов сто, он услышал, как один сказал другому:

— Хорошо, что мы решили справить сегодня все сразу — и никох¹, и свадьбу.

— А зачем же справлять отдельно? Ведь она уже не девственница. Это девушкам справляют отдельно и никох, и свадебный пир. А она побывала замужем. Даже удивительно, что отец потребовал справить никох и свадьбу по отдельности.

— Но ведь кутидор — почтенный человек в городе, — отвечал первый.

Услышав такую весть, Атабек застыл на месте, как пригвожденный. Его будто кипятком ошпарили и кожу содрали с него живьем — такое у него было ощущение. Постояв почти в беспамятстве несколько минут, он машинально двинулся дальше. «Без «таллак» отнимают у человека жену и назавтра опять выдают ее замуж?!» — сказал он вслух и захохотал, как безумный. Он шел по улицам Маргилана, иногда срываясь на бег, и разговаривал сам с собой, как помешанный. Душераздирающую картину происходящего с ним перо описать не в силах.

* * *

Хотя была уже середина месяца, но из-за туч не было видно луны. Наступила ночь, настоящая темная осенняя ночь. Казалось, эта темнота шла от столетней рощи, разросшейся у кладбища «Ходжа Маоз». Ветер усилился, теперь он дул со всех сторон, словно сгоняя все куда-то. В глухом уголке рощи, возле могил какой-то юродивый, весь в космах спутанных волос, заросший и страшный, ходил вокруг дымящегося пня, ковырял его палкой, слясь разжечь костер. Ветер все крепчал, деревья мотались из стороны в сторону, с шумом отряхивая с себя последние листья; вороны и галки, потревоженные во время сна, с карканьем кружились над рощей, словно протестуя против бури. Ветер же набирал силу, ревел и завывал, ветки, не выдержав, ломались с треском, старые деревья жалобно скрипели на кладбище, и таким образом ужасающая непроглядная те-

¹ Никох — брачный обряд у мусульман.

мень окутывала плотной завесой все вокруг, становилось все страшнее. Наконец, совсем рассвирепев, ветер заревел так, словно хотел согнуть, сокрушить все, что стояло на его пути. Он свалил одну из чинар, заставив задрожать землю, подхватил и швырнул в заросли костер юродивого, наполнив искрами рощу. Все кладбище осветилось заревом, являя ужасную картину. Затем, словно он только ради этого и ярился, ветер внезапно спал, несколько поутих, завывания и рев голодного льва уступили место милосердию. Метаившиеся с полчаса в ужасе над рощей галки и вороны с криком, как бы извещая друг друга о смягчении гнева бури, стали опускаться на свои ветки. Покрывавшие небо черные тучи стали редеть и расплываться, и луна, слегка приоткрыв свое забрало из черной сетки, глянула на землю. На сухие сучья расположенных напротив мазара двух старых чинар, похожих на скелеты, слетелись совы, где-то хоронившиеся от бури. Словно играя в прятки, луна то показывалась, то снова скрывалась за темные тучи. Но, бросая мельком взгляд на землю, она не могла рассеять тьму, царившую в роще, а лишь подчеркивала вечное молчание мраморных плит, лежавших на могильных холмиках. Под старыми чинарами, этого пристанища сов и сычей, напротив мазара стоял айван-приют¹ для паломников. Там было совсем темно. На ветвях чинар рядами, как нанизанные четки, сидели совы. В свете луны совы выглядели мрачными, и при каждом появлении ее из-за туч, они прятали головы под крыло и сжимались в комок. Когда же луна скрывалась, они оживали, высовывали головы из-под крыльев и начинали перекликаться: «Чиг-чиг-чиг, ки-ки-ки!» Временами сквозь их резкие голоса слышался странный звук, напоминавший стон...

Ночь отступала. С минарета мечети, осыпая всю округу животворной волной духовной чистоты, раз-

¹ Постройки для паломничества, купол на кладбище «Ходжа Маоз» и мечеть были построены в период правления Утаббая-кушбеги в 1265 году хиджры.

дается печальный призыв на утреннюю молитву, вслед за которым вся природа словно начала просыпаться. Откликается звонким эхом. С последним повтором азана «Аллаху акбар» Атабек сошел с айвана для паломников и присел к арыку, чтобы совершить омовение.

13. НЕПРИВЕТЛИВОЕ СЧАСТЬЕ

Хотя и были разбиты все его надежды, но пламень в сердце не угасал. Словно ужаленный змеей, он безумными глазами встревоженно рыскал вокруг. Он внушал себе в замешательстве и смятении: «Наконец-таки отец ее добился своего, выдал дочь за другого, и вчера ночью она...» — но то, что должно было произойти вчера ночью, он отвергал, как отраву, не мог и думать о том и беспокойно озирался вокруг, словно ища, чем отвлечься, обмануть себя.

Да, теперь конец его поездкам в Маргилан. И город, казалось, спрашивал его: «Чего же теперь тебе нужно от меня?..» Покинув «Ходжа Маоз», он направился к уста Алиму, чтобы сесть на своего коня и навсегда распрощаться с Маргиланом. Но ему все еще чудилось, что кто-то близкий тянется к нему, молит о помощи, хочет вырваться из чужих объятий.

Атабек уже почти добрался до калитки уста Алима. Он двигался, низко опустив голову, не замечая прохожих, шатаясь, как пьяный, оттого, что сердце его словно жег раскаленный уголь. Не заметил он и человека, вышедшего из соседней калитки, и взглянул на него, не узнавая, хотя и мелькнуло в чертах этого лица нечто давно забытое. Когда же Атабек вошел в дом уста Алима, Хамид — это он вышел от Садыка — так и застыл на дороге, глядя ему вслед.

* * *

Уста Алим, очень тревожившийся за Шакирбека, пропадавшего неведомо где со вчерашнего утра, увидев его с порога, тут же накинулся с вопросами:

— Слава богу, наконец-то, Шакирбек! Где же это вы пропадали? Я так беспокоился... Ай-яй, что случилось такого, что вы так осунулись всего за один день?

И правда, Атабек изменился до неузнаваемости: глаза у него ввалились, как у тех людей, на которых мор напал. Он силой заставил себя улыбнуться.

— Я ходил на «Ходжа Маоз»...

— Зачем?

— Провести там ночь.

Недоумению уста Алима не было границ:

— Вы там заночевали?..

Присаживаясь на край айвана, Атабек добавил, чтобы рассеять сомнения мастера:

— Я давно хотел провести там ночь.

— Ну, значит, у вас было о чем помолиться святому! — улыбнулся уста Алим. Тут послышались шаги у ворот, и оба они, обернувшись, увидели вошедшего худого и бледного человека в неумело накрученной чалме. Уста Алим поднялся ему навстречу: «Эй, уста Фарфи! Пожалуйста, пожалуйста к нам! Как вы, живы-здоровы?» Уста Фарфи приветствовал уста Алима, как положено, поздоровался с ним за руку. Атабек не успел еще поздороваться с ним, как тот сам протянул ему руку: «В добром ли вы здравии, гость?» Все уселись на айване, прочитали молитву. Уста Алим с некоторой теплой насмешкой в голосе сказал:

— Вот я и дождался, наконец, вашего прихода, уста Фарфи.

Пришедший, окинув взором построенную недавно мастерскую, молвил:

— Большие дела затеваете, уста? Оказывается, и мастерскую построили!

— Уж дней пятнадцать, как построил. Все ждал, что вы придете освятить ее вашей молитвой, а вы до сих пор не показывались...

— Вам ли не знать причину, уста, — сказал уста Фарфи. — Раз подрядился что-то делать, трудно оставить дело. Только разве в пятницу зайдешь к

кому-нибудь, а в другие дни некогда. Вы же, я считаю, сами бывали в таком положении.

— Нет-нет! — сказал уста Алим, смеясь. — Я никогда, как вы, не высиживал, точно курица, яйца в мастерской. Сказали бы прямо, что жаль было терять сдельную плату, вот тогда бы я поверил вам!

— Правда ваша, — улыбнулся в ответ и уста Фарфи. — Но что поделать? Детишки, как цыплята, что ни год — плодятся и растут, скандал с ними, если не накормишь...

Уста Алим вошел в комнату, чтобы приготовить дастархан. Тем временем уста Фарфи обратился к Атабеку:

— Вы откуда будете, гость?

— Из Ташкента.

— Очень хорошо. Садитесь повыше, как и полагается почетному гостю, — сказал уста Фарфи.

Атабек поблагодарил, но остался сидеть на своем месте. Уста Фарфи еще раз оглядел его внимательно, потом уселся сам поудобнее, скрестив ноги. Уста Алим развернул дастархан, принес чай. Он тоже предложил Шакирбеку занять почетное место, но тот остался, где был, даже не снял галоши. Стали пить чай, говоря о том о сем. Из разговора двух мастеров Атабек понял, что оба они работали раньше у одного хозяина, но потом уста Алим рассорился с хозяином, ушел от него и теперь, устроив свою мастерскую, работал на себя. Уста Фарфи спрашивал, из-за чего вышла ссора уста Алима с хозяином, но тот удовлетворился лишь ответом: «негодяем оказался, свинья!» Тут, допив чай, Атабек отставил пиалу и сказал:

— Теперь отпустите меня, уста, мне пора ехать.

Уста Алим взглянул на него с удивлением:

— Что это вы вдруг опять надумали ехать? Вы же собирались пробыть тут несколько дней.

— Я завершил свои дела в Маргилане. И соскучился к тому же...

— Ну вот кончим завтракать, тогда и отпустим вас, — сказал уста Алим и налил ему еще пиалу

чая. Прерванный просьбой Атабека уста Фарфи тем временем продолжал допрашивать:

— Скажите же правду, уста, из-за чего вы поссорились с хозяином?

— А он вам не сказал?

— Нет, не говорил. Я спросил его, а он перевел разговор на другое.

— Постыдился, значит, сказать, бессовестный! — презрительно посмотрев в сторону, нахмурился уста Алим.

— И сколько я ни спрашиваю о причине ссоры с вами, он все сворачивает разговор на другое.

Уста Алим одним глотком опорожнил свою пиалу и рассказал, из-за чего он поссорился с хозяином.

— Я давно примечал, что Хамид нехорошо поглядывает на моего шурина. Однажды я послал Сайфи на работу раньше, а сам почему-то задержался и запоздал. Вхожу в ворота и слышу: в мастерской кто-то плачет и умоляет кого-то. Очень удивленный, открываю дверь и вижу, что этот безбожник Хамид пристаёт к Сайфи, хочет изнасиловать его. Когда дверь отворилась, он испугался, отпустил мальчика и смотрит на меня. Я слова не мог выговорить от гнева. Этот дикий вепрь пошел было прочь, но я сказал: «Так вот чем ты оплатил мне за то, что я двадцать лет работал на тебя и твоего отца?!» Он ничего не ответил и ушел. В то утро ни вы, ни Карим с Артыкбаем почему-то не пришли на работу. Вот этот кабан воспользовался случаем и пристал к Сайфи. После этого я ушел из его мастерской и принялся строить свою. Вот что произошло между нами.

Уста Фарфи был возмущен поведением хозяина:

— О, проклятый! Так вот, что творил, оказывается! Подонок... И это еще не самая подлая его проделка! — сказал он и, понизив голос, добавил: — Он — злодей, вытворяет такое, что уму непостижимо, а мы ничего и не знаем.

Атабек, сочувственно прислушивавшийся к рассказу уста Алима, спросил:

— Это какой же Хамид? Не черный ли такой, с лицом, покрытым оспой? Погодите! Я, кажется,

только что видел, как он вышел из соседней калитки.

Уста Алим удивленно взглянул на Атабека:

— Это он, он! А откуда вы знаете его?

— Мне однажды пришлось с ним говорить.

— Тогда вы, наверняка, насладились его зловонной речью? — сказал уста Фарфи, со смехом взглянув на Атабека.

Атабек лишь многозначительно усмехнулся. В это время вошел Сайфи с каким-то узлом в руке. Поздоровавшись с уста Фарфи, он сказал Атабеку:

— Вчера мы вас так заждались, и плов наш остыл, бек-ака!

— А я думал, плов назначен был на сегодня, — пошутил Атабек.

Сайфи был очень взволнован и, видно, порывался рассказать что-то.

— Сегодня ночью в одном сарае около бани убили человека! — сказал он.

— Какого человека?

— Кого именно, я не знаю.

Уста Фарфи ответил вместо него:

— Я знаю. Когда я шел к вам, курбаши со своими людьми подымали на арбу тело убитого. Убитый же — сын Салима-шарбатдора, бедняга Камильбек.

— Боже мой! — молвил уста Алим и спросил: — А убийца пойман?

— Где там!.. Самого убитого еле нашли в полночь, — сказал уста Фарфи. Атабек выслушал эту новость довольно равнодушно и уже собирался встать и совершить прощальную молитву.

— А кого подозревают? — спросил уста Алим.

— Подозреваемого нет, но вот что удивительно — смерть этого бедняги случилась именно в эту ночь, — сказал уста Фарфи и продолжил. — Вчера вечером должна была состояться свадьба Камильбека с дочерью Мирзакарима-кутидора. Бедняга часа за два до бракосочетания взял с собой одного приятеля, пошел в баню и пропал в мгновение ока. И даже человек, который с ним был, не заметил, куда исчез товарищ. В доме невесты все было готово к торже-

ству, собрались гости, пришли отец Камильбека, казий и его помощники, которые должны были совершить обряд никох. Все ждали жениха. Вдруг прибегает тот человек, что сопровождал Камильбека, у него спрашивают, где жених, а он сам справляется о нем и говорит, что тот исчез из бани, даже одежда осталась нетронутой. Вполне естественно, что праздник расстроился, и все кинулись искать жениха. Наконец, уже около полуночи нашли его, окровавленного, в самом дальнем конце коровника, что примыкал к бане, рядом с комнатой для омовения. Очевидно, когда бедняга выходил оправиться, его ударили ножом, да так, что он даже вскрикнуть не успел, и зачихнули его тело под навес в стойло. Удивительный случай! Никто не может понять, кто его убил и за что, — закончил свое повествование уста Фарфи.

Атабек впал в странное оцепенение. Он не знал, радоваться ли этому известию, хотя смерть соперника возвращала ему утерянную было надежду, но почему-то сильное беспокойство охватило его. Взволнованный происшествием, уста Алим все повторял: «Ах, бедняга, бедняга!»

— Но ведь, наверное, был у него какой-то враг? — спросил он.

— Конечно, был, — сказал уста Фарфи и посмотрел на Атабека. Под этим взглядом Атабек сидел ни жив, ни мертв.

Уста Фарфи продолжал:

— Разные люди есть на свете... есть такие, что плюют на жизнь человека, не думают о том, что их ждет на том свете. — И он вновь взглянул на Атабека...

Атабек сидел как на иголках, ощущая на себе его взгляды... Уста Алим заметил, что Фарфи глядит на Атабека, и, думая, что мастеру ведомо что-то, но он не решается сказать это при Атабеке, не доверяет ему, подбодрил:

— Говорите, уста Фарфи, это свой человек.

— А что я должен говорить?

— Что вы знаете о врагах Камильбека?

— Разве я сказал, что знаю что-нибудь? — ус-

мехнулся, глядя на Атабека, уста Фарфи. — Ишь, поглядите, как он хитро выпытывает...

После этих слов Атабек почувствовал некоторое облегчение.

— Уста Алим заметил, что вы поглядываете на меня, потому как сомневаетесь при мне рассказать, что знаете, — сказал Атабек.

— Признайтесь, вы что-то знаете, но опасаетесь говорить при Шакирбеке, — сказал и уста Алим.

— Бросьте городить напраслину, — отнекивался Фарфи.

— Это не напраслина, — сказал уста Алим. — Так знайте: Шакирбек не из тех, кого вы подозреваете, поэтому говорите без стеснения.

— Помилуйте! — засмеялся уста Фарфи и после некоторой паузы добавил: — И какое вообще нам с вами до всего этого дело, уста?

— Если вы не хотите говорить, не надо было и начинать! А раз уж соскочило слово с языка, так извольте все говорить, хоть нам и нет дела до этого! — настаивал уста Алим.

В этой ситуации даже больше, чем уста, сгорал от нетерпения Атабек. Он даже позабыл, что собирался немедленно отправиться в дорогу, — ведь ему, больше, чем кому-либо, было интересно и важно знать, кто убил его соперника.

Уста Фарфи осознал, что ему не отделаться, и поэтому выразительно посмотрел на Сайфи.

— Племяш, ты еще молод, тебе нельзя довериться, потому как можешь проговориться, — и продолжил, — поэтому, хоть ты и обидишься на меня, все-таки лучше пойди, побудь немного в лавке.

И уста Алим велел шурина достать из погреба морковь и нарезать для плова. Когда юноша ушел, Фарфи сказал тихонько:

— Если мои догадки верны, то убийца Камильбека не кто иной, как Хамид.

Если эти слова удивили Атабека, то они имели воздействие и на уста Алима.

— Хамид, говорите?! — переспросил уста Алим.

— Хамид! — повторил уста Фарфи и тихонечко

спросил уста Алима. — Вы ведь знаете, что Умарбек был близким другом Хамида?

— Еще бы, они всегда с ним были не разлей-вода...

— Так вот, — сказал уста Фарфи, — с этим самым Умарбеком у них недавно, видимо, произошла размолвка, и дней десять тому назад я слышал от Умарбека об одном страшном зверстве, совершенном Хамидом. Хотя я и не был свидетелем убийства Камильбека, но именно потому, что я узнал одну тайну Хамида, я уверен, что это он убил Камиля... Припоминаете, три года назад здесь был арестован один молодой человек из Ташкента, по имени Атабек, который женился на дочери Мирзакарима-кутидора, его арестовали вместе с тестем? Их приговорили к казни, затем они были спасены прямо из-под виселицы... Вы, конечно же, должны помнить: мы еще тогда сидели в лавке Сарыбая и пили чай?..

— Помню, помню! — сказал уста Алим и спросил Атабека: — Может быть, вы знаете его? Это сын известного в Ташкенте Юсуфбека-хаджи.

— Знаю! — сказал Атабек, дивясь тому, что говорят о нем самом, что рассказ, начатый так изда-лека, коснулся теперь его самого и уже не мог отвести взора от уста Фарфи.

Уста Фарфи продолжал вполголоса:

— Девушка, на которой женился этот человек, просто красавица, и наш Хамид тоже был в нее влюблен. Когда Атабек женился на ней, Хамид, взбешенный, вздумал убрать с дороги и Атабека, и Мирзакарима, донес на них какую-то небылицу, оклеветал их и добился, чтоб их приговорили к смерти... (Тут Атабек незаметно тяжело вздохнул).

Уста Фарфи продолжал:

— Однако Всевышний не позволил свершиться неправому делу, и они были спасены от виселицы благодаря какому-то письму. Когда их оправдали, Хамида хотели арестовать, но он с помощью курбаши бежал в Коканд. Но он и там не успокоился, подал жалобу Мусульманкулу-хромому, обвинив Утаббая-кушбеги в мздоимстве, — здесь он остано-вился и обратился с вопросом к уста Алиму. — Вы,

наверное, сами помните, Хамид в одну ночь исчез и месяца три скрывался где-то, пока его тут разыскивали джигиты курбаши.

Уста Алим кивнул в знак согласия:

— Помню, продолжайте!

Однако Атабек не верил своим ушам, слушая эту страшную правду, и изо всех сил сдерживался, чтобы не выдать себя.

Уста Фарфи продолжал уже совсем тихо:

— По жалобе Хамида Атабек с Утаббаем были вызваны в Коканд, но после допроса окончательно оправданы. А Хамид, проболтавшись где-то три месяца, снова, с помощью того же курбаши, вернулся в Маргилан. Но и тут он не уgomонился. Он искал случая сделать еще какую-то подлость и заполучить дочь кутидора. На счастье этой свиньи случай такой подвернулся вновь. Он придумал новую пакость. Узнав о том, что Атабек вторично женился в Ташкенте, Хамид от его имени написал разводное письмо и передал его в дом Мирзакарима.

Как ни старался сдерживать себя Атабек, тут он не смог подавить своего волнения и невольно вскопчил с места с криком: «Подлец! Дикая свинья!» Уста Алим тоже не смог стерпеть: «Безбожник, злодей!» Волнение Атабека вызвало какое-то смутное подозрение у Фарфи, но, увидев, что и уста Алим присоединился к нему, он тотчас успокоился. Когда Атабек, опомнившись, вновь сел на свое место, Фарфи продолжал:

— Что предпринял Атабек после этого ложного письма о разводе, было неизвестно даже самому Хамиду. Однако все шло по плану Хамида: вскоре прошел слух, что дочь Мирзакарима получила развод. Выждав три-четыре месяца, Хамид засылает сватов в дом кутидора. Однако от Мирзакарим-ака они вернулись ни с чем. Через некоторое время дочь его была просватана за Камильбека, но свадьба была по каким-то причинам отложена на год, и вот, только вчера, наконец, должна была состояться помолвка и свадьба. Но мы с вами получаем известие, что Камильбек был убит вечером в бане. На основании

всего, что я вам рассказал, я и думаю, что убийца Камильбека — Хамид и никто другой.

Уста Алим кивнул головой:

— В этом нет сомнений, безусловно, это Хамид! — И, как бы рассуждая сам с собой, заговорил: — Эх, мусульманин, это каким же нужно быть бессовестным, чтобы, имея две жены, покушаться на законную жену другого... Да еще, зная, что все равно не сможет ее заполучить, пролить кровь безвинных людей. Нет, это не человек, он — исчадие ада!

— Шелудивая собака! — сказал уста Фарфи. — Видит кусок на крыше, сам не ест и другим не дает... подлинно собака!

Атабеку теперь открылось имя негодяя, который был источником всех его бед. Он был вынужден скрыть охвативший его гнев и всю ненависть к мерзкому врагу, дабы не выдать себя. И все же чувства, кипевшие в нем, отразились на его лице, глаза его горели пламенем, он поминутно менялся в лице...

После некоторого молчания, повисшего в воздухе, уста Фарфи промолвил:

— Я удивляюсь, как же мы с вами до сих пор не подозревали о сущности Хамида?

— Удивление неуместно! — возразил ему уста Алим. — Вы-то работаете у него сравнительно недавно. А я, хоть и проработал у него в доме почти двадцать лет, никогда не мог вникнуть в его душу. Хамид всегда казался мне страшным, как бездонная черная пропасть! — Подумав, он словно спохватился: — Хотя в этом деле, конечно, зачинщик Хамид, но у него должны быть и пособники... помните, в мастерскую несколько раз заходил какой-то человек с выпученными глазами и справлялся о нем?

— Он и теперь с ним в близких отношениях. Это Садык — не ваш ли сосед?

— Истину говорите! Ну конечно же, видимо этот малый и его мать — самые верные пособники Хамида в этих делах, потому что последние два года он что-то повадился ходить к моим соседям. Садык и его мать еле перебивались, жили только тем, что каждый год продавали мне по небольшим частям

свой участок. А вот уж год, как они вдруг ожили. Садык даже женился недавно. Я полагал, что парень, наконец, нашел свою дорогу. А теперь узнаю, что и женил-то Садыка тот же Хамид! — сказал уста Алим и обратился к Атабеку: — Вы, кажется, сказали, что встретили Хамида у калитки соседа?

Атабек подтвердил это кивком и вздохнул. И вправду, этот вопрос не мог не вызвать в его душе волнения. Когда он думал о том, как отплатить своему лютому врагу, так жестоко отравившему ему минувшие дни, безжалостно запятнавшему грязью его счастье, этот вопрос уста Алима напомнил ему о недавней встрече с Хамидом, и он проклинал свою судьбу, которая так поздно дала ему знать, кто его злейший враг. Теперь Атабек понимал, что жизнь его и сейчас в опасности, и то, что ждет его, может быть еще страшнее, чем то, что было.

Уста Алим принялся готовить плов, как вдруг увидел, что Атабек внезапно стал собираться в дорогу.

— Погодите, бек, если уж вы просидели с нами столько времени, потерпите еще полчаса, зато отправитесь в дорогу, отведав плова. Вот я уже и морковь заложил в казан, — сказал он.

Но Атабек, стоя посреди двора, ответил:

— Благодарю вас, уста, мне надо спешить. Я должен нагнать отправленный утром товар, иначе нельзя.

— Я обижусь, если вы уедете, не отведав моего плова. Говорят: кто выдержал сорок, выдюжит и сорок первую.

— Садитесь, садитесь, гость! — сказал и уста Фарфи. — Если в плов заложена морковь, говори, что он готов.

— Я уж столько раз ел плов в доме уста Алима. Если торговля моя пойдет успешно, я успею еще надоесть мастеру, навещаясь к нему каждые две недели, — сказал Атабек и направился в сад, где был привязан его конь.

Уста Алим хлопотал около очага:

— Не стану вас принуждать. Но смотрите, если в дороге проголодаетесь, пеняйте на себя.

Атабек вышел в сад, почистил своего коня и стал седлать его. Между тем, из-за полуразрушенной стены соседнего двора кто-то следил за ним, высунув голову. Заметил или нет маячившую голову Атабек, но он продолжал седлать коня, не глядя в сторону соседей. Когда он повел оседланного коня во двор, голова наблюдавшего скрылась за стеной. Оставив коня посреди двора, Атабек взял с айвана свои хурджуны и шубу, попрощался с уста Фарфи. Сайфи вывел коня за ворота, уста Алим проводил Атабека до самой улицы и, помогая ему сесть на коня, еще раз упрекнул его:

— Помните, бек, что вы уезжаете, отказавшись от моего плова.

Атабек, усевшись в седло, спросил:

— Неужели вы обиделись на меня?

— Зачем обижаться? Я просто сочувствую вам — проголодаетесь в дороге.

— Я понимаю, что отказываясь от плова, проголодаюсь в дороге, — сказал Атабек, — но я обещал погонщикам верблюдов догнать их нынче в Андижане, и если я этого не сделаю, а ради своего удовольствия буду дожидаться вашего плова, то из-за меня будут голодать пять человек, ведь я должен дать им денег на расходы.

Уста Алим отпустил поводья коня и спросил:

— Но вы обещаете, когда поедете в Андижан, захватить ко мне?

— Конечно, — сказал Атабек. — За эти пятнадцать дней приготовьте мне, по крайней мере, две кипы лучшего атласа, и пожалуйста, не забудьте!

— Помню-помню, будьте спокойны!

— Счастливо оставаться! Прощай, Сайфи!

Резвый иноходец тронулся в путь и, подстегнутый против обыкновения двумя резкими ударами нагайки, в один миг скрылся из виду. Уста Алим уже успел вернуться в дом, когда тихо открылась калитка тетушки Джаннат, и из нее вышел Садык, ведя на поводу коня. Он вскочил в седло, и стоявший за калиткой Хамид приказал: «Гони!» И Садык погнал коня вслед за Атабеком.

Проводив Атабека, уста Алим присел на край айвана.

— Вот чудак-человек! — сказал он.

Уста Фарфи спросил:

— Кем приходится вам этот парень?

— Я вам, кажется, рассказывал, что в позапрошлом году он заблудился в городе ночью, и я, увидев его возле ворот Хамида, пригласил путника переночевать у меня.

— Так это он и есть?

— Тот самый! С тех пор каждый раз, как приезжает в Маргилан или же бывает здесь проездом, он обязательно останавливается у меня. Очень серьезный и разумный человек, к тому же несколько странного нрава.

— В чем заключается эта странность? — спросил уста Фарфи.

— Необычный, — ответил уста Алим, и рассказал о событиях прошлой ночи. — Вот вчера, например, он ушел побродить по городу, обещал вернуться к обеду. Я приготовил плов к назначенному времени, жду его, жду, а он, думаете, пришел? Вернулся только сегодня, перед вашим приходом. Спрашиваю его, где он был, а он говорит, что провел ночь на мазаре Ходжа Маоз. Глаза ввалились после бессонной ночи... Чудной у него характер!..

— Выходит, хороший человек, — сказал уста Фарфи.

Когда они доели плов, со всех сторон города стали доноситься призывы к пятничной молитве — джума-намаз. Поэтому пить чай не довелось. Уста Фарфи заторопился в мечеть немного раньше уста Алима. Выйдя из калитки, он встретился с Хамидом, который сделал вид, что случайно попался ему на глаза.

— А, уста Фарфи, какими судьбами вы здесь? — спросил Хамид.

— Был у уста Алима.

— Видать, знатно посидели?

— Да, конечно, — сказал, улыбаясь, уста Фарфи. — Уста Алим построил себе мастерскую, я и

приходил к нему помолиться, чтоб она не покосилась.

— Вот как! — сказал Хамид. Они пошли рядом.

— Значит, уста Алим построил себе мастерскую в доме, говорите?

— Построил мастерскую.

— И не отпраздновал во славу святого, как же так?

— Зимой собирается отпраздновать, — отвечал уста Фарфи. Беседа явно не клеилась.

— Небось плов готовили?

— Конечно.

— Кто-нибудь еще был в гостях у него, кроме вас? — спросил Хамид. Тут уста Фарфи вспомнил, что Атабек знает Хамида.

— Был еще гость, один ташкентский купец, — сказал Фарфи. Они подходили к мечети. Хамид порывался было продолжить разговор, но уста Фарфи, заторопившись, свернул в мечеть.

14. ПО СЛЕДАМ СОПЕРНИКА

Месяц, сверкая и переливаясь, выглядывал из-за облаков. На улицах мертвая тишина, весь люд в мечети — на последнем вечернем намазе «хуфтан». Казалось, сама эта тишина стала пособником незнакомца, остановившегося у калитки уста Алима. Затаившись в тени под стрехой, дабы оставаться невидимым, он некоторое время подождал, потом осторожно приоткрыл калитку и юркнул в проход. Затем снова постоял за калиткой и так же тихо закрыл ее за собой.

Лунный свет конусом наискосок освещал часть прохода. Тихо, на цыпочках, минуя его, неизвестный выглянул во двор. На айване в нише горела свеча. Сайфи готовил постели, неизвестный затаился в тени и неотрывно следил за ним. Постелив постель, Сайфи взял дастархан и блюдо, стоявшее на краю айвана, и прошел в комнату. Незнакомец, словно только этого и ждал, осторожно проскользнул во двор...

Сад с голыми деревьями, с которых уже опала вся листва, был во власти туманного света, и лицо неизвестного, стоявшего у полуразрушенного дома, в лунном свете теперь легко было узнать. Это тот самый молодой человек, ставший жертвой коварства и жестокости, отважившийся теперь на последнюю борьбу...

Стоя под стеной у разрушенного строения, Атабек с напряженным вниманием прислушивался к тому, что происходило в соседнем дворе. Там слышались звуки раскалываемых дров, их треск в горящем очаге, иногда прорывался и женский голос. Осторожно шагая, Атабек, несколько раз прошелся вдоль стены: он искал подходящее место, где бы можно было перелезть во двор соседей. В середине стены оказался пролом, удобный для проникновения внутрь, и он, пригнувшись, затаился возле него, как вдруг послышались шаги, и ему пришлось буквально прикинуться к земле. Шаги стихли. Он, узнав голос уста Алима, догадался, что тот вернулся после намаза «хуфтан», и боясь, как бы мастер не вышел в сад, остался лежать на земле неподвижно.

Время шло очень медленно. Он ждал, считая гулкие удары своего сердца. Пронзительный осенний ветер пробивался в легкие, вызывая кашель; Атабек, лежа на спине, прижимал платок ко рту и смотрел в небо, словно ждал помощи оттуда.

Прошло, наверное, часа полтора. Где-то прокричали петухи, и в этот момент со стороны обветшалого соседского двора раздались шаги нескольких человек, так что Атабек был вынужден приподняться и прислушаться. Невнятный говор, доносившийся некоторое время от калитки, сменился скрипом дверей, и затем голоса удалились. Прижимаясь к стене, Атабек осторожно привстал. Через пролом в стене он увидел айван на противоположной стороне двора и огонь, горевший в очаге. Из дома довольно явственно доносились голоса людей. Осторожно, чтоб не обрушить полуразвалившуюся стену, он взобрался на нее и легонько спустился внутрь ветхого строения. Крыша дома провисла и частью провалилась, из-за этого площадка перед ним оказалась достаточно широкой.

Он тихонько сделал несколько шагов, приблизился к обвалившейся двери и осторожно выглянул во двор. Обе ставни в доме напротив были закрыты, но сквозь щели пробивался свет, и слышался более тихий, чем до этого, неясный разговор. Примерно через четверть часа голоса усилились. Тем временем из дома вышла женщина с блюдом в руках и стала из казана выкладывать на блюдо какое-то кушанье. Когда женщина с наполненным блюдом вошла в дом, Атабек вынул из ножен спрятанный под одеждой кинжал, проверил лезвие при лунном свете, отвел руку с кинжалом за спину и снова стал наблюдать за домом. Женщина появилась опять и стала разливать кушанье в касы, относила их и вновь возвращалась к очагу. Наконец, она закончила свое дело, вернулась в дом и закрыла за собой дверь.

Атабек вышел на середину двора, к тутовому дереву, и оглянулся вокруг, опасаясь — нет ли кого-нибудь в южной стороне двора. Убедившись, что никого нет во дворе, он тихо подкрался к окошку близ прохода и предельно осторожно присел на корточки. В нос ему ударил запах вина и щурпы. Теперь он мог не только слышать, что говорят в доме, но и даже как жуют. Громко чавкая, кто-то сказал:

— С меня довольно, Садык, наливай Мутал-палвану!

Атабек узнал обладателя голоса.

— Что вы меня все время спаиваете, хотя через раз подливали бы и тетушке Джаннат, ха-ха-ха!

— Нашей старухе только подноси — она не откажется.

— Если меня угощают, я выпью, ких, ких... Хоть я и женщина, но десять Мутал-палванов заткну за пояс, ких...

Эти слова наполнили комнату раскатами громкого смеха. После того, как смех унялся, разговор продолжился.

— Вот это вы уж должны выпить, Хамид-ака!

— Нет, братец Садык, я и так готов. Вино очень крепкое.

- Ну уж нет, не отстану, пока не выпьете.
- Отдай Мутал-палвану. Берите же это, пейте!
- Так вы на самом деле не будете пить? И даже за здоровье сестрицы Кумуш не выпьете?

Услышав эти слова, Атабек невольно вскочил. Послышался смех тетушки Джаннат: «Хи-хи-хи...»

— Если б ты не упомянул это прекрасное имя, я бы не стал пить, ей-богу. Но для меня здоровье и благополучие твоей сестрицы Кумуш дороже всего на свете. Наливай!

— Ха-ха-ха, кажись, я вас задел за живое?

Атабек, слыша все это, едва удерживался, чтобы не броситься в комнату и не напасть на пирующих. Поговорили еще о всяких мелочах, затем раздался громкий вздох.

— Что еще случилось, Хамид-ака?

— Сегодняшний разговор очень встревожил меня, Садыкбай!

— Но почему же вы не верите мне? Сотый раз твержу: я проводил этого недоноска за городские ворота, потом еще долго ехал за ним, пока он не нагнал караван. При такой прыти он сегодня уже достиг Коканда, наверное.

— Э, ты не знаешь, братец!

— По мне, так здесь ничего странного нет. Просто он, очевидно, знаком с уста Алимом и останавливался у него, а в Маргилан приезжал по торговым делам. Вы ведь сами слышали, что он говорил перед отъездом!

— Размышления твои не лишены смысла, но мне почему-то думается: неспроста он останавливался у человека, который со мной в ссоре, да еще по соседству с вашим двором...

— Если бы уста Алим знал вашу тайну, тогда, конечно, можно было бы опасаться. Но по мне, этот повеса (упоминается Атабек), кажется, уж давно позабыл, что у него есть жена в Маргилане.

— Моей тайны, кроме вас, никто не знает. С Умарбеком мы, правда, немного повздорили, но потом опять помирились.

— Тогда чего же бояться?

— Боюсь, что этот его отъезд в Ташкент — лишь маскировка для отвода глаз.

— Ну, хорошо, допустим, он не уехал. В таком случае я завтра же, как мы договорились, пойду к Салиму-шарбатдору и скажу, что его сына убил бывший зять Мирзакарима, ташкентец, что я это видел своими глазами. И пусть после этого он хоть землю ест! Нет, если даже он знает вашу тайну, то и тогда, понимая, что тут его ждет, он, конечно, вовремя должен улизнуть из Маргилана.

— Садык верно говорит, — сказала тетушка Джаннат.

Атабек задрожал, услышав эти страшные слова. Садык продолжал:

— Теперь необходимо позаботиться о том дельце, какое нам предстоит повернуть, вот гляньте, почувствовав вашу трусость, и Мутал-палван задремал.

— Я не сплю, негодяй, наливай еще твоего зелья!

— Муталбай, дружище! — сказал Хамид. — Мы не из тех, которые забывают добро. Ваш друг Садык был заодно со мной, и я его не обидел, теперь он, прежде всего, с божьей помощью, а потом уж и моей, женился... Если я с кем подружусь, жизни для того не пожалею!

Опять вступил Садык:

— Мутал-палван вас хорошо знает, Хамид-ака! Ему известно, какую службу он вам должен сослужить. Но и у него к вам имеется одна просьба...

Голос Хамида:

— Какая у вас просьба ко мне, Муталбай?

Пьяный голос Мутала протянул:

— Я за-а-а-должал кое-кому н-е-е-ско-о-ль-ко т-т-а-нья, Х-а-амид-ака.

Голос Хамида:

— Разве несколько таньга могут иметь значение для нашей дружбы, Муталбай! Я же сказал: ради дружбы ничего не пожалею. Если есть нужда, просите хоть тридцать-сорок таньга!

Тетушка Джаннат вставила:

— Да пошлет Аллах Хамидбаю успеха в его делах, ких! Если надо, все богатства мира он готов положить к ногам друга!

Некоторое время слышался звон монет, потом прозвенел голос Хамида:

— Вот, возьмите пока это, Мутал-палван. А что касается платы за службу — это будет отдельный разговор...

Пьяный голос отозвался:

— Вот спасибо, Хамид-ака! Раз вы для меня и жизни не жалеете, то я голову готов поставить за вас! Клянусь святым Джамшидом!

— Наш Муталбай — достойный парень! — сказал Садык.

— Уберите дастархан, тетушка Джаннат, — прервал разговор Хамид.

Загремели посудой — чашками, блюдами. Атабек тихонько отошел в проход, который вел к калитке. Тетушка Джаннат появилась около очага, минуту гремела там ложками, чашками, потом сошла во двор, стряхнула под тутовым деревом скатерть и вернулась в комнату. Но как только Атабек опять очутился у окошка, снова послышался голос Хамида:

— Проверьте-ка цепь на калитке, тетушка Джаннат, будьте так любезны!

Садык:

— Вы все чего-то боитесь, Хамид-ака, я сам записал калитку.

— Ты еще молод, братец Садык, — сказал Хамид. — Сходите, пожалуйста, тетушка Джаннат!

Это был опасный момент для Атабека. Спрятаться в разрушенный дом он уже не успел бы: Джаннат заметила бы его. Если бы ему удалось уйти через калитку, он так и не узнал бы до конца, что замышляют его враги, и все его усилия пошли бы прахом. Едва дыша, он оглянулся вокруг и увидел носилки, стоямя приставленные к дувалу уста Алима, около прохода к калитке. Спрятаться за этими носилками было слишком рискованно, но страшнее — уйти, не узнав того, для чего собрались здесь эти люди. Он решился и готов был, если его обнаружат, сразиться сразу с тремя своими противниками. Едва он успел укрыться за носилками, дверь открылась. Как Атабек ни сжимался, как ни старал-

ся скорчиться, но все же обнаружить человека под носилками не составляло бы большого труда. Он сидел под ними, сжимая в руке нож, готовый к прыжку, как кошка, поджидающая мышь.

Не заметив сидящего за носилками, тетушка Джаннат свернула в проход, ведущий к калитке. При свете луны можно было сразу увидеть: цепь на месте. Поэтому Джаннат не дошла до нее, а повернула с поддороги. Вдруг высоко в небе раздалась крики пролетающих болотных птиц. Тетушка Джаннат посмотрела вверх и, следя за тем, как птицы стрелой пронеслись на восток, прошла мимо носилок к дому. Когда она поднималась на айван, носилки сдвинулись на ладонь от земли. Это Атабек ставил их на место, и, едва Джаннат вошла в дом, подкрался к окну, закрытому ставнями. Сердце все еще бешено колотилось у него в груди, он готов был к отпору. Но, услышав, как тетушка Джаннат сказала: «Калитка заперта», успокоился и опять присел на корточки под окном.

Раздался голос Хамида:

— Значит, пусть это будет в понедельник ночью!

Садык:

— Мы готовы хоть в любой день, когда вы прикажете.

— Что до меня, так я готов хоть сейчас! — сказал Мутал.

Хамид:

— Давайте в понедельник. Ни раньше, ни позже нельзя, потому как два дня у нас уйдет на подготовку.

— А какая еще нужна подготовка? — спросил Садык.

Хамид ответил:

— Когда мы ее выкрадем, нельзя же оставлять в Маргилане. Придется, пока свыкнется, отвезти ее в какой-нибудь кишлак. А сейчас трудно сказать, в каком часу ночи понедельника она будет в наших руках. Надо будет немедленно вывезти ее из города, — днем это делать опасно. А ночью, как вы знаете, городские ворота заперты. Значит, конечно же, нам надо сговориться со стражей.

— Правильное соображение! — сказал Садык. — А как мы проберемся во двор кутидора?

Хамид:

— Вот об этом тоже надо еще подумать, оказывается!

Садык:

— Лучше всего, конечно бы, пробраться через ворота.

Мутал:

— Коли нельзя войти в ворота, перелезем через крышу.

Садык захохотал:

— Ха-ха-ха, ну и придумал, Мутал-тюра!

Мутал:

— Зря ржешь, несчастный бача! Что ты видел с тех пор, как явился на свет? А еще смеется. Чего только не пережила на своем веку моя многострадальная головушка. Думаешь, это у меня первое похищение? Эй-ха-ха, твой Мутал-ака и не такие еще дела проворачивал! Все мы — грешные мусульмане, Хамид-ака. Ха-ха-ха!... Так вот слушай-те! Джанкельдыбай однажды признался мне, что так запал на сынишку Хатама-тюры, что голову потерял, не посмотрится на мальчишку. «Ну и дела» — думаю. Рядом со мной тогда был Каландар-палван. Я предложил Джанкельды: «Давай десять серебряных таньга, и мы с Каландаром предоставим тебе твоего возлюбленного тепленьким. Джанкельды, оказывается, просто помирал с тоски по мальчишке, сразу выложил деньги и сказал: «Согласен!» Мы с Каландаром дождались ночи и пришли к дому Хатама-тюры. Стали прикидывать — как быть? Видим, забор высокий, каменный — не перелезешь. При таком затруднении Каландар говорит: «А ведь жалко возвращать пять таньга» (это его доля). Я был немного под мухой, вытащил из-за пояса свой кинжал, подошел прямо к воротам и стучу. У Каландара душа ушла в пятки, он стал дергать меня и, отталкивая, гово-

¹ *Тюра* — прибавляется к именам мужчин при почтительном или ласковом обращении.

рит: «Эй, Мутал, опомнись, что с тобой?!» А я стучу, зову Хатама-тюру, а Каландару говорю: «Молчи, баба, трус!» Каландар не выдержал, бросил меня и сбежал. Ну, вот Хатам-тюра наш подходит к воротам со двора и спрашивает: «Кто тут?» Я отвечаю быстро: «Это я, я, скорей откройте!» И, представьте себе, этот профан открывает ворота. Я — раз! — ворвался во двор, хватаю его за руку, ташу за собой. Бедняжка, он меня узнал и понял, что дело плохо. Я приставил свой кинжал к его горлу, говорю: «Жить хочешь, бессовестный?» У негодника язык вспух, еле бормочет: «Хочу, хочу!» — «Так вот, — говорю я, — ты тут спокойно спишь рядом со своим сыном, а из-за него один бедняга страдает, бьется о сырую землю... Ну-ка, показывай, где он, твой сын!» Хатам-тюра задрожал весь, ноги подкосились, так я его сам довел до айвана и заставил сына показать. Только поднял я мальчишку, стал полусонного одевать, вдруг завопила его мать. Схватил я нож и к ней: «Перестань визжать, глупая ослица!.. Я твоего сына не на смерть веду, выпьет там пиалушку чаю и вернется обратно!» Короче говоря, где страшая, где и уговорами, добыл я мальчишку и отвел его к Джанкельды. На мое счастье, в ту ночь ни один миршаб нам не встретился. Ну, Садык-братишка, что ты на это скажешь? Думаешь, прирезал, как телят, одного-двух, так уж и стал человеком?.. Эх, ты... Уф, разговорился я, даже окаянный хмель прошел! Ну-ка, налей еще пару пиал!

Хамид:

— Вы молодец, Мутал-палван! Я потому и позвал вас, что знал: вы на все способны!

Мутал:

— Раз знаете, то довольно, поручите мне это дело!

Хамид:

— Садык прав, я не хочу лезть через ворота. Там часто шляются миршабы.

Мутал:

— Тогда можно с заднего двора пробраться.

Хамид:

— А там небось чей-то двор рядом с кутидором?

Джаннат:

— Там двор этого, как его, ких... — чтоб он пропал — Маликбая!

Хамид:

— Очень хорошо. А лестница достает до крыши?

Джаннат:

— Ких... высоко очень!

Мутал:

— Так мы пробьем стену снизу — и все!

Хамид:

— А сумеем ли?

Мутал:

— Пробить стену — пустяковое дело, лишь бы взять верное направление.

Хамид:

— Можно ли пробить стену за час-два?

Мутал:

— А там что, пустой двор?

Джаннат:

— Пустой двор, ких...

Мутал:

— И людей нет поблизости?

Джаннат:

— Никого нет, ких.

Мутал:

— Очень хорошо. В таком случае, укажите мне направление, и я завтра же начну рыть подкоп.

— Молодец, спасибо, палван! — сказали Хамид и Садык.

Тут Атабек поднялся и пошел к калитке. Он уже протянул руку, чтоб снять цепь, но, подумав, вернулся обратно. Через полуразрушенное строение пробрался во двор уста Алима, прошел мимо айвана, где спали мастер и Сайфи, убедился, что они мирно храпят, на цыпочках покинул двор, отпер калитку и вышел на улицу.

Как нам известно из уст самого Садыка, он, по указанию Хамида, проводил Атабека за Кокандские ворота и ехал за ним следом, пока тот не присоединился к каравану. Атабек инстинктивно чувствовал, что за ним следят, поэтому уже после того, как Садык отстал, он еще проехал один перегон, потом свернул на другую дорогу и вернулся в Маргилан через Ташлакские ворота.

Вместо того, чтобы, выслушав страшный рассказ уста Фарфи о злодействе Хамида, отправиться в дом тестя и рассказать ему все, он сделал вид, что поспешно уезжает из Маргилана, и это было правильное решение. Остаться в Маргилане на глазах у Хамида после убийства Камильбека было все равно, что подписать себе смертный приговор, и не только вырыть себе могилу, но и поставить под удар свою честь, принять всенародный позор как убийца, потому что Хамид не остановился бы перед клеветой и, конечно, логично сумел бы доказать свое обвинение в суде казиев. Атабек понимал эту опасность и, желая предотвратить ее, с поспешностью покинул Маргилан. Он почувствовал, что за ним следят, понял это ранее, потому что заметил над дувалом¹ голову наблюдавшего за ним человека, когда седлал коня. Тень мужчины, стоявшего за соседней калиткой, когда он прощался с уста Алимом, лишь укрепила его подозрения.

Остановившись на втором перегоне от Маргилана, в чайхане, осушив пару чайников, он хорошо подумал и решил вернуться в Маргилан, пренебречь опасностью, даже рискуя жизнью. Атабек не мог допустить, чтобы Хамид вышел победителем в этом деле, и тайно возвращался в город для того, чтобы узнать все козни и злодейские намерения Хамида, а потом, исходя из этого, подготовиться к схватке. В сумерки, между предзакатным и вечерним намазами, он въехал в Маргилан, остановился в караван-сараях, где жил в первый свой приезд, и решил разузнать планы Хамида. Так как Атабек был уверен, что при-

¹ Дувал — глинобитный забор, стена.

тоном, где замышлялись все дурные дела Хамида, был дом соседей уста Алима, он направился прямо туда. А что было дальше, мы уже знаем из выше-приведенного рассказа.

Выйдя из ворот уста Алима, Атабек прислушался к громкому говору во дворе Садыка и, не торопясь, отправился в караван-сарай.

Он несколько не удивился своей сегодняшней неожиданной удаче и, так как теперь ему известен был срок, когда предстояло сойтись лицом к лицу со своим врагом, думал только о том, что должно случиться ночью в понедельник. В этот день ему предстояло сразиться не с одним, а сразу с тремя врагами. Конечно, его несколько беспокоила проблема «один против трех», он подумал даже: не пригласить ли людей в помощь себе, не оповестить ли власти об этом, не предупредить ли кутидора, — но самолюбие его восстало против подобной, как ему казалось, трусости. В конце концов он вообще отбросил эту мысль. Нет, он не возьмет никого с собой, не будет сообщать властям, не предупредит кутидора. Схватиться насмерть одному с соперником перед домом своей возлюбленной, почти у ее ног уничтожить врага или погибнуть самому — представлялось его воображению более заманчивым. Входя в караван-сарай, он про себя произнес: «А если погибну — вот сладкая смерть!»

Хотя прошлую ночь он провел без сна в Ходжа Маоз, он долго не мог уснуть и теперь, обдумывая все то, что узнал в этот день. Засыпая, он воображал себя то лежащим в крови, то обнимающим свою Кумуш.

15. НОЧЬЮ В ПОНЕДЕЛЬНИК

Ночь была так темна, что казалось, она хотела скрыть во тьме предстоящую встречу Атабека с Хамидом. И было покрыто мраком — для кого из них пробьет в эту ночь последний час. Если воображение Атабека рисовало картину схватки и он готовился к ней, то думы Хамида были заняты совер-

шенно иным: он вдыхал аромат райского цветка, предвкушая прогулку в цветнике...

Узкий, шириной в шесть пядей, бесконечно длинный переулочок упирается в маленькую калитку. В промежутке между намазами «шам» и «хуфтан» в начале переулочка показался наш герой, незаметно осматривавшийся вокруг. На улицах уже не было видно никого, не слышно шагов. Но все же Атабек всматривался в подворотни, в проломы дувалов, внимательно глядел на крыши домов и, только уверившись, что никого нет вокруг, осторожно пошел по узкому переулочку. На середине пути он вдруг оглянулся, не потому, что заметил что-либо, а чтобы проверить, не следят ли за ним. Дойдя до маленькой калитки, он опять оглянулся назад, постоял, подумал и, осторожно приподнявшись, через пролом в дувале принялся осматривать участок. Хотя в дверях калитки не было ни замка, ни засова, она была лишь прикрыта — он не вошел в нее, а взобрался на дувал. После намаза «шам» стало темно, но из-за того, что луна уже поднялась достаточно высоко и во дворе не росло ни одного дерева, пустынная площадка двора просматривалась легко. Убедившись, что там никого нет, Атабек спустился на землю и направился во двор.

Двор занимал около двух танапов¹ земли и представлял собой тыльную стену домов кутидора и его соседа, с трех других сторон к нему также примыкали чужие строения. Летом здесь, видно, был огород, всюду тянулись довольно глубокие грядки. Земля, размокшая от дождей, не позволяла идти свободно, и каждый раз, когда Атабек переставлял ноги, на них налипали тяжелые комья грязи. С трудом перебрался он на южную сторону участка. В задней стене дома кутидора темнел пролом величиной с циновку. Так как вчерашней ночью Атабек уже был здесь и видел подкоп, он не стал осматривать его. Но пройти равнодушно мимо он не мог. Там, за

¹ *Танап* — мера площади, различная в разных районах, от 0,15 до 0,5 гектара.

проломом в стене, была комната Кумуш; память бека хранила сладкие воспоминания о минувших счастливых часах, проведенных в этой комнате. И сейчас там сидела Кумуш — единственная его опора в жизни. Атабек не мог оторвать взгляд от этого дома, словно прощался тут навсегда со своим ангелом. Потом он достал из кармана приготовленное письмо, задумчиво разглядел бумагу и снова спрятал ее. Еще раз пристально взглянув на дом, он отошел от места, где был подкоп, в западную сторону двора шагов на пятнадцать, к яме, образовавшейся, очевидно, оттого, что здесь брали глину для заливки крыши. Еще вчера Атабек заприметил эту яму. Он спустился в нее и прилег, заложив руки под голову. Хоть яма и была совсем близко от дома, под который велся подкоп, тень от строений и темнота ночи делали ее надежным укрытием.

* * *

Настала полночь. Те, что легли спать рано, успели уже увидеть десятый сон. Наконец, открылась калитка, и в нее, один за другим, вошли два человека. Увидев их, Атабек вынул из ножен свой кинжал и приник к земле... Две тени безмолвно приблизились к пролому в стене дома и остановились. Это были Садык и Мутал. Атабек, словно кот на охоте, наблюдал за ними.

Остановившись, Садык шепотом спросил:

— Много еще копать?

— Думаю, самая малость осталась, потому что вырыт уже примерно аршин в глубь глинобитного слоя стены.

Мутал говорил почти во весь голос, и Садык оборвал его:

— Потише, ты!

Снимая тешу¹ с пояса, Мутал отвечал ему:

— Трусишь? Погоди, может быть я еще песню запою!

¹ *Теша (тяпка)* — ручной инструмент типа топорика с лезвием, насаживаемым поперек топорика.

— Не дури, Мутал-ака! Я тебе нужен здесь?

— Хочешь — будь здесь, хочешь — нет, дело твое.

И, пролезши в дыру, Мутал стал копать.

— Не ударяй тешой так сильно! — сказал Садык.

— Не учи меня, сам знаю!

Садыка, видно, беспокоила неосторожность Мутала. Он постоял, посмотрел, как тот копает, затем сказал:

— Пойду постою у калитки... Когда начнешь пробивать стену, свистни.

— Ладно! А куда же запропастился твой женишок Хамид?

— сторожит, наверно, на углу улицы. Когда свистнешь, его тоже позвать?

— Зови! — сказал Мутал, и комья земли с шумом посыпались из пролома.

Садык ушел на улицу. Атабек поднял голову и тихонько пополз к Муталу. Тот был занят тем, что усердно выбрасывал наружу разрытую землю... Вдруг кто-то пропустил руки ему под мышками, и точно тисками сжал ему горло. Мутал был силен, но Атабек — сильнее. Мутал вырывался, стараясь высвободить шею, но в левый бок ему вонзился острый кинжал... Он все еще пытался освободиться, однако сильные руки все крепче сжимали его горло. После недолгой борьбы Мутал ослабел, перестал сопротивляться, вздрогнул раза два и затих. Не отрывая глаз от калитки, Атабек поволок Мутала к яме, где прятался сам, осторожно разжал пальцы на горле врага и толкнул его вниз. Голова Мутала упала прямо в грязь, он не шевельнулся, и стало ясно, что он погрузился в вечный сон. Атабек осторожно подошел опять к дому и свистнул. Услышав ответный свист от калитки, он скрылся в проломе.

Подошел Садык и, стоя поодаль, спросил тихо:

— Проломил, Мутал?

— Проломил. Иди сюда!

Садык приблизился к пролому и наклонился, чтобы пролезть в него. Но едва он наклонился, чья-

то рука схватила его за горло, и кинжал вонзился в живот. Садык успел взмахнуть рукой, в которой был кинжал, но ударить ему не пришлось. Атабек выскочил из пролома и всем телом навалился на Садыка... Тут Атабек почувствовал боль в теле. Левая рука его сжимала горло Садыка, правая рука с кинжалом ломала руку Садыка, тоже державшую кинжал... Напрягшись, он вновь со всей силой нажал на горло Садыка. Тот хрипел, но не бросал свой кинжал. А от калитки уже показался идущий Хамид... Нельзя было терять ни минуты... Отодвигаясь от Садыка, Атабек освободил руку и всадил кинжал ему в грудь. Слабеющей рукой Садык пытался ударить его раз-другой в спину, но кинжал выпал из его рук.

— Ты так предан своему Хамиду-ака, Садык, даже душу свою отдал за него! — сказал Атабек, все еще сжимая горло врага.

Садык застонал.

— Кто тут хрипит? — спросил, приближаясь, Хамид.

— Скорее, Хамид-ака! Мы тут Атабека убили! — сказал торопливо Атабек.

— Ах! — вскричал Хамид, подходя к подкопу.

Оставив Садыка, Атабек схватил за руку Хамида, в которой тот сжимал кинжал.

— Мутал подход. И Садык умирает. Остались лишь мы с вами — двое!

Хамид старался вырваться, но Атабек сказал внушительно:

— Погодите, Хамидбай, сейчас я отпущу вашу руку с кинжалом, только скажу вам два слова!

Хамид продолжал рваться.

— Не трудитесь, Хамидбай!

— Если ты не трус, отпусти мою руку!

— Не торопись, сейчас отпущу! — сказал гневно Атабек. В эту минуту Садык, лежавший у их ног, шевельнулся, пытаясь подняться. Атабек оттащил Хамида в сторону. Хамид упирался, но шел за ним. Рукой, в которой был кинжал, Атабек, показывая на дыру в стене дома, сказал:

— Там, за стеной, спит создание, доставившее вам столько хлопот, заставившее истратить столько золота и, наконец, приведшее вас сюда. Если не принимать во внимание поддельного письма о разводе, которое вы написали, эта женщина — моя законная жена, из-за которой я два года скитаюсь, как бесприютный. Это из-за нее между вами и мной смертельная борьба. До сих пор удача была на вашей стороне: вы привели меня на виселицу, обзывая «карачапаном», передали в руки Мусульманкула, а когда из этого ничего не вышло, вы с помощью поддельного письма разлучили меня с моей женой да еще убили ни в чем не повинного человека... Наконец, вы вступили на путь разбоя и погубили еще двух преданных вам слуг, с которыми мне пришлось здесь биться насмерть. А сейчас вы ответьте мне: правы ли вы были в своих злодеяниях?!

— Был прав! — сказал Хамид и рванулся изо всех сил, высвободил руку с кинжалом и тут же упал навзничь, потому что в то же мгновение Атабек расправился с ним, вонзив ему нож в живот и распорол его.

Хамид лежал на земле, а Атабек, в пяти шагах наблюдавший за ним, зло переспросил: «Значит, был вправе?..» Собрав последние силы, Хамид хрипло пробормотал: «Был вправе!» — и швырнул кинжал в Атабека. Кинжал упал к его ногам.

Он уже направился было от бойни в сторону калитки, как услышал предсмертный хрип Садыка, лежавшего в пяти-шести шагах от Хамида. С отвращением покинул Атабек это страшное место.

16. ПРИЗНАНИЕ

Назавтра весь Маргилан дивился тому, что произошло во дворе Маликбая.

— Известно, что Мутал с Садыком из тех, кто проламывают крыши, весь город знает, что они воры и разбойники, они, конечно, могли проникнуть в дом кутидора, чтобы украсть что-нибудь... Но, странное дело, при чем тут Хамид, один из самых больших

богачей в городе?.. Ну, ладно, допустим, и Хамид занимался воровством, но тогда кто же их убил? Что касается кутидора, то он узнал обо всем только утром, как проснулся, вот невероятно удивительное происшествие!

* * *

Ближе к полудню Атабек вышел из ворот караван-сарая. Левая рука у него была перевязана кисеёй, и он прижимал ее к груди. Ночью во время схватки, Хамид, дернувшись, кинжалом рассек ему руку до кости между большим и указательным пальцами. Также было заметно, что он несколько прихрамывает при ходьбе.

Удалившись от караван-сарая, Атабек встретил Рахмата, волей-неволей пришлось остановиться, поздороваться.

— В добром ли вы здравии, мулла Рахмат?

Торопливо поздоровавшись, Рахмат спросил:

— Когда вы приехали, бек-ака?

— Дня два назад... Что с вами, вы выглядите огорченным?

Рахмат глубоко вздохнул:

— Ах, Атабек, я и врагу не пожелаю того, что свалилось на мою голову!

Атабек сделал вид, что удивлен:

— А что случилось? Домочадцы ваши в порядке?

— Как вам известно, в прошлом году умер мой отец, а сегодня вновь смерть стучится в наши ворота — какие-то люди дяде Хамиду вспороли живот!

Атабек прикинулся потрясенным и широко раскрыл глаза:

— Где? Кто? Рана не опасна?

— Рана тяжелая, лежит без сознания, только хрипит. Хотели было ему защитить живот, но лекарь говорит, что ничего не поможет.

— А он назвал того, кто порезал его?

— Если б он мог говорить, наверное, назвал бы, но он без сознания. Вместе с ним нашли еще двоих убитых... Я уж думаю, не они ли его убили.

— Да пошлет Аллах ему исцеление! — сказал Атабек.

На этом они расстались.

Свернув в переулок к уста Алиму, Атабек увидел у калитки Садыка людей, готовивших все для похорон, и ему стало не по себе. Входя в проход к калитке уста Алима, он слышал плач тетушки Джаннат и других женщин...

Уста Алим, присевший для омовения перед похоронами соседа, при виде Шакирбека, которого он всего три дня назад проводил в Ташкент, очень удивился:

— Пожалуйста, пожалуйста, Шакирбек... Как же так, вроде вы отправились в Ташкент?!

Атабек, присаживаясь на край айвана, засмеялся:

— А я уже съездил в Ташкент...

Уста Алим понял, что гость шутит, и, совершив омовение, принялся рассказывать о необыкновенном происшествии:

— Раз вы не уезжали из Маргилана, вы, наверное, уже слышали, Шакирбек: известного нам с вами Хамида, Садыка и еще одного человека по имени Мутал кто-то убил возле дома Мирзакарима-кутидора. Возмездие свершилось! Кара господня настигла злодеев.

— Да, я слышал об этом, — сказал Атабек и вновь засмеялся.

Уста Алим не обратил внимания на его смех и спросил:

— Как вы думаете, кто же мог их убить?

— А вы что думаете сами по этому поводу? — Атабек улыбнулся.

— Что до меня, то уверен — убил их, наверняка, зять Мирзакарима, Атабек, — сказал уста Алим, — и хорошо сделал... Я преклоняюсь перед ним за его смелость. Мне рассказывали о том, как он говорил с Утаббаем-кушбеги, и я был восхищен им. Ну, просто молодец, парень!

Атабек смутился. Утершись после омовения, уста Алим протянул руку поздороваться с Атабеком и увидел, что рука у гостя перевязана кисеей:

— Что с вашей рукой, Шакирбек?

— Ножом задел...

— И сильно поранили?

— Не очень.

Уста Алим подсел к Атабеку и спросил:

— Как же так вышло, что вы не уехали в Ташкент? Помешало что-нибудь?

— Помешало...

— Что же?

— Что помешало? — сказал Атабек, смеясь: — Знаете, уста Алим, я совершил большой грех перед вами... По дороге я так стал жалеть об этом, что вернулся из Коканда, чтобы покаяться перед вами... Простите мне мой грех, и я тотчас уеду в Ташкент!

Уста Алим с удивлением глядел на Атабека.

— Вы шутите, бек...

— Я не шучу. Обещайте простить меня, и я сейчас же во всем признаюсь!

Уста Алим улыбнулся:

— Ну что ж, признавайтесь!

— Сначала обещайте, что простите меня.

— По-моему, вы ничем не провинились передо мной. Но если на вашей совести есть неизвестный мне грех, я готов простить его.

— Благодарю вас! — сказал Атабек, а потом спросил: — Кто я, по-вашему?

— Вы? Вы — Шакирбек.

Улыбаясь смущенно, Атабек сказал:

— Вот это и есть мой грех перед вами, что вы знали меня до сих пор как Шакирбека.

— Тогда кто же вы?

— Так вы простили мою вину?

— Простил.

— Я не Шакирбек, за кого доселе вы меня принимали. Я сын ташкентского Юсуфбека-хаджи и зять маргиланского купца Мирзакарима-кутидора — Атабек!

Уста Алим несколько откинулся назад и в изумлении даже прослезился:

— Так это вы? — сказал он и, подойдя к Атабеку, обнял его...

Не понимая, что происходит, Сайфи, оставив работу, выглядывал из мастерской. Уста, со слезами на глазах обняв и расцеловав Атабека, принялся хлопотать, расстилая курпачи на айване.

— Да что вы суетитесь, уста? — спросил Атабек.

— Я хочу устроить поудобнее моего нового гостя! — с улыбкой сказал мастер.

— На вашем айване, на ваших курпачах я сидел уж много раз, и всегда мне тут было уютно, так зачем же еще лишние церемонии? Не утруждайте себя.

— Рассуждения ваши не совсем верны, Атабек, до сих пор на моих курпачах сидел некий Шакирбек, а сегодня я хочу уважить Атабека — своего нового гостя... Пожалуйста, Атабек, присаживайтесь!

Атабек посмеялся остроумию уста Алима, поднялся на айван и сел на курпачу. В это время за стеной опять послышался плач и голос тетушки Джаннат: «Дитя мое, мученик мой!» Атабек виновато посмотрел на мастера. Уста Алим понял его и сказал:

— Вы абсолютно правы в своих действиях, Атабек! Зло должно быть наказано... С вами еще были люди?

— Нет!

Уста Алим долго смотрел на Атабека в недоумении, словно не веря, потом сказал:

— Вы были один против троих?

— Я был один... Значит, сам бог помог мне покарать дурных людей.

Уста Алим был совсем поражен.

— Боже праведный! Ну и смелый же вы человек, Атабек! И неужели даже не ранены? Если не считать руку.

— Нет. В бок немного ранило кинжалом. Но это пустяки.

— Слава богу, Атабек! А тесть ваш знал об этом вашем подвиге?

— Нет! До сих пор об этом деле знали только я и Всевышний! Вы — третий, кто знает мою тайну.

— Помилуй боже! — воскликнул уста Алим. — И вы, наверное, впервые от уста Фарфи узнали о том, что ваш соперник — Хамид?

— Да, только тогда я узнал обо всем, — сказал Атабек, вздохнув, — только благодаря знакомству с вами я смог узнать все. Как мне благодарить вас?

— Когда я думаю о вашем геройстве, просто поражаюсь, у меня сердце готово выскочить из груди! А как вы узнали о намерениях Хамида?

Атабек улыбнулся:

— Слава Аллаху, все мои муки и страдания оказались не напрасными, все раскрылось совсем неожиданно. Рассказать вам все с самого начала или только о том, как я узнал про козни Хамида?

— Рассказывайте с самого начала, Атабек! — поспешно сказал уста Алим и велел Сайфи отложить дела и резать морковь для плова.

Видя, что уста Алим готовится слушать его рассказ, Атабек сказал:

— Но вы, кажется, забыли причину омовения?

— Нет, не забыл. Но я думаю, что лучше послушать хорошего человека, чем хоронить плохого. Ну, рассказывайте!

Атабек стал рассказывать истинному другу все, начиная с первого своего приезда в Маргилан. Рассказ обо всех его приключениях за три года затянулся на целый час и закончился, когда Сайфи уже принес на блюде готовый плов. На этом месте рассказ Атабека подошел к моменту встречи с Рахматом. Уста Алим похлопал Атабека по плечу:

— У вас отважное сердце, друг мой! С таким сердцем вы никогда не будете знать горя. И я не сержусь на вас, что вы скрыли от меня свое настоящее имя. Я только огорчен, что в пятницу ночью, когда вы следили за врагами из моего сада, вы не предупредили меня, как друга. Не дай бог, случилась бы какая беда, что тогда?

После плова уста Алим прочел такую молитву:

— И да будет истиной погибель всех ваших недругов, да пошлет Всевышний вам счастье с возлюбленной женой!

Атабек поблагодарил его. После чая они еще немного поговорили, затем Атабек вынул из своей тетради два письма и сказал:

— Если это не затруднит вас, я хочу вас попросить об одной услуге, уста!

— Я весь в вашем распоряжении, бек!

Отдавая мастеру письма, Атабек сказал:

— Я сейчас же вынужден выехать в Ташкент. И прошу вас доставить эти письма в дом кутидора, моего тестя, и передать их из рук в руки.

Уста Алим не понял его намерения:

— Почему же вы хотите уехать в Ташкент?! Лучше бы вы сами...

— Нет, сам я не могу сейчас... это неудобно для обеих сторон. Сейчас я должен уехать. Причину вы, наверное, и сами понимаете.

— Я понял, — сказал уста Алим. — Вы хотите вернуться, когда все здесь успокоится и прекратятся всякие толки?

— Может быть... — остановился Атабек и добавил: — Одно письмо моему тестю, второе — ей...

— Хорошо.

— Так как я пишу тестю коротко, вы расскажете ему все, как было, как я вам рассказывал. А когда переговорите с кутидором, то перед уходом передайте другое письмо — для нее. Хорошо?

— Ясно.

— Я был бы вам очень признателен, если бы вы потом мне написали о вашем посещении...

— Охотно напишу.

После этого они обнялись и распрощались до будущей встречи.

Когда Атабек вышел за калитку, он увидел, как люди, прочитав молитву за упокой души, расходились с похорон Садыка.

17. БЛАГОСКЛОННЫЙ УБИЙЦА

Когда кутидор, которого миршабы увели в канцелярию для допроса по поводу ночного происшествия, появился, наконец, во дворе своего дома, отлегло от сердца у Офтоб-аим и Кумуш, томившихся в ожидании и полных всяких опасений, и они сразу воспряли духом. Кумуш, как на крыльях, полетела на

встречу отцу и, обняв его, поглаживая его бороду, спрашивала:

— Вы не пострадали, папенька?

— Нет, дочка.

Услышав эти слова супруга, Офтоб-аим сразу же отдала Тойбеке семь таньга, которые она посвятила святому Ходже Бахауддину¹, и послала ее к ишану², а потом стала расспрашивать мужа:

— Вас ни в чем не обвиняли?

— Слава богу, меня оправдали! — сказал кутидор. — Да и в самом деле, в чем мог я быть виноват, когда мы и сами не знали ничего до того, как проснулись сегодня утром? К тому же, хотя разбойники и сделали подкоп в наш дом, но дыра так мала, что я не мог бы пролезть в нее. Но даже если бы я и мог пролезть, то и тогда меня нельзя ни в чем обвинить, потому что эти люди подкапывались под мой дом явно со злым умыслом против моего имущества и наших жизней. Даже если бы меня и заподозрили в убийстве, то все равно я был бы невиновен, так как считалось бы, что я убил воров, защищая свое добро и свою жизнь! Но, слава Аллаху, что вся эта трагедия разрешилась именно таким образом, без особого вреда, возблагодарим же его за это! — сказал кутидор, входя на айван и усаживаясь за танчу³.

— Что бабушка твоя не пришла? — спросил он Кумуш.

— Она совсем расхворалась, — отвечала Офтоб-аим и спросила: — А вы не смогли узнать, кто убил их?

Кутидор в недоумении пожал плечами.

¹ *Ходжа Бахауддин* — один из святых, особо почитаемых мусульманами Средней Азии.

² *Ишан* — духовное лицо.

³ *Танча* — то же самое, что и сандал — низкий квадратный столик, который ставится над углублением в земляном полу с горячими углями и сверху накрывается одеялом; служит для согревания рук и ног зимой и для согревания ног ночью во время сна; сандалом называют также все сооружение — столик, яму, одеяло.

— Интересные слова ты говоришь! Весь город теряется сейчас в догадках, не зная, кто бы мог это сделать. Даже маститые знатоки, способные разоблачить хитросплетения всякого рода, и те затрудняются что-либо сказать... Но я думаю, что между грабителями, кто позарился на наше добро, в момент рытья подкопа произошла под конец ссора, и они порешили друг друга.

Кумуш не согласилась с предположением отца.

— Ваши слова неверные, отец, — сказала она.

— Почему же неверные?

— Потому что, если б они устроили драку и поножовщину между собой, то мы бы, наверное, не отделились так легко...

— Видимо, уже светало, или же они тоже утомились, — ответил кутидор.

— А что же тут делал Хамид, ведь он был человеком довольно-таки состоятельным? — удивилась Офтоб-аим. Между тем, Кумуш украдкой взглянула на мать.

— Хамид был человеком дурного нрава, — ответил кутидор. — Видимо, и богатство его нажито воровством, кто знает. Трудно судить о человеке по его богатству.

— Слава богу, что он сам покарал дурных людей, — задыхаясь, сказала в ужасе Кумуш. — Что бы со мной случилось, если бы они влезли через пролом в мою комнату?! Ох, отец! Я умерла бы от страха! И вы лишились бы вашей дочери!.. Но как же я крепко и безмятежно спала, что даже не слышала, когда они пробивали стену у моего изголовья!

Офтоб-аим только качала головой:

— Да уж, доченька, и в самом деле!

Кутидор сказал:

— За всем этим кроется какая-то тайна, завесу над которой Всевышний еще не открыл нам. Вокруг нашего дома творятся кровавые дела: это уже было накануне, в день бракосочетания Кумуш с Камильбеком (лицо Кумуш в эту секунду выражало облегчение). А вчера за стенами нашего дома не один, а

трое оказались убитыми... Дай бог, чтобы на этом все кончилось...

— Бог милостив, все будет хорошо, батюшка! — указала Кумуш. — Бог покарал тех, кто рыл подкоп со злым умыслом, покусился на наш дом — это добрый знак!

— Ты права, дочь моя, — сказал кутидор.

Голосом звонким, как колокольчик, Кумуш продолжала:

— Нам не важно, кто были убитые, во всяком случае, люди, замышлявшие проникнуть в наш дом, недобрые, и кто бы ни был человек, который смешал их с землей, покарал за их злой умысел против нас, это благосклонный к нам благородный убийца, и пусть наградит его бог достойно!

Кутидор поддержал слова дочери:

— Бог уже покарал тех, кто замышлял злое против нас, он наградит и того, кто заступился за нас!

Так как Кумуш сказала, что она не может больше оставаться в той комнате, под которую велся подкоп, то Офтоб-аим велела Тойбеке перенести все вещи Кумуш оттуда в другую комнату, и женщины занялись переселением. Кутидор же целый день в михманхане принимал друзей и знакомых, приходивших его проведать и выразить ему сочувствие.

* * *

После наступления сумерек кутидор освободился от гостей и прошел в ичкари, как вдруг явилась Тойбека, которая убирала в михманхане:

— Вас зовет какой-то человек!

— Что за человек, ты не знаешь его?

— Нет, не узнала.

Кутидор нехотя вышел во двор и холодно поздоровался с ожидавшим его неизвестным.

— Чем могу служить?

Уста Алим, улыбнувшись, посмотрел на кутидора и сказал:

— Простите, что зашел к вам в михманхану без приглашения.

— В этом нет греха, мулла, — сказал кутидор. Они сели друг против друга.

— Поздравляю вас с благополучным избавлением от злодеев!

— Благодарение создателю! — сказал кутидор. Так как в михманхане становилось уже темно, он крикнул Тойбеке, подметавшей двор:

— Зажги и принеси свечу, Тойбека!

Как бы в ожидании свечи, уста Алим сидел, опустив голову, и молчал. Кутидор вопросительно поглядывал на незнакомца, сидевшего в такой позе, будто он слушает молитвы из Корана, и думал про себя: «Какое у него может быть дело ко мне?» Наконец, Тойбека внесла свечу и поставила ее в нише. Уста Алим поднял голову и, выйдя из состояния раздумья, заговорил:

— Вы, конечно, удивлены моему визиту, — начал он, доставая письма из кармана и одно из них с улыбкой протягивая кутидору. — Но вероятно, вас больше, чем мое появление здесь, удивит это письмо. Мельком взглянув на адрес, кутидор, как и предсказывал уста Алим, удивился, вскрыл письмо и стал читать. Дочитав до конца, он окаменел, ужасно пораженный ... Если бы рядом не было уста Алима, он, верно, долго не мог бы опомниться.

— Злодей, замысливший зло против вашей жизни и вашей семьи, получил по заслугам за свои преступления, брат мой Атабек рассчитался с ним сполна! — сказал уста Алим и продолжал: — Благодаря ему ваша благородная семья спасена от горя и теперь находится в преддверии счастливых и светлых дней. Прочтя это письмо, вы не должны ужасаться, а должны радоваться и благодарить бога за то, что враг ваш уничтожен!

С трудом придя в себя, кутидор глубоко вздохнул и спросил с нескрываемым волнением:

— Значит, это Хамид донес на меня с Атабеком и хотел довести нас до виселицы?

— Хамид.

— И письмо о разводе тоже писал не Атабек?

— Вне всяких сомнений, Атабек ничего не знал об этом письме. Его тоже написал тот же окаянный Хамид!

Тогда кутидор вскочил, побежал в ичкари и еще

со двора закричал Офтоб-аим и Кумуш, сидевшим у сандала:

— Тайна раскрылась!

Обе они быстро взглянули на кутидора и разом спросили:

— Что, какая тайна?

Кутидор не стал подходить к сандалу, встал у айвана, громким голосом прочитал письмо, которое держал в руках:

«Нашему уважаемому тестю!

Наконец-то, после двух лет скитаний и мучений я достиг цели — втоптал в землю дикого вепря, имя которому Хамид, и его пособников. Это он посадил нас с вами в темницу и довел до самой виселицы, а когда ничего не вышло из этого его изуверского плана, он написал вам от моего имени поддельное письмо о разводе с вашей дочерью, добился моего изгнания от ваших ворот и зверски убил ни в чем не повинного человека... Кровавая схватка, происшедшая прошлой ночью возле знатного вашего дома, наверное, доставила вам и вашим домочадцам много беспокойства. Но что поделать, пришлось столкнуться с людьми, замыслившими против моей супруги злое дело, и я вынужден был сразиться с ними. Я надеюсь, что вы, конечно же, простите меня! Не думаю, чтобы это причинило вам какой-нибудь вред, кроме беспокойства да разных толков среди людей. С просьбой простить мне эту величайшую вину, ваш изгнанный сын — Атабек, сын Юсуфбека-хаджи».

Но кутидор не произнес вслух слова «изгнанный». Письмо произвело на Офтоб-аим, и особенно на Кумуш, такое же впечатление, как вначале и на самого кутидора. Вне сомнений, невозможно описать пером, что делалось в душе Кумуш в эти минуты! Она вся дрожала, краснела и металась... Наконец, чувства ее вылились в горячие слезы, в эти высшие проявления душевного потрясения.

А кутидор со своей стороны внес пояснения:

— Выходит, и темница, и виселица, которые угрожали нам с Атабеком, и поддельное письмо о разводе от имени Атабека, разлучившее нас друг с дру-

гом, и убийство Камильбека, и злодейский подкуп, целью которого было похищение Кумуш, — все это дело рук того же коварного Хамида! А разоблачил и сравнял с землей его и его пособников, оказывается, Атабек!

Офтоб-аим сказала дрожащим голосом:

— Бесстыжий Хамид!

Кумуш воскликнула:

— Несчастный мой бек!

Больше ничего они втроем не могли сказать от волнения и надолго умолкли.

— А сам-то он как, с ним все в порядке? — наконец, спросила Кумуш.

— Судя по письму, цел и невредим, — сказал кутидор.

Офтоб-аим спросила:

— А где же он сам? Кто принес письмо?

Этот вопрос напомнил кутидору об уста Алиме, который терпеливо сидел в михманхане. Вскочив с места, ничего не ответив жене, он быстро вышел во двор. Когда кутидор опять присел напротив уста Алима, Офтоб-аим и Кумуш подошли к верхнему окошку михманханы, чтобы услышать беседу отца с человеком, доставившим столь бесценное письмо.

Кутидор принес свои извинения:

— Простите, пожалуйста, под впечатлением известий, которые вы нам принесли, я чуть не позабыл про вас...

— Я так и понял, — улыбнулся уста Алим. — Этот коварный интриган Хамид своими дьявольскими кознями чуть не погубил всю вашу семью, особенно вам это объяснять излишне. Но у Атабека сердце львиное, и он просто разгромил этого подонка, а это, согласитесь, не каждому под силу.

— А кто-нибудь рядом был с ним, когда Атабек сражался с разбойниками?

Уста Алим засмеялся.

— Он был один-одинешенек!

— Один? Против трех? — не поверил кутидор.

— Да, он был один, бравый молодец! — повторил уста Алим.

— Боже великий! Почему же он не дал мне знать?

— Он не хотел, мужская гордость не позволила ему это сделать, он даже меня оставил в неведении. Когда я укорял его за это, он сказал: «Я решил один бороться со своим заклятым врагом: или сам отдам жизнь, или отниму ее у него. Поэтому я никого не позвал на помощь».

Кутидор и ужасался, и, с другой стороны, дивился отваге Атабека.

— А сам-то он не ранен? — спросил он.

— Ранен в руку и в бок, но не опасно.

Уста Алим, несмотря на некоторые возражения кутидора, счел необходимым рассказать ему все, начиная с той минуты, как Атабек был изгнан кутидором от ворот дома, как он раз семь или восемь приезжал в Маргилан, как останавливался у него, уста Алима, как, хотя они и подружились, он скрыл свое настоящее имя, как в прошлую пятницу услышал от уста Фарфи о том, что Хамид — его враг и соперник, и как сегодня, наконец, открылся ему во всем.

— Но если письмо о разводе было поддельное, почему же он не пришел сам объясниться ко мне? — сказал кутидор.

— Да ведь вы, по его словам, не захотели с ним даже говорить и жестоко прогнали от ворот! — пояснил уста Алим. — Он и подумал тогда, что ваше согласие на его вторую женитьбу в Ташкенте было лишь хитрой уловкой, что вы сами захотели развести его с дочерью. Вот он и не мог переступить ваш порог. Он думал вызвать жену к казию, но, желая избежать встречи с вами, отказался и от этой мысли. Решил отречься от любимой жены, раз она была вашей дочерью!

Кутидор все-таки никак не мог понять поведение зятя.

— Допустим, он был на меня в обиде, но ведь можно было прислать посредника?

— И так можно было сделать, — улыбнулся уста. — Я тоже говорил ему об этом, но он сказал:

если кутидор мне самому не поверил, станет ли он слушать чужого человека? Таков уж характер у вашего зятя... О его необычайном характере свидетельствует хотя бы то, что даже его родители до сих пор не подозревают об этой драме.

— Странный человек! — сказал кутидор. — Конечно, и я допустил глупость.

— Воля судьбы, почтенный, мы не можем противостоять ей.

— Да, не вольны, — сказал кутидор. — А он сейчас находится у вас?

— Нынче в полдень уехал в Ташкент.

Кутидор не понял:

— Но почему же? Почему?

— Признаться, я и сам не понимаю, почему!

— Но он сказал, когда вернется, назначил срок?

— Я спрашивал его, но он мне не ответил определенно, — сказал уста Алим и, порывшись, вынул второе письмо. — Вот это письмо, вероятно, предназначено вашей дочери. А теперь позвольте мне покинуть вас. — И, прочитав краткую молитву, уста Алим поднялся.

— Я даже забыл про дастархан. Оставайтесь, пожалуйста, посидите еще!

— Спасибо, но мне пора. В другой раз, в более подходящий час... не забудьте пригласить на знатное угощение! — сказал с улыбкой уста Алим. Кутидор проводил его до самой улицы.

А Кумуш слушала под окошком все, что они говорили, и заливалась слезами.

* * *

Возвращаясь вместе с Кумуш в ичкари, Офтоб-аим говорила:

— Помнишь ту курносую старуху, которая помогала Хамиду в его коварных замыслах? Так вот, теперь беда пала и на ее голову: один из убитых — ее сын, поняла?

— Ах, какая мне польза с того, что он умер? — возразила Кумуш.

Офтоб-аим удивилась:

— Ты не видишь пользы во всем, что случилось?

— Чему же радоваться, раз бек уехал в Ташкент?

— Что с того, что уехал, приедет опять!

— Не приедет, — сказала сквозь слезы Кумуш, — все его помыслы заключались в том, чтобы только отомстить врагу.

— Кто тебе сказал?

— Я поняла это из слов того, кто принес письмо.

Офтоб-аим засмеялась.

— Не бросит тебя муж твой, не бойся, дочка! — сказала она. — Атабек жизнью своей рисковал, чтобы отвести от тебя беду, разве он может позабыть тебя? Ты сначала возьми у отца письмо, которое бек прислал тебе, и прочти его.

Кумуш широко раскрыла красные от слез глаза.

— Разве он написал мне?

— А ты не заметила, как тот человек передал отцу письмо для тебя?

— Не видела, — сказала Кумуш. И правда, услышав от уста Алима, что Атабек не сказал, когда вернется, она так огорчилась, что и не заметила, как было передано письмо.

Для Кумуш, которая за два года никак не могла забыть своего любимого, получить хотя бы письмо от него, раз уж она не могла ни видеть его, ни говорить с ним, было величайшей радостью. Когда отец, проводив уста Алима, показался в дверях, изящная грудь ее высоко поднялась, сердце ее так забилося, как будто ей предстояло встретиться с самим Атабеком. Кутидор вошел, присел к сандалу и протянул письмо Кумуш, которая смотрела на него так, будто хотела сказать: «Да скорее же давайте мне этот драгоценный подарок!»

— Вот письмо тебе!

Кумуш не спросила, от кого письмо, и не делала вид, что смущается, — не до того ей было. Раскрыв письмо, она склонилась над ним у свечи, горевшей в нише. Заплаканные глаза, слипшиеся от слез длинные ресницы, нахмуренные черные брови — все говорило о том, как она взволнована, и все придавало ей какую-то особую красоту. Откинув прядь волос, застилавшую ей глаза, она читала:

«Луноликой жене моей, чернобровой возлюбленной моей, госпоже Кумуш!

В вашем сердце сейчас, наверное, уже не пылает огонь ненависти ко мне, который загорелся от подложного письма, написанного от моего имени мастером на дьявольские выдумки Хамидом. Вероятно, вы уже больше не думаете о том, что написали мне в ответ на это поддельное письмо. Рука моя выводит эти строки, а сердце, полное любви к вам, дрожит, как лист, от одного предположения, что, может быть, вы давно забыли меня, и я не в силах выразить моего страдания... Буду откровенен с вами, прекрасная моя подруга жизни: может быть, сейчас вы в тоске и печали оплакиваете Камильбека, и это мое письмо — жалобу забытого сердца, вы уже не сможете прочитать, и оно сгорит в огне вашего пылающего от горя сердца...

Впрочем, мне все равно, — будете ли вы читать мое письмо или сожжете его на огне вашего страдания от переживания по усопшему. Вы скажете: почему? Да потому, что вы — моя законная жена, и я готов доказать это по-хорошему или по-иному!

Простите меня за мои непристойные поступки и за ту кровавую битву, которую я учинил позади вашего дома. Я был не волен в том кровопролитии: это было нужно для вас, чтобы сохранить вашу честь и даже жизнь. Я знаю, что вы будете благодарить меня за это доброе дело. Но я не считаю себя достойным вашего благодарения!

В ту ночь, когда я сразился с первым врагом и убил его, я сильно ослабел и понял, что не устою перед вторым, что отдам жизнь свою за вас — и это было блаженство! Умереть, спасая вас, — какая сладостная мечта! И вот, чтобы умереть совсем близко от вас, я проник в отверстие, проломленное врагами у вашего изголовья. Я вдыхал ваш аромат, слышал ваше нежное и чистое дыхание во сне... И тут — о, великий боже, — я почувствовал в себе такую силу, что мог бы противостоять не двум, а двум сотням врагов... Я хорошо понимал, кто даровал мне эту мощь — ангел, спавший в доме, кто влил ее в меня, это — вы!»

Дочитав до этого места, Кумуш-биби покраснела и не могла читать дальше. Потом продолжала:

«После этого я прикончил второго врага тут же, не вылезая из пролома. А главный виновник всех наших бед Хамид стал игрушкой в моих руках, я тешился им, как мышонком, и расправился с ним играючи...

Помните ли вы, как спасли меня от виселицы и подарили мне новую жизнь когда-то? В эту ночь вы второй раз спасли меня от смерти, вновь вернули меня к жизни! Поэтому я должен вас благодарить, а не вы меня!

У меня есть только одна обида — и не на вас, а на вашего отца: как мог он не увидеть, что письмо поддельное, что оно написано не моей рукой? Я думаю, что это письмо вам даже не показали, от ваших глаз не укрылась бы подделка... Но что делать? Мы были игрушкой судьбы. Я тоже был неправ: я так был расстроен вашим ответом на это подложное письмо, что даже не проверил, кто передал его. Я сам способствовал тому, что мы оба стали жертвой Хамида.

Некоторые обстоятельства помешали мне увидеться с вами. Первый раз в жизни я не позволил себе следовать желаниям моего сердца. Но теперь черная колючка, прицепившаяся к нам, вырвана прочь. Вы навсегда моя! Я в Ташкенте, но образ ваш всегда перед моими глазами. Да и разве может быть иначе?!

Ваш муж Атабек».

Кумуш-биби прочитала письмо до конца и побежала в комнату. Пораженные ее поведением, Мирзакарим и Офтоб-аим удивленно переглядывались между собой. Но Кумуш-биби сейчас же вернулась, неся в руке другое письмо, и, приблизившись к свече, сличила оба. Второе письмо было то, что написал от имени Атабека Хамид, — о разводе. С первого же взгляда ясно было, что оба письма написаны разными людьми.

Держа письма рядом, Кумуш-биби показала их отцу:

— Смотрите, отец! Боже, как мы были безрас- судно доверчивы!

Кутидор понял, о чем говорила дочь, тоже сразу увидел несходство почерков:

— Бессовестный, бес, безбожник, богоотступ- ник! — воскликнул он.

Кумуш сложила письмо Атабека и опустила его в карман, а поддельное стала сжигать в огне свечи, при этом спрашивая отца:

— А после того события зять ваш действительно приходил к нам?

— Приходил, дочка.

— Почему же вы прогнали беднягу? Почему вы не сказали об этом ни мне, ни моей матери?

— Я понял его приход по-своему и не хотел го- ворить вам.

— И вас не удивило, что человек, отрекшийся от вашей дочери, приехал к вам так издалека — из Ташкента? — вновь спросила Кумуш.

Кутидор, смущенный и подавленный, сказал:

— Когда приходит гнев, разум уходит, дочь моя!

Мирзакарим и Офтоб-аим дивились долго дья- вольским козням Хамида, беспрестанно приговаривая «тавба-тавба», и восхищались смелостью Атабека, благословляя его: «Дай бог ему удачи в жизни, по- шли ему бог долгой жизни». Но мысли Кумуш-биби были заняты другим. Когда родители заговорили о неожиданном отъезде Атабека, Офтоб-аим спросила Кумуш:

— Он не написал тебе, когда приедет?

Кумуш посмотрела на них с укором и сказала резко:

— Нет, не написал!

Муж с женой многозначительно переглянулись, и в комнате воцарилось продолжительное молчание. Кумуш смотрела на кутидора, и в ее взгляде был немой вопрос.

— Приедет — хорошо, — наконец, сказал кути- дор, — а не приедет, мы сами поедem в Ташкент, — и он посмотрел на жену.

Слова кутидора не понравились Офтоб-аим, она отвернулась. Но Кумуш, благодарная отцу за его слова, недовольно смотрела на мать.

— Где бы ни жила твоя дочь, не все ли равно, была бы лишь только жива и здорова, — сказал жене кутидор. — Кажется, лучше всего отвезти ее к мужу, а нам спокойно посылать ей наши благословения.

— Вашей дочери теперь только не хватает соперницы! — возразила Офтоб-аим.

Кутидор улыбнулся и взглянул на супругу:

— Что значит соперница, если муж хорош?

— Муж будь хоть тысячу раз хорош, а соперница — есть соперница! Недаром старые и умудренные люди ее так и называли — соперница!

Кутидор посмотрел на дочь, улыбнулся и попытался утешить жену:

— Не бойся, не на веки же вечные!

— А я и на один день не хочу! Жить с соперницей в одном доме — разве это жизнь?

— А ты забыла, что сделал для нас зять, его отвагу?

— Зачем забывать? — сказала Офтоб-аим. — Пусть приезжает. Я готова принять его, как сына. Пусть будет у меня не одно дитя, а два. А отправлять дочь к сопернице — нет, против этого я буду бороться и зубами, и ногтями!

— Даже если на пять-шесть дней — не согласишься?

— На сколько дней?

— Мне бы хотелось, чтобы она там пожила подольше, обзавелась бы детьми. Но раз ты на это не согласна, пусть поедет хоть на месяц-другой. Ведь стыдно нам: человек два года мучился, скитался из-за твоей дочери, а ты не хочешь, чтобы она хоть год пожила у него в доме!

Когда кутидор сказал «обзавелась бы детьми», Кумуш покраснела и потупилась. Офтоб-аим после этих слов начала сдаваться:

— Хорошо, но больше, чем на месяц, я не согласна! И то лишь ради зятя! — сказала она.

— Вот теперь, наконец, ты взялась за ум, жена!

— За ум взялась или нет, таково мое условие!
И я сама поеду с ней!

— Конечно, ты должна ехать. Надо, наконец, и со сватами познакомиться.

— Когда же вы намерены отправиться? — спросила Офтоб-аим.

Кутидор подумал немного, поглядел на Кумуш и сказал:

— Спешить нам вслед за Атабеком наперегонки — не совсем прилично. К тому же в зимнюю пору путешествовать на арбе не так удобно. Переждем зиму и месяца через три отправимся.

Заметив, как Кумуш надулась, услышав о таком длительном сроке, как три месяца, он добавил:

— А может быть, он и сам приедет через месяц-другой?

(Конец второй части)

1. КОНЕЦ САМОДЕРЖАВИЮ МУСУЛЬМАНКУЛА

Жестокость Мусульманкула, произвол и насилие переполнили чашу терпения народа. Хотя его гнет и притеснения не очень-то и ощущались в других городах, но в столице — Коканде — люди были доведены его деспотизмом до крайности. По прихоти правителя налоги теперь назначались даже не каждый месяц, а каждую неделю, три шкуры сдирали с народа. Постоянные казни беков-карачапанов, повешение за малейший промах приводили в смятение даже его приближенных, своих людей. Худаяр-хан, пребывавший ханом лишь номинально, понимал, что пока власть принадлежит Мусульманкулу, который казнит и милует по своему усмотрению, и пока временщик не устранен, сам хан — только кукла, марионетка в его руках. Худаяр давно уже таил в своем сердце злобу против Мусульманкула и жаждал мести, но не видел пути к этому. Лучшие из кокандских беков, которые могли бы стать ему опорой, были казнены или убиты Мусульманкулом и его приближенными кипчаками, а другие и пикнуть не смели против него. Беки ближайших городов и старшины окрестных кишлаков в большинстве своем были также из кипчаков, то есть приверженцев Мусульманкула, и от них, разумеется, не приходилось ожидать поддержки.

Почти все слои городского населения испытывали на себе тяжесть правления Мусульманкула; довольно им было только лишь высшее духовенство — улема¹.

¹ Улема — по-арабски «ученые» (применяется только в форме мн.ч., не склоняется).

Именно на нем да на кипчаках и держалась его власть. Все свои грязные происки он обычно «узаконивал» через них, и если ему надо было убрать кого-нибудь из своих противников с пути, он не забывал испросить «фетву»¹ у улема. А чтобы вознаградить улема за их услуги, он строил медресе в Коканде и Андижане, назначал в них угодных ему людей. Но среди улема были и такие полуграмотные люди, с ничтожно малыми знаниями, которым не удалось стать приближенными Мусульманкула и пользоваться его милостями.

Худаярхан, жаждавший избавиться от регентства Мусульманкула и править самостоятельно, в борьбе против своего всесильного тестя решил опереться именно на этих обиженных улема. В предвкушении щедрых наград и назначений на видные должности, которые должны были последовать после падения Мусульманкула, представители кокандского духовенства — из числа тех, кто не был обласкан временщиком, — пришли в движение.

И в то время, как сторонники Мусульманкула утверждали, что его политика соответствует канонам шариата, другие улема стремились доказать обратное и разъясняли, что многие действия правителя идут вразрез с интересами народа и в корне противны шариату, несообразны с ним, незаконны.

Сначала все это делалось втайне, как говорят, «под ковром», но, во главе движения стоял сам Худаяр. Первым делом он разослал надежным улема и бекам Ташкента, Андижана, Маргилана и некоторых других городов тайные послания, прося оказать ему помощь, чтобы избавиться от Мусульманкула. В этих посланиях перечислялись незаконные действия регента, запрещенные шариатом, говорилось о его жестокости и тяжких притеснениях, которые терпят от него не только простые жители Коканда, но и сам хан в последнее время, сообщалось, что впредь хан не может допускать подобные беззакония; говорилось также, что, если улема и беки городов придут ему

¹ *Фетва* — разрешение духовенства на то или иное действие.

на помощь, хан готов выступить против изверга Мусульманкула. С другой стороны началась оживленная агитация против приверженцев Мусульманкула среди некипчакских частей кокандского войска.

Ответы из Андижана, Маргилана, Намангана были осторожны и ограничивались лишь обещаниями: «Если хан находит это дело разумным, мы готовы помочь». Но из Ташкента от Юсуфбека-хаджи и его друзей было получено послание, содержащее в себе и практические советы.

Вот что говорилось в этом послании:

«Ваше, высокочтимых кокандских улема и знатных людей тайное послание с жалобами на кровожадность Мусульманкула и с указаниями на несообразность его действий с установлениями шариата, мы получили. Мы, улема и именитые люди Ташкента: дамла Салихбек-ахунд, мулла Юсуфбек-хаджи, из военачальников — кушбеги Касым и Нияз, курбаши Каримкул и Мухаммад Раджаб, а также Камбар-шарбатдор, собравшись вместе, беседовали и обсуждали превысившие всякие пределы насилия действия Мусульманкула, притеснения, чинимые им жителям Коканда и других городов, кишлаков и селений. Мы, собравшиеся, также признали, что дела Мусульманкула безрассудны, противны шариату, пагубны для страны и народа. В соответствии с этим, названного тирана Мусульманкула надлежит, если повелитель мусульман сочтет необходимым, низвергнуть, сместить с должности. Мы же, народ Ташкента, даем слово стоять твердо на стороне справедливости. Ежели вы, знатные люди Коканда, твердо встали на путь борьбы с этим деспотом, чтобы лишить его звания мингбаши, то вот что надумали мы скромным нашим разумом: пусть Ташкент объявит себя отложившимся от Коканда. В этом случае Мусульманкул непременно должен будет повести войско на непокорный Ташкент. В это войско вы должны влить как можно больше своих людей, а также пусть вместе со всеми принимает участие в походе и сам хан. Когда войско достигнет Ташкента, мы нападём на воинов Мусульманкула в лоб, а вы

и ваши люди схватитесь с ними с тыла, и таким путем Мусульманкул будет уничтожен. К этим сообщениям мы, ташкентцы, пришли после глубоких размышлений, и все же окончательное решение остается за вами. Но, полагаем, что именно в таком случае задуманное может быть выполнено без особого кровопролития. Да будет вам известно, что не следует опасаться нынешнего правителя Ташкента: этот человек самоотверженно заботится о спокойствии и благе народа. Он во всем послушен будет нашим советам. Если Аллаху будет угодно и наши сообщения будут приняты вами во внимание, мы хотели бы знать, что решит хан, и просим его снизойти к нам и написать нам от своего славного имени, чтобы мы с уверенностью приступили к исполнению задуманного».

Как только это послание попало в руки Худаярхана, он тотчас же послал в ответ благодарственную грамоту, в которой одобрил намеченные действия и дал соответствующие дальнейшие указания. Получив одобрение хана, знатные люди Ташкента, перечисленные выше, пригласили на свое совещание ташкентского правителя Нармухаммада-кушбеги и передали ему обращение хана и улема. Так как на совещании присутствовали Юсуфбек-хаджи и дамла Салихбек-ахунд, которых правитель Ташкента почитал за своих духовных наставников, то Нармухаммад-кушбеги ради мира и спокойствия народа и благоденствия страны согласился выступить в роли мятежника против Коканда и согласился поддержать восстание против Мусульманкула. Из этого можно было заключить, что даже Нармухаммад-кушбеги, обласканный Мусульманкулом, считал политику своего покровителя и благодетеля противной интересам страны.

Вскоре Нармухаммад-кушбеги объявил, что Ташкент вроде бы более не подчиняется Коканду, выходит из повиновения ханскому правительству и создает свое самостоятельное правление. Подобная тактика, задуманная Юсуфбеком-хаджи, сразу дала свои всходы. У Мусульманкула волосы встали дыбом от ярости, и он немедленно стал готовиться к походу на

Ташкент, чтобы покарать мятежников. Худаяр, тоже старавшийся казаться разгневанным, отправился в поход вместе с Мусульманкулом. Но в пути он все время тайно сносился с Ташкентом, посылал туда письма и военные сведения.

Когда Мусульманкул со своим авангардом дошел до реки Чирчик, ташкентские воины во главе с Нармухаммадом-кушбеги уже ожидали его на противоположном берегу. В полдень оба войска встали друг против друга. Не давая передохнуть кокандцам, ташкентские воины открыли ружейный огонь. Неожиданно для Мусульманкула часть его воинов внезапно бросилась на своих, другие стали перебегать к ташкентцам. Те же, что были верны Мусульманкулу, пришли в замешательство, не зная, что делать: то ли защищать Мусульманкула, то ли бежать. Мусульманкул, видя, как ташкентцы и кокандцы, словно стая скворцов, набросились на него, и поняв, что ему не устоять против них, едва спас свою шкуру, один на коне выбрался из схватки и ускакал прочь, долгое время преследуемый неприятелем. Тогда к воинам-кипчакам глашатай обратился с призывом:

— Братья-кипчаки! Мы воюем только против Мусульманкула. Вы же братья, как служили хану, так и будете служить ему. Но если среди вас есть сторонники Мусульманкула, то пусть они покинут войско и уйдут с миром!

Собравшись в одном месте, кипчаки тоже выставили своего глашатая:

— Долой Мусульманкула, мы его не хотим признавать! Наш повелитель — Худаяр-хан!

После этого кипчаки смешались с узбеками и приветствовали друг друга, словно вместе с Мусульманкулом исчезла всякая вражда между ними, и два народа слились воедино. Десятки тысяч людей присягнули на верность Худаяр-хану, теперь уже полноправному государю. Жители Ташкента с великими почестями встретили хана и кокандское войско, и три дня во дворце шел пир горой. В эти три дня только и разговоров было, что о пользе дружбы и

мира и о вреде раздоров. По совету Нармухаммада-кушбеги и муллы Юсуфбека-хаджи, вместо низвергнутого Мусульманкула на пост мингбаши был назначен Утаббай, — бывший правитель Маргилана. А Худаяр-хан со своим войском и с новым мингбаши на четвертый день вернулся в Коканд.

* * *

Приближался конец зимы. После свержения Мусульманкула минуло дней двадцать. В доме Мухаммада Раджаба-курбаши собрались гости, и два-три раза уже приходили посланцы за Юсуфбеком-хаджи — звать его на пир. Скрепя сердце, Юсуфбек вынужден был пойти.

Тут собралось человек пятнадцать именитых горожан, начиная с Мухаммада Нияза-кушбеги, Касымингбаши, Камбара-шарбатдора, Каримкула-пансада. Гостям было подано обильное угощение — фрукты и сласти, шурпа, плов и прочее. За едой Нияз-кушбеги пояснил собравшимся цель этого собрания, поведя такую речь:

— Братья мои, старшие и младшие! Теперь мы уверились, что если мы, люди одного племени, будем дружно держаться друг за друга, будем как одно тело и одна душа, не так уж трудно нам избавиться от засилья кипчаков. Подумайте, в каком положении были мы месяц назад? Беспощадный меч Мусульманкула был приставлен к нашему горлу. Благодаря разумным мерам, предложенным нашим хаджи, — да пошлет бог ему долгой жизни, да будет ему много радости от детей его! — и благодаря крепкому единению наших сородичей, мы избавились от гнета Мусульманкула. Но разве, избавившись от этой беды, мы избавлены полностью от наших недругов? Вы спросите почему? Да потому, что и теперь все равно — если не белая, так черная собака лижет наши чашки и ложки. Мы ведь не избавились от кипчаков. Не Мусульманкул, так какой-нибудь Алимкул сядет нам на шею, — тут кушбеги, взяв с дастархана горсточку изюма, продолжал: — Чтобы угодить Нармухаммаду, мы согласились с назна-

чением Утаббая мингбаши, хотя в нашей воле было решить по-другому... Такова была наша главная ошибка. С того самого дня я не могу с этим примириться: неужели у нас перевелись достойные люди, которые могли бы стать мингбаши вместо этой собаки Мусульманкула. Нет, братья, железо куют, пока горячо! До каких пор будем мы терпеть рядом с собой этих псов? Лучше уж разом уничтожить эту нашу головную боль и обрести покой. Мы посоветовались здесь с нашими единомышленниками и пришли к такому решению. Не сомневаемся, что и наш хаджи одобрит это решение. Хан тоже не пойдет против нас. Наши братья в Коканде, Маргилане, Андижане, Оше и в других городах тоже, наверное, поддержат нас в этом деле. Потому что нечисть, какой являются кипчаки, встала всем поперек горла, — сказал кушбеги и, вытряхнув из табакерки на ладонь насвай, бросил щепотку под язык.

Во время этой речи Юсуфбек-хаджи, машинально покачивая пиалу в руке, упорно молчал, находясь в тяжелом раздумье. Когда Нияз-кушбеги закончил, все как один обернулись к Юсуфбеку-хаджи и смотрели на него в ожидании. Так как хаджи сидел, не говоря ни слова, Камбар-шарбатдор тоненьким голосом поддержал кушбеги:

— Кушбеги, молвите истину, — сказал он, — перед нами два пути, как вы говорите, — или истребить кипчаков, или целиком подчиниться им.

Юсуфбек-хаджи выпрямился, посмотрел на Камбара-шарбатдора, потом исподлобья оглядел всех присутствовавших, но продолжал молчать.

Каримкул-пансад, чтобы заставить хаджи прервать молчание, сказал:

— Говорят, дело, затеянное сообща, не развалится. Пусть же наш хаджи-ака откроет нам, что он думает об этом.

— Не знаю... — проговорил, наконец, хаджи, — или я вас не понял и не понимаю ваших намерений, или же я их понял, но они мне чужды, и я могу только дивиться.

Нияз-кушбеги почесал в затылке:

— Чему вы дивитесь, хаджи?
— Ваша цель, как сказал Камбарбек, — вырезать кипчаков, так, что ли?

Кушбеги ответил, не колеблясь:

— Вырезать всех!

— Кто же и что заставляет вас это делать? — насмешливо усмехнулся хаджи.

Кушбеги оглянулся на своих друзей.

— Станный вопрос! — сказал он. — Вы, наверное, должны это знать лучше нас.

— Хорошо сказано, — ответил хаджи, снимая чалму с головы, — так вот, Мусульманкула мы должны были прогнать, и мы его прогнали. Все дурное ушло с ним, и мы стали жить в дружбе с братьями-кипчаками, старая наша вражда с ними покончена, довольно. Чего же нам еще надо?

Слова хаджи заставили участников собрания переглянуться друг с другом. Но кушбеги не хотел сдаваться и, сделав над собой некоторое усилие, насмешливо сказал:

— Вы полагаете, что Мусульманкул на этом успокоится?

— Нет, конечно, я этого не думаю. Но оттого, что Мусульманкул еще жив и может что-то предпринять, стоит ли подымать меч на всех кипчаков? Это не поддается моему разумению! Скажите сами, кушбеги, от кого исходило все дурное, что нам пришлось испытать: от всего народа, именуемого кипчаками, или от нескольких людей из этого племени?

— Сказать по правде, доселе мы от каждого кипчака терпели бесчинства.

— Ошибаетесь, кушбеги! Будьте справедливы, и вы найдете совсем немного людей, которые вносят смуту между нашими народами, сеют семена раздора между нами. Что до меня, то ради успокоения страны следовало бы подумать именно об этих людях. Как можно из-за каких-нибудь четверых мерзавцев подвергать гонению целый народ!

— Их не четверо, как вы говорите, хаджи. Каждый кипчак, явившийся из степи, готов сесть нам на шею, всюду норовит сунуть нос. И вот тут-то, сда-

ется мне, ваши соображения несколько поверхностны, хаджи-ака!

Встал Касым-мингбаши:

— Все, что говорил хаджи-ака, говорилось из жалости, от доброты сердца, — сказал он. — Но ведь надо подумать и о том, сколько крови наших сородичей пролито кипчаками? Мы вот с Раджаббеком подсчитали: в одном только Коканде за два года убито семьдесят восемь беков. А уж об убитых из простого люда и говорить не приходится.

— Я не отвергаю эти факты, мингбаши. Я только хочу сказать, что нам не следует отвечать тем же, чтобы не выйти за пределы разума и справедливости...

Кто-то перебил хаджи:

— Мы сыты по горло этим разумом и справедливостью.

Хаджи замолчал. Чутье подсказывало ему, что его доводы и усилия напрасны и что дух собрания продиктован волей Нияза-кушбеги. Мало того, хаджи отлично понимал, что именно толкает кушбеги на это дело. Назначение Утаббая-кушбеги (хакима Маргилана) на должность мингбаши Коканда было кровной обидой для Нияза. И этот клич — резать кипчаков — брошен был Ниязом из-за личной обиды: «как может кипчак стать мингбаши, когда я могу быть им?!» Остальные участники совещания большей частью, по мнению хаджи, были бездельниками, готовыми к любым склокам.

Конечно же, любители поживиться при случае легкой добычей, для которых личные выгоды были дороже интересов народа, не могли не раздражать хаджи, и он не сдержался.

— Беки! — сказал он. — Я говорил обо всем, думая, прежде всего, о пользе народа. Я никогда не забываю, что люди, нечистые на руку, которые заботятся лишь о своей выгоде, встречаются не только среди кипчаков, но и среди нас... И, может быть, даже среди кипчаков их десятки, а среди нас сотни. Ненавистный вам кипчак Нармухаммад так справедливо правит сейчас городом, что я в своей жизни

впервые вижу такого достойного правителя Ташкента. Вы не можете отрицать этого! Довольно, виноваты не кипчаки, а те, кто ради своей выгоды угнетает народ, точно так же, как виноваты не карачапаны, как, может быть, думают кипчаки, а только некоторые из их неразумных и жадных беков!.. Братья! Русские, рассчитывая на наши распри, уже приготовились возле наших ворот для нападения. И если мы, вместо того, чтобы свести наши силы для отпора в единый кулак, станем убивать своих, то какова будет наша участь? Об этом подумал кто-либо из вас? Вы подумали о том, каково будет нам под игом неверных? Каким образом вы намереваетесь дать отпор им, или все пустим на самотек?

Слезы текли из глаз хаджи, и он продолжал:

— Так вот, братья! Пока вы роете могилу для кипчаков, другие готовят то же самое для вас. Пока мы точим мечи на кипчаков, русские направляют на нас свои пушки. Вы видите в кипчаках единственных врагов своих, я же всегда обращал свой взор в другом направлении и вижу куда более грозного врага, — с этими словами он вытер платком слезы и встал. — Друзья! Если вы хоть немного уважаете мнение уже почти завершившего свой земной путь старика, откажитесь от своего замысла! В противном случае, считайте Юсуфбека мертвым, я не хочу участвовать в вашем злом деле! — так сказал хаджи и, не обращая внимания на просьбы и крики: «Погодите! Останьтесь!», покинул собрание.

Не успел хаджи выйти за ворота, как Нияз-кушбеги захохотал:

— Вай, ну нагнал же страху этот хаджи. Видно, кукнара нынче отведал! — заметил он.

Смех старшины был сигналом, чтобы и все засмеялись, загомонили.

— Нет, — сказал Камбар-шарбатдор, — постарел наш хаджи, размяк, и ослабело сердце у него!

— Вай, хаджи! — добавил Нияз-кушбеги. — Он не видит пользы в настоящем, видит только беду где-то далеко в будущем.

— Вот-вот, правильно!

Мухаммад Раджаб-курбаши, покачав головой, оглядел собравшихся и обратился к Нияз-кушбеги:

— Я говорил вам, кушбеги, что хаджи можно на что угодно уговорить, но только не на такое дело!

— Я и сам догадывался об этом, потому что он все не хотел прийти к нам и заставил нас так долго ждать.

— Еще вчера он выглядел настороженным, — вставил Каримкул-пансад.

— А дело-то наше расстроилось! — сказал Мухаммад Раджаб-курбаши.

— Почему расстроилось? — спросил кушбеги.

— Тайна наша раскрыта, конечно же, хаджи молчать не станет.

— Ничего еще не раскрыто, — уверенно возразил кушбеги, — если мы все, тут собравшиеся, родные и друзья, будем твердо держать свое слово, тайну нашу можно скрыть.

— Каким образом? — спросил Камбар-шарбатдор.

— Слово наше — слово, и союз остается союзом — так?

Все дружно закивали:

— Да, да, несомненно!

— Если мы едины в нашем намерении, — сказал кушбеги, — то с хаджи легко можно все уладить. Сейчас мы договоримся окончательно о нашем деле, а потом кто-нибудь из нас поедет к хаджи и скажет ему, что мы вняли его советам, поняли, что ошиблись, и отказались от задуманного. Хаджи, конечно, поверит и не станет никому говорить об этом. А мы будем втайне готовиться. Вот и все!

— Верно, правильный совет!

— Верно-то верно, но главное в том, готовы ли мы сами решиться на это дело, — сказал кушбеги.

— Готовы! Готовы!

— Молодцы, — сказал хозяин. — Значит, ясно: мы все заодно. А теперь можем перейти к другим делам.

— А удастся нам уговорить на это дела хана? — спросил Касым-мингбаши.

Кушбеги засмеялся самодовольно:

— Считайте, что хан уже с нами!

Слова эти не были понятны собравшимся, они удивленно переглядывались.

— Поясните, кушбеги!

Кушбеги объяснил:

— Перед отъездом хана из Ташкента я, уловив момент, тайно побеседовал с ним и намекнул ему о наших желаниях. Мысль наша, видно, пришлась хану по душе, он выслушал меня с вниманием и сказал: «Хорошо. Подумайте и напишите, что вы желаете предпринять, и я тоже подумаю об этом». И сдается мне, хан сна лишился, поджидая от нас вестей. Остается только обдумать, как приступить к делу, и тогда получим разрешение от хана.

— Значит, хан уже готов? — улыбнулся Камбар-шарбатдор.

— Еще как готов!

Стали обсуждать, как действовать. Каждый предлагал что-то свое, долго ломали головы, и в итоге, написали хану следующее послание:

«Повелителю мусульман, Счастливейшему Хану, сыну ханов, юному Шахиншаху, августейшему владыке! Мы, ничтожнейшие из ничтожных его рабов, обращаемся к нему с челобитьем, опасаясь, как бы не было какого злого умысла против повелителя нашего от буйного племени кипчаков, и полагая, что, пока земля не будет очищена от упомянутых подлых степняков, такая опасность будет постоянно угрожать Его Величеству, так же, как и всем нам, ничтожным его рабам! Побуждаемые этими опасениями, мы, ташкентские беки, ничтожные рабы Хана, в надежде пребывать долгие годы под Его благословенной десницей, собравшись вместе, пришли к мысли о том, что если получим на то ваше соизволение, — без всякого снисхождения будем предавать казни и уничтожению всех мужчин этого дикого племени в возрасте от пятнадцати до семидесяти лет. По нашему разумению, этот подлый народ заслужил такую кару, ибо от них, предателей, ежедневно и ежечасно грозит опасность нашему повелителю. Однако до определения срока этой кары обязуемся хранить дело в тайне. Пусть венценосный наш Повелитель сам

соизволит назначить день и час возмездия и разошлет тайный приказ по всем городам, кишлакам и селениям людям верным и твердым сердцем. Так как и в благословенной столице вашей, подобном раю Коканде, имеется множество упомянутых выше злоумышленников-кипчаков и их сторонников, мы, ваши ташкентские рабы и слуги, считаем своим долгом прийти Хану на помощь. Как только Хан соизволит известить нас о дне и часе расправы, мы, оставив здесь необходимое число наших людей, объявим, что направляемся к Хану на поклон, чтобы поздравить Его с благополучным избавлением от Мусульманкула, а сами устремимся к вам, каждый с сотней, или двумя сотнями, или даже с пятьюстами воинов, и, достигнув ворот Коканда, обнажим наши мечи, чтобы расправиться с этими собачьими выродками.

Что касается нынешнего правителя Ташкента, кипчака Нармухаммада, ваше слово развязало бы нам руки — и избавило бы нас от излишних размышлений и сомнений.

Да соблаговолит наш Повелитель известить своих слуг, — пришелся ли Ему по нраву наш замысел, плод скудного нашего разума, и, указав возможные ошибки наши, да порадует нас своими наставлениями, после чего мы крепко перепояшем чресла наши, чтобы послужить Ему! Да будет над ним благословение Аллаха!

Собравшиеся здесь, преданные слуги ваши». И подписи.

Это послание решено было отправить хану немедленно, на следующий же день, для чего выбрали надежного человека. Опасаясь, как бы Юсуфбек-хаджи не помешал заговорщикам, Мухаммад Нияз-кушбеги отправился к нему прямо с собрания. Остальные разошлись по домам.

2. СМУТНЫЕ ДНИ

Через дней десять после возвращения Атабека из Маргилана он получил письмо от уста Алима. В этом письме уста Алим описывал до мельчайших подробностей свое свидание с кутидором: «Как вы обижались на вашего тестя, пока не узнали о предательстве, так и он тоже был обижен на вас. Ему казалось, что вы насмеялись над ним и его дочерью, и он думал, что никогда не простит вам этого оскорбления. Узнав же от меня правду, он едва не лишился чувств. О том, что произошло в ичкари, не могу сообщить вам точно, но догадываюсь, что и женщины впали в такое же состояние, как и ваш тесть. А тесть ваш не в силах был даже представить себе всю тяжесть перенесенного вами испытания и не находил слов, чтобы по достоинству оценить отпор, который вы дали вашим врагам. Во всяком случае, вы можете не сомневаться, что теперь все обиды и недоразумения исчезли заодно с вашим соперником».

В послании были и следующие строки: «Ваш тесть спросил меня, где вы сейчас находитесь. Я сказал ему все, что знал. Он спросил, приедете ли вы сюда, но я дал ему такой же неопределенный ответ, какой получил от вас. Но, думается мне, если не зимой, то весной они сами приедут в Ташкент».

В конце письма была приписка: «Хамид умер на другой день после вашего отъезда. Эта дикая свинья сдохла, не обмолвившись ни единым словом. А я боялся, как бы он не выдал вас. Кутидору не предьявляли обвинений, так как родичи убитых никаких подозрений высказать не могли, и это дело не стали расследовать. Мне только кажется, что, хотя никто не может знать вашей тайны, мать Садыка о чем-то догадывается. Но она тоже молчит, а когда ее спрашивают, говорит: «Пусть бог их накажет». Полагая, что от этой женщины можно ждать всего самого худшего, я сказал вашему тестю, чтобы они не допускали в дом к себе никаких чужих женщин и не ели ничего, доставленного со стороны. С дурными людьми надо всегда быть настороже».

После этого из Маргилана около двух месяцев не было никаких вестей. Атабек жил, как в тумане, не зная, что принесет ему завтрашний день — радость или горе. Временами он оживал, окрыленный надеждой, а затем вновь впадал в мрачную задумчивость.

Порой, охваченный ласковым объятием надежды, застывал он в плену грез: вдруг чудилось ему — вот как луна, выглядывающая из-за крыши, вот-вот, не сегодня-завтра войдет в ворота та единственная в желтом или черном атласном платье, облаченная в паранджу, с чачваном в руке, а в глазах — немой укор...

А иной раз ему чудились такие слова:

— Значит, ты ездил в Маргилан только для того, чтобы расправиться со своими врагами, а как свел счета с ними — и пропал без вести?.. Что ж, если попадется хороший жених, может быть, выдать Кумуш замуж, чтобы ее жизнь не проходила в одиночестве?..

От таких мыслей его бросало в жар, и сомнения раздирали ему душу. «Почему же целых два года подряд я ездил туда-сюда, а когда добился своего, сижу тут, как дурак?!» — думал он и уже готов был отправиться в Маргилан. Но ехать сейчас — не входило в его расчеты. «Раз я уехал, зачем теперь вернуться, что скажу? Я ждал, что вы сами привезете вашу дочь в Ташкент! Но вы не привезли ее, и вот я сам явился, — это, что ли, им скажу?» Так проходили дни Атабека.

Узбек-аим потихоньку радовалась: сын, который месяца не мог прожить, чтобы не съездить в Маргилан, теперь вот уже три месяца не двигается с места. Даже говорить перестал о Маргилане. «Видно, последнее колдовство подействовало. Теперь только бы перестал спать один в михманхане, пригрелся у жены! Во всяком случае, надо продолжать ворожбу», — думала она и заставляла Зайнаб ходить к гадалщикам и колдунам.

Так как Атабек в последнее время совсем забросил свои торговые дела, Хасанали оказался свободен. Тогда он, чтобы не скучать дома, вложил кое-

какой первоначальный капитал и с разрешения хаджи открыл небольшую бакалейную лавочку на гузаре¹. Атабек много времени проводил за книгами в михманхане. Когда же надоедало читать, шел в лавку к Хасанали; если же и там было скучно, отправлялся куда глаза глядят, бродил по берегу Салара, заходил в Чукур-кишлак. Правда, бывая там теперь, он не напивался, как раньше, ограничиваясь несколькими, от силы, четырьмя чашками бузы, и возвращался чуть под хмельком, забывшись от мучивших его дум, но, даже немного развеявшись, он не мог скрыть своего состояния от чуткого Хасанали.

Позавчера он ездил в Чукур-кишлак, вернулся незадолго перед часом предзакатной молитвы и в задумчивости остановился на гузаре, у лавки Хасанали. Конные и пешие обыватели сновали по улице, и Атабек, будучи нынче более, чем обычно, под хмельком, смутно различал их силуэты.

Хасанали, разок-другой взглянув на него, испытывающе спросил:

— Почему вы так долго не едете в Маргилан?

Этот вопрос словно сразу отрезвил Атабека, и он широко раскрыл глаза.

— Нет охоты...

— Если б ваш тесть согласился, лучше вам привезти сюда вашу жену, чем ездить туда-сюда.

— Как знать...

Раньше ему было трудно говорить неправду, когда его спрашивали о Кумуш, хотелось рассказать все, пожаловаться: «ты причина тому, что я женился на ней, и вот теперь меня разлучили с возлюбленной». Сейчас же он не смутился и не огорчился, только подумал вдруг, что, если сам он не хочет ехать, можно бы послать Хасанали в Маргилан, и пора уже найти время и рассказать ему все. Эта мысль прочно засела у него в голове, даже хмель покинул его. Хасанали закрыл лавку, они пошли

¹ *Гузар* — оживленное, бойкое место у дорог, перекрестков; маленький базар (где расположены чайхана, несколько лавок, парикмахерская и т.п.).

домой, вместе поели в михманхане. За ужином он продолжал думать о том же, но ни к какому решению не пришел. И его, по мере выветривания хмеля, стали одолевать сомнения:

— Кто знает, что там делается в Маргилане? Может быть, они опять раздумали? Стоит ли посылать человека, не узнав ничего точно?..

Погода прояснилась. Весенние тучи, уже два дня покрывавшие небо, устав поливать землю живительной влагой, расплылись в разные стороны, и солнце с улыбкой озарило всю округу. Чирикали воробьи, вылезшие из своих гнезд, ворковали горлинки. На соседнем тополе с мелодичным пением парочка иволг словно совещались, где им удобнее свить гнездо. Громко мычал теленок с белой отметиной на лбу, бежавший за матерью, которая спешила на зов пастуха. Голубь на крыше, защищая свою самку, надул зоб и боком-боком кружил около соперника... Казалось, вся вселенная была в хорошем настроении, словно после приятного сна.

Чудесное весеннее утро пробудило чувства Атабека. Наспех позавтракав, он вслед за Хасанали направился к гузару. Сосед Хасанали, молодой человек по имени Али, лениво подымал ставни своей лавки. Увидев Атабека, он остановился и спросил:

— Вы нынче свободны, бек-ака?

— Свободен.

— Если свободны, не съездить ли нам на кумыс в Мингурюк¹, — сказал Али. — Там Тула-казах пустил своих кобыл на джайляу².

— А как же быть с лавкой?

Али поставил на место снятую было ставню:

— Э, разве когда-нибудь все дела переделаешь на этом свете, бек-ака? Если вы согласны идти со мной, я закрою лавку, и отправимся!

Атабек прищурился на сверкавшее солнце:

— Закрывают лавку!

¹ *Мингурюк* — часть Ташкента, где были размещены деревянный рынок и рынок мелкого рогатого скота (А.К.). Ныне — местность у северного железнодорожного вокзала.

² *Джайляу* — выпас, летовка.

Часто бывая в лавке Хасанали, Атабек попутно познакомился с Али. Это был простодушный, веселый парень открытого нрава, он так держался с беком, будто они знали друг друга много лет.

Предложение Али оказалось очень кстати: Атабек, выйдя из дому, и сам мечтал провести этот день за городом. Они купили мяса и пешком отправились на Мингурюк.

Уже само название местности «Мингурюк» говорит о том, что это был обширный сад с тысячью урючин, ряды которых тянулись от арыка Чаули до канала Салар. За Саларом начиналась бескрайняя холмистая степь, только-только покрывшаяся ковром молодой зелени. На берегу канала стояло несколько казахских юрт. Вдвоем они вышли на берег Салара. Мясо отдали молодой Тула-казаха, чтобы она приготовила им шурпу.

Али вынес из юрты кошму и постелил на берегу Салара. Невестка-молодуха принесла им одеяла и подушки. Атабек с наслаждением растянулся на кошме.

Солнце ласково пригревало, легкий ветерок был напоен ароматами трав. Несколько ласточек летали низко над водой и славили весну чтением «валфаджр»¹. Покрытые свежей зеленью холмы необъятной степи и низины скрывались вдаль в туманной дымке. Пенье птиц, стрекотанье кузнечиков звучало, как саз², и эта музыка вызывала в человеке неясные чувства, которые трудно передать словами.

Атабек любовался прекрасной картиной, открывшейся перед ним, и, подумав: «Если бы здесь была она!», глубоко вздохнул.

Али тоже был под впечатлением красоты этого весеннего дня, безуспешно стараясь скрыть распирающее его изнутри волнение:

¹ *Валфаджр* — «Фаджр» — сура из Корана (фаджр — ранняя заря, и одно знамение Аллаха). Сура начинается словами «валфаджр» (т.е. «заклинаю утром») и заканчивается словом Фаджр-р-р. В простонародье пение ласточки, в силу того, что оно напоминает это слово по звучанию, излагается так, как будто «ласточки читают валфаджр».

² *Саз* — струнный музыкальный инструмент.

— Какой чудесный день! — сказал он.

Атабек пожаловался на тоску, которая мешала ему наслаждаться этой красотой.

— Как было бы прекрасно, если б в такой чудный день у человека не было на душе никакой тяжести...

— Неужели и вам есть о чем горевать? — улыбнулся Али.

— А вы думаете, нет?

— У всех может и есть, а у вас, мне думается, нет.

— Что вы имеете в виду?

— Ну как же, — сказал с улыбкой Али, — авторитету вашего отца может позавидовать сам кушбеги, а насчет богатства тоже, не скажешь, чтобы вы голодали... Две красавицы жены расчесывают свои косы для бека. Чего же вам еще не хватает?

Такой простой взгляд на человеческое счастье показался Атабеку наивным, и он усмехнулся:

— Ваша правда!

— Всевышнего нужно благодарить, бек-ака! — сказал Али и стал жаловаться, что ему едва хватает на пропитание и он до сих пор не может жениться. Атабек сочувственно слушал его жалобы и думал о том, что жизнь наносит свои удары каждому соответственно его положению, но не милует никого.

— Увы, так устроен мир, мулла Али! — утешал он его. Оба они на некоторое время погрузились в молчание.

— От маргиланской жены у вас уже, наверное, есть дети?

— Нет...

— Ведь вы уже несколько лет как женаты... Не живут, что ли?

— Не живут...

Али подумал, что Атабек и печалится потому, что у него нет детей.

— Не надо огорчаться из-за этого, бек-ака, вы еще молоды.

Атабек не ответил. Принесли кумыс в большой деревянной чашке — корсоне и раскрашенные кле-

новые чашки поменьше — заранги. Бек выпил пару чашек кумыса и, растянувшись на кошме, снова загляделся в небо. Али затянул песню:

*Глаза устремлены на пыльную дорогу.
О, милая, скорей приди, рассея тревогу.
Какой разбойник преградил твой путь?
О новой встрече здесь молюсь я богу.*

— Что ж вы не подпеваете, бек-ака?

— Вы и один хорошо поете, продолжайте!

Али пропел во весь свой зычный голос эту газель до конца.

— Ну как вам мое пение, бек-ака?

— Вы, оказывается, хороший певец!

— А раз так, выпейте-ка еще! — сказал Али, со смехом протягивая ему чашку-заранг с кумысом. Бек залпом опорожнил ее и надолго устался в далекую степь, вполголоса проговаривая строки волнующей газели:

*Глаза устремлены на пыльную дорогу.
О, милая, скорей приди, рассея тревогу.*

— Нет ли каких-нибудь вестей о вояках, ушедших из Ташкента в Коканд, бек-ака?

Атабек, словно очнувшись от одолевших его мыслей, взглянул на Али.

— Нет, не слышал.

— Мой старший брат тоже ушел с отрядом... Лишь бы вернулись благополучно!

— Разве ваш брат воин?

— Нет, он просто хороший стрелок. Больно загорелся поехать вместе с товарищами, которые отправились в Коканд. И отговорить его от поездки никак не удалось. Нет ли вероятности войны, а может быть, они просто поехали на поклон к молодому хану? Чествовать его с победой? Как вы думаете, бек-ака?

— Кто знает? — сказал бек и, подумав, добавил, — не должно быть войны...

Кумыс допит, шурпа съедена. Поблагодарив молодую хозяйку, убиравшую дастархан, прочитали бла-

годарственную молитву с пожеланием ей сыночка и, дав ей тридцать пулов на сурьму, они пошли в степь прогуляться, собрать фиалок.

3. КИПЧАКОВ ВЫРЕЗАЮТ

Часа в четыре после полудня они вошли в город через Каймасские ворота и тут же, у самых ворот, прямо в десяти шагах увидели три обезглавленных человеческих труп. Атабек удивился. Ибо, если это были преступники, так их обычно вешали в Эски Намазгох. Он не понимал, в чем дело, и вызвал привратника.

— Что это за преступники?

Привратник, узнав бека, сложил на груди руки:

— Таксыр, это кипчаки!

— В чем вина их?

Привратник посмотрел на лежавшие рядом трупы и подошел к беку поближе:

— Таксыр, вы сами знаете... я не смею что-либо вам сказать, таксыр!

— Так в чем вина-то их?

— Они кипчаки, мой тюра.

Атабек начинал сердиться:

— Я уже слышал, что они кипчаки, но я спрашиваю у вас, в чем дело, в чем их вина?

Привратник стоял со сложенными на груди руками и смотрел удивленно на Атабека.

— Разве таксыр ничего не знает?

— Нет!

— Вай, таксыр, да ведь сегодня с самого утра начали резать кипчаков, каждого встречного... Никто и не спрашивал, чем они провинились, — сказал привратник и, подойдя к убитым, объяснил: — Вон того вытащили из дома и зарезали, а этот служил вместе со мной привратником, царство ему небесное... А этого я совсем не знаю: верно, тоже был кипчаком.

Атабек с ужасом взглянул на Али, тот смотрел на мертвые тела, прикусив губу.

— Кто же убил их? — спросил, ужасаясь, Атабек.

— Прискакали воины, человек двадцать — и наши, и кокандские, — стали искать кипчаков, все вверх дном перевернули, таксыр... То ли от беков, уехавших в Коканд, то ли от самого хана получен такой приказ. Да мы что — мы люди подчиненные, что мы можем знать, мой тюра!

Атабек начал догадываться, что происходит. Охваченный ужасом, он вместе с Али двинулся дальше. Не прошли они и тридцати шагов, как опять увидели убитых. И дальше, метрах в десяти — опять мертвое тело.

Теперь уже Али, не выдержав, спросил:

— Боже праведный, что случилось, бек-ака, что делается?!

— Не спрашивайте...

— Неужели это все преступники?..

— Преступники?! — со злой насмешкой сказал Атабек. — Вы Мусульманкула знаете, конечно?

— Как не знать, я видел сам, как он бежал два месяца назад...

— Вот эти все погибли из-за него!

— Боже мой, что же это такое!

На каждом шагу попадались им убитые. Али сосчитал их. Когда они добрались до своего гузара, счет достиг семидесяти человек. И это на одной только улице, а сколько еще в Ташкенте улиц и переулков!.. На гузаре они увидели сорок, уложенных в ряд, трупов.

Уже миновал час предзакатной молитвы, наступали сумерки. На гузаре были открыты всего три-четыре лавки. Хасанали сидел перед полуоткрытой дверью своей лавки.

— Слава богу, вы вернулись, бек! А мы тут беспокоились, бог знает что подумали, — сказал Хасанали.

Атабек думал о другом. Не слыша вопроса, он спросил Хасанали:

— Где был сегодня мой отец?

— После вашего ухода он отправился в урду. Через час вернулся, очень растерянный, спросил вас и опять уехал, куда — не знаю...

— Когда началась резня?

— Вот когда ваш отец вернулся из урды, — сказал Хасанали и, задыхаясь, стал рассказывать: — Ой, бек! Это настоящее злодейство! Это просто страшный суд. Чем они провинились, эти бедняги? Хватали всех, кто дома сидел и мирно трудился — и всех резали... В чем вина их? На улицах ловили прохожих и приводили к палачу, и он отрубал им головы. Многие, потеряв рассудок, плакали... Особенно один красильщик: его взяли прямо от чана... руки в краске. Боже, чем я провинился? плакал он... Сил не было терпеть... Я запер лавку и убежал... и многие убежали... А другой...

— Довольно! — прервал Атабек.

Хасанали оборвал свой рассказ — он видел, что Атабек крайне взволнован и не может слушать. Али убежал, не простясь с Атабеком.

Придя домой, Атабек отказался от ужина и не захотел видеть отца. словно желая укрыться от этого мира хищников и изуверов, он сразу лег, завернувшись с головой в одеяло. Домашние, видя его состояние, не стали его ни о чем спрашивать и не подходили к нему...

Наутро Юсуфбек-хаджи, чтобы выпить утренний чай с Атабеком, вышел в михманхану. Атабек, хмурый, сел за чай, даже не поздоровавшись с отцом. Он думал, что отец — главный зачинщик вчерашней резни кипчаков. Чай был выпит в полном молчании. Мертвая тишина повисла между ними.

Наконец, хаджи, желая ободрить сына, заговорил:

— Не огорчайся так, сын мой!

— Прикажете радоваться, как вы все? — зло усмехаясь, молвил Атабек.

Хаджи уразумел, в чем подозревает его сын и почему он так мрачен:

— Ты ошибаешься, сын мой!

— А какой же изувер составлял план этой резни на совещании у Раджаба? — спросил все так же зло Атабек.

Хаджи тяжело вздохнул:

- Ты знаешь о совещании у Раджаба?
- Знаю.
- Если б все знал, тебе стыдно было бы возводить напраслину на меня, сын!
- Разве не было совещания у Раджаба?
- Совещались...
- А раз так, что ж вы хотите выйти сухим из воды?

Юсуфбек-хаджи усмехнулся над ним, как над малым ребенком.

— В некоторых своих легкомысленных суждениях ты не отличаешься от своей матери, Атабек! — сказал он. — Если ты знаешь о совещании, значит, должен знать и то, кто и какого мнения придерживался.

- Этого я не знаю.
- А что говорилось там, знаешь?
- Не знаю, о чем там говорилось, но вчера я понял, что на этом сборище была задумана резня кипчаков. Почему все, кто там был, кроме вас, собрали войско и отправились в Коканд, а вчера, еще не успели они туда доехать, здесь начались эти зверства?

— Увы, твоя догадка верна. Но то, что ты и отца твоего посчитал заодно с этими зверюгами, указывает на твою недалекость, — сказал с горечью хаджи. — Подумай, сын мой! Какая может быть польза нашей стране, если мы своими руками будем резать своих же? Если, по-твоему, я участвовал в этом страшном замысле, какими же соображениями я руководствовался, чьи интересы защищал? Если бы я когда-нибудь стремился к власти и жаждал богатства, разве ты не знал бы этого раньше всех? Почему твой пронизывающий разум вдруг захромал, когда ты дошел до такой мысли? Почему ты еще подливаешь масло в огонь, когда и без того горит мое сердце?!

Эти слова, взволнованный, дрожащий голос хаджи тотчас заставили Атабека раскаяться в его несправедливых нападках на отца; он понял, что был неправ в своих предположениях: только его упреков

и не хватало хаджи, которому и без того было крайне тягостно в этот зловещий день.

Юсуфбек-хаджи рассказал о том, как он выступил против предполагаемой резни и как в знак протеста даже покинул совещание:

— А через некоторое время ко мне приехал Нияз-кушбеги, просил у меня прощения, сказал, что после моего ухода участники совещания признали свою ошибку и отказались от этой кровавой затеи вырезать кипчаков. Я обрадовался и долго еще доказывал ему вред этого дела. Прощаясь со мной, Нияз-кушбеги сказал мне: «Дорогой хаджи-ака! Пусть этот разговор и наши планы останутся тайной, чтобы нам не пришлось краснеть перед людьми и испытывать стыд и позор, если кто-нибудь узнает про это. Мы все вас об этом просим, все — кто был на совещании!» И я поддался этому чудовищному обману и рта не раскрыл — ни тебе, ни Нармухаммаду не сказал ни слова. Я думал, что они поехали в Коканд просто на поклон к хану... Ах, бесы!

Помолчав немного, хаджи продолжал:

— Вчера утром я был в урде. На площади собралось сотни четыре вооруженных людей, они явно кого-то поджидали. Я не обратил внимания на них и прошел в канцелярию кушбеги. Вхожу, а перед ним стоит Каюм-пансад, который, я знал, уехал со всеми в Коканд, с ним три-четыре воина. Нармухаммад-кушбеги сидел неподвижно, держа в руках какую-то бумагу. Увидев меня, он молча протянул мне эту бумагу и опустил голову. Ничего еще не подозревая, я подошел, взял у него из рук бумагу. Когда прочитал, то кровь застыла у меня в жилах. Это был ярлык хана, приказ, в котором говорилось примерно следующее:

«Мы, Худаяр, туркестанский хан, признали племя кипчаков зловредным для нашей державы и для нашего царствования. Доводим это до сведения всех беков, правителей, курбаши и дахбаши и повелеваем немедленно по получении этого нашего указа убивать кипчаков мужского пола от пятнадцати лет до семи-

десяти, предавая мечу их без всякой жалости. Все должностные лица, которые проявят медлительность в исполнении нашего приказа, будут сочтены виновующимися нам и преданы жестокому наказанию. Правителю Ташкента, Нармухаммаду-кушбеги изъявляем нашу особую милость, ибо хотя он и происходит из племени кипчаков, но оказал нам незабываемую услугу и доброжелательство при изгнании Мусульманкула, и потому мы его милуем и не сомневаемся в его преданности и в исполнении им нашей воли!»

Я глядел на кушбеги, а он — на меня, ожидая, что я скажу. «Когда получен приказ?» — спросил я. Он вместо ответа кивнул на Каюм-пансада.

— Я привез приказ! — сказал Каюм-пансад.

— Привезли из Коканда? — спросил я, потому что, как ты знаешь, съездить в Коканд и вернуться за пять-шесть дней невозможно.

— Мы ехали в Коканд и на пути получили указ хана, — сказал Каюм. — Нияз-кушбеги дал мне этих воинов и послал меня помочь беку выполнить волю хана.

Эти слова открыли мне их сатанинский заговор, и я понял, что обманут ими.

— Что, если мы приступим к выполнению воли хана с завтрашнего дня? — я посмотрел на кушбеги.

— Да, и я тоже думал об этом... — сказал кушбеги и посмотрел на Каюма.

Но, видно, пославшие Каюма предвидели, что мы попытаемся оттянуть убийства.

— Нельзя откладывать до завтра, — сказал Каюм.

— Почему?

— До завтра все кипчаки разбегутся.

Я не стал слушать Каюма и обратился к кушбеги, надеясь договориться с ним, с просьбой отложить это дело. Тогда рассерженный Каюм подошел ко мне.

— Не хлопчите напрасно, хаджи-ака! — сказал он.

Я возмутился его обращением:

— Мы с вами не имеем права вмешиваться в это дело! — сказал я ему.

— Вы — может быть, и нет, а я имею право! — ответил Каюм.

— А на чье имя приказ? — спросил я.

— На имя кушбеги.

— Раз так, то мы с вами можем поднимать кетмень, лишь когда он прикажет.

Каюм, злорадно ухмыляясь, порылся в кармане, достал второй приказ и сказал мне: «Прочитайте!» Я прочитал.

— Если у вас в руках этот приказ, зачем же вы обратились к кушбеги? — спросил я в гневе.

— Как никак, он начальник, вот я и уважил его, — сказал Каюм.

— Молодец, вы поступили как преданный пес, — ответил я, — ну что ж, идите, выполняйте его указания.

— Не печальтесь, хаджи-ака! — сказал Каюм, забирая у меня из рук бумагу, и обратился к кушбеги: — Ну, что вы теперь скажете, бек?

— Послушайте меня, начнем завтра! — сказал кушбеги.

— Невозможно, бек. По всем городам и кишлакам дан приказ на сегодня, — сказал Каюм.

Мы с кушбеги почувствовали себя точно придавленные горой. Разум наш был бессилен, мы не знали, что делать. Каюм, стоя, ожидал ответа кушбеги. Тот долго молчал, потом махнул рукой: «Делайте, как хотите!» Каюм со своими воинами вышел из канцелярии. Едва он удалился, я сказал кушбеги:

— А что же нам теперь делать?

— А что мы можем?

— Мы не можем смотреть спокойно... Время не терпит. Направим против них наших парней!

— Оставьте, хаджи!

— Значит, пусть режут ни в чем не повинных людей?

— Пусть режут! — сказал кушбеги. Я смотрел на него, потрясенный. Он заговорил сквозь слезы:

— Если спокойствие требует уничтожения кипчаков, то пусть режут! Если для благоденствия страны

нужна алая кровь кипчаков, пусть она прольется! Если спасение в том, чтобы истребить род кипчаков, пусть убьют и меня! Я не нуждаюсь в милости этих изуверов!

Я пытался уговорить его, сказал, что сейчас не время упрямыться, что надо действовать, но он не хотел ничего слушать. Делать было нечего, я ушел, и один, насколько мог, постарался предупредить кипчаков, чтобы бежали отсюда прочь, разослал своих людей. Но что я мог сделать один против четырех сотен палачей?! Негодяи загубили множество невинных... — сказал хаджи. — Вот, Атабек, как было на самом деле! Не следует человеку, когда он не знает всей правды, возводить поклеп на другого!

Атабеку стало стыдно своих резких слов, высказанных отцу, и он молча опустил голову. После долгого раздумья он спросил:

— Какая же цель была у этих извергов, для чего понадобилась им эта резня?

— Цель очень простая, — пояснял хаджи, — один хочет стать мингбаши, другой — занять место Нармухаммада-кушбеги, третий — сделаться правителем еще какого-то города. А хан хотел отомстить кипчакам за то зло, какое причинил ему Мусульманкул. Никаких иных целей у них нет, так я думаю, сын мой, — и после некоторого раздумья продолжил: — Большую часть своей жизни я потратил на то, чтобы добиться спокойствия и мира для нашего народа, и ничего не добился, кроме огорчений для себя. Я не в силах себе представить, чтобы люди могли быть счастливыми у нас в Туркестане, пока с земли туркестанской не исчезнут изверги, натравливающие один народ на другой, честолюбцы, стяжатели, готовые пожирать друг друга ради личной выгоды. Ежели мы сами будем уничтожать наших кровных братьев, недалек тот день, когда грязные сапоги врагов затопчут нашу землю. Туркестан покроется позором под гнетом завоевателей, и тогда мы собственными руками наденем на шею следующего поколения ярмо порабощения. Нас, слепых, безумных отцов, добровольно отдающих свое будущее в руки не-

верных, Аллах безусловно проклянет за междоусобицу, которая и есть причина нашей беспомощности перед неверными, сын мой! Нас обязательно постигнет кара Господня за то, что мы, собаки, позволили превратить в свинарник Туркестан, где покоится священный прах предков. Всевышний покарает нас за то, что мы осквернили эту святую землю, вскормившую наших великих предков — неповторимого Темура Гурагана, талантливого полководца Мирзу Бабура, ученых — Фараби, Улугбека, Ибн Сино, — которые развивали науку и культуру в Туркестане. А мы, отцы, проклятые Аллахом, ведем этот цветущий край к гибели, сын мой! Да будут прокляты тираны, убивающие невинных людей и разрушающие сиротские дома. Проклятье им! Все живое на земле: птицы, растения, звери — все проклинает их, сын мой!..

4. ШИЛА В МЕШКЕ НЕ УТАИШЬ

Завтрак подходил к концу. Атабек, помолившись, хотел подняться.

— Сядь!

Этот повелительный возглас заставил Атабека снова присесть около отца, он взглянул на него, как бы вопрошая: «У вас есть дело ко мне?» Юсуфбек-хаджи, не говоря ни слова, снял чалму, положил ее на колени, почесал затылок, потом снова надел чалму. Обычно, снятие чалмы и почесывание затылка отцом зачастую служило преддверием к серьезному разговору. И поэтому Атабек вновь посмотрел на отца в ожидании продолжения.

На лице Юсуфбека теперь уже не было скорби и печали, скорее теперь на нем выражалась восточная отцовская строгость.

— Что ты натворил в Маргилане?

Неожиданный вопрос застал Атабека врасплох. Вместо ответа он с опаской взглянул в сторону.

— Я тебя спрашиваю, Атабек!

— Раз вы уже оповещены, значит, вы знаете, что я сделал...

— Значит, ты, имея благородное происхождение, вот так, запросто, словно негодяй, убивал людей?

Атабек чуть усмехнулся.

— Я был не в рядах благородных и благопристойных людей, я оказался в ряду принужденных к подобному поступку.

Хаджи не понял иронии сына.

— Кто мог тебя принудить убивать людей?

— А вы еще не знаете?

— Не знаю! — сказал хаджи. — Как я слышал, тебя никто не заставлял убивать.

— Меня заставили, принудили к этому, отец, — сказал Атабек с язвительной усмешкой. — Иначе, вы должны знать, что для вашего сына убить человека — это стыд и позор, который не делает ему чести.

— Кто ж тебя заставил в конце концов?

— Вы и моя мать.

— В своем ли ты уме, мальчик?

— Вполне! — отвечал сын. — Вы принудили меня против моего желания исполнить вашу волю и тем самым развязали руки моим врагам, и вот я, волею-неволей, был вынужден расправиться с ними, иначе это было бы несмыслимым позором для меня!

— Ах, вот оно что, — сказал хаджи виновато, — коли так, прости ты нас, сыночек мой.

— Отец, я не имею права ни обвинять вас, ни прощать вашу вину. Я лишь вынужден защищаться, будучи ни в чем не повинным, ибо и сейчас я оказываюсь в тени не заслуженных мною подозрений...

Хаджи прикусил губу и покачал головой.

— Все мы простые смертные — рабы божьи, и нам свойственно ошибаться, — сказал он. — Ты винишь нас — и ты, вероятно, прав... Но если на твоём пути встали злые люди, почему же ты молчал, почему столько времени ты ни о чем не сказал мне? Разве и молчать тебя принуждал кто-нибудь?

— Нет, никто не принуждал, — сказал Атабек. — Но я не смог просить помощи у тех близких... кто толкнул меня на этот путь.

Хаджи низко опустил голову. Эти слова сына произвели на него сильное впечатление. Он понимал, что сын прав.

— Хотя мы и женили тебя в Ташкенте, — сказал, наконец, хаджи, — мы совсем не собирались разлучать тебя с твоей первой женой. Думать так и из-за этого скрывать от нас все — большая глупость с твоей стороны, сын мой.

Атабек не возражал, теперь он был готов слушать любые упреки, потому что высказал свою обиду, все, что наболело на душе. Но сердце его рвалось от нетерпения, ему хотелось скорее узнать, чем вызван этот разговор с отцом.

Хаджи продолжал:

— Когда человек сталкивается в жизни с какими-нибудь затруднениями, он обычно просит совета, а то и помощи у других людей. Мне странно, что мой собственный сын оказался человеком, желающим скрывать свои дела даже от отца с матерью. Я получил письмо от твоего тестя, читаю его, читаю, дивлюсь и не могу ничего понять. Я думал, как же так? Ведь мой сын каждый месяц ездил в Маргилан... Я несколько раз перечитал письмо, и наконец-то понял, что произошло. По словам Мирзакарима, он тоже, кажется, допустил какую-то невежливость с тобой, но по сравнению с твоим мальчишеством это просто пустяк. Слава богу, все обошлось. Ну, скажи сам, если бы ты хоть словом намекнул мне о том, что случилось, разве я не написал бы тотчас письмо твоему тестю, не послал бы Хасанали и не узнал бы всей правды, и в таком случае не понадобилось бы убивать людей?

Но Атабек уже не слышал ничего, он терзался, ожидая конца отцовской речи, желая только одного — узнать то, что больше всего его тревожило.

— И, наконец, совершив такое дело, почему ты уехал, не повидавшись ни с женой, ни с тестем?

— Я не мог иначе.

— И когда же теперь ты собираешься в Маргилан?

Атабек задумался. Не так просто было ему ответить, это надо было еще решить. Подумав некоторое время, он сказал:

— Неизвестно.

Хотя сердце его жаждало этой поездки и он готов был на крыльях лететь в Маргилан, но что-то более сильное, чем это желание, мешало ему, заставляло говорить — «не знаю».

— Тесть твой пишет, что намерен на той неделе выехать в Ташкент с дочерью, — сказал хаджи, — письмо написано десять дней назад. Возможно, они приедут сегодня-завтра. Крайнюю комнату надо освободить, устлать паласами....

Услышав эти слова отца, Атабек вдруг почувствовал необыкновенное облегчение. Его словно обдало ласковым теплом, он глубоко вздохнул: «Наконец-то!» Перед ним возник образ Кумуш, и он словно опьянел от радости и широко раскрыл глаза, растерянный и ошеломленный. Очнувшись, он увидел вопрошающий взгляд отца: «Ну, что ты скажешь?», — и не мог вымолвить ни слова подходящего. Юсуфбек-хаджи по-своему истолковал его молчание. Он опасался, что сын может как-то оскорбить, унижить Мирзакарима, который с дочерью ехал сюда издалека, не посчитавшись, что он, старший, делал первый шаг к примирению. Поэтому хаджи счел нужным дать сыну несколько наставлений, которые показались тому очень смешными.

— Сын мой! — сказал хаджи. — Надо уважать того, кто уважает тебя. Может быть, для тебя теперь они что-то потеряли в своем достоинстве, потеряли лицо, но мы высоко ценим их и чтим. Кутидор — первый наш сват, а его дочь — наша старшая невестка. Если ты считаешь меня за отца, обещай мне встретить их приветливо. Не обижайся на тестя за то, что он не принял тебя тогда, ведь бедняга сам был введен в заблуждение. Во всяком случае, ты должен оказать им почтение, ведь это ради тебя они едут сюда из далекого Маргилана!

Такие слова отца сулили большие перемены в доме, и Атабек, опустив голову, сделал вид, что покоряется.

— Если б мы знали точно, когда они приедут, тебе следовало бы их встретить! — сказал хаджи.

Атабек промолчал.

— Во всяком случае, они вот-вот придут. Если ты не поедешь им навстречу, пусть выезжает Хасан-али!

— Хорошо, пусть едет! — ответил Атабек.

5. ПИСЬМО

После такого ответа хаджи несколько успокоился, провел в молитве ладонями по лицу, поднялся и, достав из кармана письмо, передал его Атабеку:

— Вот, — оказалось в письме тестя. Наверное, тебе от жены, — сказал он.

Атабек взял письмо и стал ожидать, пока отец покинет помещение. Письмо было сложено восемь раз, прошито в нескольких местах красной шелковой ниткой и адресовано Атабеку. Он не вскрывал его, ожидая, когда уйдет отец, и сердце его дрожало, как у загнанной лошади. Наконец, разорвав нитки, он развернул письмо и жадно впился в него глазами.

«Как Зулейха, потерявшая покой из-за страсти к Юсуфу, как Лейли, рыдающая от любви к Меджунуну, я шлю вам бесчисленные, как волосы моих кос, приветы! Мое дело каяться, а ваше — прощать. Говорят, кто старое помянет, тому глаз вон. Для меня вспоминать те черные дни, что пришлось мне пережить за два эти года, — все равно, что заново их пережить, поэтому вы, как хотите, забудьте или не забывайте, а я их забыла. Я хочу вспоминать только начиная с того дня, от которого веет на меня ароматом счастья.

Вы — беглец. Вы наспех написали мне несколько строк и сбежали. Значит, я верно истолковала ваши приезды в Маргилан за эти два года, значит, я угадала: вы приезжали, вы волновались и хлопотали только для того, чтобы отомстить вашим врагам, иначе вы повидались бы со мной. Если у вас самого не было желания видеть меня, пусть хоть я увидела бы вас, насмотрелась бы досыта! Видно, уж такая я

несчастливая, такая уж доля моя, что я надосела вам, и не удивительно, что вы стали избегать меня. Что ж, бегите, но я отныне опоясала крепко стан свой, чтобы догнать неких беглецов. На днях в сопровождении отца моего и моей матери я отправлюсь к вам — служить вам и быть вашей рабой! Наконец, я узнаю, чего я стою в сравнении с моей соперницей, с вашей любимицей!.. Вы благородны: из уважения к нашей прежней любви вы, хоть из учтивости, взглянете на меня, улыбнетесь и тем осчастливите меня, бедную! Только я очень боюсь, как бы не обидела, не оскорбила меня ваша любимица — младшая жена. Когда вы получите это письмо, в первый же ваш счастливый час наедине с нею, ради бога, возьмите с нее обещание не смотреть на меня как на соперницу... Я же готова быть служанкой вам и вашей возлюбленной. Мне бы только видеть моего Атабека! Под конец признаюсь вам: в душе моей живет постоянный страх, — не прогонят ли меня от ворот в отместку за то, что было? Но если бог милостив ко мне и я благополучно поселюсь у вас, уж я знаю, что мне делать дальше.

Ах, как далек отъезда день!

И дорога длинна, как жизнь...

3-го хамала¹. Маргилан.

Писала ваша Кумуш».

Радость переполнила грудь Атабека, он улыбался в состоянии, близком к потере сознания. Перечитал письмо еще раз и обрадовался еще больше. Но вдруг почему-то он вспомнил вчерашний день, перед ним невольно возникли картины побоища. Он вздрогнул, словно вновь увидел мертвые тела, и торопливо сложил письмо, как бы стараясь спрятать его от мертвецов, сунул в карман, вскочил и вышел из дома...

Побродив по улице, он как будто забылся немного, вернулся домой и, пристроившись наискось к окошку михманханы, снова стал перечитывать письмо. Но на этот раз оно не принесло ему радости,

¹ 3-го хамала — соответствует приблизительно марту.

смысл его обернулся для него по-иному, словно память о загубленных душах несчастных жертв вчерашней бойни легла тенью соболезнования на письмо Кумуш: «Только я очень боюсь, как бы не обидела меня, не оскорбила ваша любимица — младшая жена...» Он удивился, как он мог радоваться только что. Ведь эти слова таили в себе такую тоску, что смысл их не давал возможности радоваться. В этой фразе таилось предчувствие будущей беспокойной и горькой жизни, которая представлялась еще неясной, но была уже вполне вероятной...

Хотя Атабек и не опасался очень Зайнаб — соперницы, как писала Кумуш, — но при мысли о матери у него замирало сердце. Не его ли родная мать отравила ему самые драгоценные дни его жизни? Не она ли заставила его два года мучиться, безнадежно скитаться по полным опасности и риска дорогам судьбы и даже пойти на убийство? Не ее ли прихоть развязала руки его соперникам?

Это она, перевернув весь город вверх дном в поисках красивой невесты, нашла, наконец, достойную, по ее мнению, красавицу и умницу, устроила свадьбу, праздник и, радуясь исполнению своего желания, с гордостью поднесла ему: мол, вот она, какой должна быть жена! Как же теперь она встретит маргиланскую пери, которая явится сюда назло ее любимице.

Кумуш боялась только соперницы, а у Атабека опасения по поводу матери совершенно затуманили разум.

6. УЗБЕК-АИМ ПЕРЕМЕТНУЛАСЬ К МАРГИЛАНКЕ. ТОСКА ЗАЙНАБ

Юсуфбек-хаджи, хорошо зная взбалмошный характер своей недалекой жены, решил не рассказывать ей ничего о том, что произошло с Атабеком, не раскрывать его тайн, но счел необходимым предупредить Узбек-аим о приезде маргиланской невестки и ее родителей. Он лучше Атабека знал, как враждебно относилась жена к маргиланке, постоянно слы-

шал жалобы, что сын женился бог знает на ком; знал хаджи и о том, что она бегала по всяким колдунам и гадалкам, надеясь приворотами отбить сына у первой жены. Зная все это, хаджи решил принять меры, чтобы оградить гостей от возможных выходов жены, попытаться наставить ее на путь истинный, чтобы после не краснеть за нее.

Он уже привык, что всякий раз, когда они оставались одни, стоило Узбек-аим открыть рот, начинались бесконечные жалобы на чужеземку и беспутного сына.

Но если раньше он старался не слушать эти причитания или отвечал на них усмешкой, теперь он даже хотел услышать эту старую песню и с нетерпением ждал ее. Как говорится, голодной курице просо снится, либо кто о чем, а мышь о кувшине с зерном, так и Узбек-аим при первом удобном случае завела свое:

— Дурень-то наш, кажется, взялся за ум, — сказала она хаджи. — Вот уж три месяца он и думать забыл про Маргилан.

Хаджи засмеялся:

— Верно, твои заговоры подействовали...

— Может быть... Во всяком случае, он стал, как говорится, тише воды, ниже травы... Да снизойдет к нам Аллах!..

— Уже снизошел! — засмеялся хаджи.

Узбек-аим догадалась, что муж смеется над ней, и затараторила:

— Что вы смеетесь? — даже притопнула ногой. — Вы все смеетесь, а мы чуть сына не лишились, и теперь опять... прости господи!

— Зури бехуда миён шиканад¹.

— Да чтоб сгинул ваш таджикский! — рассердилась Узбек-аим. — Правду сказать, вы всему причина! Вы только и знаете, что смеяться, только и умеете усмехаться. Лучше уж прямо признайте, что не умеете воспитывать детей...

¹ Таджикская пословица «Без толку тужиться — спину надорвать».

Хаджи опять засмеялся:

— Верно, мать, твоя взяла, я действительно не умею воспитывать детей!

— Смейтесь, смейтесь! Грех вам издеваться надо мной! — рассердилась Узбек-аим и в сердцах отвернулась.

— Послушай, жена, — сказал хаджи уже серьезно, глядя на Узбек-аим. — Таджики правильно говорят, без толку тужиться — спину надорвать. Также и ты без толку тужишься и меня тянешь за собой.

— По-вашему, значит, я зря хлопочу?

— Зря хлопочешь.

— Почему же это?

— Чего ты хочешь: разлучить сына с маргиланской невесткой, чтобы он жил только со здешней, не так ли?

— Именно так!

— Вот я и говорю, что ты зря стараешься. Скажешь: почему? А ты бы лучше подошла к сыну да спросила у него: «С какой женой ты хочешь остаться, а с какой развестись?» Что тебе ответил бы сын твой? Сама ведь знаешь, жена, каков был бы его ответ.

— Конечно, — отвечала Узбек-аим, — маг маргиланки сильнее, я знаю. Она крепко привязала к себе нашего бедного сына, не оторвешь.

Хаджи вновь не мог удержаться, чтобы не рассмеяться:

— Но ведь ты за три года у каких только колдунов и ворожей не побывала, а вот не могла же приворожить к Зайнаб сердце сына!

Узбек-аим не растерялась:

— Маг-чародей маргиланки, наверное, индус, а я здесь не нашла индуса.

Хаджи теперь не смеялся больше. Ему стало жаль жену.

— Вот что, жена, — заговорил он ласково. — Пора оставить эти глупости! Давай рассуждать разумно. Человеку, который поступает, сообразуясь с разумом, не приходится после жалеть о своих поступках. Сын

у нас один, он наша единственная надежда в жизни, наша опора, его здоровье и счастье нужны нам самим, как и ему. Значит, надо заботиться о его счастье и благополучии. Я верю, что ты все это делала, думая, что заботишься о нем, и тебя тоже, конечно, нельзя обвинить ни в чем дурном. Тебя огорчали его частые отлучки в Маргилан, так знай, что и меня они раздражали не меньше. Иной раз еле сдерживал себя, чтобы не послать его куда подальше. И если я смеялся иногда, так это был горький смех, — смех сквозь слезы, а ты не понимала этого. Скажу больше: наконец, когда мне стало уж совсем невмоготу, я сказал сыну, чтоб он прекратил эти поездки в Маргилан...

Узбек-аим, слушая мужа, согласно кивала головой, а при последних его словах склонила голову на грудь, как бы говоря: «Хвала вам, спасибо!» Хаджи же тем временем продолжал:

— А ты, не зная, почему сын перестал ездить в Маргилан, приписала это заклинаниям твоих колдунов и знахарей, вот почему я и рассмеялся. На самом-то деле, это я так решил...

Узбек-аим попеняла:

— А почему же вы мне не сказали?

— Виноват! — сказал хаджи. — Но я полагал, что у нас с тобой одна цель, и вот, когда я не пустил Атабека в Маргилан, я написал письмо нашим сватам и просил, чтобы они привезли нашу невестку к нам в Ташкент. Очевидно, они послушались меня, и сегодня я получил от свата ответ. Он мудрый человек, дай бог ему здоровья! Вот что он пишет: «Мы должны были бы уже сами посетить вас, не утруждая вас приглашением. Получив ваше письмо, мы были крайне смущены, особенно невестка ваша, она давно жалеет, что незнакома с вами, говорит: «Какими глазами я буду смотреть теперь на мою матушку-свекровь?» Мы надеемся, что вы простите ее неучтивость...»

Узбек-аим, опешив, растерянно смотрела на мужа. Хитрая уловка хаджи совсем сбила с толку эту недалекую женщину. А хаджи сразу, не ожидая ответа

от Узбек-аим, решил ее окончательно «добить» и, как говорится, поверх одной крыши громоздил другую:

— Какую комнату нам освободить для гостей, что посоветуешь? — спросил он. — Чем угощать сватов, ты сама должна сообразить, ведь это люди, которых не удивишь, если даже верблюда заколешь...

То ли ум за разум зашел у Узбек-аим, то ли индус-чародей подействовал опять, но в голове у нее все перевернулось вверх дном: куда-то улетучилась трехлетняя вражда и ненависть, и все жалобы уступили место одной-единственной торжествующей мысли: «У меня будут две невестки!» Ей казалось, что она уже слышит со всех сторон голоса: «Эй, к Узбек-аим приехала маргиланская невестка, такая красавица, точь-в-точь птенчик попугая! Пойдемте, посмотрим. Полюбujemy!» И если до сих пор она сама заискивала перед Зайнаб, теперь ей уже виделось, как обе невестки простерлись у ее ног и стараются ей угодить.

— Как бы там ни было, они люди благородных кровей, нужно встретить достойно, — сказала она. — Из уважения к сватам, может быть, освободим для них нашу комнату?

— Как знаешь...

— А мы можем перебраться и в крайнюю... Все-таки люди знатного рода. Дело-то деликатное...

Вдруг вся она преисполнилась добротой и заботой, она бы даже не покраснела ничуть, если б ей сказали, что за три минуты до того она была полна злобы, накопленной за три года, да она, впрочем, и не знала, что можно краснеть от таких вещей. Она считала себя гораздо опытнее самого хаджи, который, по ее убеждению, не умел ни обращаться с людьми, ни воспитывать детей. Юсуфбек-хаджи не удивился этой внезапной перемене настроения жены и не стал смеяться над ней, потому что он прожил почти тридцать пять лет с этой женщиной, обладавшей столь нелепым характером.

Настроив соответствующим образом Узбек-аим, хаджи спросил ее:

— Пожалуй, следовало бы, между прочим, предупредить заранее и Зайнаб.

— При чем тут Зайнаб, раз мы сочли это необходимым? — сказала Узбек-аим. Теперь Зайнаб, о которой она так заботилась три минуты назад, уже потеряла для нее интерес.

— Дело не в ней, — возразил хаджи. — Но когда в доме живут две жены одного мужа, надо заботиться, чтобы между ними было согласие. Если начнутся размолвки в женской половине и загремят тарелки, пойдут сплетни, — это не только нам, но и сыну не понравится.

— Позвать ее, что ли?

— Позови.

Узбек-аим пошла искать Зайнаб и совсем неожиданно застала ее весело разговаривающей с Атабеком.

— Что, о будущих детях разговор идет?

Атабек с улыбкой посмотрел на Зайнаб, она, поправив на себе платье, встала и пригласила свекровь присесть:

— Почти угадали, матушка! Сегодня и об этом можно поговорить, — и она с улыбкой взглянула на Атабека.

Узбек-аим даже не присела и сразу выпалила:

— Обеим купи одинаковые платья! Не унижай и не возвышай одну перед другой: это — твоя жена, но и та тоже, к тому же, та — первая! Зайнаб, пойдём-ка со мной, хаджи-ата хочет говорить с тобой!

Эти слова посыпались на них, как щепки, и сначала оба не поняли ничего. Но Атабек быстро уразумел смысл материнской речи: видно, мать уже примирилась с маргиланкой, и он почти уже начал избавляться от одного из самых сильных своих противников. Догадался он также, зачем отец позвал к себе Зайнаб. Зайнаб же, ничего не подозревая и не догадываясь ни о чем, пошла вслед за свекровью.

Когда Узбек-аим с невесткой вошли и сели напротив хаджи, он ласково посмотрел на Зайнаб.

— Дитя мое, Зайнаб! — сказал он. — Мы надумали перевезти сюда твою старшую сестру из Маргилана... Что ты на это скажешь?

Зайнаб быстро глянула на свекровь, теперь ей стали понятны ее слова. Она незаметно вздохнула, смирившись с соперницей.

— Что я могу сказать...

— Дело не в том, что ты скажешь или не скажешь! — заметил хаджи. — Дело в том, сможешь ли ты, когда она придет, жить с ней, как младшая сестра со старшей сестрой?

— Смогу, наверное...

— Станешь ли ты ей сестрой? — повторно спросил свекор.

— Не знаю...

— Почему же ты не знаешь?

Зайнаб задумалась.

— В ладоши хлопают двумя руками, — сказала Зайнаб, — если я буду хорошей, а старшая сестра — плохой, как же тогда я сдержу обещание?

— Ты верно говоришь, дитя мое. Но такое же обещание мы возьмем и с нее.

Зайнаб молчала.

— Зайнаб не из тех невесток, которых стоит опасаться, — сказала Узбек-аим. — Слава богу, у нее есть голова на плечах.

— Не подумай ничего плохого, дочь моя! Для нас нет разницы между тобой и нашей маргиланской невесткой, обе вы — супруги нашего сына, наши дочери.

Зайнаб кивнула головой. Хаджи благословил ее, и она вернулась к Атабеку.

Атабек тотчас заметил грусть на ее лице. Они посидели немного друг против друга молча, оба чувствуя повисшую неловкость.

— Зачем вас звали? — спросил, наконец, Атабек.

— Вы же знаете, зачем спрашиваете? — отвечала Зайнаб, заставив себя улыбнуться.

— Что я знаю?

— Что из Маргилана к вам приезжает кто-то.

Атабек смутился, и с языка у него сорвались слова:

— Это не моя воля... это отец затеял...

— Воля — отца, а желание — ваше.

— Какое мое желание?

— Конечно, соединиться с вашей возлюбленной — это и есть ваше сердечное желание...

— Вы думаете, я люблю ее?..

— Конечно, любите...

Атабек сказал степенно:

— Ошибаетесь.

— Нет, не ошибаюсь! — сказала Зайнаб. — Вы и женились на ней по любви, а меня вы взяли только по желанию ваших родителей. — И глаза ее наполнились слезами.

Атабек оказался в затруднительном положении, эти правдивые слова выбили почву из-под его ног, а противоречить этой правде — было еще тяжелее, это значило бы солгать... И все-таки иного выхода он не нашел, как солгать...

— Сначала, правду вы сказали, я полюбил и женился по любви. Но теперь все не так... — сказал он.

— Не верю.

— Почему не верите? Верьте!..

Зайнаб долго смотрела на него, потом сказала:

— У меня есть основание не верить...

Атабек встревожился:

— Что же это такое, скажите?

— Сколько времени прошло, как мы женаты?

— Два года.

— За эти два года вы ни капельки не переменились ко мне. Вы не воспринимаете меня как жену!

— Напрасно вы так говорите...

— Не напрасно, милый! — горячо возразила Зайнаб. — Вы не можете отрицать, что после возвращения из Маргилана вы проводите все ночи в михманхане. Вы даже и не думали обо мне, что она, мол, связала свою жизнь с моей в надежде, что проживет со мной долгие годы, вместе, душа в душу.

Она не договорила, отвернулась и заплакала. Атабек чувствовал себя так, будто на него гора навалилась...

— Вы не так поняли...

— Тогда в чем же причина?..

— Причина ясна, — сказал Атабек, еще сам не зная, какую выставить причину.

— Скажите же!

- Да вы, наверное, сами догадались.
- Нет, я ничего не знаю.
- Знаете!
- Клянусь Аллахом, не знаю.
- Если вы не знаете... — сказал бек, — и хорошо, что не знаете... Мне стыдно вам признаться...
- Стыдиться меня, жены своей?
- А можно не стыдиться?
- Не надо стыдиться.
- Ну, если уж признаваться... я слаб... мужской силы у меня мало...

Зайнаб смотрела на него недоверчиво.

- Вы говорите неправду...
- Хотите верьте, хотите нет, но это и есть причина, почему я удаляюсь от вас.
- Если бы я даже поверила тому, что вы говорите, то все равно это не причина, чтобы вы отдалялись от меня, спали отдельно... Я обижаюсь на вас совсем не потому... — сказала она, глядя на Атабека полными слез глазами. — Мне вовсе не то нужно... Мне нужны вы сами! — и, рыдая, она бросилась ему в объятия. Впервые Атабек почувствовал, как велика обида в сердце Зайнаб. Но бедняжка обнимала, целовала и умоляла бесчувственную статую.

7. ВСТРЕЧА СВАТОВ

Накануне стало известно от приезжих купцов, что сваты придут нынче. Хасанали уехал их встречать. Сам Юсуфбек-хаджи следил за всеми приготовлениями к приезду гостей, за уборкой двора и дома. Что касается женской половины, то Узбек-аим с помощью соседок уже все расставила по местам, двор и чакри был точно вылизан. А комнату для гостей освободили и устлали коврами еще три дня назад. Приготовлено было все и для угощения, в хлеву уже стоял привязанный к столбу баран, которого зарежут, как только приедут сваты. Не удовлетворившись купленным для Кумуш и Зайнаб атласом, Узбек-аим решила, что эта, здешняя, уже одета, а та —

гостя все-таки, нужно купить ей еще китайского шелка, и сшила еще одно платье для маргиланки. Потом, подумав, что одного чесучового халата мало-вато, отдала свой собственный дорогой парчовый халат и прибавила к нему еще свою калмыцкую косынку, которую так и не удосужилась носить с первых лет замужества.

Зайнаб не казалась огорченной, выполняла живо все распоряжения свекрови и сейчас в комнате готовила дастархан для гостей.

Узбек-аим велела одной из женщин, взятой в помощь, разжигать огонь в тандыре, а сама прошла к Зайнаб:

— Готов ли дастархан, дитя мое? — спросила она.

— Все готово. Только, по-моему, мало меда для гостей в михманхане.

— Так принеси из кладовой сколько надо. А потом — Айбадак занята — присмотри сама за тестом, оно уже подошло, — распорядилась Узбек-аим и через окно оглядела подносы с яствами. — Дастархан хорош! Не забудь про слоеные пирожки.

Увидев Юсуфбека-хаджи во дворе, она поманила его к себе:

— Подите сюда.

Юсуфбек-хаджи в полосатом полушелковом халате, с белой тюбетейкой на голове, не спеша подошел к Узбек-аим.

— Ну что?

— Полюбуйтесь на наш дастархан!

Хаджи довольно равнодушно взглянул на угощение.

— Тебе нравится — и хорошо! — сказал он.

— А мясника вы позвали, чтобы потом не бегать, когда гости придут?

— Мясник здесь. Может быть, сейчас зарезать барана?

— Нет! — сказала Узбек-аим. — Еда хороша, когда ее при гостях готовят. А к здешним нашим сватам вы послали?

Зайнаб, впопыхах собиравшаяся за медом, застыла, глядя в рот свекрови.

— Да, — сказал хаджи. — Алимбека нет дома, он уехал в поле, а сваты обещали прийти.

Зайнаб отправилась в кладовую за медом. Хаджи подошел к Узбек-аим и тихо спросил:

— Как настроение у Зайнаб?

— Прекрасно, а что?

— Я так просто спрашиваю.

— Она ведет себя, как полагается, — сказала Узбек-аим. — У вас там Айбадак не освободилась?

— Да, она закончила уборку. Вот что: я позвал еще несколько человек из махалли, так что плова следует готовить побольше.

— Ладно.

Оглядываясь по сторонам, хаджи спросил:

— А где сын твой, почему его не видно?

— Да он там, на мужской половине был.

— Нет, он, кажется, сюда направился.

— Может быть, на гузар ушел? — предположила Узбек-аим.

Хаджи ушел в михманхану. По велению Узбек-аим, Айбадак, закончившая уборку, Зайнаб и женщины, пришедшие на хашар, принялись лепить сдобные лепешки.

Время уже было за полдень, все приготовления к приему гостей были завершены.

Узбек-аим разоделась, как на свадьбу: надела платье из лучшего хан-атласа, на голове — белая шелковая марлевка, глаза подведены сурьмой. Она приказала и Зайнаб: «Приведи себя в порядок, пусть не говорят, что мы свою невестку в лохмотья одеваем». Зайнаб тоже нарядилась в шелка и была похожа на новобрачную.

Пришла мать Зайнаб Махира-аим, старшая сестра Хушрой-биби и тетка Ханифаниса. Явились соседки, с которыми Узбек-аим дружила, учительница Карима-атын, Шарафат-рукодельница и Махина-бану, — все тоже разодетые. Женщины присели к небольшому дастархану, приготовленному наспех в ичкари. Узбек-аим пустилась расхваливать своего маргиланского свата, его богатства, почет, каким он пользуется в Маргилане, говорила, что он ни слова не сказал

против женитьбы Атабека в Ташкенте, даже сам приезжал на свадьбу.

— У них одна-единственная дочь — наша невестка. Атабека он любит, как родного сына, говорит: «Я всегда мечтал о таком сыне, умру — все мое богатство ему».

Махира-аим, которой было неловко это слушать, говорила:

— Да, милая сватьяшка, говорят: «ласковый теленок двух маток сосет...»

Вдруг Айбадак, поливавшая двор, чтобы немного унять жар, которым отдавала земля, услышала шум снаружи и подбежала к окошку, у которого сидели женщины: «Приехали, кажется». Узбек-аим, прервав себя на полуслове, вскочила с места, гости тоже последовали за ней. Побледневшая Зайнаб убежала в свою комнату. Женщины вышли во двор. Махира-аим шепталась с Хушрой-биби, и обе чему-то смеялись. Узбек-аим не успела дойти до калитки, как вбежал соседский мальчишка.

— С вас суюнчи¹, — кричал он, — прибыла ваша невестка!

Узбек-аим полезла в карман и дала ему несколько монет, как полагалось. Вслед за мальчиком показался Хасанали:

— Ну, хозяйка, с вас причитается: вот поймал и привез вашу невестку-беглянку! — сказал он и обернулся к калитке. — Погодите, погодите, я сначала должен получить суюнчи!

В проходе появилась Офтоб-аим. На голове у нее была паранджа, а в руке — чачван. Хасанали представил ее Узбек-аим:

— Это ваша сватья — Офтоб-аим.

Узбек-аим и Офтоб-аим принялись обниматься. Потом и остальные женщины поздоровались с приезжей. Взоры всех были прикованы ко входу. Ждали Кумуш, а она все не показывалась. Узбек-аим во все глаза глядела на калитку, а Хасанали почему-то подмигивал, глядя то на Узбек-аим, то туда, откуда

¹ *Суюнчи* — подарок за сообщение радостной вести.

должна была появиться Кумуш. Офтоб-айм отошла в сторонку от столпившихся женщин и с улыбкой сказала сватье: «Стесняется она...» Узбек-айм, улыбаясь, воскликнула в направлении прохода:

— Эй, невестушка! Мы заждались вас тут, не смущайтесь, деточка! И подарок для Хасанали готов.

А Хасанали, глядя в проход, манил рукой. И вот, держа паранджу в руке, вся раскрасневшись от смущения, появилась Кумуш: черное атласное платье, поверх него — голубой легкий халат, на голове — белый шелковый платок. Большие и красивые черные глаза лучились улыбкой.

Хасанали возвестил:

— Вот ваша свекровь — бек-айм.

Кумуш низко поклонилась свекрови — отдала «салям», бросила на землю паранджу и, подбежав к Узбек-айм, бросилась в ее объятия. Узбек-айм крепко прижимала ее к груди, чмокала то в одну, то в другую щеку, любовалась ею и почему-то плакала... Родственницы Зайнаб — Махира-айм, Хушрой и Ханифа, увидав Кумуш, переглянулись между собой и прикусили губы...

Объятия свекрови и невестки продолжались целую минуту. Потом Кумуш поздоровалась с остальными. Позади всех стояла Зайнаб, она только что вышла из своей комнаты. Узбек-айм с улыбкой указала на нее Кумуш.

— Ну-ка, догадайся, кто это?

Кумуш не растерялась... Взглянув на Зайнаб, она шагнула к ней и сказала:

— Зайнаб, сестра моя!

Зайнаб, тоже улыбаясь, подошла к Кумуш... Соперницы со словами «Здоровы ли вы? Все ли у вас благополучно?» обнялись, обхватив друг дружку за плечи. Когда они здоровались, в коридоре показался Юсуфбек-хаджи. Посторонние женщины, застеснявшись, отошли в сторону и отвернулись. Офтоб-айм, поздоровавшись, прикрылась платком. Хаджи приветствовал сватью и сказал с улыбкой:

— Добро пожаловать, сестра! Не утомились ли вы в дороге? Кажется, я несколько побеспокоил

вас... — он как бы просил прощения, чем несколько облегчил положение смущенной сватьи.

— Ну, бек-ата, теперь выкладывайте подарок за смотрины невесты! — сказала Узбек-аим и кивнула на Кумуш.

Засмутившись, Кумуш едва смогла отдать «саям», затем, приблизившись, склонила низко перед ним голову. Хаджи приласкал Кумуш, погладив ее по плечу, и поцеловал свою руку, которой коснулся лба Кумуш:

— Оказывается, вот какая у нас невестка в Маргилане, а мы и не знали! — сказал он с улыбкой, поглядел вокруг и раскрыл руки для благословения. — Вы оказали нам уважение, приехав издалека, и пусть, если не мы, так бог оплатит вам добром за это! Да примет Аллах нашу молитву!

Все провели ладонями по лицу. Затем Юсуфбек-хаджи обратился к Кумуш и Зайнаб:

— Видел я, как вы приветствовали друг друга, и порадовался! — сказал он. — Желая, чтобы вы и впредь жили дружно, как две сестры.

И он повернулся к Узбек-аим со словами:

— Ну что же, ведите гостей в дом!

А сам направился на мужскую половину.

8. СКРЫТАЯ НЕПРИЯЗНЬ

Вслед за этим Узбек-аим повела Кумуш со свахой в дом. За ними последовали остальные гости. По пути Узбек-аим отдала распоряжение Айбадак:

— Приготовь чай, да побыстрее, бедняжек, наверно, совсем растрясло в арбе, — и затем обратилась к Офтоб-аим и Кумуш: — Я на вас очень обижена.

Офтоб-аим, бросив быстрый взгляд на Кумуш, ответила.

— Уж не говорите, нам и без того стыдно.

Они вошли в прихожую, Узбек-аим пригласила их занять почетное место.

— Прошу, проходите выше!

Хотя Офтоб-аим и направилась туда, однако Кумуш, смущаясь других гостей, остановилась в нерешительности, но Узбек-аим настаивала:

— Не смущайся, Кумуш-атын¹. Сегодня-завтра ты наша гостья, новая невестка. А дня через три я у тебя, хитрюги, на голове жернова буду вертеть!

Все засмеялись, а Узбек-аим продолжала:

— Ты еще не знаешь, с кем тебе придется иметь дело!

Теперь улыбнулась и Кумуш. На почетном месте уселись сватья Офтоб-аим и Махира-аим. Слева от Офтоб-аим — Кумуш, рядом с Кумуш — Хушрой, справа от Махиры-аим — Ханифа, за ней — Карима-атын, Шарафат-чевар и Махина-бану. Узбек-аим села последней. Карима-атын, подняв руки, прочла молитву, и тогда Узбек-аим обратилась с приветствием к гостям: «Добро пожаловать!» Тут все, словно сговорившись, стали разглядывать Кумуш, которая от смущения потупилась. Наступило некоторое молчание. Его прервала Махира-аим, обратившись к Офтоб-аим:

— Наверное, вы очень устали, пока ехали сюда из Маргилана?

— Нет, не очень, — ответила Офтоб-аим. — Ведь от Маргилана до Ташкента десять дней пути, а мы, чтобы не устать в дороге, ехали не спеша целых двенадцать.

— Дорога грязна, должно быть? — спросила Махина-бану.

— Представьте, нет. Дорога оказалась очень хорошей. По обеим сторонам пробивается зеленая трава, на холмах тюльпаны. Ехать было весело, интересно.

Тут заговорила Узбек-аим.

— Если бы вы не приехали, я Атабека не отпустила бы больше в Маргилан. Господи боже, — сказала я ему, — неужели тебе не надоело ездить туда три года подряд? Пусть уж теперь они приедут! И не пустила его!

Услышав имя Атабека, Кумуш слегка привстала.

Офтоб-аим не удивила болтовня Узбек-аим, так как Хасанали уже поставил ее в известность обо всем:

¹ *атын* — употреблялось вместе с именем собственным при почтительном обращении к женщине.

— Уж не попрекайте, и без того нам стыдно! — сказала Офтоб-аим.

Зайнаб внесла угощение. «Добро пожаловать», — приветствовала она гостей, снимая скатерть, покрывавшую поднос с яствами. Принимая блюда от Айбадак, стоявшей в сенях, она украдкой раза два взглянула на Кумуш, и та перехватила ее последний взгляд. Когда подносы были расставлены, Айбадак внесла четыре чайника с чаем на медных подставках. Зайнаб собралась разливать чай, присев подле чайников, а Узбек-аим остановила выходящую Айбадак:

— Пришел ли мясник?

— Давно пришел. Если гости благословят, я поведу к нему барана.

Узбек-аим взглянула на Офтоб-аим:

— Ну, свашенька, благословите!

Офтоб-аим обратила взоры на Махиру-аим.

— Благословите, аим!

— Баран предназначен для вас, — возразила Махира-аим, — ваше право и благословлять, а нам уже не раз приходилось...

Узбек-аим подала знак Офтоб-аим, чтобы та согласилась. Офтоб-аим, хоть и была смущена, но исполнила обряд. Айбадак вышла, и все начали угощаться. «Кушайте, кушайте», — уговаривали они друг друга, как и до этого, посматривая на Кумуш. Особенно приглядывалась к ней Узбек-аим, которая все упрашивала ее:

— Ну возьми же, кушай, дитя мое! Я не люблю людей, которые стыдятся есть. Быть может, тебя обижает, что я сразу начала «ты»кать, как только ты переступила порог нашего дома?

— Я нисколько не обиделась, напротив, даже обрадовалась, — сказала Кумуш и взяла кусочек с одного из блюд.

— Раз вы обращаетесь к ней на «ты», — сказала Офтоб-аим, — значит, считаете ее уже третий год своей дочерью. Я вам очень признательна за это!

— Человек говорит «ты» своим детям. Станет ли он так говорить чужим? — вставила и Карима-атын.

— Мне тоже начали говорить «ты» наутро после свадьбы... — подхватила Зайнаб.

Тут снова заговорила Узбек-аим:

— Я не могу говорить «вы» близкому человеку! — В ее голосе звучали нотки похвальбы. — Эй, Кумуш, съешь хотя бы этот пирожок, ты ведь, наверное, проголодалась!

Кумуш сказала, извиняясь:

— Должно быть, от усталости у меня совсем пропал аппетит.

Узбек-аим улыбнулась:

— Не от усталости это, а потому, наверное, что ты истосковалась по мужу.

Все рассмеялись. Смеялась и Зайнаб, а Кумуш отвернулась. Возможно, она мысленно отдала должное догадливости свекрови.

Узбек-аим усердно угощала своих свах — Офтоб-аим и Махиру-аим.

— Кушайте, кушайте, не обращайтесь внимания на молодых, их мужья ублажают, а нам остается одна радость — еда.

Все вновь разразились хохотом. Особенно заливалась Офтоб-аим. Кумуш, улыбаясь, поглядывала на Зайнаб, которая тоже смеялась...

Когда поутихло, к Кумуш обратилась тетка Зайнаб — Ханифаниса-янга:

— Сколько времени вы не виделись с вашим мужем?

Кумуш испуганно посмотрела на мать, та ответила за нее:

— Кажется, месяца три.

У Хушрой зло сверкнули глаза:

— Ха! Тетушка права. Значит, аппетит у вас пропал именно поэтому!

— Да, да! — воскликнули хором женщины.

— Я сама знаю, — сказала Узбек-аим, — потому-то и не пускала Атабека целых три месяца к ней. «Да», — думала Кумуш с иронией, — «нарочно не пускали!»

Офтоб-аим сказала, смеясь:

— Не только у нее, но и у меня тоже что-то пропал аппетит...

Тут Узбек-аим вспомнила о сыне.

— Ой, кстати, видели вы Атабека? — спросила она у Офтоб-аим.

— Нет еще...

Узбек-аим посмотрела на Зайнаб.

— Не в михманхане ли он?

— Кажется, нет... — ответила Зайнаб.

— Недавно и отец твой его искал. Куда же он пропал, непутевый? — удивлялась Узбек-аим. — Он тебе ничего не сказал утром?

Кумуш во все глаза смотрела на Зайнаб, ожидая, что та ответит. И Зайнаб взглянула на Кумуш.

— Он попросил, чтобы я подала верхний халат, — сказала она. — Когда я спросила: «Куда вы собираетесь?», он ответил, что есть какое-то дело в одном месте.

От жалищих слов Зайнаб Кумуш стало нехорошо. Помрачнела и Офтоб-аим. А родственники Зайнаб весело переглянулись друг с другом. Узбек-аим поняла, что происходит, и решила замять этот разговор: «Наверное, у него было срочное дело». В это время к окну подошел Хасанали, держа бурдюк кумыса в руках. «Добро пожаловать!», — приветствовал он гостей¹, стоя за окном, и, протянув кумыс, обратился к Офтоб-аим:

— Вот, и зять посылает вам кумыс.

Офтоб-аим сразу пришла в себя, а на щеках Кумуш заиграл румянец. Что же касается представительниц противоположной стороны, то они заметно огорчились.

Обрадованная Узбек-аим спросила Хасанали:

— Когда он возвратился?

— Только что.

— Где он пропадал, глупец?

— Вчера хаджи поручил ему одно дело, — пояснил Хасанали, — но он был чем-то занят и забыл о нем. Сегодня утром вспомнил и решил, что успеет до гостей вернуться. Отправился туда, но это оказалось довольно далеко, вот он и запоздал. А чтобы смягчить свою вину, достал по дороге два бурдюка с кумысом. Передавая их мне, он сказал: «Объяс-

¹ В женскую половину дома слуги входить могли.

ните, что мне очень стыдно, и прошу простить меня!» Говоря это, Хасанали рассмеялся.

— Прощения не будет, подумаешь, что такое кумыс! — сказала Карима-атын.

А Офтоб-айм, оглядев гостей, улыбнулась Хасанали.

— Нас замучила жажда в пути, и мы очень хотели пить и потому прощаем.

— Вот и прекрасно, пойду, скажу, что вы его простили.

— Да, конечно, скажите ему, — подтвердила Офтоб-айм.

— А вы как, тоже прощаете? — обратился Хасанали к Кумуш.

Кумуш взглянула на застывшую Зайнаб и смущенно ответила:

— Я тоже прощаю...

— Я заранее знал, что вы простите его! — сказал Хасанали, и комната огласилась веселым смехом.

Когда все умолкли, Узбек-айм спросила:

— Почему он сам сюда не зашел?

— Он беседует с тестем.

Хасанали удалился, а Узбек-айм распорядилась, чтобы Айбадак перелила кумыс в большой медный сосуд. Тем временем был зарезан и освежеван баран. Узбек-айм спросила у Офтоб-айм:

— Что прикажете приготовить?

— Не у меня спрашивайте — у гостей, что они пожелают, то и нам понравится.

Узбек-айм вышла во двор похлопотать насчет обеда, Зайнаб разлила черпаком кумыс в чашки и принялась обносить им гостей.

9. ХАДЖИ В ОТЧАЯНИИ

На почетном месте сидел кутидор, рядом с ним имам махалли Юнус Мухаммад-ахунд, далее — старейшина общины Пирназар-палач¹ и старик по имени

¹ Этот человек ранее действительно состоял палачом на службе правителя, потом он оставил это ремесло, однако кличка «палач» за ним так и закрепилась.

Сатыбалды. Рядом с Пирназаром-палачом сидел Атабек, а с Сатыбалды — Юсуфбек-хаджи. Хасанали разливал из бурдюка кумыс.

Разговор шел о резне, которой подверглись кипчаки четыре дня назад.

— Я совсем потерял надежду, что из нашего народа выйдет толк... — говорил Юсуфбек-хаджи. — Сколько я себя помню, я думал только об интересах мусульман. Не мечтал ни о должностях, ни о чинах, а в конце концов, как ребенок, дал себя обмануть нескольким честолюбцам из тех, что добивались званий кушбеги и мингбаши. Великий повелитель тоже склонял уши свои к словам честолюбцев, никогда не советуясь со мной. А между тем, именно я был одним из тех, кто спас его от такого негодяя, как Мусульманкул. В итоге, все решила пара-тройка бужотеров, мы же были обмануты, словно кутята.

Юнус Мухаммад прервал говорившего:

— Э, хаджи, все зло от самого повелителя. Если бы он был настоящим человеком, горсточка мерзавцев была бы бессильна что-либо предпринять, и не пролилась бы напрасно кровь невинных. В хадисах великого пророка говорится: если дело народное отдано в руки недостойного человека, то это приближает судный день, то есть гибель народа. Пророк наш об этом говорил так: «Бисмилляхир-рахманир-рахим кола ан-набию алайхиссалям: Иза васада аль-амру иля гайри ахлихи фантазир аз-саата», то есть — владыка вселенной молвит — если решение дел народа находится в руках нечистоплотного душой, знай, что будущее этого общества туманно и обречено на гибель. А поскольку наши дела уже давно ведутся недостойными людьми, то с нами и происходят всевозможные беды. Да пошлет Аллах гибель всем нечестивцам.

— Верно сказано. О, пророк! — воскликнул хаджи и повторил слова из священного хадиса: — «Иза васада аль-амру иля гайри ахлихи фантазир аз-саата». — Горе нам, несчастным! — Он грустно помолчал, а потом закончил свою речь, прерванную дамудлой:

— Всю жизнь я тщетно стремился обратить недостойных на путь истинный, пытался перевоспитать их. — Хаджи захватил конец бороды. — Эта борода поседела во заботах о благе народа. А душа моя погрузилась во мрак при виде нечистых дел всех этих честолюбцев. И вот мне исполнилось шестьдесят пять лет, Аллах наказал меня, обманутого, за то, что я связался с негодными людьми. Теперь, как мне видится, настал час посвятить остаток моей жизни приготовлениям к переходу в мир иной и стряхнуть с себя мирскую суету.

Всем стало грустно от этих слов. Наступило долгое молчание. Особенно сильное впечатление слова хаджи произвели на Пирназара. Он высказался в духе, подобающем его прежнему занятию:

— Одному за другим нужно отрубить головы всем этим мерзавцам. Иначе трудно обеспечить покой народу.

Все ждали, что ответит на это хаджи. А он улыбнулся и через некоторое время сказал:

— Вы правы, палач! Для этого дела можете пригласить себе в помощники моего сына, вот он сидит рядом с вами...

Под общий смех кутидор с улыбкой поглядывал на Атабека, а тот, поняв намек отца, покраснел. К его счастью, никто, кроме кутидора и Хасанали, не понял намека.

Пирназар с уважением посмотрел на молодого человека.

— Атабек не то что палачом, настоящим полководцем может стать. Пусть отдаст мне приказ, а вы все благословите меня, и я, ей-богу, сниму головы мерзавцам! — воскликнул он.

Тут взял слово хаджи:

— Все мы, от мала до велика, только и знаем, что снимать головы. Мы считаем, что все в мире можно устроить таким путем. Сказать по правде, я тоже не против того, чтобы дурным людям снимать головы. Однако есть при этом несколько важных условий: прежде всего, нужно создать общество людей, не преследующих личной выгоды, готовых

жизнь отдать за народное счастье; далее, перед этими людьми должна стоять ясная цель, вытекающая из их убеждений. Лишь стремясь к этой цели и возможно отмести мусор, путающийся в ногах. Только при этих условиях пролитие крови будет оправданно и законно. В противном же случае, оно ничем не отличается от того, что творят эти честолюбцы! — Передохнув, хаджи продолжал: — К сожалению, дожив до преклонных лет, я встретил всего несколько человек, которые могли бы войти в подобное сообщество.

Поговорив еще немного, все собрались идти в мечеть на полуденную молитву. Атабек тоже поднялся, чтобы идти с ними, но Хасанали остановил его:

— Подождите, Атабек, — сказал он, когда гости вышли во двор. — Неловко будет, если сейчас вы не заглянете в ичкари... А насчет вашего опоздания, я уже кое-что наплел им, и, кажется, они успокоились.

Атабек почувствовал внезапную слабость и сел на прежнее место, пробормотав:

— Ладно уж, коли так...

10. УЛОВКА ХАСАНАЛИ

Мы знаем, что когда человек крайне перепуган, его сковывает оцепенение. Представьте себе, что вам навстречу вышел тигр. Вы, без сомнений, очень испугаетесь, поняв, что вас ждет смерть, а для человека нет ничего страшнее смерти. И страх ваш в этом случае совершенно естественен. Однако, заметили ли вы, что когда вас ожидает большое счастье, когда перед вами возникает видение этого счастья, вы почему-то впадаете в такое же состояние, как и в ожидании смерти?

Атабек сейчас пребывал именно в таком состоянии. Предвестники подобного состояния уже охватили его с утра, а после слов Хасанали он чуть не лишился чувств.

Тем временем старик давал ему советы, как вести себя на женской половине.

— Ваша мать и Зайнаб ничего не знают о том, что произошло в Маргилане, предупредил я и вашу тещу, и Кумуш. Поэтому, когда будете здороваться с ними, справляться о здоровье, держитесь так, как будто вы не виделись всего три месяца.

— Это не так уж трудно, — вздохнул покрасневший Атабек.

— А что же трудно?

— Неужели вы не догадываетесь?

Хасанали долгим взглядом посмотрел в глаза Атабеку.

— Вы же мужчина! А? Как вам не стыдно!

— Мужчина-то мужчина, но разве сердце спрашивает...

Хасанали призадумался. Действительно, положение у Атабека было не из легких. Долго думал старик, то почесывая затылок, то теребя свою бороду. Наконец, улыбаясь, как бы про себя, он сказал:

— Хорошо, погодите, в таком случае я сделаю одну штуку...

— Что вы хотите сделать?

— Не спрашивайте пока! Но с этой минуты предоставьте дело мне.

Атабек как-то неестественно улыбнулся.

— Что же это будет?

— Не спрашивайте! Вы спокойно совершите омовение и молитесь себе на здоровье сколько душе угодно.

Хасанали вышел из михманханы, а Атабек покорно выполнил то, что ему было сказано, совершил омовение, вернулся в михманхану и начал молиться... Так прошло около получаса. Когда Хасанали вернулся из ичкари, Атабек все еще бил поклоны.

— Как, вы еще не закончили молиться? — спросил Хасанали, заглядывая в окно.

Атабек взглянул на него, позабыв, как полагалось при молитве, наклонить голову по очереди в обе стороны. Заметив это, Хасанали готов был рассмеяться, но еле сдержался:

— Идемте со мной.

— Куда?

— В ичкари.

— Опять?

Хасанали рассмеялся.

— Сейчас это будет в первый раз. Через среднюю калитку тихонько пройдите в мою комнату. Женщины еще молятся, и вас никто не заметит. Я прикрою за вами дверь и через некоторое время пришлю к вам ее одну... Пойдет?

— Да, да! Конечно...

— Ну, подымайтесь же, и побыстрее!

Атабек встал. Он немного успокоился, еще было около получаса, за которые можно было подготовиться к встрече. Хасанали шел впереди. Показав на дверь своей комнаты, он шепнул: «Пройдите!» Атабек вошел, а Хасанали неплотно закрыл дверь и приоткрыл немного ставенку в окошке, но так, чтобы из окон напротив нельзя было рассмотреть, что делается в комнате. Усмехнувшись своим мыслям, он отправился в ичкари.

Комната Хасанали, обставленная, как у всех людей среднего достатка, была чисто прибрана тетушкой Айбадак. Стены комнаты отделаны гипсом, потолки окрашены, на полу — кошма алого цвета, а в нише, завешенной покрывалом, сложены курпачи. Атабек, оставив кавуши в прихожей, вошел в комнату, прошелся раза два из конца в конец и взволнованно вздохнул. Вдруг покрывало, закрывавшее нишу, заколыхалось. Атабек не заметил этого. Но вот кто-то поднял покрывало, и Атабек вздрогнул... Из ниши на него смотрела она и улыбалась. Атабека трясло от волнения... Наконец, оба пришли немного в себя и безмолвно кинулись друг другу в объятия. Атабек вдыхал аромат индийского нарда, исходящий от волос Кумуш, а она крепко прижималась к его груди. Так простояли они минуту, потом оторвались друг от друга, прошли в конец комнаты и сели. Ни он, ни она не в состоянии были заговорить. Они лишь глядели друг на друга. Молчание длилось несколько минут. Кумуш заговорила первая. Она сказала, улыбаясь сквозь слезы:

— Вы... беглец!

- А вы...
- Я?
- Вы гонительница...
- И правильно поступаю, — сказала Кумуш и легонько шлепнула мужа по щеке.
- И эту, — сказал он, подставив другую щеку.
- По этой пусть Зайнаб ударит!
- У Зайнаб нет на это права!
- Глаза Кумуш радостно сверкнули.
- Правда?
- Правда!
- Тогда вот вам! — сказала Кумуш и ласково погладила Атабека по другой щеке. Они вновь тихо рассмеялись и вперили взоры друг в друга.
- Я состарилась, тоскуя по одному человеку, — сказала Кумуш.
- Неправда! Вот если бы вы сказали это обо мне, то была бы правда.
- О вас? Вы только возмужали.
- Вы говорите неправду.
- Нет, правду.
- Зато вы...
- Что я?
- Потом скажу.
- Нет, говорите сейчас, — надулась Кумуш и проникновенно посмотрела на него. Вместо ответа Атабек поцеловал ее в щеку. Кумуш освободилась из его объятий и встала.
- Счастливо оставаться!
- Атабек смотрел на нее, ничего не понимая:
- Что с вами? Куда вы собираетесь?
- В Маргилан.
- Сегодня поздно уже, отправитесь завтра!
- Кумуш рассмеялась и снова ударила Атабека по щеке:
- О нашей тайной встрече, — сказала она, — никто не знает, кроме моей матери и Хасанали. Очень нехорошо будет, особенно, если об этом узнает ваша Зайнаб.
- А что она делает, если узнает?
- Ничего не сделает... А все-таки нехорошо. Через некоторое время зайдите к нам, поздоровайтесь

с моей матерью. Мать Зайнаб умирает от радости, что вы не нашли до сих пор времени зайти.

Кумуш снова улыбнулась и вышла. Атабек был теперь полностью спокоен: если сердце его и билось сильнее обычного, то лишь потому, что его переполняла любовь к той, что вышла из комнаты. Атабек чувствовал в эту минуту благодарность к Хасанали. Он предвкушал счастье. Какое счастье ждало его! Трудно выразить охватившее его радостное волнение. Атабек забыл обо всем на свете, ни разу не вспомнил и о Зайнаб. Рассчитав по времени, что Кумуш уже успела вернуться к гостям, Атабек тоже направился туда. Зайнаб увидела его из своей комнаты и прибежала вслед за ним. Все женщины приветствовали Атабека стоя. Только Узбек-аим продолжала сидеть и молчала. Офтоб-аим, здороваясь, обняла его и прослезилась. Затем он поздоровался со своей второй тещей — матерью Зайнаб, — с другими гостями и, наконец, улыбаясь, обратился к Кумуш: «Как вы поживаете?» Кумуш улыбнулась ему в ответ: «Слава богу». Взаимные приветствия закончились. Все сели. Атабек занял место рядом с матерью, Зайнаб села рядом с ним. Кумуш передернуло, она раз-другой исподлобья метнула взгляды на Зайнаб.

После того, как произнесли благодарственную молитву, Атабек обратился к Офтоб-аим с извинениями:

— Прежде всего, прошу простить меня, я думал утром, что успею вернуться до вашего приезда, но не успел, потом в михманхане задержался...

— Вы — сын мне, и я прощаю, — сказала Офтоб-аим.

А Узбек-аим добавила:

— Но если б ты не привез кумыса, не промочил горло своей теще, то так легко не отделался бы, сын мой!

Все засмеялись, а Карима-атын сказала:

— Кумуш-ай все попрекала Зайнаб: ты спрятала моего мужа, — от этих слов Зайнаб передернуло.

Снова все залились смехом. Как ни раздражена

была Кумуш поведением Зайнаб, но и она повеселела. Смеясь, она украдкой поглядывала на Атабека, а за ней следила Зайнаб. На мгновение все замолчали. Атабек, желая в свою очередь повеселить гостей, сказал, глядя на Зайнаб и Кумуш:

— Удивляюсь я...

— Чему же? — спросила Махира-аим.

— Почему Зайнаб полная, а Кумуш — худая?

Ответила Узбек-аим:

— Об этом ты у меня спроси, сын мой. Твоя Кумуш, видно, много думает, как и ты сам. А Зайнаб — вроде меня, веселая.

Кумуш было приятно, что свекровь сравнила ее с Атабеком. Однако Зайнаб рассердилась на нее за это же. Карима-атын возразила:

— Вы ошибаетесь, тетушка. Тот, кто читал повесть о Юсуфе и Зулейхе, понимает, в чем дело. Три месяца — большой срок, Кумуш похудела с тоски по мужу!

Тут Карима-атын снова оказала медвежью услугу, сравнив Атабека и Кумуш с Юсуфом и Зулейхой, тем самым она разожгла гнев Зайнаб и всей ее родни.

— Узбек-аим права, — сказала Махира-аим, — Зайнаб веселая, а Кумуш, кажется, чрезмерно задумчива...

— Да, да! — подхватила Хушрой.

Кумуш и ее мать поняли, что происходит, и сидели молча, чтобы не подливать масло в огонь.

Кумуш лишь взглянула на Атабека, делая вид, что недовольна им.

— Постойте, — воскликнул Атабек, — никто не угадал.

Все повернулись к нему.

— Скажите вы, раз мы не угадали, — сказала Шарафат-чевар.

— Зачем же я стану говорить, если вы не угадали! Не скажу!

— Я угадала, ах, шайтан! — крикнула Карима-атын. — Он хотел сказать, что у красной розы и у белой розы — у каждой свой аромат.

Все расхохотались.

— Верно, верно.

Атабек встал, приговаривая: «Нет, нет, нет, не угадали», — и вышел из комнаты. Как и Кумуш с Офтоб-аим, так и Зайнаб с Махира-аим испытали облегчение после этих слов. Пока все смеялись и болтали, подали кушанья.

11. ЗАГАДКИ КУМУШ

Гости разошлись перед началом вечерней молитвы. В михманхане остались лишь Юсуфбек-хаджи, Мирзакарим-кутидор, Хасанали и Атабек.

В ичкари, проводив гостей, Узбек-аим начала попрекать Кумуш и ее мать:

— Я очень сердилась на вас обеих. Не хотела даже знаться с вами. За три года ни разу не приехали, слыханное ли дело?! Бедный сын мой, как челнок ткацкого станка, каждый месяц сновал из Ташкента в Маргилан и обратно. В конце концов, у меня тоже есть чувство достоинства, все меня знают в Ташкенте, я жена хаджи, сам Худаяр-хан был гостем в нашем доме! Что до семьи кушбеги, то там ни одного дела не начнут, не посоветовавшись со мной. И вот особа, пользующаяся таким почетом, встречает невнимание со стороны свахи и невестки! В Ташкенте мне все уши прожужжали: когда же придет, мол, ваша невестка, как вы допускаете, имея такую невестку, чтобы она жила в Маргилане? А я, не зная, как выйти из этого положения, говорю: мол, мать моей невестки больна, да и сама невестка беспомощна, не сможет самостоятельно приехать. А поглядишь, ведь она резва, как скакун арабский, и прекрасна, словно алая розочка. И за такую неучтивость я еще ей собственную комнату предоставила!

Подкупающее добродушие и простота Узбек-аим очень скоро сблизили ее и с Офтоб-аим, и с Кумуш. Они то смеялись ее речам, то просили прощения. Зайнаб, потому ли, что Атабек ушел, или по другой причине, оставила гостей на попечение Узбек-аим и уединилась в своей комнате.

Зажгли свечи. Время близилось к последнему — вечернему намазу «хуфтан». Вошел Атабек. Офтоб-аим и Узбек-аим решили не мешать молодым и удалились в другую комнату посекретничать. Тогда, словно она только этого и ждала, явилась Зайнаб с чайником и предложила Атабеку выпить чаю.

Он начал было отказываться, но тут вмешалась Кумуш:

— Я буду пить, и вы присаживайтесь!

Зайнаб не пришлось уговаривать, она тут же села и подала чай Кумуш. Втягивая ее в разговор, Кумуш спросила:

— Вы, наверное, огорчены тем, что я, как злой рок, прискакала сюда?

Зайнаб взглянула на Атабека.

— Что же мне огорчаться! — сказала она. — Когда вас не было, все равно они к вам сами туда ездили...

— А вот и не ездили бы! — ответила Кумуш. — Они поссорились со мной и уехали...

Атабек исподлобья взглянул на Кумуш и улыбнулся, Кумуш тоже ответила ему улыбкой.

— Разве они могут с кем-нибудь ссориться? — возразила Зайнаб. — За два года грубого слова от них не припомню.

— Вы правы, — согласилась Кумуш. — Не они, а я поссорилась... Они ни в чем не виноваты... Раз-молвка наша произошла из-за одного негодяя.

— Кто же этот злодей? — спросила Зайнаб.

— Так, самый дрянной человек нашего города, — ответила Кумуш и обратилась к Атабеку: — Вы слышали, его недавно убил один бек!

Атабек улыбнулся.

— Слышал...

— С того дня, как я это узнала, я каждый день молюсь за этого бека...

— А из-за чего тот человек на вас сердился? — спросила Зайнаб.

Атабек посмотрел на Кумуш, как бы вопрошая взглядом: «Ну, что теперь ответишь?» А Кумуш спокойно сказала:

— Негодяй тот собрался жениться и послал сватов к моей подруге. Я же отговорила ее выходить за него замуж. Он узнал об этом и оклеветал меня перед ними. — Кумуш кивнула в сторону Атабека. — А они рассердились за то, что я вмешиваюсь в чужие дела.

Атабек смеялся, слушая «ложную легенду», сочиняемую Кумуш, а Зайнаб поспешила оправдать мужа:

— Значит, вы сами виноваты! Зачем было становиться между вашей подругой и тем человеком?

— Да уж, признаюсь, что виновата! — Говоря это, Кумуш смотрела на Атабека. — Но если правду говорить, главная виновница — дочь моей тетки, Зайнаб, она колючкой въелась между нами.

Атабек резко повернулся к Кумуш.

— Зачем вы еще и Зайнаб сюда приплели?

Кумуш засмеялась, нисколько не смутившись.

— Не волнуйтесь, бек, — сказала она. — Я была недавно у матери Зайнаб, и она подробно рассказала, как ее дочь-толстуха сама обо всем нашептала на ухо этому негодяю Хамиду. Ясно вам, в чем дело?

Атабек еле удерживался от смеха.

— Что бы там ни было, а вы сами виноваты: зачем вмешивались в это дело? — сказал он.

Зайнаб подхватила:

— Конечно, нехорошо было вмешиваться!

Кумуш стала серьезной:

— Вы правы, толстуха-Зайнаб тоже не виновата. Что до меня, то я считаю виновными родителей. Им давно нужно было отдать свою дочь за подходящего человека. Ничего бы этого тогда не случилось. Зачем им вот уже два года волноваться, беднягам! Короток ли путь между кишлаком-Ташкентом и Маргиланом!

Атабек еле сдерживался, чтобы не захохотать. А Зайнаб совсем уж ничего не понимала.

— Почему вы все-таки отговорили вашу подругу выходить замуж, когда представился случай? — спросила она.

— За богатого да рябого?! Уж лучше в могилу лечь, чем на богатство польститься!

— Это правда, — сказала Зайнаб.

«Да, Кумуш за словом в карман не лезет, — удивленно подумал Атабек. — Вот молодец!» А Кумуш все еще не угомонилась.

— К нашей размолвке имеет отношение еще и Карим-сундучник, — сказала она.

Атабек спросил нарочно:

— Какое же он мог иметь отношение? По-вашему, выходит, что весь город принимал в этом деле участие!

— Подождите, милый, — сказала Кумуш. — Ведь он, не подумав как следует, прогнал молодого человека, который подошел к воротам. Не так ли?

— Господи! Но ведь и это произошло из-за того же Хамида. А Хамид разозлился из-за вас...

Зайнаб порывалась что-то спросить, но Кумуш прервала ее:

— Да и не в этом дело... На все воля божья!

— Вот это правильно, — подхватил Атабек. А Кумуш продолжала:

— И в том, что курносая, гоняясь за хвостом, потеряла ухо, да так и осталась ни с чем, в этом тоже воля божья!

Атабек рассмеялся. Ничего не понимая, Зайнаб попросила разъяснений, но Кумуш надоело выдумывать, и она перевела разговор на другое:

— А сколько вам лет, Зайнаб?

— Кажется, идет девятнадцатый.

— Так вы совсем девчонка!

— А вам какой пошел?

— Не спрашивайте, я уже старуха...

Зайнаб, с завистью глядя на Кумуш, пролепетала:

— Но выглядите вы молодой.

— А как по-вашему, сколько мне лет?

Зайнаб посмотрела на стройный стан, на юное лицо соперницы. Ей показалось, что Кумуш даже моложе ее, но она не решалась сказать об этом.

— Откуда мне знать?

— Мне пошел двадцатый год.

— Вы, значит, перегнали меня всего на год.

— Я, конечно, перегнала! — сказала Кумуш.

И Атабек уловил тайный смысл этих слов: Кумуш и по красоте, и по уму, и по всему остальному далеко впереди Зайнаб.

Наступило молчание. Зайнаб задумчиво перебирала кисти ковра; Кумуш как будто задремала; Атабек украдкой поглядывал на нее, и вдруг его сердце сжалось от жалости:

— Вы, наверное, очень устали с дороги, Кумуш?

Зайнаб оторвала свой взгляд от ковра, а Кумуш очнулась от дремоты...

— Не знаю, право...

— Так мы уйдем, а вы спите спокойно, — сказал Атабек.

— Хорошо... Я, кажется, и не смогу совершить вечерний намаз?

— Ничего! — сказал Атабек. — Вы не боитесь одна? Может быть, Зайнаб ляжет с вами?

— Зайнаб пусть ложится с вами!... Я привыкла к одиночеству...

— Может быть, вашу матушку позвать?

— Спасибо!

— А если мать узнает, что вы остались одна...

— Если вы или Зайнаб не расскажете об этом, никто не узнает... Спать вот здесь?

Зайнаб почему-то очень обрадовалась. Она даже не дала Кумуш стелить, а сама взяла из ниши постель и разостлала на полу, покрытом ковром. Кумуш поблагодарила ее, сидя в углу на почетном месте и едва преодолевая дремоту. Атабек, сидя в противоположном углу, улыбаясь, погрозил ей пальцем. Кумуш, прищурившись от дремоты, отвечала ему тем же...

Зайнаб, постелив постель, собралась уходить, но Кумуш остановила ее:

— Зайнаб, не позволяйте этому человеку спать в михманхане! Хорошо?

— Почему?

— Перед отцом мне как-то будет неловко...

— Хорошо! — сказала Зайнаб, посмотрев на Атабека взглядом, в котором можно было прочесть: «Вы слышали?», и вышла из комнаты.

— Ну и вы тоже идите к себе, — строго сказала Кумуш. — Я говорю серьезно!

Атабек сделал вид, что не слышит, и подошел к ней.

— Вы...

— Я?

— Вы хитрая...

— Я не хитрю! — смеясь сказала Кумуш. — Но все еще сержусь на вас, мы еще не помирились с вами.

— Но что вы тут такого до этого наговорили! У меня душа ушла в пятки от страха. Вот-вот, думаю, все откроется.

— Почему это могло открыться? Я только собиралась поговорить с вами о происшедшем, а она, как нарочно, явилась. Я все же решила не отступить от своего намерения и рассказала обо всем по-иному. А разве она что-нибудь заметила?

— Не думаю... Но все же я очень боялся.

— С таким робким сердцем вы убили троих?! Не верю! — сказала Кумуш.

Тут она заметила на его руке шрам от удара кинжалом.

— Где вы поранились? Воробьев, что ли, резали? Ну, идите, я хочу лечь!

— Ложитесь, пожалуйста.

— Что же, при вас раздеваться?!

— Если вы стесняетесь, я могу отвернуться.

Атабек повернулся к ней спиной.

— Хорошо, не смотрите! — сказала Кумуш и начала раздеваться.. — Я еще не разделась... Нет еще, нет еще, — повторяла она и, уже скользнув под одеяло, смеясь, продолжала твердить: — Нет еще, нет еще!..

Атабеку, наконец, надоело ждать, и он повернулся.

— Обманщица!

— О, то ли еще будет, беглец!

— Вы, правда, не боитесь спать одна?

— Чего же мне бояться? Я уже привыкла — два года сплю одна. Это вы, наверное, боитесь одиночества!

— Ваша насмешка...

— Это вовсе не насмешка, я правду говорю! А что до меня, то я не одна.

— Что вы хотите этим сказать?

— А то, что у меня есть спутник, и вы за меня не беспокойтесь!..

Атабек снова не понял:

— У вас есть спутник?

— Да!.. Это — моя мечта об одном человеке. Может ли быть что-нибудь лучше? Иногда она слаще сна.

Атабек теперь понял, о каком «спутнике» идет речь. Он прилег рядом с Кумуш и поцеловал ее.

— А знаете, я не верю вам, — сказал он.

— Почему?

— Потому что..., в ту ночь вы не думали ни о ком, вы спали да еще посапывали во сне.

Кумуш положила руку Атабеку на плечо.

— Да, правда, тогда я спала без мечты... Я совсем потеряла надежду на того человека. Мысли о нем приводили меня в ужас. Мне был сладок в те дни только сон: во сне я видела его и даже днем старалась уснуть. А сейчас моя мечта о нем стала снова желанным спутником. Что вы обо всем этом скажете?

— Ничего не скажу... Но вы уже не прежняя Кумуш, не та, какой были два года назад.

Кумуш с головой закуталась в одеяло.

— Идите же, мне очень хочется спать.

Атабек нехотя встал. Когда он отошел, Кумуш тихонько глянула из-под одеяла и сонно улыбнулась ему вслед.

Во дворе раздались чьи-то шаги, и Атабек потушил три свечи, стоящие в нише. В окне показалась Зайнаб: «Ах, вы еще здесь! А я думала, что вы ушли к себе — в михманхану», — сказала она. Атабек, не отвечая, потушил остальные свечи. Услышав слова Зайнаб «Ах, вы еще здесь!», Кумуш сразу открыла глаза, и сон ее покинул... Атабек вышел, прикрыв за собой дверь.

12. СОПЕРНИЦА ЕСТЬ СОПЕРНИЦА

За каких-нибудь три-четыре дня Кумуш совершенно покорила и свекра, и свекровь, очаровав их своим радушием и приветливостью. «Это не человеческое дитя, а ангел», говорил о ней Юсуфбек-хаджи. Если бы не Зайнаб, он говорил бы это при всех. А Узбек-аим и думать позабыла о своей прежней неприязни к Кумуш. Она хвасталась перед женщинами, приходившими посмотреть на маргиланскую невестку. «Дивная у вас невестка!» — твердили они в один голос. «Да, настоящая моя невестка была, оказывается, в Маргилане», отвечала она. И Узбек-аим не переставала восхвалять ее. Оставшись с хаджи наедине, она повторяла: «Хвала вашему сыну, смотрите, какую жену нашел!» И хаджи, посмеиваясь, восклицал: «Видно, маг-индус, о котором ты рассказывала, и тебя приворожил!» Она, тоже смеясь, отвечала: «Правда, у этой женщины помимо красоты есть и еще какие-то чары...» После ухода соседа, восхвалявших Кумуш, Узбек-аим приказала Айбадак окурить Кумуш от сглаза; чтобы не обидеть Зайнаб, то же самое проделывали и с нею, а если Атабек попадался под руку, то и его окуривали.

Наряду с Кумуш, большим почетом в доме хаджи пользовались и кутидор с Офтоб-аим. Кутидора ежедневно водили в гости к друзьям и почитателям Юсуфбека-хаджи. А дома он был окружен вниманием хозяина. Узбек-аим не знала, куда посадить, как угостить получше Офтоб-аим, называла ее не сватьей, а младшей сестрой, ничего не начинала готовить из еды, не справившись о ее пожеланиях.

За пятнадцать дней у них в гостях перебивали все знатные женщины города, начиная с жен юзбаши, пансад-баши, курбаши и кончая женой самого кушбеги. Все наперебой приглашали Офтоб-аим к себе.

— Вы не уедете, не побывав у нас¹, — говорили они.

¹ Основной целью приглашений в таких случаях являлось то, что приглашенные одаривались специально сшитой к этому случаю одеждой и сарпа (*прим. авт.*), и позже, после особых приготовлений полагалось устроить ответное угощение также с подарками и обновками для первого приглашавшего.

По совету Узбек-аим было принято несколько приглашений, и прежде всего решено было побывать во дворце и навестить супругу Нармухаммада-кушбеги, Сарабек-аим.

Это произошло на шестнадцатый день, когда гостей стало меньше. Узбек-аим уведомила Сарабек-аим, что приедет, и приказала Хасанали запрягать коней в арбу. Кумуш хотелось поехать посмотреть, как живут во дворце; за утренним чаем она спросила: «Зайнаб тоже поедет с вами?» «Зайнаб уже была разок, и довольно с нее», — ответила Узбек-аим.

— А я?

— И ты не поедешь!

Кумуш помрачнела и замолчала.

— Ты, дитя мое, невестка самого Юсуфбека-хаджи. Тебе не пристало ехать туда, куда тебя особо не приглашали, — сказала Узбек-аим.

Атабек ускакал куда-то на коне. Юсуфбек-хаджи и кутидор отправились в гости к Салихбеку-ахунду в медресе Кукельдаш. Дома остались только Кумуш, Зайнаб и Айбадак.

Кумуш и Зайнаб провожали старших женщин до ворот, и Узбек-аим сказала им, смеясь:

— Смотрите вы у меня, соперницы, не вцепитесь друг другу в волосы, пользуясь тем, что одни остаетесь дома! Айбадак, присматривай за соперницами.

А Офтоб-аим, усаживаясь в арбу, возразила:

— Избави бог! У обеих ума в голове достаточно.

— Они не соперницы, а сестры! — добавил Хасанали, усевшись уже в седло.

— За то, что вы не берете меня с собой, придется сорвать зло на Зайнаб! А то на ком же? — шутила Кумуш, играя кольцом на воротах. — Ну как, поцапаемся? — обратилась она к Зайнаб. Зайнаб промолчала.

Узбек-аим отдала последние распоряжения Айбадак и наказала невесткам:

— В полдень непременно поешьте что-нибудь горячее!

Арба тронулась.

Зайнаб удалилась к себе, ни словом не обмолвившись с Кумуш. Та, раздумывая, что бы это могло значить, постояла немного во дворе и тоже прошла в свою комнату. Ей было ясно, что Зайнаб со дня на день становится все холоднее, все больше чуждается ее. Сегодня она даже не откликнулась на шутку, и Кумуш, сидя у окна, всерьез призадумалась. Смутно было у нее на душе. Какие бы предосторожности ни принимала она в обращении с Атабеком, чтобы не вызывать чувства зависти в Зайнаб, все было напрасно. Как же наладить отношения? До какой степени дойдет неприязнь Зайнаб за месяц, если так обострилась она за какие-нибудь пятнадцать дней? Кумуш понимала, что при таких отношениях она не сможет долго жить в этом доме. В то же время ей не хотелось уезжать, добровольно оставив на длительный срок Атабека в объятиях Зайнаб. В сердце Кумуш тоже заговорила ревность. Думая о сопернице, она вдруг вспомнила, что на днях Атабек посмотрел на Зайнаб, как-то многозначительно улыбаясь, перед ней всплыло полное, как луна, привлекательное лицо Зайнаб, каким оно казалось ей в ту минуту... Отмахнувшись от этих раздумий, Кумуш вскочила, взяла с полки зеркало и начала всматриваться в него.

Известно, что, когда человек смотрит в зеркало, как бы хорош он ни был, он видит, прежде всего, свои недостатки. И Кумуш осталась недовольна собой. Ей не нравились ни большие с поволокой глаза, ни длинные пушистые ресницы, ни черные густые брови, ни родинка — в общем, ничто не нравилось ей в себе. По сравнению с Зайнаб она казалась себе шуплой девчонкой-подростком. Поставив зеркало обратно, Кумуш снова села у окна, полная ревности к Зайнаб. Размышляя обо всем этом, она подумала: «Да, ладно, лишь бы он любил меня — и с меня довольно!» Но и это ее не успокоило. Ей вдруг показалось, что любовь Атабека к ней продлится еще несколько месяцев, а потом Зайнаб с ее приятным лицом положит конец этой любви. Ей захотелось еще раз хорошенько рассмотреть Зайнаб,

оценить силу ее обаяния, и Кумуш, полная решимости поближе изучить соперницу, поднялась, чтобы идти к ней...

Зайнаб сидела у окна и вышивала тюбетейку.

— Как говорила мама, я пришла к вам поцапаться, — улыбаясь, сказала Кумуш.

Зайнаб отложила тюбетейку в сторону и встала. — Я тоже собиралась к вам идти. Кумуш усмехнулась.

— Ну и ну! Как же можно — и тюбетейку расшивать, и ко мне собираться?..

Зайнаб смутилась и не нашла, что сказать. Да, это у нее получилось по-детски. А Кумуш, чтобы вывести ее из затруднения, принялась рассматривать тюбетейку.

— Оказывается, вы мастерица вышивать — швы у вас ровнехонькие. Для кого же шьете эту тюбетейку?

— Да так, не знаю... Кому-нибудь пригодится... Присаживайтесь!

Соперницы уселись друг против друга. Кумуш пристально смотрела на Зайнаб. Та все не могла оправиться от смущения, сидела потупившись, с покрасневшими щеками. Минуты две длилось молчание. Наконец, первой заговорила Зайнаб.

— Вас задело даже то, что я не зашла к вам, — сказала она.

— А почему бы и не задеть?! Я же не ребенок, все понимаю. Еще и пятнадцати дней не прошло со дня моего приезда, а вы уже сторонитесь меня. Я надеялась, что мы с вами будем сестрами...

— Но ведь между нами ничего такого не произошло... Если вы станете обижаться на каждый пустяк...

— По вашему, это пустяк? Вы, прекрасно зная, что мы в доме одни, взяли и скрылись... Значит, вам неприятно общение со мной!

— Бросьте! Вы слишком близко принимаете все к сердцу. Я совсем не такая.

Разговор, носивший вначале шутливый характер, стал принимать серьезный оборот. Кумуш, наконец, излила свое раздражение, накопившееся за пятнадцать дней.

— Раз я принимаю близко к сердцу, значит, есть повод для этого!

— Почему вам пришло в голову, что ваше общество мне неприятно и потому я не вышла к вам? Вы что, заглядывали мне в душу?

Зайнаб тоже начала горячиться, а Кумуш заговорила еще резче:

— Мне совсем не обязательно заглядывать вам в душу, чтобы заметить вашу неприязнь. Ваши поступки говорят сами за себя!

— Какие поступки?

— И не спрашивайте меня.

— Откуда же мне знать, что за поступки раздражают вас, скажите, пожалуйста!

— Если узнаете, тогда еще больше рассердитесь.

— На правду я никогда не сержусь.

Кумуш понизила голос, чтобы не слышала Айбадак, хлопотавшая по хозяйству.

— Если не рассердитесь, скажу: почему, когда муж заходит ко мне, вы безо всякой нужды приходите и садитесь с нами, а когда я одна, вы не заходите?

— Я так и знала, что вы это скажете. Ну что ж, если вы и это так близко принимаете к сердцу, то я никогда больше не буду заходить!

— А вы говорили, что не рассердитесь, если я правду скажу!

— Я говорю только, что не стану заходить, когда у вас муж.

— Не кривите душой, Зайнаб! Я сказала об этом не для того, чтобы вы не заходили, когда он у меня, а лишь в доказательство своих слов упомянула об этом, только и всего.

Обе примолкли. Айбадак заглянула в окно.

— Кажется, пора обедать, — сказала она. — Что вам приготовить?

Кумуш взглянула на Зайнаб.

— Что мы закажем?

— Она у вас спрашивает...

— Приготовьте любимое блюдо Зайнаб.

— Лагман хотите? — спросила Айбадак, обратившись к Зайнаб.

— Мне вообще не хочется есть. Готовьте, что хотите!

Айбадак молча ушла. Зайнаб сказала тихо: «Боже мой!»

— Не говорите так, Зайнаб! Хоть разговор этот вам и не нравится, я начала его потому, что вы оставили меня одну. Я не на всю жизнь приехала в ваш дом, а лишь на некоторое время, повидаться со свекром и свекровью. К чему же нам дуться и ссориться друг с другом? Нехорошо!

Услышав слова «на некоторое время», лицо Зайнаб прояснилось, и голос у нее стал ласковее, когда она заговорила:

— Ну что вы, Кумуш, сестра моя! Вы и вправду все близко к сердцу приняли. Чтобы я до завтрашнего дня не дожила, если у меня на сердце была хоть крупинка злого умысла!

Увидев, как просияла Зайнаб при упоминании об отъезде, Кумуш улыбнулась про себя и подумала: «Погоди у меня, скорее умру теперь, чем уеду отсюда!»

Между молодыми женщинами снова повисла безмолвная тишина. Кумуш думала о чем-то, обняв колени, а Зайнаб широкими стежками продолжала вышивать тюбетейку. Через некоторое время она украдкой бросила враждебный взгляд на свою соперницу и, стараясь не выдать себя, невольно вздохнула и снова сделала два-три стежка.

— Пожалуй, вам не стоило бы беспокоиться так, — вдруг сказала она.

Кумуш несколько задержалась с ответом, затем пододвинулась поближе к стене и, прислонившись к ней, спросила:

— А чего мне беспокоиться?

— Ну... я хочу сказать... не надо вам ревновать.

— Кого?

— Сами знаете, кого...

— Стыдно, Зайнаб!

— А вам не стыдно?

Соперницы опять смотрели друг на друга, как два петуха, готовые к бою.

— Чего мне стыдиться? — спросила Кумуш.

— Говорить, чтобы я не входила, когда у вас муж. Конечно, стыдно.

— Я сказала это в ответ на ваше поведение. Но если вы считаете, что так оно и должно быть, то я вас тоже спрошу: входила ли я когда-нибудь к вам, когда у вас муж?

Зайнаб замялась. Что ей ответить? Она не могла припомнить ни единого случая, чтобы Кумуш зашла к ней, когда у нее находился Атабек.

— А если бы и зашли, я не вытолкала бы вас в грудь! — сказала Зайнаб. — Вы ко мне ревнуете, равняете по себе, потому и не заходите.

— Нечего клепать, Зайнаб, вы не кузнец.

— Боже упаси уподобляться кузнецу! Мои родители никогда не были кузнецами!

— А кто это говорит?

— Из ваших слов так выходит.

— О господи, — засмеялась Кумуш. — Вы не так поняли. То заявляете, что я к вам ревную, то укоряете тем, что я равняю вас по себе, то еще что-нибудь приклепаете, как иглой тычете, говоря, чтобы я не беспокоилась. Вот это и называется клепать...

— Я правду говорю, можете не беспокоиться...

— Ну-ну, продолжайте!

— Ведь...

Зайнаб запнулась... Кумуш хотелось, чтобы она сама признала свою ошибку.

— Я поняла! — перебила ее Кумуш. — Вы хотите сказать, что я могу не беспокоиться, потому что муж меня любит?

Зайнаб побледнела и перестала вышивать. Она смотрела на Кумуш, но в голову не приходило ничего, что бы могло исправить совершенную ошибку.

— Он, может быть, и вас, как меня, заверял?

— В чем это он вас заверял?

— Ну, может быть, и вам он говорил, что жить не может без вас.

— Нет.

— А мне он сотни раз твердил об этом... Я думала, что и к вам он так же относится.

Эта ложь пришла ей в голову в ту минуту, когда она, замаявшись, не знала, как ответить сопернице.

И все же ее сумбурная болтовня смутила Кумуш, которая уже готова была торжествовать победу. Сомнения, заставившие ее чаще смотреться в зеркало, вспыхнули с новой силой, она потеряла над собой власть. «Зайнаб говорит правду», — думала она в смятении, — «стал бы он дожидаться, пока я приеду в Ташкент, если бы не любил меня!»

Зайнаб, соврав, тут же испугалась последствий своей лжи и торопливо принялась опять за тубетейку. А Кумуш вдруг почувствовала себя такой опустошенной, словно все силы оставили ее. Обед, который принесла Айбадак, уже остывал, но никто из соперниц не притрагивался к еде. Зайнаб робко предложила: «Угощайтесь, сестра». Они чуть отведали лагмана, вытерли руки о край скатерти и тут же разошлись по своим углам.

Еще через час вернулся Атабек. Его встретила Зайнаб, он передал ей верхний халат и продолжал стоять во дворе, раздумывая, к кому из жен зайти. Зайнаб вертелась вокруг него, но пойти к ней — значит обидеть Кумуш, пойти к Кумуш — обидеть Зайнаб. А Кумуш не показывалась. Он подумал, что она спит, и вошел в комнату Зайнаб. Зайнаб из кожи вон лезла, стараясь угодить мужу. Она усадила его на сложенные вчетверо одеяла, подложила ему под бок три пуховых подушки. Смахнула пыль с обуви, попросила позволения охладить его опахалом. Атабек, опасаясь этой чрезмерной заботливости, под благовидным предлогом отклонил ее услуги. Он, хоть и приехал верхом, невероятная жара порядком измотала его, и очень ему хотелось выпить чаю, но не успел он договорить свою просьбу, как Зайнаб сорвалась с места и побежала разжигать огонь в очаге. Оставшись один, Атабек заглянул к Кумуш. И окно, и дверь были открыты, но комната — пуста.

Со дня приезда Кумуш Атабек с каждым днем все больше чувствовал скованность. Он начал обдумывать каждый шаг, каждый взгляд, каждую свою улыбку. И все время испытывал неловкость. Зайнаб

не знала всей истории его отношений с Кумуш в Маргилане. С Зайнаб он раньше держался естественно и просто. Но дальше так не могло продолжаться. Улыбнувшись Кумуш, он должен был тут же улыбнуться и Зайнаб, и так во всем. Однако в первом случае улыбка и нежность шли от чистого сердца, а во втором... Впрочем, мы уже потратили немало бумаги, рассказывая об отношениях Атабека и Кумуш, и, кажется, читатель не соскучился, следуя за нашим описанием их чувств, пронизанных искренностью, а вернее сказать — поэтичностью. Если же мы обратимся ко второму случаю, то увидим, что Атабеком здесь руководило лишь чувство долга, а если и заметим тут что-то другое, то вряд ли это будет представлять какой-либо интерес. Наши уважаемые читатели, вероятно, хорошо понимают, чем было вызвано поведение героя, но все же постараемся в этом разобраться.

Как и то, что вера призывает к справедливости, так и Атабек уважал волю своих родителей, более того, на него не могло не подействовать признание Зайнаб, открывшей свое сердце, плакавшей перед ним несколько недель назад. Атабек сам за три года испытал подобные чувства, немало пережил и сладкого, и горького, и из жалости к Зайнаб вынужден был притворяться...

Когда Атабек выпил две пиалы чаю, Зайнаб спросила:

— Мы думали, что вы поздно вернетесь, и не позаботились о еде. Я немного оставила для вас, правда, все уже остыло, но если хотите поесть...

Атабек проголодался в дороге и сказал: «Давайте, несите». Лагман, не тронутый женщинами, был подан Атабеку. Он, заметив, что мелко крошенное мясо с подливой совсем не тронуто, спросил:

— А сами вы ели?

— Ели. Здесь Кумуш была. Только, видно, лагман ей не по вкусу — мало съела. А раз она не стала есть, то и я постеснялась...

— Ну так теперь давайте вместе поедим, — предложил Атабек.

Зайнаб охотно присоединилась к мужу.

Атабек узнал от Зайнаб, что Кумуш легла спать. Поев, он тоже прилег. Как только он заснул, Зайнаб — словно только этого и ждала — присела у его подушки с опахалом, все время посматривая в сторону комнаты Кумуш. Ей очень хотелось, чтобы соперница увидела это. Хотя она и знала, что успех ее случаен, но он как бы подтверждал то, в чем она недавно старалась убедить Кумуш.

Зайнаб долго размахивала опахалом, и в конце концов, к ее великому удовлетворению, ей повезло: Кумуш, выйдя зачем-то из своей комнаты, краем глаза увидела Зайнаб с опахалом у постели Атабека.

Через час он проснулся. Зайнаб была вынуждена прекратить порхание своей «ветряной мельницы», которым она стремилась растерзать сердце соперницы.

Атабек пошел к Кумуш. Она спала, косы ее в беспорядке были разбросаны по подушке. Он, не отрываясь, смотрел несколько минут на нее, спящую, и, чтобы не разбудить, тихонько направился к выходу. Подойдя к двери, он оглянулся. Кумуш смотрела на него.

— Спите спокойно, я уйду!

Но Кумуш поднялась с постели и повязала упавший с головы платок. Глаза у нее были красные, как от бессонницы. Атабек вернулся.

— Зачем же вы встали? Спите! — сказал Атабек. Кумуш хмуро молчала.

— У вас глаза красные! Вы не выспались?

— Мне нездоровится...

— Боже упаси! — воскликнул Атабек, садясь рядом с ней. — Что у вас болит?

— Не знаю! — резко сказала она, разглядывая что-то в нише.

Атабек, думая, что она шутит, улыбаясь, потрогал лоб Кумуш.

— Как, вы не знаете, что у вас болит?

— Уберите руку!

— Это почему же?

— Вы ведь брезгуете мной!..

— Я? Брезгаю? Да что вы...

У Кумуш почему-то блестели глаза.

— А Зайнаб?

Атабек не ожидал такого вопроса, растерянно посмотрел во двор и ответил.

— Вы все знаете об этом... лучше, чем я.

Смушение Атабека, взгляд, брошенный им во двор, казалось, подтверждали то, что говорила Зайнаб. Кумуш нахмурилась еще больше и отвернулась:

— Оставьте! Не лицемерьте!

Атабек ничего не понял, а слезы в глазах Кумуш окончательно его смутили. Все же он сказал, улыбувшись:

— Вы, должно быть, встали с левой ноги сегодня.

— Да, потому что нет никого, кто бы помог мне встать с правой...

— Вот из-за чего вы сердитесь! — рассмеялся Атабек.

Кумуш вытерла глаза.

— Да, из-за этого.

— Ну, из-за этого не стоит.

Кумуш начала горячиться.

— А из-за того, что вы двуличны? Что вы и одной, и другой говорите те же слова, и из-за этого не стоит?

— Не понимаю что-то...

— Конечно, не понимаете, да и не хотите понять.

Впервые в жизни Кумуш говорила с Атабеком так раздраженно. Разные предположения, одно за другим, промелькнули в его голове.

— Видимо, Зайнаб сказала вам что-нибудь?

— Сказала!.. О том, что вы без нее жить не можете, сказала...

Атабек понял, что между женами произошел неприятный разговор, видно, Зайнаб наплела что-то Кумуш и тем разожгла ее ревность. Но он продолжал говорить в том же спокойном шутливом тоне.

— И вы поверили Зайнаб?

— Ее словам нельзя не верить.

— Хорошо, допустим даже, что я сказал это...

Однако даже в таком случае ваша обида меня удивляет. Не ожидал такого недоверия именно от вас...

Кумуш молчала. Атабек легонько дернул ее за косу:

— А ну, признавайтесь, вы не поссорились?

— Да, — сказала Кумуш и улыбнулась, повернувшись к нему спиной.

— И это на пятнадцатый день знакомства!

— Будь на моем месте другая, она поссорилась бы с Зайнаб в первый же день.

— Да пошлет вам бог удачу! — иронически сказал Атабек.

— А вы не смейтесь!

— Тогда расскажите, что произошло.

Пламя ревности в Кумуш несколько поутихло, и она излила душу перед Атабеком, рассказав ему о стычках, происходивших в последние дни между ней и Зайнаб. Не забыла мимоходом зацепить и несчастное опухшее, насквозь пронзившее ее бедное сердце.

Атабек слушал сначала с таким видом, как будто не придавал всему этому значения, но когда Кумуш завершила печальные стенания, он призадумался и надолго замолчал, а потом взглянул с улыбкой на Кумуш, ожидавшую его реакции на сложившиеся непростые отношения между соперницами.

— Чего вы смеетесь?

— Да потому, что все это не стоит ваших слез.

— Я не стерплю больше проделок вашей Зайнаб, — сказала Кумуш, сердито хмуря брови.

— Оставим пока разговор о том, стоит ли терпеть или нет. Ответьте мне лишь на вопрос: вы верите мне?

— И верю, и не верю, — улыбнулась Кумуш и, подумав, добавила: — Слова Зайнаб заставили меня усомниться...

— Но у вас есть доказательства, которые должны были бы разрушить все сомнения.

Кумуш призадумалась, а Атабек, понизив голос, продолжал:

— Вот поэтому я и спросил вас на днях, остаетесь вы в Ташкенте или нет. Я хотел оградить вас

от огорчений подобного рода, и думал, что если вы чувствуете себя здесь плохо, то лучше уж уехать. К чему терпеть обиды и неприятности!

— Нет! Если вы меня не прогоните, я в Маргилан не вернусь.

— А если вы все время будете нападать на меня по подобным пустякам, я непременно прогоню вас.

Кумуш посмотрела на него с укором.

— Могу ли я верить вам? — сказала она.

— А что говорит вам сердце?

— Сердце... сердце говорит: не верь!

— Тогда это не голос сердца.

— Нет, голос сердца.

— Значит, есть причина, по которой оно так говорит?

— Да! Есть такая причина!

— Объясните.

— Сердце спрашивает: кто должен быть изгнан?..

И вы тоже ответьте на это, спросив свое сердце.

Атабек понял, чего хочет Кумуш, но не нашел сразу ответа и заколебался. И действительно, Кумуш загнала его в тупик. Это был очень сложный и деликатный вопрос. А она, не дождавшись ответа, добавила:

— Хотя у меня не хватает умения распознать сердце другого человека, но мое сердце не вмещает двоих сразу...

— Вы хотите сказать, что мое сердце вмещает, не правда ли?

— Я не говорю этого... Потому что это невозможно...

Кумуш все еще пыталась донести до него свою тайную мысль.

Атабек был крайне удивлен резкой переменой, происшедшей в Кумуш за этот день, ее решительным тоном. Его взору внезапно открылись глубокие изменения, потрясшие молодую женщину, сидящую напротив, и не только внешне, но и вообще перевернувшие все верх дном в ее раненой душе.

— Мне ясно, чего вам хотелось бы, — сказал он наконец. — Вы правы, как ни верти! Однако сейчас,

пока... впрочем, я думаю, что вы и сами понимаете...

Кумуш молчала. Вероятно, она стремилась лишь узнать, как ответит муж на ее последний вопрос.

13. БУДЕМ ЖИВЫ — СВИДИМСЯ

На двадцатый день пребывания в Ташкенте кутидор стал подумывать о том, чтобы вернуться домой, в Маргилан. Сколько ни уговаривали его Юсуфбек-хаджи и Атабек остаться еще хотя бы на несколько недель, кутидор не соглашался, извиняясь: «Дом остался без присмотра, — говорил он, — там только Айша-буви и Тойбека. Как они, что с ними — неизвестно. Да и торговые дела мои немного запущены. Мы и так у вас задержались надолго. Достаточно. Спасибо вам за почет и уважение!» Хаджи сказал, улыбаясь: «Но теперь мы нашу невестку в Маргилан не отпустим!» На что кутидор ответил: «Она теперь и ваша дочь, а не только моя. И здесь, и там она — у себя дома. Ваша воля будет и моей». «Если бы не было всех тех событий, которые имели место в недавнем прошлом», — как бы заговаривая зубы, начал хаджи, — «я бы не настаивал, чтобы она оставалась здесь», — уже серьезно сказал хаджи, — «жаль ведь и вас лишать дочери. Но если вас это не затруднит, на мой взгляд, было бы разумным, чтобы Кумуш хоть с годик пожила у нас, пока там улягутся толки». Кутидор согласился с ним: «Ваши рассуждения, несомненно, верны. Да-да, конечно, пусть годик-другой поживет здесь».

Кутидор решил оставить Кумуш в Ташкенте, не только не посоветовавшись, но даже и не подумав о том, согласится ли на это Офтоб-аим. А ведь перед отъездом из Маргилана он безоговорочно принял ее наставления: «Не оставляйте Кумуш в Ташкенте». Но что об этом говорить: наши мужья с нашими Офтоб-аим обходятся именно таким образом.

Как только Офтоб-аим узнала от Хасанали, что кутидор собирается уезжать, она первым делом решила поговорить с дочерью. Ведь она хорошо пони-

мала, что от дочери даже больше, чем от мужа, зависело решение, ехать ли ей вместе с ними.

— Кумуш, — сказала она улыбаясь, — оказывается, мы возвращаемся назад. Отец говорил...

Кумуш в это время что-то шила.

— Ну что же, в таком случае, счастливого пути! Поезжайте, — сказала она, не отрываясь от шитья.

Услышав эти равнодушно сказанные слова, бедная мать так и присела.

— Что ты сказала?

Кумуш усмехнулась, продолжая работать.

— Говорю: прощайте, раз собрались ехать!

— А ты?

— Я остаюсь.

Офтоб-аим на некоторое время недоумевающе уставилась на дочь. Кумуш делала стежок за стежком, не поднимая глаз на мать.

— Брось шутить.

— Я не шучу.

— И тебе не стыдно?

Кумуш улыбнулась:

— Почему мне должно быть стыдно?

— Да перестань же ты!

— Ведь я остаюсь у мужа. Он мне не чужой, почему же стыдно?

Офтоб-аим воспламенилась, как огонь в печи:

— Останешься, если даже никто не попросит тебя об этом?

Кумуш, отложив работу, посмотрела на мать:

— Никто, кроме вас, не имеет ничего против моего пребывания здесь. А если даже на вашу сторону переметнется Зайнаб, то ее желание не имеет для меня значения.

— Ты в своем уме, дочь моя?

— Вполне, — рассмеялась Кумуш. — Я, ваша дочь Кумуш... нахожусь сейчас у своего мужа в Ташкенте.

— И ради мужа, бесстыдница, ты отказываешься от родной матери?

— Нет, я не отказываюсь. Я лишь готова немножко поскучать без вас в Ташкенте.

Офтоб-аим заплакала от слов дочери:

— Твоя мать не сможет жить без тебя, — сказала она, — я не могу доверить тебя дому, в котором живет твоя соперница...

— Если соперница одна, то друзей — восемь.

Офтоб-аим отерла слезы.

— Не шути, доченька, с соперницей.

— Но и я ведь ей соперница!

У Кумуш был такой вид, словно она готова сейчас же броситься на Зайнаб.

— Что не говори, но настоящей соперницей ты не можешь быть.

— Это почему же?

— Да потому, что муж любит тебя. Поэтому она тебе — настоящий враг.

Кумуш улыбнулась и шепнула матери на ухо:

— Насчет этого будьте спокойны.

— Почему это я должна быть спокойна?

— Если Зайнаб причинит мне хоть малейшее зло, ваш зять даст ей развод... Значит, мне лучше остаться здесь.

— Приехать ты успеешь, когда он разведется...

— Нет, если я уеду, он не разведется.

— Почему ты так думаешь?

— Да потому, что мать его заступится, скажет, что не может жить без невестки... А при мне ей нечего будет сказать.

Офтоб-аим все еще не сдавалась, продолжая уговаривать дочь.

— Ты молода, доченька. Не причиняй зла другим. Уезжай лучше со мной, а они пусть делают, что хотят. Зайнаб ведь тоже надеялась на счастье, выходя замуж.

— Вы не хотите понять... — начала Кумуш, но тут кто-то подошел к двери, и она замолчала.

Вошла Узбек-аим, говоря уже на ходу:

— Что это вы домой спешите? Враги за вами гонятся, что ли? Полмесяца ехали из такой дали, как Маргилан, то на арбе, то на верблюде, а уезжаете, не прожив и месяца! — Офтоб-аим и Кумуш почтительно поднялись с места. — Вы слышали уже? — спросила Узбек-аим, усаживаясь.

— Слышали, — сказала Офтоб-аим. — Мы как раз говорили об этом.

— Да что же это такое... Так скоро!

Офтоб-аим сказала, оправдываясь:

— Мы и так причинили вам немало беспокойства: прожили целых двадцать дней, как у себя дома. Вы оказали нам такое гостеприимство, познакомили со столькими уважаемыми людьми!.. Теперь очередь за вами, ждем вас к себе!

— Пустяки все это! Мы еще не приняли вас так, как надо бы, стыдно нам будет, если вы уедете. Я сама пойду сейчас к свату. Если он хочет опозорить нас, то пусть хоть завтра уезжает.

Офтоб-аим продолжала оправдываться:

— Ну если вы хотите нас устыдить, идите к мужу, а хотите порадовать — не стоит так поступать. Вот и Кумуш ваша говорит, что мы довольно уже погостили, теперь пусть матушка приезжает к нам с Зайнаб.

Услышав в связи с разговором об отъезде имя Кумуш, Узбек-аим перестала быть любезной.

— Кумуш тоже собирается ехать? — спросила она строго.

Кумуш, улыбаясь, смотрела на мать.

— У вас, слава богу, есть Зайнаб, — сказала Офтоб-аим, как бы извиняясь. — Мое же все сокровище, все мое достояние — это Кумуш. Вам придется ее отпустить.

Узбек-аим нахмурилась в сторону Кумуш.

— Нет, нет, уважаемая Офтоб-аим, вас отпущу, но Кумуш не поедет!

— Хоть на этот раз отпустите, очень вас прошу!

— Не могу внять вашей просьбе, Офтоб-аим. Проявите благоразумие. А тебе, невестка, не стыдно? — и Узбек-аим повернулась к Кумуш. — Только вчера приехала, а сегодня — в бега!

— Я не вольна в этом, мама, — ответила Кумуш. — Я поступлю так, как решите вы.

Узбек-аим одобрительно кивнула головой:

— Вот это молодец!

Офтоб-аим с укором взглянула на дочь.

— Что же ей еще ответить? — сказала она. — Кумуш не захочет меня обидеть. Если бы не это, она, конечно, не уехала бы.

Узбек-аим не собиралась отступать. Она все твердила:

— Стыдно ей уезжать! Атабек целых три года подряд ездил к ней. Что же случится, если ваша дочь проживет годик в Ташкенте?

Тут Офтоб-аим решила иначе поговорить со сватьей и велела Кумуш выйти из комнаты.

— Сестра моя, — сказала она, когда Кумуш ушла, — не думайте, что мне жаль оставить у вас дочь, тут другие соображения...

— Что же?

— А вот что, — замылась бедная Офтоб, — я хорошо знаю характер Кумуш. Росла она в неге, баловали мы ее, она не терпит, когда ей перечат. Будут они с Зайнаб каждый день ссориться, только измучают вас. Вот я и не хочу, чтобы вы на меня сердились, говорили, что я вас не предупредила. Ведь я лучше всех знаю нрав моей дочери. И обидчивость, и зависть — все при ней...

Но слова Офтоб-аим не произвели на Узбек-аим никакого впечатления.

— Конечно, всякое бывает, — сказала она, — но, слава богу, и хаджи, и я еще живы, и мы не допустим, чтобы они ссорились. Зайнаб — кроткое божье создание, она понятия не имеет о том, что такое обиды или ссоры.

— Что до Зайнаб, то вам, конечно, лучше знать ее нрав, но у Кумуш неважный характер, уверяю вас.

— Впервые в жизни слышу, чтобы мать говорила дурно про свою дочь, — смеясь, сказала Узбек-аим. — Лучше уж прямо скажите, что не доверяете мне ее.

— Почему бы не доверять, ведь я все свое сокровище отдала вашему сыну.

— Что бы то ни было, я не отпущу Кумуш!

— Ну что же, пусть остается, — сказала Офтоб-аим нервно. — Только потом, если Кумуш в чем-то не будет вас устраивать, на меня не пеняйте.

— Если вы сами не научите свою дочь дурному, я в обиде на вас не буду.

Обе женщины вышли во двор, где прогуливалась Кумуш. Затем прошли в комнату Зайнаб, которая, усадив их и стараясь быть приветливой, сказала, обращаясь к Офтоб-аим:

— Говорят, вы уезжаете. И месяца не прожили.

— Милая Зайнаб, мы достаточно погостили. Теперь вы должны к нам приехать.

Тут заговорила Узбек-аим:

— Сколько ни прошу, не соглашаются побыть еще немного! Спешат, словно за ними какие-то враги гонятся. Если предоставить волю сватье, так она и Кумуш с собой увезет.

Зайнаб несколько изменилась в лице, но потом овладела собой и спросила:

— Зачем же ей уезжать?

— Нельзя ей не ехать, — сказала Офтоб-аим и глянула в сторону сватьи. — Вы ведь умница, посудите сами: у меня кроме Кумуш нет больше никого. Если она останется, считайте, что я умерла. А вот ваша свекровь не хочет понять этого.

Зайнаб украдкой взглянула на Узбек-аим. Та была раздосадована упорством Офтоб-аим.

— Оставьте! — сказала она. — Ну что с вами станется, если вы и поживете без дочери некоторое время?

— Вы все никак не поймете, милая!.. Впрочем, что еще скажет отец...

— Понимаешь, Зайнаб, — заговорила Узбек-аим, уже не обращая внимания на Офтоб-аим, — наша милая родственница, кажется, из-за тебя не хочет оставить здесь Кумуш, она думает, что Кумуш стеснит тебя, что вы начнете ссориться. А я ей говорю: ты не из таких, ты умница, из хорошей семьи, что ты если и не уважишь Кумуш, то не можешь не оказать должного уважения нам. А она вот все не слушает...

— Ну, что вы! Боже упаси, чтобы я ссорилась...

Офтоб-аим была смущена. Вышло так, что она готова оставить Кумуш, но боится ее соперничества с Зайнаб.

— Вы ошибаетесь, — пробормотала Офтоб-аим.

— Ошибаюсь я или нет, Кумуш из этого дома никуда не двинется!

Огорченная Офтоб-аим поняла, что препираться бесполезно, и решила поговорить обо всем с мужем.

Возчика, прибывшего с семьей кутидора из Маргилана, рассчитали на следующий день приезда в Ташкент, и на обратном пути его должен был заменить Хасанали. Срок отъезда назначили окончательно, и начались сборы в дорогу.

Узбек-аим захлопоталась: нужно было и напечь коржей, и толокно смолоть, и нажарить баурсаки¹.

Офтоб-аим и на мужа махнула рукой. Бедняжка совсем растерялась, когда муж ей сказал:

— Хаджи считает, что надо пожить ей годик в Ташкенте. Нельзя же нам совать обе ноги в один сапог, — а затем, перебивая жену, добавил: — Хаджи сидит в михманхане, неловко мне стоять тут в коридоре и препираться с тобой, — повернулся и ушел.

Кончилось тем, что она решила обратиться к Атабеку, но и от него не добилась поддержки. Атабек частично принял ее соображения, но закончил тем, что сказал:

— Как бы там ни было, но ради меня придется вам немного потерпеть. Если я соглашусь исполнить вашу просьбу и отпущу ее, то, в первую очередь, в душе вашей дочери зародятся сомнения. Вы и сами прекрасно понимаете, что мое вмешательство в этом случае было бы не совсем уместным. Вы правы, говоря, что между женами может вспыхнуть вражда, но думаю, что до этого дело не дойдет. В крайнем случае, отправим саму Кумуш к вам, так что, будьте спокойны!

К кому бы ни обращалась Офтоб-аим, все гасили в ней надежду на то, что Кумуш поедет домой. У нее щемило сердце, когда она смотрела на дочь: никак не могла представить себе разлуку с ней. Кумуш

¹ *Баурсаки* — жареные пирожки.

старалась ничем не расстраивать мать, была с ней нежна и в то же время бросала на Зайнаб насмешливые взгляды, радуясь при виде ее нахмуренных бровей и надутых губ.

Все было готово к отъезду, в том числе и подарки, заказанные Узбек-аим для бабушки Кумуш — Айши-буви.

Гости проводили последнюю ночь в доме хаджи. Узбек-аим до полуночи проговорила со своей сватьей, затем, оставив ее наедине с дочерью, ушла к себе. Глядя вслед сватье, Офтоб-аим торопливо произнесла:

— И не стыдно тебе, доченька, бросать свою мать в огонь разлуки?

— Но зачем же так изводить себя?

— А как же не изводить, коль у меня нет на свете другой радости, кроме тебя... Если б это было возможно, я показала бы тебе свое сердце, истлевшее от горечи... Как же было бы хорошо, если мы жили в одном городе!..

Кумуш всем сердцем сочувствовала горю Офтоб-аим, ей самой было тяжело при мысли, что она разлучается с матерью, холившей ее все двадцать лет.

— Всего пять-шесть месяцев, мамочка... За это время ничего не произойдет. Будем живы-здоровы, еще увидимся.

Из глаз Офтоб-аим градом текли слезы. Кумуш тоже не могла сдержаться. И обе они долго плакали.

— Ну, раз так, — сказала, наконец, Офтоб-аим, — будь послушна свекру и свекрови, не теряй их доброго к тебе отношения, а, особенно, не делай зла твоей сопернице. Худо ли, хорошо ли, пусть сами разбираются, ты ни во что не влезай!

— Мне-то какое дело!

— Вот именно, никакого! И все-таки я побаиваюсь. То, что ты мне вчера рассказала... Соперница твоя хоть и кажется простодушной, а себе на уме, скрытная. Таких людей надо остерегаться. Не связывайся с ней. А если отношения ваши совсем испортятся, попроси свекра отпустить тебя. Я уже и с мужем твоим говорила об этом.

— Хорошо!

— Ты, слава богу, грамотная, не оставляй меня без вестей. Пиши хотя бы раз в две недели, и пусть муж твой отправляет письма.

— Непременно, и вы не забываете.

На некоторое время все умолкли. Офтоб-аим тяжело вздыхала и печально смотрела на Кумуш. А та взглянула на мать и вдруг, неизвестно почему, улыбнулась.

— Ты смеешься надо мной, доченька, — сказала Офтоб-аим огорченно.

— Нет! — опять улыбнулась Кумуш. — Но, мне кажется, в последние дни... как вы меня предупреждали...

— О чем я предупреждала?

Кумуш покраснела.

— Вы же говорили, что будет поташнивать...

— Правда?!

— Не знаю... — сказала Кумуш, еще больше смутившись и опустила глаза.

— С третьего дня меня поташнивает... Особенно при запахе плова... и хочется чего-нибудь кислого.

— Да принесет он счастье! — обрадовалась Офтоб-аим и улыбнулась, а потом зашептала ей на ухо: — Никому не говори об этом, кроме мужа! Свекровь твоя — несерьезная женщина, но, особенно, не дай заметить это твоей сопернице!

Кумуш кивнула головой, и они легли спать вместе, на одной постели. Долго еще Офтоб-аим шептала дочери на ухо, теперь уже насчет внука, все время приговаривая:

— Доведется ли его увидеть когда-нибудь?!

Ранним утром попили чаю и после утренней молитвы запрягли лошадь в арбу, сложили вещи. Хасанали держал коня за повод. У арбы стояли, разговаривая, кутидор и хаджи. Атабек вынес лесенку и приставил ее к арбе сзади. Женщины собрались в коридоре, Офтоб-аим попрощалась с каждой из них в отдельности. Последней прижала она к груди Кумуш и заплакала. Кумуш тоже не удержалась от слез. Всплакнули и все остальные.

— Да благословит тебя бог, Кумуш! Если наступит мой смертный час и я умру, не повидавшись с тобой, не поминай меня лихом.

— И вы, мама, не поминайте.

Кутидор тоже зашел в коридор, где стояли женщины, и поцеловал Кумуш в лоб.

— До свидания, дочь моя...

— До свидания, отец!

Юсуфбек-хаджи повернулся лицом к коридору, и все подняли руки для молитвы перед дальней дорогой. После молитвы Атабек вывел солового иноходца и подвел его кутидору. Офтоб-аим еще раз обняла дочь и, не переставая плакать, взобралась с помощью Атабека по лесенке на арбу, через навес прошла вперед. Кутидор, прощаясь с Юсуфбеком-хаджи, крепко обнял его. Атабек помог ему сесть на коня. Последним взобрался на арбу Атабек и сел рядом с Офтоб-аим. Все произнесли «Аллах акбар»¹, и Хасанали тронул коня.

Кумуш вышла к самым воротам.

— До свидания, мамочка! Обнимите за меня бабушку, передайте привет подругам!

— Да хранит тебя господь, Кумуш! Счастливо оставаться, сватья!

— Счастливо доехать вам, Офтоб-аим!

— Счастливо оставаться, Зайнаб!

— Счастливо доехать, тетушка!

Еще некоторое время, пока арба не свернула за угол, слышались возгласы «Счастливо оставаться! Счастливо доехать!»

Арба скрылась из глаз. Оставшись последней из провожавших, Кумуш, плача, вошла в ичкари. Атабек поехал провожать гостей за несколько перегонов.

14. ХУШРОЙ И ЗАЙНАБ

Хушрой — старшая сестра Зайнаб. У их матери Махиры-бану было два сына и две дочери. Первенца звали Алимбек, за ним шла Хушрой (в детстве

¹ *Аллах акбар* — «Аллах велик» — начало молитвы.

вместо Хушрой ее звали Хушра), затем Каримбек и, наконец, четвертая — знакомая нам Зайнаб. Она приблизительно на семь лет была моложе своей старшей сестры. Хотя обе они родились от одной матери, но по характеру получились совсем разные. Впрочем, различались они и по внешности.

Хушрой — высокая, сухощавая, смуглая. Зайнаб — низкая, полная, белолицая. Хушрой — подвижная, говорливая. Зайнаб — медлительная, молчаливая. Глаза Хушрой так и бегали по сторонам. Зайнаб, даже разговаривая с кем-нибудь, смотрела в одну точку. Хушрой с детства и домашние, и соседи называли неистовой, властолюбивой. Чего бы это ни стоило, она всегда добивалась своего, и если что-то делалось не по ее воле, поднимала такой шум и крик, что мало не казалось. В доме казан на очаг не ставили, не спросившись у нее, боялись говорить вслух о том, что могло ей не понравиться, даже ходить при ней старались потише.

А Зайнаб, наоборот, прозвали скрытной. «У, немота, чтоб ты пропала», — ругалась мать, сердясь на нее.

Далее мы вам расскажем о поведении обеих сестер побольше, и тогда особенно бросится в глаза разница в их характерах.

Загодя, перед каждым хайитом¹ дочерям шили новые платья. Махира-бану уже за месяц просила мужа купить материю. Если Хушрой не нравилась обнова, она прямо заявляла об этом отцу, требовала замены и не успокаивалась до тех пор, пока ее не получала. Зайнаб же, если даже ей материя не нравилась, молчала, а когда платье было уже скроено и сшито и наступал канун праздника, вдруг надувалась и переставала разговаривать. Махира-бану говорила: «А чтоб тебя, немота! Какой злой дух вселился в тебя?»

Зайнаб хмурилась, дулась и продолжала молчать. Наконец, в самый день праздника Зайнаб начинала

¹ *Хайит* — в году два праздника Хайит у мусульман: это — Курбан-байрам, Курбан-хайит, в старину к этим праздникам полагалось делать обновки всем домочадцам, особенно детям.

плакать. Лишь тогда выяснялась причина ее неудовольствия, но уже было поздно что-нибудь изменить.

Когда собирались к кому-нибудь в гости, Хушрой заявляла раньше всех: «Я тоже пойду». После такого заявления никто не осмелился бы оставить ее дома, точно так же, как никто бы не сдвинул ее с места, если она говорила: «Я не пойду». Зайнаб, когда мать и тетка собирались куда-нибудь ехать, не высказывала своих желаний, а они, по пословице: «Пока ребенок не заплачет, молока не получит», уезжали в гости. Вернувшись домой, они заставляли Зайнаб плачущей в каком-нибудь углу.

— Чего ты плачешь?

— А вы почему меня с собой не взяли?

Такой Зайнаб выросла, такой же осталась и выйдя замуж.

Читатель уже знает о ее отношениях с Атабеком.

Муж за все время ни разу не взглянул на нее, а она словом не обмолвилась. Только Узбек-аим заступалась за Зайнаб и учила ее, как надо действовать. Но то, что вошло в кровь с молоком матери, уйдет лишь с последним вздохом.

Распоряжения свекрови Зайнаб выполняла лишь по обязанности. Пока та ей не скажет: «Сходи к ворожее, действуй так-то», она и шагу не делала. Ни матери, ни сестре — никому из близких — она ни словом не обмолвилась о том, что муж совсем забросил ее. И вовсе не потому, что ей было безразлично, как он к ней относится. Ведь мы видели ранее, что, услышав о приезде в Ташкент соперницы, Зайнаб бросилась Атабеку на шею. Словом, если мы попытаемся сравнить поведение Зайнаб в детстве и теперь, то увидим, что в детстве Зайнаб плакала из-за платья уже в самый канун праздника, когда надо было его надевать, а в замужестве она сказала мужу о своей любви к нему лишь перед самым приездом соперницы.

Мы уже познакомили читателя с Хушрой — ребенком и девушкой. Теперь же вынуждены показать ее и в семейной жизни. Как и все, что она делала, Хушрой вышла замуж не так, как принято.

Большинство наших девушек выходило замуж за тех, кого выбирали им родители. А вот с Хушрой получилось иначе.

Когда ей исполнилось восемнадцать лет, свахи зачастили к ней¹. Вполне понятно, что родители, зная ее нрав, не осмеливались решать что-нибудь без ее согласия. Немало молодых людей, понравившихся ее отцу — Алим-пансаду, и сколько приличных семей, угодных Махире-аим, были отвергнуты ею! «Сын такого-то?» — спрашивает Хушрой и тут же, не дожидаясь ответа матери, восклицает: «Да чтоб бог прибрал его к себе! Уж лучше в землю лечь, чем выйти за него!»

Долго-долго прислушивались родители к ее желаниям, наконец, им надоело ждать, и они твердо решили выдать ее замуж по своему выбору. Пронюхав об этом, Хушрой ни словом не обмолвилась. А когда был совершен предварительный сговор, прочитаны молитвы, свахи явились завершить сватовство, Хушрой вышла к ним и бросила им в лицо:

— Мне еще не нужен муж! Не утруждайте себя молитвами и возвращайтесь домой!

Махира-бану готова была со стыда сквозь землю провалиться. А свахи, пораженные таким бесстыдством и дерзостью девушки, поторопились уйти. Конечно, обиженные отец с матерью ругали ее, проклинали свою строптивую дочь, но дальше этого дело не шло.

Старший брат Азимбек попробовал было поднять на нее кулаки, но она справедливо ему заметила: «За что вы меня бьете, разве я совершила что-нибудь постыдное?» И брат оставил ее в покое.

После этого случая сваты перестали заходить к ним в дом. Каждому встречному-поперечному рассказывали целые легенды о поведении Хушрой. Махира-

¹ До завоевания Туркестана царской Россией, девушки редко выходили замуж в возрасте 18–20 лет. Даже девушки из бедных семей порой засиживались лет до 25. Причины были следующие: из-за многочисленных междоусобиц мужчин было гораздо меньше, а женщины того времени, в противовес нашему, жили привольно и были довольно плодовиты.

аим на все лады ее укоряла: «Так и проживешь без мужа, одна останешься!» Но на Хушрой это мало действовало: «Мужчины перевелись, что ли, на земле?! Если захочу, завтра же выйду замуж!» — говорила она.

Через некоторое время все же пришли сваты от одного из друзей ее брата — Нусратбека. У Нусратбека уже была одна жена. Махира-аим, не посоветовавшись даже с мужем, пошла уговаривать дочь. А та, и глазом не моргнув, дала согласие. Отец и старший брат обрадовались. Ибо Нусратбек был сыном одного из знатных беков, да и сам занимал довольно высокое положение. Поэтому не обратили внимания и на то, что он уже был женат.

Через неделю после сговора отпраздновали свадьбу, и по тому, как вела себя Хушрой за брачным пологом, женщины сразу поняли, что она заранее обо всем договорилась с Нусратбеком.

Еще свадебный пир не кончился, как Хушрой, не выходя из-за полога, принялась клеветать на первую жену Нусратбека, тут же хлопотавшую с угощением для гостей. В первые дни после свадьбы она уже открыто нападала на нее. Еще через неделю Хушрой окончательно подчинила себе мужа и перестала пускать его к сопернице. А через две-три недели прибрала к рукам и хозяйство, держа чуть не впроголодь и первую жену, и двоих ее детей.

Нусратбек вне дома вел себя, как и положено знатному человеку, начальнику, а дома покорялся командиру — Хушрой. Первая жена и дети оказались в опале. Еще через некоторое время Хушрой стала давать волю рукам, била соперницу, таскала ее за косы.

Месяца через два бедная женщина вконец измучилась и, не имея сил больше терпеть, попросила у мужа развод. Что ж поделаешь, Нусратбек вынужден был удовлетворить ее просьбу.

Уходя из дома, первая жена думала оставить там хотя бы детей, но Хушрой заявила:

— Рожденное собакой богу в жертву не приносят.

— Если ты уж совсем махнула рукой на своих щенят, то бросай их в этом доме.

В голосе Хушрой звучала угроза, и у бедной матери сжалось сердце от страха. Зная, что Хушрой способна на самое черное дело, она забрала детей и, обливаясь слезами, покинула дом.

Так, всего за каких-то три месяца Хушрой разрушила уже сложившуюся семью и успокоилась лишь тогда, когда Нусратбек окончательно пал к ее ногам.

Вот уже несколько лет Хушрой живет, казалось бы, припеваючи. Все бы хорошо, только вот одна печаль — нет детей. Где-то года два тому назад Нусратбек с заискивающей улыбкой сказал ей:

— Вот уже шесть лет, как мы поженились, а ты все не родишь. Не осталось, наверное, ни одного лекаря, который бы тебя не лечил... Что же теперь делать?

Хушрой догадалась, к чему он клонит.

— Если человек не может прожить без детей, — ответила она, — так я чуточку яду вам дам, а потом и сама приму.

И на этом Нусратбек закрыл опасную тему — с Хушрой шутки были плохи.

15. НАДОУМИЛА

Недаром говорится: «В доме, где соперницы — покою не терпят». Человек, сказавший это первым, знал, что говорил. Да и впрямь соперницы не были бы соперницами, если бы не подымали шум, ну хотя бы раз в неделю. В иных семьях и при одной жене по нескольку раз в неделю бьются чашки, раскалываются тарелки. Что уж говорить о тех домах, где несколько жен! И нам не остается ничего более, как признать справедливость поговорки: «Там, где много жен, каждый день скандал».

Пишущий эти строки мог сколько угодно слушать рассказы своего покойного отца о минувших днях. Лишь одно в этих воспоминаниях неизменно вызывало отвращение и скуку — это рассказы о скан-

далах и ссорах между женами, вспыхивавших по пустякам. Жалея драгоценное время читателя, я и свое перо освобождаю от подробного описания этих перепалок. Надеюсь, меня простят.

Когда горечь Зайнаб переливалась через край, она уходила к своим родным — излить душу. Раза два побывала она за последние месяцы и у Хушрой и вот пришла к ней в третий раз.

— Какими судьбами? — встретила Хушрой младшую сестру.

Несмотря на свежую прохладу конца августа — начала сентября, лицо Зайнаб было покрыто жемчужинами пота...

— Что это ты так осунулась, Зайнаб? Все ли у тебя благополучно? Как муж, жив-здоров?

— Да чтоб он сгинул! — в сердцах воскликнула Зайнаб, и глаза ее наполнились слезами.

Вместо того, чтобы посочувствовать сестре, Хушрой рассмеялась.

— Пойдем на айван! — пригласила она. — Ты была у матери?

— Нет!

— Прямо из дому идешь?

— Да.

Хушрой усадила сестру и распорядилась, чтобы принесли чай. Прочитали короткую молитву. Зайнаб справилась о здоровье зятя — «почча». Хушрой сердито ответила:

— А, чтоб он сдох, твой почча! Уехал в имение Наджмиддинбека и четвертый день, как пропал без вести. Жив ли, сгинул ли — не знаю.

За последние три-четыре месяца Зайнаб неузнаваемо изменилась, сильно похудела, и на лице появилось старческое выражение, в глазах — какое-то беспокойство; обычная ее медлительность сменилась нервным возбуждением.

— Вы неблагодарны, сестра, — сказала она с упреком. — Вам ли жаловаться на своего мужа! Вот что бы вы сказали, если бы вам моя участь досталась!

— Если бы я была Зайнаб, то мне, наверное,

выпало бы то же самое, — смеясь, ответила Хушрой. — Я считаю, что каждый отвечает за свою судьбу, сам добывает хорошее и плохое в жизни.

— Что вы такое мелете! Покайтесь же, сестра!

— Я до сего дня ни перед кем головы не клонила и считаю постыдным каяться перед кем бы то ни было, вот почему я хожу по головам у всех.

— Ой, не зарывайтесь!

— Зарываюсь я или нет — мой характер всем известен, а тебе — лучше других... Ну, бросим этот разговор! Поговорим о твоих делах.

— Пропади они пропадом!

— Да у тебя, кажется, и так все уже пропало!

— Пусть сгинет тот, кто загубил меня!

— Никто тебя не губил, Зайнаб. Сама виновата в том, что мучаешься.

— Вот вы всегда так говорите, — упрекнула Зайнаб, — а кому охота самого себя мучить?

— Тебе и всем тебе подобным.

— Бог накажет...

— Э, бог уже наказал!

— Да разве я себе желала всего этого?

— Желала!

Зайнаб видела, что сестра насмешливо улыбается, но не могла разгадать, что она при этом думает.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ты знаешь, как я вышла замуж?

— Знаю...

— Вот и помни! А когда тебя сватали, ты не выказала и крупинки собственной воли. Может быть, у тебя ее не было, а возможно, ты не сумела ее проявить. Во всяком случае, поводья были в руках у родителей, а ты оказалась вьюком на верблюде: куда отправят, кому продадут — тебя не спрашивали. Помнишь, в день моей свадьбы я, смеясь и шутя, взобралась на арбу, уезжая из отцовского дома, ты же, плача, покинула его и, плача, вошла в дом своего мужа... Так! Муж понравился тебе, но ты и не подумала, что твоя любовь еще ничего не значит. Он пренебрег тобой, а ты и не пикнула. И лишь когда вытащила решето пустым из воды,

начала метаться и вопить... Теперь хоть на тысячу ладов извивайся — ничего не изменится: каждый день для тебя несчастье — таков уж твой удел. Лучше уходи, пока жива-здоровая, из мужниного дома.

В безжалостных словах Хушрой была большая доля истины. Зайнаб заплакала.

— Я не думала, что такое случится...

— А ты разве умеешь думать? — смеясь, сказала Хушрой.

— Человек в беде, а вы смеетесь?

— А я не умею плакать. Когда я вижу слезы, меня разбирает смех!

— Будь вы на моем месте, вы тоже плакали бы, не переставая...

— О, будь я на твоём месте, Зайнаб, ты знаешь, что бы я сделала? Я весь мир перевернула бы! В каждую каплю моих слез я вливала бы тысячу капель яда...

При этих словах Зайнаб приподняла голову и увидела на лице сестры злую усмешку.

— Хорошо, — сказала Зайнаб, — а если бы все ваши друзья стали врагами — и свекровь, державшая вашу сторону, повторявшая ваши слова, перешла в стан врага, и даже собственные родители отделивались пустыми разговорами, мол: потерпи, дитя мое, — что бы вы делали тогда, если не плакали?!

Хушрой все смеялась, как ни в чем не бывало.

— А что такое враг? — заговорила она. — Я не раз тебе говорила: у человека нет друзей, он лишь сам себе друг. У него и врагов нет, разве только он сам себе враг. Возьмем тебя: ты думала, что родители — друзья тебе, а что хорошего видела ты от них! Потерпи, потерпи!.. Может ли такой совет стать бальзамом для твоих ран? Конечно, нет. Муж твой никогда не обращал на тебя внимания. А ты верила словам свекрови, ее обещаниям, что все будет хорошо. Но подумай сама: мать родила сына, но может ли она зародить в нем любовь к кому-то? Это невозможно! А ты, бедненькая, верила. И что же? Отец

пичкает тебя призывами к терпению, свекровь молится за твою соперницу, а ты в объятиях скорби и страданий...

— Я пришла к вам не за тем, чтобы вы меня кусали, — плача, сказала Зайнаб. — У меня дома хватает гадин, которые этим занимаются... Вместо того, чтобы раздувать пламя горя в моей душе, вы бы лучше утешили свою сестру...

— Тебя никто не может утешить...

— У вас ума на все хватает. Хоть раз подумайте о вашей несчастной сестренке! Сколько раз я приходила к вам за помощью с тех пор, как на меня свалилась беда, и все уходила ни с чем.

Хушрой, на некоторое время уставившись в лицо Зайнаб, сказала:

— А ты послушаешься меня?

— Если совет будет толковым, то почему же не послушаться?

— Так вот — уходи от мужа!

Зайнаб зарыдала:

— Я так и думала, что вы это скажете!

— По моему разумению, это единственное средство от твоего горя.

— Да как же я могу уйти от мужа?

— Так же, как и другие!

Зайнаб не ответила. Служанка расстелила скатерть, подала чай. Хушрой отправила ее на кухню и сама стала разливать чай.

— Кушай, Зайнаб!

— Не хочется...

— Поступишь, как я говорю, — у тебя и аппетит появится.

— Как же я могу решиться... оставить мужа?

— А как ты думаешь, если ты попросишь у него развод, даст он? — улыбаясь, спросила Хушрой.

— Не знаю.

— Ты прекрасно знаешь, что даст... Только ты глупа, не понимаешь, что по одежке протягивают ножки и что для хлопка нужны две ладошки.

— Вы хотите сказать, чтобы я ушла от него, махнув на все рукой?

— Конечно. Иного выхода нет.

— Значит, вы хотите, чтобы я страдала, а моя соперница — наслаждалась? Так, что ли?

— А сейчас разве ты не страдаешь, разве соперница твоя не блаженствует от счастья?

— Хорошо, но зато я на каждом шагу нарушаю ее блаженство. Она раз клюнет и десять раз оглянется.

Хушрой расхохоталась:

— И что с того?

— Так или иначе, я не даю покоя этой пришлой.

— Если ты не дашь ей покоя, другие заставят тебя успокоиться!

— Что вы этим хотите сказать?

— Если ты им будешь мешать постоянно, муж тебя прогонит!..

Зайнаб призадумалась об этой голой правде. Хушрой, не переставая улыбаться, так и уставилась на сестру хищным взглядом. Вдруг на лице Зайнаб появилось выражение необычной для нее решимости. Сошли на нет и бесконечно омывающие ее лицо слезы, и в голосе ее зазвучали непривычно твердые нотки.

— Вы меня надоумили, сестра! — сказала она. — Спасибо вам.

— Меня благодарить не за что. Сердце свое благодари, если уверена, что оно осмелится...

16. В ОЖИДАНИИ ВНУКА

Близился долгожданный день, когда Кумуш предстояло стать матерью. Узбек-аим совсем захлопоталась. Еще за месяц до родов она уже начала готовить бешик¹. Надо было думать и о повивальной бабке, и о том, сколько понадобится баранов для того, чтобы справить традиционный обряд — «акика», посвященный новорожденному, сколько дней он будет продолжаться, и кого пригласить из мужчин и женщин. В общем, голова Узбек-аим в эти дни забита именно такими вопросами.

¹ *Бешик* — национальная детская колыбель.

По некоторым признакам, обнаруженным в Кумуш, Узбек-аим не сомневалась в том, что родится мальчик:

— Ты родишь сына, Кумуш, — говорила она. — Я легко носила Атабека, и ты легко носишь...

Кажись, вот уже месяц, как Кумуш освобождена от домашних хлопот, а некоторые ее обязанности перепоручены Зайнаб.

В то время, как Узбек-аим радовалась, ожидая внука, Атабек места себе не находил от беспокойства: глядя на Кумуш, он почему-то вспоминал трагедию уста Алима, жена которого умерла при родах.

После упомянутого в предыдущих главах обмана, после резни кипчаков и всех событий, с ней связанных, Юсуфбек-хаджи отошел от государственных дел. Большую часть времени он проводил за чтением Корана и «Далойил»¹. Когда до него доходили слухи о перебранках между женами Атабека, он призывал к себе их обеих, усаживал рядом и начинал укорять. Сначала он обращался к Кумуш:

— Милая, как бы там ни было, вы ведь старше, а Зайнаб молодая. Нехорошо! Старший всегда должен быть снисходительным к младшему. Нехорошо так.

Затем переводил свой взгляд на Зайнаб:

— Дитя мое! В вас еще не перебродил молодой задор. Но не забывайте, что и вы тоже являетесь мне дочерью.

После увещевания он давал им свое благословение, заставлял поклониться друг другу и отпускал, говоря: — Так вот, будьте умницами, милые дочки!

Как только они выходили из его комнаты, там появлялась Узбек-аим, и хаджи, обращаясь к ней на «вы», говорил:

— Вы оказались неспособной содержать двух невесток. Мне кажется, что вы притесняете Зайнаб, а вы должны быть и к ней внимательной, и Атабека призывать к тому же.

¹ «Далойил» — название религиозной книги.

Если Узбек-аим становилась на сторону Кумуш и при этом говорила: «Да бог с ней, с Зайнаб, сама виновата!..» — хаджи останавливал ее:

— Тише, тише, стыдитесь! Свекровь должна быть справедливой. Ведь Зайнаб была взята в дом именно по нашему желанию.

Да и в отношении будущего внука хаджи приходилось тактично направлять импульсивную Узбек-аим: «Есть еще и Зайнаб. Не забывайте про Зайнаб — свою невестку».

Дней пятнадцать тому назад Кумуш написала матери письмо:

«Милая мама, пишу вам в шестой раз, не считая писем от вашего зятя. От вас же получила всего три письма, да от отца — два. В глазах у меня потемнело, когда я читала последнее письмо отца с горестным известием о смерти бабушки. Смерть для всех неизбежна, и все-таки я очень страдаю при мысли, что не была с нею в последние минуты ее жизни и не получила ее благословения! Вот тогда-то я особенно остро почувствовала, что нахожусь вдали от вас, и заливалась слезами. Сегодня пятый день, как я начала молиться о душе покойной бабушки. Прошу бога, чтобы он был милостив к ней, а вам — дал силы и терпения пережить утрату. Так теперь будьте вы живы и здоровы, хотя бы ради вашей дочери, оставленной на чужбине! Аминь!

Да будет вам известно, что, слава Всевышнему, ваш зять и сваты пребывают в добром здравии и благополучии, а под их сенью и я, ваша дочь, живу счастливо. Очень соскучилась по вам и по отцу, и если бы не была на сносях, отправилась бы в Маргилан, несмотря на зимнее время. Свекровь говорит, что в будущем месяце я рожу. Она бережет меня как зеницу ока, не доверяет ни земле, ни небу! Вот уж две недели, как я освобождена от всех обязанностей по хозяйству, даже воды сама не зачерпну. Свекровь же готовится к торжеству, заказала колыбель, справляет одежду для будущего ребенка... А у меня почему-то на сердце тревожно...

Я подшучивала в предыдущих письмах над моими распрями с соперницей. Но, говоря по правде, наши

отношения совсем испортились, я очень невзлюбила ее. А она особенно возненавидела меня с тех пор, как узнала о моей беременности. У вас-то не было никогда соперницы, но вы, наверное, поймете, что мы готовы были съесть друг друга. Теперь мне даже стыдно бывает вспомнить, как мы сильно ссорились иногда. Хорошо еще, что свекор не всегда узнавал о наших ссорах. Но бывали случаи, когда до него доходили слухи об этом. Тогда он вызывал нас обеих, мы выслушивали его наставления, но не переставали быть врагами. Может, я обижу вас, но все же скажу, что люблю свекра больше родного отца, и не за то, что он отец вашего зятя, а за доброе сердце, за ласковое ко мне отношение — он зовет меня «аим», «милая», — за необходимые убедительные назидания. Когда он говорит со мной, я испытываю истинное наслаждение, словно просыпаюсь после благотворного сна. Одним словом, сама ссора с Зайнаб — одно удовольствие, а после этого сесть напротив свекра и слушать его наставления — удовольствие вдвойне. Пусть вас не смущают эти безумные слова. Вы сами все поймете, когда приедете в Ташкент, своими ушами услышите речи моего свекра и оцените мои впечатления.

Словом, позорные стычки с Зайнаб повторялись довольно часто. Нам не надоедала наша грызня, но зять ваш насытился ею по горло. Недавно он заявил: если и дальше так будет продолжаться, я дам вам обоим развод, чтобы избавиться, наконец, от этого. Пожалуй, он угрожал лишь одной из нас, во всяком случае, я не испугалась этих угроз. Боялась лишь одного, что Зайнаб поймет, на кого из нас он намекает. Так оно и произошло: сразу после этого разговора она, обидевшись, ушла к своей матери. Но там, видно, ее хорошенько пробрали, и она через несколько дней вернулась смиреннькая. После этого прошло уже два месяца, и у нас не было больше скандалов. Мне подобное ее поведение не предвещает ничего хорошего, она, видимо, еще долго будет стоять между нами, мужем и мной, как колючка...

В ожидании следующего месяца сердце мое сжимается в когтях страха. Ночами смотрю на небо и думаю: буду я в эти же дни следующего месяца жить на белом свете или меня уже не станет... Если бы не смерть бабушки Айши, вы, конечно, могли бы приехать в Ташкент. А может, все же выберетесь сюда? Как ваш приезд был бы отраден мне! Передайте эту просьбу отцу: он, конечно, не откажет. Передайте ему несчетные мои поклоны! Очень боюсь наступающего будущего месяца. Если не свидимся, не поминайте лихом. Это же передайте от меня всем друзьям и знакомым.

Писано Кумуш в 1269 год хиджры, в первый день месяца кавса¹».

Как писала Кумуш, Зайнаб действительно при-смирела. Ей скажешь десять слов, а она и одного не ответит — тихая, ласковая, ну совсем такая, какой была год назад. Безропотно, даже радостно приняла она распоряжение свекрови:

— Твоей старшей сестре пришло время родить. Теперь ты хлопочи по хозяйству!

Зайнаб все делала сама, даже Айбадак отстранила от кухни. На обязанностях служанки осталась лишь уборка комнат, двора и другие мелкие дела. Так же мирно вела себя Зайнаб и с мужем. Когда Атабек заходил к ней, она не восклицала: «А, наконец-то пришли!» А если не заходил, не попрекала: «Почему не заходите?» Иногда в ответ на несколько туманные, далеко не душевные отношения мужа на лице Зайнаб появлялась тихая неясная улыбка.

* * *

Наконец, наступило новолуние и настал долго-жданный срок. Из Маргилана также поступила весть, что Офтоб-айм выехала в Ташкент. Однако к этому моменту у Кумуш уже начались предварительные схватки. В первый день она терпела боль и никому не сказала об этом. Но уже со второго дня боли трудно было скрыть; первым заметил, что она

¹ Дата соответствует 22 ноября 1852 года.

страдает, Атабек, а затем уж и Узбек-аим. Атабек был так взволнован, так боялся за жизнь Кумуш, что не мог и рта раскрыть от страха. А Узбек-аим сразу начала действовать. Прежде всего, она послала Хасанали за повитухой, которую присмотрела для этого случая еще полгода назад.

К приходу повитухи во дворе женской половины не осталось мужчин. Кумуш периодически трясло от схваток, она сильно страдала. Узбек-аим и повитуха суетились, стараясь облегчить ей боли подручными и известными им способами. Но к вечеру схватки участились.

Атабека не было дома. Хасанали, потирая руки от волнения, шагал от михманханы до ворот и обратно, заглядывал иногда в конюшню и обмахивал гнедого иноходца. Хаджи, охваченный смешанным чувством радости и тревоги, читал «Далойил», но каждые пять минут отрывался от чтения, прислушиваясь к тому, что делается в ичкари, а иногда через окошко подзывал Хасанали, чтобы справиться, все ли благополучно.

После предвечерней молитвы в мечети, они вернулись домой, и Айбадак подала им ужин. Но ни Хасанали, ни Юсуфбек-хаджи ни о чем не спросили у нее, не обратили они внимания и на отсутствие Атабека. Едва прикоснувшись к еде, они тут же вытерли руки...

— Был уже призыв к вечерней молитве? — спросил, наконец, хаджи.

— Я не слышал... Впрочем, можно уже идти, наверное, в мечеть! — ответил Хасанали.

Вдруг из ичкари донеслись громкие женские возгласы и крики. Мужчины со страхом переглянулись между собой и прислушались. Сквозь шум был едва различим особый голосок — слабый плач новорожденного. Хасанали и Юсуфбек-хаджи все также молча улыбнулись. Вскоре из ичкари выбежала Айбадак и сказала в окно:

— С вас суюнчи!

Хаджи порылся в кармане, приговаривая:

— Слава богу, слава богу!

Хасанали улыбаясь, тоже начал рыться в карманах и спросил у жены:

— Мальчик или халва¹?

— Мальчик!

— Молодчина!

Хаджи, радостно улыбаясь, протянул Айбадак несколько серебряных и одну золотую монету.

— Серебряные возьми себе, а золотой — передай повитухе.

Хасанали, вручив свой подарок и молитвенно воздев руки к небу, проговорил: «Да пошлет господь ему долгую жизнь!» После этого мужчины со спокойной душой отправились в мечеть на вечерний намаз «хуфтан».

Атабек уже входил в михманхану, как вдруг услышал младенческий писк. Он тут же свернул в ичкари и столкнулся в коридоре с матерью. Даже в темноте он заметил счастливое выражение ее лица.

— Поздравляю с сыном, сынок! — сказала она.

— А как она?

— Ничего, бодренькая!

— Можно мне к ней?

— Нет, — отвечала Узбек-аим. — Негоже в «чиллю», то есть в течение сорока дней входить к роженице вечером, да еще с улицы! Пройди к Зайнаб. Отец твой дома?

— Ну как же, как она сама-то?

— Да говорю же тебе, что с ней все благополучно, будь спокоен! — сказала Узбек-аим, повернув обратно в ичкари. Атабек развернулся и, увидев силуэты входящих с улицы отца и Хасанали, задумался. Именно сейчас встреча с отцом представлялась ему немного преждевременной, поэтому он некоторое время задержался в проходе, а затем направился к ичкари. Пройдя к комнате Зайнаб, Атабек несколько раз стрельнул взглядом на дверь, за которой находилась Кумуш.

— Поздравляю с сыном! — этими словами встретила его Зайнаб, когда он вошел, и улыбнулась.

¹ В то время, да и сейчас тоже в Ташкенте новорожденную девочку порой называют «халвой».

Атабек ответил ей улыбкой.

— Дай бог ему счастья, — сказал он. Они сели. Вдруг Зайнаб усмехнулась.

— Эта... — начала она говорить и на полуслове замолкла — то ли забыла, что хочет сказать, то ли задумалась. Атабек, улыбаясь, выжидательно смотрел на нее.

— Вы будете есть плов?

— Буду.

— Он, может быть, остыл.

— Все равно какой!

Атабек еще с утра ни крошки в рот не брал.

Зайнаб казалась очень добродушной, но под этим добродушием скрывалось нечто иное — то ли растерянность, то ли беспокойство; какая-то затаенная дума одолевала ее. Разговаривая с Атабеком, она все время осекалась, забывала, что хочет сказать. Все еще улыбаясь, Атабек ждал, когда же Зайнаб закончит свою фразу, начатую словом «эта», и в конце концов, вынужден был ее спросить:

— Чем это вы так расстроены?

Зайнаб усмехнулась.

— С чего вы взяли? Мне незачем расстраиваться.

— А мне кажется, что вы расстроены.

— Правда... Испугалась я.

— Чего?

— Родов...

— Она мучилась?

— Еще как! Вы не поверите, словами это не передать! Это надо было видеть!

— А мать не говорила мне этого.

— Они скрыли от вас.

У Атабека больно сжалось сердце. Можно себе представить, как ошеломили его эти слова — ведь даже Зайнаб с ужасом вспоминала о муках Кумуш. Он побоялся узнать подробности и, наспех выпив чаю, велел ей постелить постель. Когда он лег, Зайнаб потушила свечу, а сама, так как спать еще было рано, отправилась к женщинам — в комнату Кумуш.

Атабек, хотя и собрался спать, но сон никак не шел, а в ушах так и звучали слова Зайнаб: «Еще как мучилась!» Лежа с открытыми глазами, он переворачивался то с боку на бок, то на спину, но заснуть никак не удавалось. К тому же из комнаты Кумуш доносился шум: к Кумуш беспрерывно заходили женщины, плакал ребенок. Хотя голосок ребенка пробуждал в Атабеке какое-то новое, не испытанное доселе ощущение родственной близости, трепетное чувство отцовства, но это чувство было омрачено беспокойством за Кумуш. Итак, то впадая в тревожное беспокойство, то испытывая радостное волнение, наконец, он уснул. Переживания последних двух дней в различных цветовых гаммах ожили в его снах. Внезапно он проснулся... Рядом с ним оказалась Кумуш. Зайнаб нет. Протирая сонные глаза, Атабек прислушался к тому, что там делается, снова услышал голос ребенка, повернулся на правый бок, закутался в одеяло и на этот раз спокойно уснул.

И вот ему приснился сон. Он на лугу, покрытом цветами... И будто весь этот цветник принадлежит ему. Он не может оторвать глаз от пестрых цветов — так они красивы. Но вдруг появляются откуда-то враги, он с кинжалом идет на них... Враги бегут, и — о, ужас! Он видит среди них своего отца и мать!.. Он возвращается на луг, а там пасется корова, она ломает и топчет цветы. Вне себя от гнева, он с кинжалом в руках бросается на корову... Но корова — это, оказывается, совсем не корова, а рыжеволосая бестия... Он почувствовал полное бессилие, выронил кинжал, весь мир окунулся во мрак...

Атабек вздрогнул и проснулся. Рядом с ним спала Зайнаб. От привидевшегося только что кошмара у него бешено заколотилось сердце, тело покрылось потом. Он осторожно повернулся на правый бок, оборачиваясь в сторону двора. Вслед за этим незаметно раскрылись и также закрылись глаза Зайнаб.

Близился рассвет. Один за другим, просыпаясь,

кричали петухи. От грохота пайкупа¹ работавшей неподалеку водяной крупорушки слегка содрогалась земля. То исчезая, то периодически подмигивая, сквозь щели в дверях из соседней комнаты проникал тоненький лучик свечи. Там стояла тишина. Атабек не мог больше уснуть. Он вспомнил о мучениях, испытанных Кумуш. Издалека донесся призыв к утренней молитве. Начало светать. Когда раздался голос муэдзина из мечети махалли, Атабек поднялся, чтобы совершить омовение.

Завтракал он в ичкари, в комнате Зайнаб, — отсюда было удобно пройти к Кумуш. Узбек-аим позволила ему навестить жену. Повитуха после чая ненадолго вышла из комнаты роженицы. Кумуш лежала на почетном месте, а у ее ног сидела Узбек-аим с младенцем на руках. Когда Атабек вошел, Кумуш повернула к нему осунувшееся, похудевшее лицо с запавшими глазами. Она взглянула на мужа и улыбнулась. А он, запинаясь, произнес слова поздравления: «Пусть принесет он счастье!»

Кумуш стыдливо прикрыла лицо одеялом.

— Хвала Аллаху, что послал его в этот мир, — сказала Узбек-аим. — Садись!

Атабек присел у изголовья Кумуш. Узбек-аим прочитала молитву и поднесла ребенка к Атабеку.

— Давай, отец, подарок за то, что поглядел на моего жеребеночка! — сказала она.

Атабек смущенно посмотрел на младенца. Кумуш опять прикрыла лицо.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он ее.

— Слава богу...

— Я слышал, что вы очень мучились...

— Что же, по-твоему, родить — это шутка! — проворчала Узбек-аим.

Кумуш подозвала пальцем Атабека и шепнула ему на ухо:

— Это за ваши грехи я расплачивалась!

— Ели вы что-нибудь?

¹ *Пайкуп* — два бревна с приспособлением, при помощи которого рис очищается от шелухи.

— Со вчерашнего дня, — сказала Узбек-аим, — ничего горячего в рот не брала. Пойду, скажу Зайнаб, чтобы сварила молочную аталу¹.

— Да, конечно! — сказал Атабек и, вручив матери в подарок золотую монету, спокойно вышел из комнаты.

Миновал полдень. Атабек сидел в михманхане и читал. Хасанали чинил в сенях сбрую. Хаджи ушел не то в мечеть, не то по каким-то делам. Вдруг из ичкари выбежала Айбадак — и прямо к Атабеку.

— Зайдите в дом, бек. Вас зовут.

Атабек закрыл книгу, вложив в нее закладку.

— Что случилось?

— Все в порядке... Идите скорее!

Атабек бросился за Айбадак. Из комнаты Кумуш вышла смертельно бледная Зайнаб.

— Что случилось? — спросил Атабек.

— Не знаю... Сестру мою рвет. Дурно ей.

Атабек был уже у двери, оттуда выходили женщины в паранджах, он пропустил их и вошел.

Кумуш сильно рвало, она склонилась над тазом, который держала Узбек-аим.

— Что, что случилось?

Кумуш не могла произнести ни слова.

— Не понимаю, вот уже сколько времени, рвет непрерывно, — ответила Узбек-аим.

Кумуш устало опустила голову на подушку. Слезающимися глазами смотрела на мужа.

— Вы, наверное, дали ей съесть что-то нехорошее.

— Ничего она такого не ела. Только ту похлебку и все. Да и то съела всего полчашки. Остальное вон стоит... в нише.

Узбек-аим не успела договорить, как Кумуш снова потянуло к тазу. Атабек поддерживал ее голову.

— Может, лекаря позвать?

¹ *Атала* — мучная похлебка, болтушка. Издавна ее специально готовят для роженицы. Считается, что атала обволакивает ткани матки и способствует ее скорейшему сокращению и заживлению, а также придает силы молодой матери.

— Да, да! Я тоже подумала об этом.

Атабек дождался, когда Кумуш перестанет вырывать, и затем бросился вон из комнаты. Хасанали по-прежнему чинил сбрую.

— Отец! Бегите скорее за лекарем.

Хасанали отставил свое занятие и спросил:

— Что случилось?

— У невестки вашей все время рвота.

Хасанали побежал за лекарем. Атабек вернулся в ичкари. Зайнаб держала ребенка на руках; Кумуш по-прежнему рвет... Вконец ослабевшая, она откинулась на подушки, под глазами обозначились темные круги. Атабек подошел к жене, но у нее не было сил даже повернуться, чтобы взглянуть на него.

— Ну, как вы?

— Тошнит все еще...

Атабек весь дрожал, но старался, чтобы Кумуш не заметила этого.

— Кислое молоко ей дали? — спросил он у матери.

— Нет еще.

— Так велите принести!

Пока Айбадак сбегала за кислым молоком, Кумуш снова потянулась к тазу. Снова рвота! Атабек подал воду, она сполоснула рот, потом отпила два глотка кислого молока и откинулась на подушку. Жар охватил все ее тело, сердце колотилось со страшной силой. Атабек приложил к ее лбу руку, и Кумуш как бы чуточку притихла.

Зайнаб с ребенком на руках сидела в углу. Узбек-аим забрала у нее внука и велела вынести таз.

Рука Атабека, лежавшая на лбу Кумуш, очень скоро стала горячеей, он положил другую, и молодая женщина открыла глаза, ощутив прохладу.

— Лучше стало? — спросил Атабек.

Кумуш молча приподняла голову. Но таза не было, и он быстро подставил китайскую фарфоровую чашку, Кумуш снова рвало. Вместе с кислым молоком вышло нечто желто-зеленое. От кислого молока, предложенного ей, Кумуш отказалась и снова откинулась на подушку...

Услышав весть о прибытии лекаря, Атабек оживился. Зайнаб, подошедшая в это время к двери комнаты с тазом, попятилась назад. Узбек-аим вышла, унося ребенка.

Атабек забыл даже встать, как полагалось, из уважения к лекарю, он сокрушенно прижимал руку ко лбу Кумуш. Лекарь расспросил его обо всем, прощупал пульс больной и, прикусив губу, понюхал содержимое китайской чашки.

— Что ела она сегодня?

— Болтушку.

— Есть остатки этого блюда?

— Вот! — сказал Атабек и подал чашку с хлебкой, которую ему показала мать.

Лекарь обмакнул в чашку конец пальца, лизнул его и тут же выплюнул:

— Она выпила яд!

Атабек сразу вскочил с места. На него страшно было смотреть в эту минуту.

— Не может быть!

Лекарь ужаснулся при виде теперешнего состояния Атабека.

— Я сейчас пришло противоядие, — забормотал он, поднимаясь.

Вместе с ним поднялся и Атабек:

— Кто же мог ее отравить?

— Откуда я знаю!.. Сами подумайте... Я передам сейчас лекарство. Вы сразу ей дадите, хорошо? — сказал несколько растерянный происходящим лекарь.

— Знаю, знаю! — вскрикнул бедный Атабек. — Зайнаб, Зайнаб, Зайнаб! Змея подколодная!.. А вы пришлите, немедленно пришлите лекарство!

Лекарь ушел. Атабек как сумасшедший подбежал к изголовью Кумуш, открыл ее лицо и поцеловал, кладя руку ей на лоб.

Кумуш приоткрыла глаза и, с большим усилием подняв левую руку, положила на его плечо. Вошла Узбек-аим, держа ребенка на руках.

— Зови Зайнаб, зови!

Узбек-аим знала уже, что сказал лекарь:

— Зайнаб! Зайнаб!

Зайнаб вбежала, бледная, как смерть. Атабек протянул ей чашку с остатками похлебки.

— Пей, тебе говорю, ведьма! Пей же, тварь!

Зайнаб шарахнулась назад. Атабек швырнул в нее чашку. Платье Зайнаб залилось похлебкой. В эту минуту появился из коридора Юсуфбек-хаджи.

— Уходи, подлая сволочь! Талак¹ тебе, талак, талак! — воскликнул Атабек.

Услышав слово «талак», Кумуш приоткрыла чуть заблестевшие глаза и тут же их закрыла.

Хаджи понял все. Он знал уже от лекаря о том, что здесь произошло.

— Уходи, Зайнаб! — сказал он. — И будь проклята!

Зайнаб пошатнулась и выскользнула из комнаты... Хаджи подсел к изголовью Кумуш. Атабек с матерью сидели у ее ног. Глаза молодой женщины были закрыты, волосы в беспорядке разметались по лицу. Хаджи осторожно отвел их, увидел вздрагивающее от судорог посиневшее лицо и положил руку на лоб Кумуш.

— Аим моя... Дитя мое! — говорил он. Кумуш, открыв глаза, заметалась и, узнав его, пыталась приподняться.

— Не тревожьтесь, аим... Лежите спокойно.

По лицу ее скатилась слеза.

Хаджи не в силах был сдержать волнение. Он отер слезы Кумуш, погладил ее по голове.

— Бог даст, выздоровеешь, дитя мое!

Кумуш потянулась к тазу. Атабек держал ее за руки, хаджи поддерживал голову. Кумуш рвало кровью. Несколько капель крови выкатилось и из носа. Она упала на постель. Глаза широко раскрылись. С тревогой и отчаянием она оглянулась по сторонам.

— Мама... отец... — затем, — любимый... — простонала Кумуш. Потом прижалась лицом к лицу Атабека и, словно застыдившись, закрыла глаза.

¹ Трижды произнесенное слово «талак» означает, что муж дает жене окончательный развод.

На следующий день состоялись похороны. Кумуш хоронил почти весь Ташкент. Лишь самые близкие люди — ее родители — не успели на печальный обряд.

Несчастливая мать! Несчастный отец...

Они приехали на третий день после похорон.

Можно ли описать их горе?

На седьмой день был устроен «хатми коран» — традиционные поминальные чтения Корана, народ угощали пловом. В связи с этим в этот же день младенца нарекли Ядгаром¹. Не только родные Кумуш, но все в городе, знавшие о причинах ее трагической гибели, нетерпеливо ждали, какая кара постигнет Зайнаб. Однако на десятый день после трагических событий разнесся слух, что Зайнаб сошла с ума и с открытым лицом вышла на улицу. Брат поймал ее и посадил на цепь.

Безумие Зайнаб подтвердили и лекари, и казии. Наказание было отменено. Достаточно было и того, что она помешалась и сидела на цепи.

На двадцатый день вновь был устроен «хатми коран», и снова угощали народ пловом. Несчастливые родители, потерявшие единственную дочь, словно лишившаяся крыльев пара ласточек, начали собираться в Маргилан. Они увозили с собой Ядгара, и никто не возразил против этого.

В последний день перед отъездом Мирзакаримкутидор, Офтоб-аим и Атабек пришли на кладбище и остановились у нового кирпичного надгробия, сложенного между двух старых засохших чинар. С правой стороны надгробия бросалась в глаза вделанная в кирпич большая каменная плита с надписью:

Ла-илаха илла-аллаху Мухаммадур-расул-луллах
Хазихил маркадул мунавварату лил мазлуматил
машхудати ал-магфурати².

¹ Ядгар — память.

² «Нет бога кроме Аллаха и Мухаммад Пророк его. Здесь нашла свое последнее пристанище невинная женщина, ставшая жертвой насилия» (араб.).

Кумуш-биби, дочь Мирзакарима из Маргилана, родилась в 1248 году, умерла в 1269, джумада-улаввал¹.

Этот памятник поставлен идолу красоты одним истерзанным сердцем. Вот горестный пример того, к чему приводит обычай многоженства.

*Эй, круговорот судьбы, причинил ты мне страданья,
Застыли слезы в глазницах, замерли стоны на устах.
Лишил ты меня царства цветов,
Сжег сердце, пепел же развеял по миру.*

Громко крича и рыдая, мать обнимала надгробие. Рядом с ней на коленях стоял Атабек, омывая землю слезами... Читая надпись на плите, кутидор тоже не смог сдержать слез своих. Так прошло около полу-часа, ни у кого из них не было сил молиться.

Приглашенный Юсуфбеком-хаджи чтец Корана тихо вышел из молельни напротив, сочувственно сел в сторонке и начал читать молитвы.

Хоть и прекратились крики Офтоб-аим, но слезы не просыхали на ее лице. Не только она, но и двое остальных тоже были в таком же тягостном состоянии.

По окончании молитвы кутидор и Офтоб-аим отблагодарили чтеца монетами. После того, как ушел чтец, каждый из этих троих, взяв себя в руки, по отдельности посвятил молитву памяти усопшей. Затем родные медленно пошли от кладбища. Офтоб-аим, безутешно рыдая, снова и снова оглядывалась назад, слезы застилали ей глаза. Ей все казалось, что Кумуш окликает ее и говорит: «Не поминайте лихом!»

Атабек, проводив родителей Кумуш домой, вернулся на кладбище и оставался там всю ночь. Рано утром Хасанали приготовил в путь лошадей и подал арбу. Он погрузил на нее вещи, затем помог взойти Офтоб-аим, державшей Ядгара и вещи Кумуш. Через некоторое время вышли кутидор с Юсуфбеком-хаджи. Они попрощались, и в ту минуту, когда кути-

¹ Эти даты соответствуют 1832 и 1852 годам.

дор взобрался на арбу, со стороны улицы появился Атабек, только что вернувшийся с кладбища. Он подошел к арбе и коротко сказал Хасанали, уже сидевшему на лошади:

— Слезайте!

Когда Хасанали слез, он сам вскочил на коня, запряженного в арбу, и обратился к кутидору:

— Трогать?

Кутидор и Юсуфбек-хаджи недоуменно переглянулись. Узбек-аим, стоявшая в коридоре, ведущем на улицу, выглянула из ворот.

Кутидор молчал. Атабек тронул коня.

— До свидания!

— Счастливо оставаться!

Хасанали, который должен был ехать в Маргилан, стоял посреди улицы и растерянно смотрел на хаджи, а тот исподлобья бросил быстрый взгляд на жену, застывшую в коридоре... Атабек ехал, не оглядываясь.

ЭПИЛОГ

Спустя год Атабек вместе с уста Алимом прибыли в Ташкент. Хаджи и Узбек-аим ни словом не упрекнули его. Он чувствовал себя гостем в своем доме, ибо не было между ними прежней открытой сердечности. В Ташкенте он пробыл где-то с неделю, и последнюю ночь провел у могилы Кумуш. Светила луна, на кладбище стояла тишина, которую изредка нарушал доносившийся издалика чей-то голос, читающий Коран.

Этот голос слушал лишь Атабек, стоявший на коленях у могилы, да совы на ветках деревьев, да могильные надгробья. Аяты Корана печально растекались по кладбищу, и вместе с ними текли слезы из глаз Атабека.

Так прошел час. Наконец, голос умолк. Атабек обессиленно поднялся с колен и вдруг, увидев перед собой тень полуобнаженной женщины, невольно отступил на несколько шагов в сторону могилы, а женщина приблизилась к нему, словно моля о чем-то.

— Кто это?

— Я, Кумуш!

Атабек узнал ее: перед ним была безумная Зайнаб.

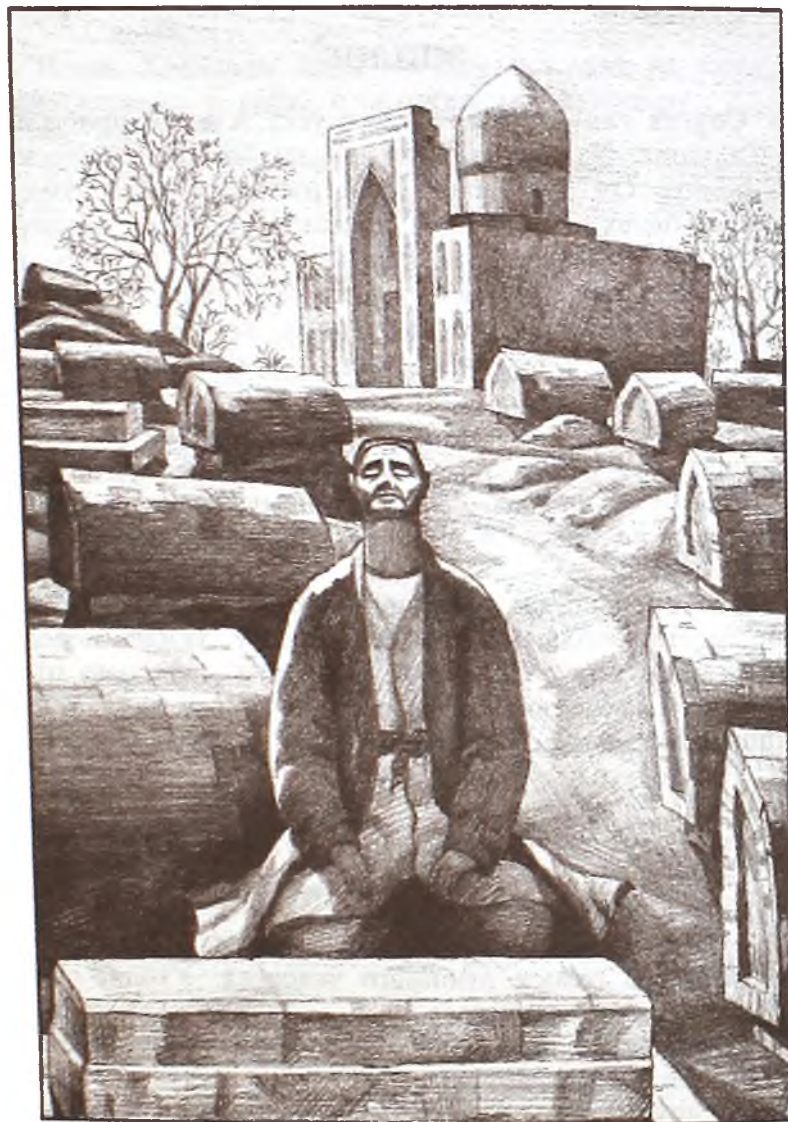
— Уходи отсюда!

— Я, Кумуш! — снова сказала она. Но тут же подчинилась голосу любимого человека. Уходя, она продолжала оглядываться.

Атабек даже не взглянул в ее сторону, он вновь опустился на колени перед могилой...

На другой день Узбек-аим, плача и рыдая, передала сыну одежду, сшитую для внука, а Атабек вместе с уста Алимом уехал обратно в Маргилан.

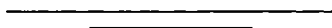
Больше в Ташкент он не приезжал. Сама Узбек-аим неоднократно посещала Маргилан.

Примерно осенью 1277 года хиджры¹ Юсуфбек-хаджи получил письмо от своего знакомого — Каноат-шо², в котором сообщалось:

«Ваш сын Атабек вместе со своим другом находился в рядах наших войск. Во время столкновения с противником под Авлиё-Ата они храбро сражались в первых рядах и оба погибли. Я похоронил их своими руками».

Юсуфбек-хаджи устроил «Хатми коран» с поминальным угощением, а Узбек-аим, горько оплакивая погибшего сына, облачилась в траур.

¹ Соответствует осени 1860 года.

² *Каноат-шо* — уроженец Каратегина. Служил в войсках нескольких ханств, был правителем Туркестанского вилайета. Активный участник кокандско-российской войны. Казнен эмиром Музаффаром, когда был послом в Бухаре.

ОТ АВТОРА

В мое последнее посещение Маргилана я поинтересовался у близких друзей судьбой Ядгарбека и узнал, что Ядгарбек умер в середине голодных двадцатых годов текущего века. После него остались два сына. Один из них находится на ответственной должности, другой подался в ряды ферганских басмачей, и дальнейшая его судьба неизвестна.

ИЗВИНЕНИЕ¹

Данное сочинение, представленное вашему вниманию в качестве романа, с самого своего зарождения наткнулось на своем пути на ряд препятствий: готовая работа пять лет не могла быть издана. Наконец, когда пришло время сдавать ее в печать, стали выявляться неприятности другого рода; «усилиями» двух-трех наших орфографистов (!) и благодаря небрежности наших корректоров, работа выглядела несколько залатанной, мой роман вышел в совершенно жалком виде, техническое исполнение которого оставляло желать много лучшего. Виной всему было мое отсутствие в столь ответственный момент. Однако здесь я не стану излагать причины своего глубокого недовольства, а лишь прошу читателей принять мои извинения.

Хотя я и не могу обещать, что вторая часть романа будет лишена отмеченных выше недостатков, однако считаю уместным подчеркнуть, что процесс выпуска находится в руках издателя.

Абдулла Кадыри

¹ Первая часть романа была опубликована в 1925 году, вторая и третья же части — в 1926 году в отдельных переплетах. «Извинение» прилагалось к первой части, переизданной в 1926 году.

«МИНУВШИЕ ДНИ»¹

Относительно времени, когда был создан роман «Минувшие дни», я не располагаю какой-либо достоверной информацией ни от автора, ни от других людей. Однако некоторые приведенные ниже факты, несомненно, помогут пролить на это свет.

Некоторые главы романа «Минувшие дни» были опубликованы в печати в 1923–1924 гг. К ним, например, мы можем отнести следующие главы: «Атабек, сын Юсуфбека-хаджи», «Достойный ханской дочери», «Бек влюблен», «Нам бы такого зятя», «Гнетет маргиланский климат», «Отеческий долг». В прологе к этим главам было вступление и указана дата — «Ташкент, 1920 г.» Становится ясным, что вступление к роману было написано в 1920 г. Следовательно, хотя мысль о создании романа «Минувшие дни» родилась в голове автора намного ранее, можно предположить, что непосредственно к написанию романа Кадыри приступил в 1918–1919 гг., когда ему было около 25 лет.

Заслуживает внимания и то, что при беглом сравнении романа, опубликованного в журналах и в виде книги, несмотря на некоторые редакторские правки, можно заметить, что в журнальном варианте главы лишь пронумерованы, они шли без названий; в книге, напротив, каждая глава имеет свое название. Из этого можем заключить, что первый вариант романа не сразу приобрел существующий вид.

В 1932–1936 гг. рядом с нашим домом жил человек по имени Якуб Алиев, учившийся на факультете языкознания и литературы Самаркандского государственного университета. Его двор примыкал к нашему саду. Он был старше меня на пять-шесть

¹ Из книги «О моем отце».

лет, писал стихи и рассказы (умер в 1938 г.). На летние каникулы Якуб возвращался в Ташкент и в большой надежде на беседу с моим отцом часто приходил к нам в сад помогать. Он в процессе работы расспрашивал отца о литературе. Отец обстоятельно отвечал ему. И однажды, в один из таких дней, при беседе отец подробно поведал об истории создания романа «Минувшие дни»:

«Мой отец, больше половины своей жизни проживший во времена ханов, свидетель многих событий прошлого, рассказывал мне, тогда еще зеленому юнцу, множество занимательных историй. Эти воспоминания пробудили во мне интерес к истории. Я ознакомился со многими историческими источниками. И как только я немного поднатюрел в искусстве повествования, во мне пробудилось неумное желание сотворить серьезное произведение на основе нашей истории, наподобие романов, которые создаются на Западе. В моем воображении мелькало столь значительное число исторических событий, что я потерял покой. Однако я не имел ни малейшего представления, как сделать так, чтобы они легли стройной и гладкой чередой, вытекали одно из другого, чтобы принять на бумаге законченный вид. Я долго думал, находился в непрерывном поиске.

Однажды, чтобы навестить отца, к нам в сад приехал на осле из города один старец. Я не знал старика. Как оказалось, он был закадычным другом отца. Мы расстелили дастархан. В то время моему отцу было около ста лет, гость выглядел лет на пять-десять моложе. Они беседовали, но так как из-за преклонного возраста их слух притупился, то и расслышать друг друга они могли с трудом. В связи с этим мне пришлось выполнять роль толмача и между делом подливать им в пиалы чай. Отец спросил гостя: «Сколько у вас детей от андижанской супруги?» Из разговора мне стало понятным, что гость — ташкентский, самостоятельный, семейный человек. Но в молодости он часто ездил в Андижан по торговым делам, много лет прожил там, женился, обзавелся детьми, и вот, в преклонном возрасте вернулся домой.

Простенькая история жизни гостя словно подкинула мне идею, дала в руки нить, которая потянулась из клубка, словно предлагая распутать его. Так, мне кажется, стали вырисовываться первые наброски моего будущего романа «Минувшие дни». И я, взяв эту историю за основу, стал понемногу расширять и развивать ее. В результате моих размышлений, которым я предавался на протяжении пяти-шести месяцев, роман мой стал приобретать тот вид, в котором мы его сейчас видим, и я взял в руки перо».

Кадыри, конечно же, не ограничился лишь тем, что ему пришлось услышать, и теми источниками, которые он прочитал. Он, для того чтобы придать своему произведению жизненную силу, повысить его реалистичность, несколько раз ездил в Ферганскую долину для сбора материала.

«Перед тем, как браться за произведение, я досконально изучаю все материалы, которые мне могут понадобиться. Если пишу про местность, то не довольствуюсь тем, что бывал там, а еще раз отправляюсь туда и скрупулезно все изучаю», — писал Абдулла Кадыри в своей статье, опубликованной в 1935 году на страницах газеты «Кизил Узбекистан».

Иногда, беседуя в кругу семьи, отец более подробно останавливался на этапах подготовки к написанию романа:

— Годы, когда мне пришлось ездить в города Ферганской долины за материалами, были очень опасными. Однажды, в свой очередной приезд в Фергану, когда я сидел и пил чай в чайхане, внезапно раздались звуки выстрелов, и чайхану окружили вооруженные люди. Кому-то удалось покинуть чайхану, многие же, в числе которых был я, оказались окруженными. Видимо, нападавшие знали о том, что здесь можно пожить деньгами, во всяком случае, перерыв все, они забрали все деньги и скрылись.

За какими материалами приезжал Кадыри в Фергану, и что он делал? Из всего того, что было рассказано моим отцом, я заключил, что он, посещая города и кишлаки, разыскивал старожилов тех мест,

беседовал с ними, чтобы каждое действие в романе имело под собой историческое обоснование.

— Бывая в Маргилане, проходя по его улицам, я обозначил места нахождения караван-сарая, старого дворца. Наметил для себя дома Мирзакарима-кутидора, уста Алима, Хамида и Садыка. Несколько раз ночевал на кладбище «Ходжа Маоз», — рассказывал нам отец, когда настроение его было наиболее благоклонным и он отвечал на наши нескончаемые вопросы относительно романа. — «В «Ходжа Маозе» я ночевал один. Темнота кромешная; живым духом и не пахнет. Понемногу сон стал одолевать меня. Хотел даже заснуть. Однако лежа заснуть не удалось, так как здесь был настоящий рай для клопов, которые и не давали мне покоя. Хотел было разместиться во дворе, но остерегся быть подвергнутым нападению различных насекомых. Наконец, мне удалось заснуть в помещении, где хранятся погребальные носилки.

Чтобы заострить наш взор на том, с каким вниманием Кадыри старался передать реальность во всем произведении, можно обратиться еще к одному примеру, описанному в статье «Автор о своей работе»: «В процессе создания романа «Минувшие дни», в период пребывания в Маргилане, проходя по одной из улочек в сумеречное время, я носом явственно почувствовал запах прокаливаемого хлопкового масла и этот факт постарался запомнить. В дальнейшем, внося этот момент в один из эпизодов романа, я ощущал всю реальность описываемой картины».

Хабибулла Кадыри.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>От автора</i>	5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Атабек, сын Юсуфбека-хаджи	6
2. Жених, достойный ханской дочери	14
3. Бек влюблен	23
4. Гнетет маргиланский климат	26
5. Нам бы подобного зятя	30
6. Багровые тучи над Ташкентом	37
7. Отеческий долг	41
8. Поздравляем с хорошим зятем	45
9. Томительное ожидание	52
10. Девичник	56
11. Нежданное счастье	64
12. Клевета	71
13. Арест	75
14. За спасением в Ташкент	84
15. Ташкент в осаде	87
16. Азизбек	91
17. Юсуфбек-хаджи	96
18. Оглашение	100
19. Приговор	105
20. Жажда независимости	116
21. Восстание	120
22. «Беззащитный странник»	126
23. Мусульманкул	131

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. Мечты и надежды родителей	141
2. «Вы меня не позабудете?»	151
3. Пояс юродивого Кавак-диваны	166
4. Маг-индус	171
5. Вероломство	183
6. Во власти жара	191
7. Изгнание	200
8. Счастье и горечь потери	210
9. Как же быть, коли нет сил позабыть?	225
10. Во власти страданий	230
11. Мелодия «наво»	236
12. Ужасающая весть и страшная ночь	241
13. Неприветливое счастье	245
14. По следам соперника	258
15. Ночью в понедельник	269
16. Признание	274
17. Благосклонный убийца	281

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1. Конец самодержавию Мусульманкула	296
2. Смутные дни	309
3. Кипчаков вырезают	316
4. Шила в мешке не утаишь	324
5. Письмо	328
6. Узбек-аим переметнулась к маргиланке. Тоска Зайнаб	330
7. Встреча сватов	338
8. Скрытая неприязнь	344
9. Хаджи в отчаянии	349
10. Уловка Хасанали	352
11. Загадки Кумуш	358
12. Соперница есть соперница	365

13. Будем живы – свидимся	379
14. Хушрой и Зайнаб	388
15. Надоумила	393
16. В ожидании внука	399
<i>Эпилог</i>	417
<i>От автора</i>	420
<i>Извинение</i>	421
<i>Хабибулла Кадыри. «Минувшие дни» – из книги</i> <i>«О моем отце»</i>	422

АБДУЛЛА КАДЫРИ

МИНУВШИЕ ДНИ

РОМАН

Ташкент
Главная редакция
издательско-полиграфической
акционерной компании
«Sharq»
2009

Редактор *В. Сайкина*
Художественный редактор *Ф. Башарова*
Технический редактор *Д. Габдрахманова*
Корректор *И. Ярулина*
Компьютерная верстка *Л. Бацева*

Подписано в печать 03.06.2009. Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура «Virtec Peterburg Uz». Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 21,0. Тираж 5000. Заказ № 503. Цена договорная.

**Типография издательско-полиграфической
акционерной компании «Sharq».**
100000, г. Ташкент, ул. Буюк Турон, 41.

К 13

Кадыри, Абдулла

Минувшие дни: Исторический роман / А. Кадыри.
Отв. ред. Б. Голендер. Т.: «Sharq», 2009. – 432 с.

И. Кадыри А.

ББК 84(5У)6

ИПАК «Sharq»
изданы в серии
«Избранная лирика Востока» сборники:

АЛИШЕР НАВОИ
НАДИРА
МУХАММАД ЗАХИРИДДИН БАБУР
ЗАКИРДЖАН ФУРКАТ

Готовятся к выпуску:

Зульфия, «Избранная лирика»,

*Ч. Айтматов, «Пегий пес, бегущий
краем моря»,*

Т. Джульматов, «Юный бек Амир Темур».